

Владимир Ровдо

Сравнительная политология 2

Часть

Учебное пособие

В 3 частях

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ**

Вильнюс
Европейский гуманитарный университет
2008

УДК 32.001(075.8)

ББК 66.0я7

P58

Рекомендовано:

кафедрой политологии и социологии ЕГУ

протокол № 3 от 28.02.2008 г.;

Редакционно-издательским советом ЕГУ

протокол № 5 от 28.02.2008 г.

Рецензенты:

Крупавичюс А., доктор политических наук, профессор кафедры социологии

факультета социальных наук Каунасского университета технологии;

Круглашов А.Н., доктор политических наук, профессор Черновицкого

национального университета, директор магистерской

программы “Европейские исследования” ЕГУ в Вильнюсе;

Наумова С.А., кандидат философских наук,

доцент кафедры политологии и социологии ЕГУ в Вильнюсе.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского Союза и Совета министров Северных стран

Ровдо В.

P58 **Сравнительная политология:** учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 2. – Вильнюс :
ЕГУ – Москва : ООО “Вариант”, 2008. – 372 с.

ISBN 978-9955-9878-8-8

ISBN 978-9955-9878-9-5 (ч. 2)

Вторая часть учебного пособия *Сравнительная политология* рассматривает политические системы наиболее развитых и влиятельных стран мира, таких как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Федеративная Республика Германия, Япония, Китайская Народная Республика, Россия. Она написана на основе изучения работ современных американских, английских, французских, немецких, японских, российских политологов. Пособие предназначено для студентов и магистрантов высших учебных заведений политологических специальностей, лидеров и активистов политических партий и неправительственных организаций, всех интересующихся политикой.

УДК 32.001(075.8)

ББК 66.0я7

ISBN 978-9955-9878-8-8

ISBN 978-9955-9878-9-5 (ч. 2)

© Ровдо В., 2008

© Европейский гуманитарный университет, 2008

© ООО “Вариант”, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Тема 9. Политическая система Соединенных Штатов Америки.....	12
Тема 10. Политическая система Великобритании.....	63
Тема 11. Политическая система Франции	105
Тема 12. Политическая система Федеративной Республики Германии	156
Тема 13. Политическая система Японии.....	208
Тема 14. Политическая система Китайской Народной Республики	253
Тема 15. Политическая система Российской Федерации	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие *Политические системы отдельных государств* является продолжением книги *Теория сравнительной политологии* (См.: Ровдо В., *Сравнительная политология: Учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 1. Теория сравнительной политологии*. Вильнюс: ЕГУ – М.: ООО “Вариант”, 2007. 294 с.). Ее задачей является анализ конкретных политических систем, сделанный сквозь призму изучения основных функций, описанных в первой части, рассмотрения важнейших политических институтов, которые привлекаются для выполнения данных функций. Такой подход позволяет выделить общее и особенное в функционировании политических институтов существенно различающихся между собой государств, определить в современном политическом процессе проявление некоторых законов-тенденций, описанных в первой части пособия.

Выбор стран для сравнительного анализа был обусловлен их политическим и социально-экономическим весом в современном мире. В этой части *Сравнительной политологии* рассматриваются политические системы Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Федеративной Республики Германии, Японии, Китайской Народной Республики, Российской Федерации. Первые пять из них являются стабильными демократиями, которые за последние пятьдесят лет продемонстрировали, что демократические институты и процедуры прекрасно совместимы с экономическим благосостоянием и социальной защищенностью населения. Франция и Федеративная Республика Германия представляют собой ведущие государства Европейского Союза, который на наших глазах превратился в один из основных глобальных центров силы.

Российская Федерация и Китай не являются демократиями, но они, несомненно, остаются в числе влиятельных акторов современной международной системы: Россия благодаря своим значительным энергетическим ресурсам, которые ее руководство использует для восстановления утерянного в 90-е гг. статуса великой державы; Китай в силу очень высоких темпов экономического роста, позволяющих ему претендовать на роль глобального экономического и политического лидера в XXI в. В книге не анализируются другие потенциально могущественные государства, такие как Индия, Бразилия, Иран, из-за их меньшего влияния на восточноевропейский регион.

Структура второй части книги *Сравнительная политология* обусловлена содержанием первой части и опирается на детальный анализ *факторов окружения политической системы; институциональной структуры, влияющей на определение политического курса; политической культуры и социализации; артикуляции интересов*

важнейшими группами интересов; агрегации интересов политическими партиями и состояния партийной системы во всех изучаемых случаях.

Сравнительный анализ факторов окружения политической системы предполагает краткое рассмотрение геополитического положения государств, численности населения и демографических тенденций, экономического положения, важнейших исторических традиций, влияющих на политическую культуру населения. Последнее обстоятельство является весьма важным, поскольку зачастую в недавней истории наций кроются ответы на вопросы о причинах их вполне определенной политической эволюции. Например, неудача демократического эксперимента в целом ряде постсоветских стран во многом объясняется их зависимостью от России, не имевшей сильных демократических традиций в своем прошлом.

В разделах книги, посвященных анализу окружения политической системы, рассматриваются факторы, которые могут быть названы *вызовами* современной эпохи, побуждающие правительства многих государств искать адекватные *ответы*. К числу важнейших относятся: сложная демографическая ситуация в развитых странах, миграция населения, обострение экологических проблем, угроза международного терроризма.

Современным развитым демократиям приходится объединять свои усилия и координировать действия для адаптации к этой непростой ситуации. Многим из них приходится пересматривать свою социальную политику, идти на болезненные меры по ограничению программ *welfare*, чтобы справиться с экономическими проблемами и повысить конкурентоспособность в условиях глобальной экономики.

В Евросоюзе разрабатываются меры по борьбе с нелегальной миграцией. Аналогичную политику проводят и США. Но наибольшую проблему представляет не миграция рабочей силы, без которой развитые нации уже просто не могут обойтись, а культурные последствия такой миграции: нежелание выходцев из Азии, Африки и Латинской Америки ассимилироваться в культуру стран, в которые они переехали. Эта ситуация породила целый ряд острых конфликтов и вынудила правительства стран ЕС и США предпринять усилия, направленные на приобщение мигрантов к ценностям европейской и американской культуры. Пока еще рано судить о степени эффективности данного курса.

Обострение экологических проблем в современном мире также побуждает правительства многих государств объединяться для противодействия этой серьезной опасности, стремиться к нахождению золотой середины между эффективной экономикой и чистой средой

обитания. Хорошо известным является *Киотский протокол*, подписанный большинством индустриально развитых стран, направленный на ограничение выбросов парниковых газов в атмосферу. Соединенные Штаты отозвали свою подпись под этим документом под давлением промышленного лобби, а также потому, что к протоколу не присоединились Китай и Индия – новые индустриальные страны и главные загрязнители глобальной окружающей среды. США разработали собственный пакет мер, направленный на противодействие изменению климата на нашей планете.

Борьба с экологическими проблемами стала важнейшей задачей для новых социальных движений и партий зеленых, которые увеличили свою электоральную поддержку в целом ряде государств Европы. В Соединенных Штатах экологическая проблематика традиционно занимает большее место в повестке дня демократов, чем республиканцев. Об этих вопросах идет речь в разделах книги, посвященных группам интересов, партиям и партийным системам.

Атака на Америку 11 сентября 2001 г. заставила весь цивилизованный мир объединить свои усилия по борьбе с международным терроризмом. Некоторым европейским народам (испанскому и британскому) также пришлось пережить шок, вызванный вылазками исламских экстремистов. Усилия международного сообщества, направленные на то, чтобы справиться с этой угрозой, включают в себя не только участие воинских контингентов из стран НАТО в операциях в Афганистане и Ираке, но и целый комплекс мер по повышению внутренней безопасности: от усиленного досмотра пассажиров в аэропортах до создания специальных тюрем для лиц, подозреваемых в пособничестве террористам (база в Гуантанамо). Граждане многих демократических стран, прежде всего США, столкнулись с серьезнейшей проблемой. Борьба правительства с международным терроризмом привела к ограничению некоторых гражданских прав и свобод, которые давно воспринимались обществом как неотъемлемые.

Данная ситуация вызвала справедливую критику в адрес администрации Дж. Буша-младшего со стороны оппозиции и многих правозащитных организаций: терроризм одержит победу в том случае, если он заставит американцев добровольно отказаться от тех фундаментальных принципов, на которых зиждется эта великая нация. Борьба с террористической угрозой не должна переходить определенные границы, после чего она становится угрозой для прав человека и демократии. Эту истину пока что лучше осознают европейцы, а не американцы. Угроза международного терроризма не должна также использоваться в качестве оправдания действий властей по подавлению национально-освободительного движения народов, стремящихся к самоопределению (чеченская война).

Материалы этой книги доказывают читателям преимущества демократических систем в решении сложных глобальных проблем современности. Эти преимущества связаны с наличием плюрализма, развитого гражданского общества и сильной политической оппозиции, которые способны исправлять ошибки правительств, не допускать ситуации, когда они приобретают фатальный характер. Авторитарные системы существенно уступают демократиям в этом вопросе, что в условиях глобализации создает не только серьезные проблемы для населения этих стран, вынужденного смириться с несменяемостью власти, но и для граждан целого ряда других государств. Современный авторитаризм, таким образом, сам становится международной проблемой.

Анализ институциональной структуры государств представляет собой изучение конституционных правил принятия политических решений и их влияния на выработку политического курса и его осуществление. Необходимость изучения этих важных для понимания функционирования политических систем вопросов предопределило очередность тем второй части пособия: вначале рассматриваются демократии, потом авторитарные режимы. Среди демократий в первую очередь анализируются Соединенные Штаты Америки и Великобритания, являющиеся примерами классических президентских и парламентских форм правления. Все остальные демократические государства представляют собой отклонения от данных идеальных типов, в большей либо меньшей степени приближающиеся к первой или ко второй модели, но не совпадающие с ними полностью.

Например, современную Францию обычно относят к смешанным президентско-парламентским формам правления. ФРГ и Япония стоят ближе к парламентской системе. Вместе с тем институциональная структура Германии включает в свой состав очень важные элементы разделения властей, свойственные президентским формам правления, а Японии – близкую к США структуру парламента.

Мы провели сравнительный анализ политической культуры и социализации во всех изучаемых странах. Важнейшими индикаторами, которые используются для решения этой задачи, являются: состояние национальной идентичности, степень легитимности системы правления, отношение населения к политическому участию, доверие к важнейшим институтам власти, отношение населения к основным политическим ценностям. Следует особо отметить роль межличностного доверия, которое имеет большое значение для формирования и накопления так называемого *социального капитала*, содействующего повышению уровня экономической и политической эффективности разных государств. В книге проведен детальный

анализ этого показателя политической культуры на основе данных работы Ф. Фукуямы (1995).

Артикуляция интересов и группы интересов в отдельных странах рассматриваются с учетом современных тенденций их развития. Основное внимание уделяется ассоциированным группам интересов: профессиональным объединениям, ассоциациям предпринимателей, неправительственным организациям, которые выступают в качестве важнейших структурных элементов гражданского общества. Вместе с тем уровень развития этого феномена в различных странах мира не изучается специально в силу большой сложности подобного исследования и достаточно серьезного расхождения мнений ученых относительно выбора переменных для его проведения и верификации полученных результатов.

Рассматриваются также основные системы групп интересов (системы представительства интересов): плюралистическая, некорпоративистская, контролируемая властями. Предпринятый сравнительный анализ позволил подтвердить выводы первой части о трансформации и видоизменении некорпоративизма в ряде демократических стран, но не о его полном исчезновении под влиянием сокращения численности крупных организаций.

Процесс агрегации интересов представлен в виде компаративного анализа функционирования избирательных систем, деятельности партий и партийных систем. Здесь вновь следовало обратиться к основным историческим вехам партийно-политической жизни стран. Такой подход призван помочь читателям понять сущность процесса принятия политических решений и их реализации. Но на сей раз эта деятельность не предстает перед ними в виде юридических абстракций и политических формул, но обретает плоть и кровь реальной политической борьбы, лидерства и взаимодействия элитных группировок. Данный подход призван содействовать формированию широкого кругозора у людей, которые хотят научиться анализировать политическую ситуацию и принимать самостоятельные решения. Наибольшее внимание в учебном пособии уделяется описанию и объяснению современных политических событий. Книга рассматривает политический процесс изучаемых стран по 2007 г. включительно.

Партийные системы не только были проанализированы, но и описана их динамика. За последние годы в некоторых государствах они претерпели существенные изменения. Например, во Франции намечилось усиление политической поляризации двух основных партий при ослаблении центра и маргинализации левой и правой радикальной оппозиции. В ФРГ мы наблюдаем усиление мультипартизма и увеличение количества релевантных партий при одновременном

достаточно продолжительном союзе бывших соперников в рамках правительства большой коалиции. В Японии сложились все условия для преодоления доминанции одной партии и перехода к бипартизму. В России из режима поляризованного плюрализма 90-х гг. вначале возникла система доминанции партии власти, которая на наших глазах трансформируется в авторитарный монопартизм. Неизменными остаются только партийные системы Великобритании и США, чему в немалой степени содействует стабильность избирательного законодательства. Проведенный компаративный анализ доказывает, что теоретический материал первой части книги работает и позволяет читателям самостоятельно изучать этот важный объект исследования.

В конце каждой темы, рассматривающей демократические политические системы, определяется место данной страны на *карте демократий*, выделенной в соответствии с концепцией А. Лейпхарта (1999). В конце раздела по Китаю приводится дискуссия о перспективах демократизации китайского общества и государства. Тема, посвященная России, завершается анализом отклонений политических институтов этого государства и от *консенсусной*, и от *мажоритарной* моделей демократии. Заключение ко всем темам содержит выводы, сделанные на основе обобщения всего предшествующего материала.

Работая над текстом книги, автор не ставил перед собой задачу рассмотрения всех вопросов и проблем, связанных со сравнительным анализом функционирования политических систем ведущих государств планеты. Так, были сознательно опущены вопросы, имеющие отношение к внешней политике и влиянию международной среды на процесс принятия политических решений. На наш взгляд, данная проблематика является темой самостоятельных исследований, которые проводятся в рамках наук, изучающих внешнюю политику и международные отношения.

Для освещения основных тем этой книги автор использовал работы известных специалистов в области политической компаративистики: Г. Алмонда, Ф. Бенетона, Р. Далтона, А. Лейпхарта, С. Липсета, М. Макфаула, А. Мельвиля, Р. Патнема, Б. Пауэлла, Т. Ремингтона, С. Рида, Р. Роуза, О. Рэнни, С. Фланагана, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Л. Шевцовой, Ю. Штайнера, Г. Эрме, Ч. Эндрейна, А. Яковлева и др. Для написания книги широко привлекались газетные и журнальные публикации американских, английских, немецких, французских, японских, российских и белорусских политологов и журналистов, данные статистических справочников и материалы Интернет. Как и в первой части, в этой книге даются определения основных научных категорий, которые используются в тексте, а также вопросы к читате-

лям, ответы на которые позволят им осознать степень глубины понимания содержания соответствующей темы.

Вторая часть учебного пособия написана на основе авторского курса, который в течение десяти лет читался студентам-политологам Белорусского государственного университета, а с 2005 г. читается магистрантам и бакалаврам отделения Европейских исследований и политологии Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе. Пособие предназначено для студентов и магистрантов политологических специальностей высших учебных заведений, лидеров и активистов политических партий и неправительственных организаций, всех интересующихся политикой. Эта книга обращена в первую очередь к читателям в Беларуси, а также к русскоязычным читателям стран бывшего СССР.

ТЕМА 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США

1. Окружение политической системы.
2. Особенности конституционного устройства.
3. Политическая культура и социализация.
4. Артикуляция интересов и группы интересов.
5. Агрегация интересов: выборы, партии и партийная система.
6. Определение политического курса в США.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- американское кредо (*American Credo*);
- сознание Frontier (*границы*);
- Билль о правах (*Bill of Rights*);
- федерализм (*Federalism*);
- разделение властей (*Separation of Powers*);
- различный персонал (*Distinct Personnel*);
- система сдержек и противовесов (*Checks and Balances*);
- импичмент (*Impeachment*);
- судебный пересмотр (*Judicial Review*);
- концепция плавильного котла (*Melting Pot*);
- концепция одеяла из лоскутьев (*Patchwork Quilt*);
- мультикультурализм (*Multiculturalism*);
- культура WASP (*White Anglo-Saxon Protestants* – белых англосаксов протестантов);
- социальный капитал (*Social Capital*);
- комитеты политических действий (*Political Action Committees*);
- лобби и лоббизм (*Lobby and Lobbying*);
- первичные выборы (*Primaries*);
- местные партийные собрания (*Caucuses*);
- стратархия (*Stratarchy*);
- разделенный партийный контроль (*Divided Party Control*);
- коалиции специфических интересов (*Specific Coalitions of Interests*).

1. Окружение политической системы

Соединенные Штаты Америки являются первой демократической страной мира и первым освободившимся от колониальной зависимости государством. Не менее 73% всех стран мира добились суверенитета только после Второй мировой войны. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что США, несмотря на немногим более чем 200-летнюю историю, являются одной из старых стран планеты.

В настоящее время в Соединенных Штатах проживает 302 млн чел. (оценочные цифры за 2007 г.). Эта страна занимает третье место в мире по данному показателю, уступая только Китаю и Индии. По

территории США – на четвертом месте после России, Канады и Китая. За все время существования в Соединенные Штаты переехало около 60 млн иммигрантов, что дает основание некоторым исследователям называть американцев *нацией иммигрантов*. Несмотря на законодательные ограничения, поток иммиграции не идет на убыль. Ежегодно в США переезжает на постоянное место жительства порядка 800 тыс. чел. в основном из Азии, Африки и Латинской Америки. Американские ученые подсчитали, что если нынешние темпы рождаемости и иммиграции сохранятся, то через 60–70 лет страна удвоит свои показатели численности населения, а четверть всех жителей будут представлять латиноамериканскую диаспору. Большой проблемой является незаконная иммиграция рабочей силы. Подсчитано, что в США без легальных оснований трудится 7,5 млн чел. В основном это выходцы из Мексики, Колумбии, Доминиканской Республики и других государств региона.

В настоящее время Соединенные Штаты обладают самым мощным экономическим потенциалом на планете, все еще существенно опережая ЕС и Японию. В 2006 г. объем ВВП в натуральном выражении составлял более 13 трлн долл., а ВВП на душу населения – 43 тыс. долл. Доллар США, несмотря на значительные колебания курса, остается основной валютной единицей в мире. Тем не менее некоторые ученые считают, что эпоха американского экономического доминирования близится к концу. Об этом свидетельствует тот факт, что Соединенные Штаты из страны-кредитора превратились в страну-должника. Большой проблемой является также значительный дефицит платежного баланса.

Богатая и интересная *история США* оказала существенное влияние на политическое устройство, внутреннюю и внешнюю политику этой страны. По мнению известного американского политолога С. Хантингтона, важнейшую роль сыграли два обстоятельства, которые обычно не совсем правильно понимаются исследователями. “Первое положение гласит, что Америка является государством иммигрантов; второе – что американская идентичность определяется комплексом политических принципов, т.е. так называемым *американским кредо*” [1].

Америка – это искусственное образование, государство, основанное европейскими переселенцами в XVII–XVIII вв. В своей массе это были белые британские протестанты. Их философия, традиции и культура сформировали основы американского общества задолго до образования независимого американского государства. Само понятие *иммигрант (immigrant)* пришло в английский язык в конце XVIII в. из Америки, где так стали называть новоприбывающих людей, чтобы отличать их от *первопоселенцев*.

“Иммигранты разительно отличаются от переселенцев. У последних имелось собственное сообщество, они объединялись в группы, ставившие целью создание “новой земли”, “града на холме” на далеких новых территориях. Ими двигало осознание великой цели... По контрасту, иммигранты не создают нового общества. Они лишь перемещаются из одного существующего общества в другое. Миграция, как правило, носит личный характер, затрагивающий отдельных людей или же семьи, которые индивидуально определяют свои отношения со старой и новой странами проживания. Переселенцы стремились в Америку потому, что в XVII и XVIII вв. она была *tabula rasa*. Не считая индейских племен, которые истребляли или отгоняли на запад, в Америке не было сложившихся обществ; переселенцы прибывали на материк, дабы создать эти общества, воплощавшие и пропагандировавшие те моральные ценности, ради которых люди покидали родную страну. Иммигранты же стремились всего-навсего стать частью общества, которое создавали переселенцы. В отличие от своих предшественников, они переживали “культурный шок”, пытаясь воспринять культуру, в значительной мере отличающуюся от их собственной. Прежде чем иммигранты смогли перебраться в Америку, переселенцы должны были ее основать” [2].

Согласно данным специалиста в области статистики Кэмбелла Гибсона, в 1990 г. 49% населения США принадлежало к потомкам поселенцев и чернокожих рабов, а 51% – к потомкам иммигрантов, прибывших в страну после 1790 г. [3]. Иными словами, Америка в конце XX в. приблизительно наполовину состояла из потомков первопоселенцев и иммигрантов, влившихся в американское общество. Однако это процентное соотношение все время меняется в пользу второй категории из-за сложной демографической ситуации, свойственной всем развитым странам.

Протестантский характер общества (в 2000 г. 60% верующих США принадлежали к данной конфессии), созданного первопоселенцами из Британии в Северной Америке, оказал существенное влияние на его дальнейшую политическую эволюцию. В Англии пуританская революция середины XVII в. не создала пуританское общество, в Америке же пуританское общество сложилось естественным путем, без революции и насилия. Именно оно произвело на свет так называемое *американское кредо (American Credo)*: набор политических принципов, которые после Локка стали называться либеральными (свободы, равенства возможностей, уважения прав человека, правления закона, разделения властей, уважения частной собственности и др.).

Отсюда следует, что Соединенные Штаты, вопреки утверждению известного американского историка Луиса Харца, были основаны не как “либеральный”, “локковский” или “просвещенный” фрагмент Европы [4]. Они выросли из общин переселенцев как последовательно *протестантского фрагмента* задолго до рождения Джона Локка (1632 г.). Буржуазный и либеральный дух сформировался позднее, причем он не столько был импортирован из Европы, сколько

развился самостоятельно, вырос из протестантской культуры первых общин. “Исследователи, пытаясь отождествить *американское кредо* исключительно с идеями Просвещения вообще и Локка в частности, тем самым дают светскую интерпретацию религиозным ценностям”, – справедливо замечает С. Хантингтон [5].

Первые законы англоговорящего Нового Света были созданы в колонии Виргиния (1606 г.) и на Бермудских островах (1612 г.). Первой писаной конституцией представительной демократии был Генеральный устав колонии Коннектикут (1638 г.), принятый гражданами Хартфорда и соседних поселений. В принципе, создавая либеральные учреждения в колониях, переселенцы из Британии защищали многие британские ценности, декларированные, но не воплощенные в жизнь в метрополии. Чем глубже становился американо-британский кризис в XVIII в., тем чаще американцы вспоминали об общих, освященных авторитетом Просвещения, универсальных ценностях свободы, равенства и прав человека, от которых Британия в то время отвернулась. Поэтому в годы Войны за независимость американцы считали англичан своими идеологическими противниками.

Большую часть первого столетия своей независимости Америка оставалась единственной страной в мире с республиканской формой правления и многими институтами современной демократии. Своих врагов американцы отождествляли с тиранией, монархией, аристократией, папизмом. В XIX в. граждане США с энтузиазмом поддерживали национально-освободительную борьбу жителей Латинской Америки, Венгрии, Польши и других стран. В XX в. американцы определяли себя как защитников свободы и демократии во всем мире от японского милитаризма, германского нацизма и советского коммунизма; в начале XXI в. к врагам свободы добавился исламский фундаментализм. Таким образом, *идеалистический курс* во внешней политике США, (противоположный не менее востребованному американской элитой *реалистическому курсу*, ориентированному на достижение прагматично понимаемых национальных интересов), находит свое объяснение в исторических традициях: отождествлении принципов либерализма с американским кредо и влияния протестантского мессианства.

С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и многие другие исследователи обращают внимание на то важное обстоятельство, что протестантизм в Америке с самого начала не был официальной религией. Целью отделения церкви от государства, которая стала фактом после принятия первой поправки к Конституции США, было не освобождение человека от веры, но освобождение самой религии. В условиях отсутствия государственной религии американцы были вольны не только исповедовать ту веру, которую им хотелось, но и создавать по своему

желанию любые религиозные объединения и организации. В результате Америка оказалась в уникальной ситуации: ни в одной стране мира нет такого количества религиозных движений, объединений, сект, большинство из которых протестантские.

Когда в США стали прибывать иммигранты-католики, американцам не составило труда принять католицизм в свою многоликую религиозную систему (как был принят иудаизм и ныне принимается мусульманство, приверженцы которого насчитывают около 3,5 млн чел.). На протяжении всей истории страны число *адептов религии*, т.е. людей, регулярно посещающих церковь, неуклонно росло. Только в конце XX – начале XXI в. наметилось определенное снижение этих показателей за счет прихожан католических храмов. То есть свобода вероисповедания и отделение церкви от государства содействовали развитию огромного числа самостоятельных организаций – важнейших структурных элементов *сильного гражданского общества*, которое является необходимым условием для стабильной демократии.

Протестантизм, в полном соответствии с концепцией М. Вебера, оказал существенное влияние на формирование *трудовой этики* американцев. Если в других обществах базовыми источниками статуса и законности были традиции, классовое и социальное положение, этническая и семейная принадлежность, то в США таким источником стала работа. И аристократические, и социалистические общества придают значение труду; общество буржуазное восхваляет труд. Америка в этом смысле является квинтэссенцией буржуазного общества. Данные сравнительных исследований показывают, что и в конце XX в. в США люди работали дольше и отдыхали меньше, чем в других развитых демократических странах (Япония находилась на втором месте) [6].

Трудовая этика американцев содействовала быстрому освоению ими огромной территории и успешному осуществлению индустриальной и постиндустриальной революций. Освоение территорий на западе сопровождалось вытеснением индейцев с занимаемых ими земель, войнами, граничащими с этническими чистками и геноцидом. Очень долго коренных жителей Америки считали не гражданами Соединенных Штатов, а членами племен, сохраняющих лояльность им, а не американскому государству. В конце XVII в. борьба с индейцами шла с переменным успехом. Так называемая война короля Филиппа (1675–1676 гг.) оказалась едва ли не самой кровопролитной из всех войн в американской истории: уровень потерь среди колонистов почти вдвое превысил потери в Гражданской войне и в семь раз – потери во Второй мировой. “В результате этой войны пуритане начертали *границы (frontiers)* на земле и в собственном сознании – границы, отделившие их от индейцев... которых они воспри-

нимали не иначе как нецивилизованных и невежественных дикарей” [7].

Изначально американцам не была свойственна привязанность к конкретным местам. Не в последнюю очередь это связано с феноменом повышенной мобильности пионеров. Известный историк Гордон Вуд писал, что американцы уже в XIX в. славились тем, что за время своей жизни переезжали с места на место четыре-пять раз. На протяжении двух с половиной столетий *базовым элементом сознания* стал *Frontier* (граница), но он постоянно сдвигался и менялся в размерах. Американский *Frontier*, в отличие от канадского, австралийского или российского, постоянно испытывал недостаток присутствия государственной власти. Поначалу его заселяли вольные охотники, старатели и торговцы. На смену им приходили поселенцы, основывающие свои поселки на берегах рек, а потом – близ железнодорожных путей. “*Frontier* с годами сдвигался все дальше на запад, оставляя в наследие потомкам образ “бродячего американца”, лишенного какой бы то ни было территориальной привязанности” [8].

По мнению американского либерального мыслителя Артура Шлезингера-младшего, большую часть своей истории Соединенные Штаты были “расистской страной” [9]. Белые американцы долгое время ставили себя выше негров, индейцев, азиатов и мексиканцев и не считали никого из них полноценными членами общества. Одновременно с преследованием и истреблением индейцев белые ввозили в страну чернокожих рабов; так продолжалось до 1808 г. После обретения независимости гражданскими правами в США были наделены только свободные белые мужчины.

Рабство в Америке вступало в вопиющее противоречие с основными базовыми принципами американского кредо. С течением времени это стало осознавать все большее и большее количество людей. Они основали *движение abolitionистов*, выступавшее за ликвидацию этого позорного явления и освобождение чернокожих жителей страны. К середине XIX в. движение стало массовым в северных штатах США. Помимо расового вопроса Америку раскалывало неординарное понимание Севером и Югом приоритетов экономической политики (быстрая индустриализация или сохранение аграрного характера народного хозяйства).

Все это привело к кровопролитной Гражданской войне 60-х гг. XIX в., в которой победу одержал Север. В 1868 г. была принята четырнадцатая поправка к Конституции США, в соответствии с которой все люди, родившиеся на территории Соединенных Штатов или натурализовавшиеся в стране, считались американскими гражданами. Тем не менее чернокожие оставались уязвимыми для крайних форм сегрегации и дискриминации (включая отказ в праве голо-

совать) еще целое столетие, вплоть до принятия Акта о гражданских правах (1964 г.) и Акта о праве голоса (1965 г.). Американки получили право голоса на федеральном уровне в начале XX в.

Окончание Гражданской войны содействовало завершению длительного процесса формирования американской нации. После этого события подавляющее большинство жителей США стали идентифицировать себя не с тем либо или иным штатом, а со страной в целом.

Протестантское мессианство и либеральные идеи американского кredo оказали влияние на *морализм* американского общества, открытого *реформам*. Последние всегда направлены на преодоление разрыва между идеалами и реальностью. По мнению С. Хантингтона, за свою непродолжительную историю Соединенные Штаты пережили несколько волн морального и политического обновления.

Первую принято называть *Великим пробуждением*, предшествующим Войне за независимость Соединенных Штатов. Революция началась задолго до того момента, как разгорелась война между жителями североамериканских колоний и Великобританией во второй половине XVIII в. Она зрела в умах и сердцах людей, осуществляя грандиозный переворот в воззрениях людей на обязанности граждан и их долг перед страной.

Второе Великое пробуждение 1820–1830 гг. было “евангелическим и возрожденческим”. Оно характеризовалось резкой активизацией деятельности методистов и баптистов. Идеология возрожденчества породила в народе волну недовольства текущим положением дел и воплотилась в массовых требованиях социальных и политических реформ. Важнейшим “плодом” этого Пробуждения было движение аболиционистов, возникшее в начале 30-х гг.

Третье Великое пробуждение началось в 90-х гг. XIX в. и было неразрывно связано с движением популистов и прогрессистов в поддержку социальных и политических реформ. Они осуждали установившуюся в США власть монополий, поддерживали антитрестовское законодательство, движение суфражисток (за предоставление права голоса женщинам), введение “сухого закона”.

Четвертое Великое пробуждение пришлось на конец 50 – 60-х гг. XX в., ознаменовавшие собой расцвет евангелической церкви. Оно неразрывно связано с двумя реформистскими движениями в американской политике. Первое боролось против юридической и институциональной дискриминации и сегрегации чернокожего меньшинства. Движение протестовало также против несправедливой, по мнению его участников, войны во Вьетнаме. Там, где в него вмешивались *новые левые* интеллектуалы, движение трансформировалось в светское по форме, хотя и оставалось религиозно-этическим по своей сути.

Вторым более поздним общественным движением этого периода было движение консерваторов 80–90-х гг. Они требовали сокращения полномочий власти, снижения налогов и прекращения определения числа социальных программ, одновременно настаивая на введении государственного запрета на аборт [10].

Таким образом, американская история является, прежде всего, историей общества, а не государства. Институты власти в США в идеале должны заниматься общественным обслуживанием, содействовать претворению в жизнь важнейших общественных идеалов, сформулированных в американском кредо. Все основные импульсы преобразований также исходили от общества и носили ярко выраженный религиозный характер, что придавало им большую силу. Исторические традиции Америки объясняют архаику многих политических учреждений этой страны (например, избирательной и партийной системы), которые не претерпели серьезных изменений за длительный отрезок времени. Многие американцы опасаются, что радикальные реформы этих сфер могли бы нарушить тот шаткий баланс между обществом и государством в пользу последнего. Недоверие американцев к всемогущему государству нашло свое выражение и в конституционном устройстве страны. Оно смоделировано таким образом, чтобы создавать барьеры и препятствия для власти, которая “всегда развращает”.

2. Особенности конституционного устройства

Как и в большинстве других современных стран мира (Великобритания, Израиль и Новая Зеландия являются исключениями), основная структура американской системы правления закреплена в писаной конституции, которая была одобрена конституционным Конвентом в 1787 г., ратифицирована в 1788 г. и введена в действие в 1789 г. За немногим более чем двухсотлетнюю историю своего существования текст Основного Закона претерпел несущественные изменения. В него было внесено всего 27 поправок. Последняя из них была принята в 1992 г.; она касается порядка оплаты труда сенаторов и членов палаты представителей.

Наиболее важными поправками являются первые десять, которые получили название *Билля о правах* (*Bill of Rights*) и перечисляют основные права человека, которые правительство не может нарушать (свобода слова, печати, вероисповедания, гарантия справедливого суда и др.). Важное значение имеет также четырнадцатая поправка, ратифицированная после Гражданской войны. Она сделала национальное гражданство более важным, чем гражданство штатов, и предоставила гарантии против нарушения прав американцев субъектами федерации. Пятнадцатая поправка предоставила избира-

тельные права бывшим рабам (рабство было отменено тринадцатой поправкой). Девятнадцатая поправка, принятая в 1920 г., предоставляла право голоса американским женщинам; двадцать вторая ограничивала право одного лица более двух сроков исполнять обязанности президента США (1951 г.); двадцать шестая снизила возрастную планку для участия в выборах 18-летним возрастом (1971 г.) [11].

Однако конституционная система не сводится только к параграфам и статьям Основного Закона. К ним необходимо также добавить политические традиции, партийную систему, устоявшиеся процедуры принятия решений и многое другое. Важнейшими чертами американского конституционного устройства являются федерализм, разделение властей и судебный пересмотр.

Федерализм (*Federalism*). Американский федерализм является первой современной формой такой системы правления, в которой власть поделена между центральным и несколькими субнациональными правительствами. Если говорить об исторических прототипах этого явления, то можно назвать Ахейскую лигу городов-государств Древней Греции, которая существовала в III в. до н.э., и Швейцарскую конфедерацию, сложившуюся в XVI в.

Американский федерализм был не только первой современной формой подобного государственного устройства, но и вынужденной формой. Он стал результатом компромисса, достигнутого на конституционном Конвенте в Филадельфии в 1787 г. между приверженцами большей государственной централизации и представителями малых штатов, которые опасались, что их суверенные права в таком государстве не будут учтены. Смысл компромисса заключался в разделении властных полномочий между федеральным правительством и правительствами штатов и равном представительстве штатов, вне зависимости от численности населения в сенате – верхней палате американского конгресса.

Наиболее последовательные приверженцы представительного правления А. Гамильтон и Дж. Мэдисон утверждали, что именно федерализм позволит избежать *тирании большинства* в Американской республике. Мэдисон разработал систему сдержек и противовесов, которая пронизывает Конституцию Соединенных Штатов. Однако он считал, что этого недостаточно для того, чтобы обезопасить страну от сговора фракций и власти черни. Мэдисон добился дополнения системы баланса властей федеративным государственным устройством США.

В отличие от многих политических мыслителей он считал, что крупное государство имеет преимущество перед маленьким в плане утверждения там стабильных демократических институтов в современном их понимании. Эти преимущества заключаются в том, что в крупной республике существует больший выбор для избрания достойных в законодательное собрание. Здесь более разнообразным является электорат, обладающий правом контроля над своими избранниками. Все это создает условия для конкуренции разнообраз-

ных фракций, которым труднее пойти на сговор против интересов меньшинства и которые вынуждены искать компромиссные решения для обеспечения результативности политики.

Наконец, использование принципа двойного представительства в условиях бикамерализма позволяло снять напряжение в отношениях между крупными и мелкими штатами США (нижняя палата избирается от относительно равных по численности избирателей округов, верхняя формируется по принципу равного представительства от всех субъектов федерации) [12].

Основными принципами американского федерализма являются следующие.

Во-первых, определены полномочия, которые *закрепляются за федеральным правительством*: объявления войны, заключения договоров и соглашений с другими государствами, право эмиссии, регулирование торговли между штатами.

Во-вторых, десятая поправка американского Основного Закона говорит о “полномочиях, которые не делегированы Конституцией федеральному правительству и *не запрещаются* ею для закрепления за штатами или народом” [13].

В процессе развития американской политической системы в ведении штатов оказались такие сферы, как образование, условия заключения и расторжения брака, торговля внутри штатов, автомобильный транспорт и многое другое. При этом федеральное правительство часто выделяет штатам субсидии на строительство и функционирование школ, прокладку и ремонт дорог, выплату социальных пособий бедным и больным людям. Правительства штатов имеют право отказаться от выделяемых из центра финансовых средств, чтобы увеличить степень своей самостоятельности. Но если они принимают помощь центра, то обязаны соблюдать общенациональные стандарты оказываемых общественных услуг и соглашаться на федеральный мониторинг целевого использования средств.

В-третьих, существуют *полномочия, которые могут осуществляться либо федеральным правительством, либо властями штатов*: взимание налогов, приведение в исполнение приговоров преступникам.

В-четвертых, существует определенная *правовая сфера, гарантированная от вмешательства в нее со стороны федерального правительства*. Она включает в себя в основном первые десять поправок к Конституции США, касающиеся свободы слова, печати, совести, а также предоставления лицам, обвиняемым в совершении преступлений, гарантий справедливого и беспристрастного суда.

В-пятых, существует также *правовая сфера, гарантированная от вмешательства в нее правительств субъектов федерации*. Она включает в себя положения, включенные в основной текст Конституции, но главным образом требования четырнадцатой поправки: “Ни один

штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан США; равно как и ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона” [14].

Другими словами, все права и свободы граждан, гарантированные на федеральном уровне, должны предоставляться гражданам и на уровне штатов и являются сферой, запрещенной для посягательства на нее местных властей, равно как и центральных.

Шестая статья американской Конституции предусматривает, что федеральное правительство не вправе вмешиваться в сферу юрисдикции штатов, если те, в свою очередь, не вводят законы, противоречащие федеральным. В случае возникновения подобных коллизий приоритет принадлежит Конституции США. Верховный Суд Соединенных Штатов (одна из структур федеральной власти) выступает в качестве главного арбитра в спорах между центром и субъектами федерации, что, по мнению некоторых политологов и юристов, нарушает принцип беспристрастности суда.

Американский федерализм оказал влияние на устройство целого ряда других государств. Австралия, Канада, Германия, Швейцария, Индия, Бразилия, Мексика заимствовали многие конституционные нормы США для формирования собственного федерализма.

Разделение властей (*Separation of Powers*). В США сложилась и успешно функционирует классическая президентская республика, довольно редкая среди других демократических стран мира. Она опирается на принципы разделения властей, которые предусматривают несколько очень важных положений.

Во-первых, власть конституционно разделена между не зависящими друг от друга двухпалатным парламентом (конгрессом), который сосредоточивает в своих руках все полномочия высшей законодательной власти; *президентом*, являющимся главой государства и главой исполнительной власти; *федеральными судами* во главе с Верховным Судом США, которые обладают судебной властью в стране [15].

Во-вторых, в Соединенных Штатах действует принцип **различного персонала** (*distinct personnel*), который предусматривает, что ни одно должностное лицо в администрации не может одновременно быть членом палаты представителей или сената в течение всего срока исполнения полномочий в структурах исполнительной власти. Это означает, что люди, работающие в системе одной ветви власти, не могут занимать должностей в системах двух других ветвей.

Когда сенатор Бентсен был назначен министром финансов в 1993 г., он сложил с себя полномочия члена верхней палаты амери-

канского конгресса. То же самое пришлось сделать в 1997 г. и конгрессмену Ричардсону, назначенному постоянным представителем США при ООН. Подобная практика противоречит сложившейся в большинстве парламентских систем, в которых нормой является совмещение полномочий члена кабинета министров и депутата парламента (Великобритания, Германия, Япония). Там действует, если использовать терминологию М. Дюверже, не “режим разделения властей, а режим сотрудничества властей”.

В-третьих, лица, представляющие каждую из ветвей власти, *избираются различными процедурами на различные сроки*. Члены палаты представителей избираются гражданами США с помощью прямых выборов на два года без ограничений права на переизбрание. Депутаты сената избираются гражданами США с помощью прямых выборов сроком на шесть лет. Они, также как и депутаты нижней палаты, могут переизбираться на новый срок сколько угодно раз. Однако действует требование, что каждые два года переизбирается 1/3 сенаторов. Президент Соединенных Штатов избирается косвенным путем – электоральной коллегией выборщиков штатов, которые, в свою очередь, избираются гражданами США на прямых выборах. Срок полномочий президента – 4 года. Одно и то же лицо не может занимать эту должность больше двух полных сроков. Все федеральные судьи, включая членов Верховного Суда, назначаются президентом и утверждаются сенатом. Свой пост они занимают пожизненно, но могут быть отстранены от него конгрессом или уйти в отставку по собственному желанию.

В-четвертых, каждая из ветвей власти балансирует другие ветви, чтобы предотвратить чрезмерную концентрацию полномочий в одних руках. Эта система получила название *сдержек и противовесов* (*checks and balances*). Например, сенат может не утвердить назначенцев президента в правительство (администрацию) или отказаться ратифицировать договор с другим государством, подписанный президентом. Обе палаты конгресса, действуя согласованно, могут объявить импичмент президенту или членам федерального суда (процедура импичмента начинается в нижней палате, а окончательное решение принимает сенат 2/3 голосов). Они также имеют право отклонить законопроект исполнительной власти. У президента, в свою очередь, есть право наложить вето на любой законопроект конгресса. Чтобы его преодолеть, депутатам нижней и верхней палаты требуется собрать 2/3 голосов. Президент назначает высшую судебную власть в Америке, но у него нет права сменять судей по своему усмотрению, что делает судебную систему Соединенных Штатов сильной и независимой. Верховный Суд США имеет право объявить любое решение президента или конгресса не действующим из-за

того, что оно противоречит Конституции. Для преодоления возражений Верховного Суда требуется вносить поправки в Конституцию, что является очень сложной и длительной процедурой.

Эта система не только предохраняет США от перерождения в авторитарную диктатуру, но и замедляет работу политической системы, в которую встроены искусственные барьеры, и для их преодоления различные ветви власти должны научиться договариваться, приходить к компромиссу.

Судебный пересмотр (*Judicial Review*). Данная система, как отмечалось выше, является правом судебного органа власти объявлять решения исполнительной или законодательной ветви власти неконституционными. Все американские суды, включая федеральные суды низшей инстанции и суды штатов всех уровней, наделены этим правом. Спецификой американской демократии является то, что право вынесения решений на предмет конституционности передано элементу обычной судебной системы – Высшему апелляционному суду. В некоторых других странах (Австрия, Италия) такое право принадлежит специальным трибуналам. В Швейцарии и Мексике полномочия высших судебных органов власти направлены на регулирование отношений между центральным правительством и субъектами федерации.

Роберт Даль считает, что “Верховный Суд США, несмотря на свою репутацию, не всегда выступал в качестве бастиона на пути нарушений фундаментальных прав и интересов со стороны законодательства, принятого конгрессом (в отличие от законов штатов и местных законов). Это объясняется следующим обстоятельством, имеющим большое значение для обсуждения широкого круга вопросов, связанных с квазипопечительством (см. тему 7). Верховный Суд неизбежно становится частью любой общенациональной политической коалиции, которая получает устойчивое большинство на общенациональных выборах... Легко понять, почему так происходит. Либо квазипопечители настолько изолированы от тенденций общественного мнения и могут мобилизовать столь значительные ресурсы для принуждения, что они могут добиться своих предложений, несмотря на оппозицию со стороны электорального большинства на общенациональном уровне. Либо они не способны на это. Тогда они могут лишь вести арьергардные бои, задерживая на некоторое время наступление господствующей коалиции, состоящей из избранных нацией официальных лиц. Возможен ли первый вариант при демократии? Американский опыт говорит нам, что невозможен... С другой стороны, функцией квазипопечителей является только замедление изменений в общенациональной политике...” [16].

Большая часть других исследователей считает, что система судебного пересмотра содействует развитию демократии в Америке, так как является очень важным барьером на пути поспешного законотворчества и злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц самого высокого ранга.

ВСТАВКА 9.1.

Соединенные Штаты против Ричарда Никсона (1974)

“В ноябре 1972 г. на президентских выборах Ричард Никсон был переизбран на второй срок, значительно опередив по количеству набранных голосов кандидата от демократической партии Джорджа Макговерна. В конце избирательной кампании группа злоумышленников проникла в штаб-квартиру демократов в отеле “Уотергейт” в Вашингтоне, чтобы установить там подслушивающее устройство. Благодаря решительному расследованию журналистов газеты *Вашингтон Пост* то, что выглядело вначале как обычные новости, вскоре превратилось в повод для грандиозного скандала. Журналисты открыли следы, ведущие к высшим должностным лицам. Никсоновская администрация отрицала всякие злоупотребления с ее стороны, но вскоре стало ясно, что она просто пытается скрыть преступление и свою связь с ним, связь, возможно, ведущую к президенту.

Под давлением общественности и депутатов конгресса Никсон назначил по этому делу специального прокурора. Когда выяснилось, что президент тайно записывает на пленку свои разговоры с собеседниками в Овальном кабинете Белого дома, прокурор попытался получить доступ к прослушиванию записей, имеющих отношение к скандалу.

В марте 1974 г. Большое федеральное жюри присяжных выдвинуло семь пунктов против Никсона, который обвинялся в нарушении закона в связи с незаконным проникновением в отель “Уотергейт”. Сам президент был назван соучастником преступления. Окружной суд по инициативе специального прокурора вынес предписание, адресованное президенту, с требованием предоставить пленки и некоторые другие документы, относящиеся к расследованию. Хотя Никсон и передал некоторые отредактированные записи, его адвокаты попытались апеллировать к “специальному положению” обвиняемого и его привилегиям как высшего должностного лица. После их ходатайства окружной суд отменил свое предписание, но вскоре дело было передано в Верховный Суд... Эта инстанция пришла к единодушному заключению, что именно Верховный Суд обладает решающими полномочиями в интерпретации Конституции и что ни одно должностное лицо, включая президента США, не может стоять выше закона. Спустя восемь часов после принятия этого постановления, Белый дом заявил, что подчинится ему. 5 августа 1974 г. интересующие следствие пленки были переданы прокурору. Тремя днями позже, когда стало ясно, что поддержка президенту в конгрессе полностью улетучилась, Никсон объявил о своей отставке” [17].

3. Политическая культура и социализация

Известный французский политический философ Алексис де Токвиль отмечал, что нет такой страны в мире, в которой бы все обеспечивали законы, а политические институты заменили бы собой здравый смысл и общественную мораль. Последние имеют самое непосредственное отношение к политической культуре общества.

Национальная идентичность. Огромное влияние на американскую культуру вообще и политическую в частности оказывает

тот факт, что Америка – это нация иммигрантов, переселенцев из Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Поэтому Соединенным Штатам постоянно приходилось интегрировать иммигрантов в новую для них культурную, экономическую и политическую среду. Все это не могло не отразиться на **национальной идентичности американцев**. В конце XX в. на вопрос, кто такие американцы, можно было услышать два совершенно разных ответа.

Первая концепция национальной идентичности, которая долго доминировала, получила условное название **плавильного котла** (*Melting Pot*). Смысл ее заключался в том, что в результате *переплавки* различных культурных элементов на протяжении долгой истории сформировалась *единая американская нация*, объединенная общностью языка (американизированного английского), культуры и истории. Конечно, эта новая нация сохраняет некоторую культурную специфику составивших ее народов (польские венчания, ирландские поминки, мексиканскую кухню), но является новым духовным феноменом. Большую роль в реализации стратегии *Melting Pot* сыграла система образования взрослых, которая не только содействовала быстрому обучению иммигрантов английскому языку, но и формированию у них определенных ценностей политической культуры, патриотизма, гражданственности и т.п.

Начиная с 60-х гг., концепция *плавильного котла* столкнулась с вызовом со стороны афро-американцев, азиатов, выходцев из стран Латинской Америки, которые отказывались от политики ассимиляции в американскую культуру. Это не американская культура, утверждали они, а культура WASP (*White Anglo-Saxon Protestants*), т.е. культура белых, англосаксов и протестантов, большинства, правящего класса Америки и инструмент угнетения национальных меньшинств.

Известный афро-американский политический деятель Джесси Джексон придумал термин для *второй концепции национальной идентичности* американцев – **одеяло из лоскутков** (*Patchwork Quilt*). В соответствии с ней Америка – это многоязыкая и мультикультурная страна, поэтому каждой культуре следует дать одинаковые возможности для развития и одинаковое уважение.

Конкретными направлениями реализации этой стратегии стали: билингвизм в образовании, реформирование школьных программ, издание новых учебников по истории, в которых показан вклад афро-американцев и выходцев из Латинской Америки в развитие США. В некоторых штатах приверженцы этой стратегии добились того, что избирательные бюллетени на выборы печатались не только на английском, но на испанском и даже китайском языках.

ВСТАВКА 9.2.

Сэмюэл Хантингтон об угрозе деконструкции Америки в результате подъема субнациональных идентичностей

“В 1960-х гг. стали возникать массовые общественные движения, бросавшие вызов этой Америке с ее культурой и принципами. Для этих движений Америка была вовсе не национальным государством, объединяющим людей с общей культурой, историей и верой, но конгломератом различных рас, народов и субнациональных культур, в котором отдельные люди отождествляли себя не со страной, а с интересами тех или иных групп. Сторонники подобных взглядов отвергали концепции *плавильного тигля* (котла) и *томатного супа*, господствовавшие в Америке в начале века, и утверждали, что на самом деле Америка – *мозаика*, или *салат* из множества ингредиентов... Президент Клинтон поздравил американцев с освобождением из-под ига доминирующей европейской культуры...

Деконструктивисты предлагали различные социальные программы, призванные усилить влияние на общество субнациональных, расовых, этнических и культурных групп. Они одобряли тягу иммигрантов к сохранению в общинах *духа родины*, наделяли пришлых правами, недоступными коренным американцам, отрицали саму идею американизации как *не американскую*. Также они настаивали на переделке учебников и пособий по истории, с тем чтобы в них вместо *одного народа*, упомянутого в Конституции, появились *народы*. Иными словами, налицо было стремление заменить историю нации историей субнациональных групп. Принижалось значение английского языка как центрального элемента американского образа жизни, выдвигалось требование двуязычного обучения и лингвистического разнообразия. Права групп и расовых сообществ признавались приоритетными по сравнению с правами личности, этой неотъемлемой части *американской веры*. Эти и им подобные действия оправдывались *теорией мультикультурализма* и рассуждениями о том, что именно многообразие, а никак не единство должно стать главной ценностью Америки. Истинной же целью всех этих манипуляций была деконструкция американской идентичности, создававшейся на протяжении трех столетий, и возвышение идентичностей субнациональных” [18].

Идеи мультикультурализма встретили определенное сопротивление. В некоторых штатах прошли референдумы, в результате которых английский язык был в этих штатах объявлен государственным. Особенно усилились патриотические настроения и идентификация себя со страной, а не с субнациональными группами после 11 сентября 2001 г. Однако трудно утверждать, что американцы уже вернулись к модели *плавильного котла* и отбросили *лоскутное одеяло*.

По мнению С. Хантингтона, перед страной открыты три альтернативы. Первая связана с языком. Если выбор будет сделан в пользу дальнейшего обособления двух самых крупных лингвистических сообществ: говорящих на английском (*anglo*) и испанском (*latino*), культурный раскол в американском обществе станет свершившимся фактом. Вторая имеет отношение к расе. Противопоставление *белой*

идентичности черной и наоборот ведет к неизбежному возрождению и усилению расовых конфликтов. Третья альтернатива связана со страной. Американская национальная идентичность и национальное единство окрепнут, если разные субнациональные группы осознают, что “смешанная наследственность делает их прежде всего американцами” [19].

Американский философ Фрэнсис Фукуяма считает, что “никто не станет оспаривать полезности серьезного исследования других культур, тем более что в либеральном обществе просто необходимо учиться терпимому отношению к людям, так или иначе от тебя отличающимся. Однако совсем иное дело – утверждать, что у США никогда не было своей культурной доминанты или что они в принципе не должны иметь такого центра ассимиляционного притяжения для разнообразных групп общества... Утверждение, что в США всегда имелось в высокой степени разнородное общество, единое лишь в конституционном и законодательном аспектах, тоже далеко от истины. Помимо универалистской политико-правовой системы, в Америке всегда существовала центральная культурная традиция, цементирующая общественные институты страны и в конечном счете обеспечившая ее экономическое господство в мире. Изначально бывшая принадлежностью конкретной религиозно-этнической группы, эта культура позже отделилась от своих корней и стала широко доступным для всех американцев источником самоидентификации, – показав тем самым свое важное отличие от любой европейской культуры, всегда остававшейся прочно привязанной к *крови и почве*” [20].

Доверие и политическая эффективность. По мнению американского политолога Остина Рэнни, американцы традиционно ориентированы на большее доверие к простым людям, нежели к политикам. Данные сравнительных социологических исследований показывают, что в течение многих десятилетий уровень доверия к правительству и власти в Западной Европе превосходил американские показатели. Эта ситуация стала выравниваться в 80–90-е гг. в связи с кризисом доверия в большинстве развитых демократий. Средние показатели за 1997 г. свидетельствуют, что у американцев доверие к правительству несильно превосходит такой же низкий уровень доверия французов, немцев и итальянцев, но является более низким, чем у англичан.

Сказанное не означает, что американские граждане больше, чем граждане других стран, отчуждены от политики. Наоборот, социологические исследования показывают, что они гордятся своей страной (80%) и готовы сражаться за нее (71%). Для сравнения, среди англичан эти цифры составляют соответственно 55% и 62%, среди немцев – 21% и 35% [21].

Таким образом, американцы обычно оказывают меньшее доверие своему правительству, чем европейцы, но выражают гораздо большие симпатии к своей стране, чем жители западноевропейских государств. Этот парадокс можно объяснить особенностями американской истории. Освоение обширных свободных территорий делало жителей Северной Америки более самостоятельными и независимыми от правительства и политиков в Белом доме. Американцам приходилось больше полагаться на простых людей, которым они склонны были доверять, чем на чиновников. Поэтому простые граждане США в большинстве своем согласны с одним из своих президентов – Рональдом Рейганом, который как-то сказал, что “правительство – это проблема, а не решение”.

Переход к постиндустриальному (информационному) обществу вызвал кризис ценностей, который охватил все развитые страны мира. Одним из его проявлений стало *снижение доверия* к институтам власти и другим людям вообще. Данные, собранные известным американским политологом Робертом Патнэмом, указывают на резкое оскудение общественной жизни американцев. С 1950-х гг. сократилось число добровольных объединений. Количество посещающих церковь в Америке за этот же период уменьшилось приблизительно на одну шестую. Снизилось членство в профсоюзах с 32% до 16%; родительское участие в школьных комитетах с 12 млн чел. в 1964 г. до 7 млн чел. на сегодняшний день. Всевозможные братства потеряли от одной восьмой до половины своей численности. О подобном сокращении свидетельствует и статистика других организаций – от бойскаутов до Американского Красного Креста [22].

Ф. Фукуяма, проанализировав эти тенденции в США, приводит в книге *Великий разрыв* интересные данные: “Доверие – это ключевой побочный продукт социальных норм сотрудничества, которые образуют *социальный капитал* (*Social Capital*) [23]. Если можно рассчитывать, что люди будут выполнять обязательства, чтить нормы взаимности и избегать оппортунистического поведения, то группы будут образовываться более легко, а те, которые образуются, будут способны достигать общих целей более эффективным способом.

“Если доверие – значимая мера социального капитала, то имеются отчетливые признаки того, что последний находится в упадке. Многим американцам известно, что доверие к общественным институтам всех видов, начиная с правительства США, с течением времени неуклонно падает, и в 90-е гг. достигло беспрецедентно низкого уровня. В 1958 г. 73% опрошенных американцев заявили, что они доверяют федеральному правительству и характеризуют его действия как правильные либо в “большинстве случаев”, либо “почти всегда”. К 1994 г. это количество упало до 15%, хотя в 1996–1997 гг. уровень доверия снова вырос... Соответственно, количество тех, кто не доверял правительству либо “вообще никогда”, либо “только иногда”, возросло с 23% в 1958 г. до

71–85% в 1995 г. ...В самом правительстве только Верховный Суд вызывает скорее “значительное доверие”, чем “едва ли какое-либо”; в случае же исполнительной власти ситуация обратная, а для конгресса еще хуже. Только научное сообщество пользуется относительно стабильным доверием.

В то время как общественное доверие разрушалось, оказалось, что частное доверие – побочный продукт отношений сотрудничества между гражданами – также снизилось. Ответы на вопрос: “Могли бы вы сказать, что в целом большинству людей можно доверять, или не следует быть слишком доверчивым, имея дело с людьми?” при опросах показывают, что если в начале 60-х на 10% больше американцев выказывали доверие, чем недоверие, положение дел начало меняться в последующие десятилетия, и к 90-м гг. выражающих недоверие стало на 20% больше тех, кто выражал доверие...

В США для различных расовых и этнических групп характерен различный уровень доверия. Афроамериканцы проявляют гораздо больше недоверия, чем другие группы: 80,9% черных считают, что людям не стоит доверять (51,2% белых считают так же). Испаноязычные жители США меньше склонны к недоверию, чем черные, а американцы – выходцы из Азии – еще меньше. Люди старшего возраста имеют тенденцию проявлять больше доверия, чем молодые, а религиозные – больше, чем нерелигиозные, хотя фундаменталистам свойственен более высокий уровень недоверия, чем членам основных вероисповеданий. Доверие находится в зависимости от уровня доходов и даже еще более выражено – от образования: люди с образованием от колледжа и выше склонны иметь относительно мягкий взгляд на мир. Наконец, жители пригородов гораздо более склонны проявлять доверие, чем жители больших городов” [24].

Объяснение причин падения доверия переходом к постиндустриальному обществу носит слишком общий и универсальный характер. Более важно то, что данный переход вызвал конфликт ценностей. Современные американцы стремятся к противоречащим друг другу вещам. Они все более испытывают недоверие к любому авторитету, но они также хотят испытывать чувство единства и сплоченности. Сплоченность пытаются искать в небольших гибких группах, а не в крупных организациях. Люди оказываются, таким образом, в силах удовлетворить свои противоречивые желания в общности и автономности. Падение доверия к крупным социальным институтам следует искать в “росте морального индивидуализма и вытекающей из него миниатюризации общества” [25].

В другой своей работе – *Доверие*, посвященной сравнительным исследованиям этого важнейшего параметра политической культуры в некоторых демократических странах, а также в Китае, Фукуяма сделал вывод о том, что, несмотря на дефицит социального капитала, с которым сталкивается нынешнее американское общество, в целом США относится к числу благополучных стран, что позволяет надеяться на успешное решение проблемы возрождения доверия в американском обществе в будущем.

“Американцы думают о себе как об *индивидуалистах* или, пользуясь выражением первопроходцев, закоренелых индивидуалистах. Однако если американская традиция и правда столь индивидуалистична, как принято думать, то очень трудно объяснить имеющий место в США в XX в. быстрый рост корпораций-гигантов... Разумеется, американцы не считают индивидуализм чем-то порочным. Напротив, индивидуализм играет для них почти безоговорочно положительную роль и, прежде всего, ассоциируется с творчеством, инициативой, предприимчивостью, гордым нежеланием склонять свою волю перед каким бы то ни было авторитетом. Росс Перо, независимый кандидат на президентских выборах 1992 г., сформулировал это сжато в виде лозунга избирательной кампании: “Орлы не сбиваются в стаи – они живут поодиночке”.

В действительности культурное наследие американцев имеет двоякую природу, ибо, неся в себе индивидуалистические и разобщающие тенденции, оно довольно усердно поощряло участие в ассоциациях и других формах совместной деятельности. Американцы (предположительно крайние индивидуалисты) с исторической точки зрения всегда оказывались неутомимыми *коллективистами*, создателями крепких и долговечных организаций добровольного типа, начиная с различного рода детских спортивных лиг и сельскохозяйственных детских клубов, и кончая такими гигантами, как *Национальная ассоциация стрелкового оружия*, *Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения* и *Лига женщин-избирательниц*.

А. де Токвиль полагал, что увиденная им в США (в 30-е гг. XIX в.) система гражданских ассоциаций сама по себе играет важную роль в борьбе с индивидуализмом и его потенциально разрушительными последствиями. Слабость равных между собой индивидов при демократии заставляет их объединяться для достижения любой сколь-нибудь важной цели, сотрудничество же в гражданской жизни служит школой публичного духа, уводя людей от естественной сосредоточенности на удовлетворении личных нужд. В этом отношении Соединенные Штаты весьма отличались от старорежимной Франции (или современной Беларуси – *замечание автора*), в которой деспотическое правление, разрывая раз за разом связующие нити гражданских ассоциаций, приводит людей к изоляции, т.е. ввергает их в состояние подлинно индивидуалистическое... Таким образом, успех американской демократии и американской экономики объясняется не одним индивидуализмом и не одним *коммуитаризмом*, а взаимодействием этих противоположных тенденций.

Если в Соединенных Штатах имеется долгая коллективистская традиция, откуда же у американцев столь стойкая убежденность в собственном индивидуализме? Проблема эта отчасти *семантическая*. Для американского политического дискурса привычно формулировать принципиальную дилемму либерального общества в терминах противостояния между правами личности и авторитетом государства. Однако при этом практически полностью игнорируется существующее многообразие групп, занимающих промежуточное положение между личностью и государством и в то же время являющихся носителями определенного авторитета, – многообразие, к которому отсылают слишком обобщенным и в известной мере академическим термином *гражданское общество*.

Протестантски-сектантский тип религии, привезенный в Америку первыми европейскими иммигрантами, всегда оставался одним из наиболее важных источников предрасположенности жителей страны к коллективному взаимодействию... В *учении протестантских сект* оказался заложен двойственный

заряд: ставя под сомнение существующие социальные институты, оно одновременно давало мощный толчок формированию новой общности, новых уз социальной солидарности.

Во второй половине XX в. Соединенные Штаты пережили так называемую *революцию прав* – революцию, которую в моральном и политическом смысле стимулировало распространение в социуме модели индивидуалистического поведения и она привела к ослаблению многих его прежних коллективистских черт... Все это явилось логическим развитием некоторых внутренних тенденций американского либерализма... *Англосаксонский либерализм* выбрал совсем иной путь (в сравнении с конфуцианской или античной традицией – *замечание автора*). Обязанности, согласно ему, производны от прав, и, более того, субъектом этих прав выступает изолированный и самодовлеющий индивид... Он либо стремится отстоять свои базовые права (в политической версии), либо преследует свою частную пользу (в версии экономической). В обоих случаях общественные отношения возникают исключительно из договора, когда к взаимодействию с себе подобными приводит рациональная реализация либо прав, либо интересов.

Не будучи апологетами христианства, Гоббс и Локк разделяли христианскую точку зрения в одном: они считали, что человек вправе судить о справедливости окружающих законов и общественных установлений на основании высших принципов. Но если протестант, судящий подобным образом, опирался на интерпретацию Божественной воли, как она выражена в Библии, природный человек Гоббса и Локка находил опору в другом – в знании своих естественных прав и разуме, делающим его наилучшим судьей собственных интересов. Таким образом, в США *индивидуализм* имел два корня: *протестантизм* и *просвещение*.

Граждане стран, не имеющих официальной церкви, обычно ведут более искреннюю религиозную жизнь. В США, к примеру, где государственная религия отсутствует, а публичная жизнь все больше и больше отходит от церкви, население по-прежнему более религиозно, чем в любой стране Европы, где религия долгое время носила официальный характер. Добровольные секты, как и все добровольные организации, распадаются чаще, чем принудительные, но они способны и чаще рождают в людях неподдельную преданность... История США помнит несколько периодов религиозного обновления. Социолог Дэвид Мартин перечисляет в этой связи три главные волны: изначальные пуританские секты колонистов, методистское (и также баптистское) возрождение первой половины XIX в. и пятидесятническое евангелическое движение XX в., которое продолжается до сих пор.

По-видимому, именно *сектантский*, т.е. неофициальный, *характер протестантизма* в США и закономерная интенсивность его развития являются главным фактором, объясняющим неиссякающую *жизненную силу ассоциаций* в американском обществе... Значимость протестантских сект выходит далеко за пределы населения, себя к ним причисляющего. Этот тип протестантизма стал формой, в которую в XIX в. отлилась сама американская культура, и другие конфессиональные группы, не имевшие американского опыта добровольной религии, – к примеру, евреи и католики – постепенно стали носителями аналогичных свойств. Религиозная жизнь сект послужила школой социальной самоорганизации, сформировала того рода общественный капитал, который далее реализовался во множестве внерелигиозных ситуаций. Американская англосаксонская религиозная культура, одним словом, совсем не сводилась к

тем, кого называют WASP (White Anglo-Saxon Protestants – белые, англосаксы, протестанты). И по мере проникновения в страну новых этнических и религиозных групп, по мере их прохождения через контролируемую протестантами систему начального образования их представители усваивали все ту же систему ценностей... Иначе говоря, искусство ассоциации превратилось из специфически протестантской черты в общенациональную.

Иммигранты, огромный поток которых прибыл в США в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX в., привезли с собой *общинные традиции* своих стран. У себя на родине – в традиционных обществах, перегороженных кастовыми, сословными и другими барьерами, иммигранты страдали, скорее, от недостатка индивидуализма: для их социальной мобильности, развития и предпринимательства существовало слишком много препятствий. Оказавшись в Соединенных Штатах, они сумели воспользоваться индивидуализмом по-своему, синтезировав его с ценностями коллективизма.

Конечно, *уровень спонтанной социализированности этнических групп* был далеко не одинаков, что объясняется разным характером коммунальных обычаев, существовавших у них на родине. Китайцы, японцы, корейцы и другие иммигранты из азиатских стран в целом оказались чрезвычайно экономически успешны, обогнав многих бывших европейцев по таким социально-экономическим показателям, как доход на человека, образование, представленность в профессиях и по многим другим. Напротив, прогресс афро-американцев был замедленным и болезненным, а с начала эпохи борьбы за гражданские права в 1960-х значительный сегмент негритянского населения по уровню жизни сдал даже завоеванные позиции.

Причина того, что отсутствие банковских займов не стала таким же камнем преткновения для азиатских предпринимателей (как для афро-американских – *замечание автора*) проста: китайские, японские и корейские иммигранты привезли с собой национальную культуру, с ее многочисленными формами организации общинной жизни, и одной из них была ассоциация лотерейного кредита, своеобразная разновидность складчины. Функционирование такой неформальной системы требовало высокой степени доверия между членами ассоциации, которое, в свою очередь, было продуктом устоявшихся социальных связей в стране происхождения, родственных или географических.

Центральной афро-американской проблемой всегда было именно неразвитое национальное сознание – недостаток той сплоченности, которая в результате приводит к формированию экономической организации... Белые не доверяют черным, с которыми живут рядом, но черные не доверяют и друг другу. И такая слабая сплоченность никак не связана с национальными культурами Африки: огромное разнообразие устойчивых социальных институтов существует практически в каждой из них. Дело в том, что современный афро-американец – потомок людей, отрезанных рабством от своих корней, лишенных своей национальной культуры. Именно это культурное обескровливание стало одним из ключевых факторов, препятствующих экономическому развитию негритянского населения Соединенных Штатов.

Афро-американцы и выходцы из Азии представляют противоположные полюса как в плане экономического успеха, так и в плане стихийной социальной сплоченности.

Скорость превращения иммигрантов из членов этнических анклавов в среднестатистических американцев демонстрирует потенциал Соединенных Шта-

тов как страны, сочетающей широкое этническое разнообразие с традиционной предрасположенностью к коллективизму. Во многих других частях света потомки переселенцев так и не получили возможность покинуть свое этническое гетто... Можно с легкостью представить себе общество воплощенного разнообразия, члены которого не только не разделяют ценностей и устремлений друг друга, но даже не говорят на одном языке. В такой ситуации сферы проявления спонтанной социализированности будут жестко ограничены линиями водораздела, пролегающими между расами, национальностями, языками и т.п. Следовательно, чтобы страна имела возможность оставаться одним сообществом, этнический фактор необходимо уравновешивать ассимиляционной языковой и образовательной политикой.

Сегодня американское общество представляет собой пестрый и меняющийся ландшафт... Есть все основания классифицировать США как страну с двойкой – индивидуалистической и коллективистской – ориентацией. Так что те, кто видят один индивидуализм, закрывают глаза на самую существенную часть американской социальной истории. Однако за последнюю пару десятилетий баланс действительно все более и более склонялся в пользу индивидуализма... Наметившийся дрейф уже создал в стране многочисленные проблемы.

Причин усиления американского индивидуализма в ущерб американскому общественному инстинкту множество. Главная из них – это, конечно, *сама капиталистическая система*... Под колесами этого локомотива гибнут прежние формы социальной жизни. В свое время промышленная революция уничтожила гильдии, города, фермерское хозяйство, крестьянскую общину. Сегодня, когда так возросла мобильность капитала, заставляющая работать людей в других странах... продолжающаяся капиталистическая революция разрушает другой институт: соседскую общину... Однако не стоит забывать, что капитализм способен создавать новые объединения не хуже, чем разрушать их. В течение 1980-х, так называемой “декады жадности”, пока одни американские компании безжалостно сокращали штаты и разрушали сложившиеся коллективы, многие другие вводили на своих заводах и фабриках облегченное производство, работу командами, кружки качества, системы поощрения инициативы, требовавшие оценки труда внутри малых групп, и множество других новшеств экономической организации на низовом уровне.

Помимо самой природы капиталистического общества рост индивидуализма в Америке во второй половине XX столетия имеет и несколько других причин. Первой оказались *непредвиденные последствия либеральных реформ 1960–1970-х гг.* Так, уничтожение трущоб разрушило большинство систем социального вспомоществования, существовавших в бедных кварталах... Форсированное вмешательство “компетентного правительства” привело к сворачиванию политических машин, традиционно управлявших крупными американскими городами... в глазах избирателей они являлись символом сплоченности горожан и общности их интересов. В последующие годы политическая активность стала уходить с низового уровня и перемещаться на все более высокие этажи региональной и федеральной власти.

Второй фактор имеет отношение к начавшейся при *новом курсе* (имеется в виду политика президента Рузвельта – *замечание автора*) многоуровневой экспансии государства *благосостояния*, в процессе которой власти стали брать на себя все большую ответственность за оказание разнообразных услуг, прежде находящихся в ведении гражданского общества... Как показала прак-

тика, разрастание *государства благосостояния* только ускорило деградацию коммунальных институтов, которые она ставила себе целью поддержать. Прекрасный пример результатов такого процесса – нынешний уровень зависимости американцев от правительственных субсидий.

Движение за гражданские права достигло успеха в *борьбе за общедоступность публичных учреждений* (а затем и частных организаций, оказывающих услуги населению) благодаря использованию судов... Их совокупным и непредвиденным эффектом стала враждебная позиция государства по отношению к многим коммунальным институтам... Примером трудностей, с которыми в последнее время пришлось столкнуться коммунальным институтам, могут служить недавние события в истории бойскаутской организации, которая была основана как христианская группа, призванная развивать в мальчиках разнообразные мужские добродетели... Раз за разом проигрывая судебные иски – еврейской общине по вопросу о недопущении нехристиан, женщинам по вопросу о недопущении девочек, группам за права гомосексуалистов по вопросу об исключении наставников нетрадиционной ориентации, – организация утратила те изначальные черты, которые делали ее сплоченным моральным сообществом.

Последней в ряду причин роста индивидуализма можно назвать *распространение электронных технологий*. Несмотря на заявления апологетов “глобальной паутины” о том, что компьютер открывает беспрецедентные возможности для создания независимых от географической близости виртуальных сообществ, складывается впечатление, что главным эффектом многих технологических новшеств послевоенного периода стала дальнейшая *изоляция личности*... Хотя новейшие телекоммуникации могут содержать некую тенденцию – противовес, пока остается далеко не ясным, насколько виртуальные сообщества смогут стать полноценной заменой личному человеческому контакту... Таким образом, сегодня искусство ассоциации может казаться вполне жизнеспособным, особенно учитывая постоянное возникновение новых групп, объединений и сообществ. Однако в плане влияния на этические навыки населения лоббистские политические группы и виртуальные сообщества вряд ли способны заменить те, прежние, что были основаны на единых моральных ценностях. Как показал опыт социумов с низким уровнем доверия, когда общественный капитал растрочен, для его восстановления требуются столетия, если восполнить его вообще возможно” [26].

О. Рэнни считает, что невысокий уровень доверия к политическим институтам не отражается негативным образом на показателях *политической эффективности*. Рядовые американцы придерживаются мнения, что их симпатии и предпочтения оказывают существенное влияние на политику официальных властей. Американцы в этом вопросе превосходят западноевропейцев и мексиканцев и ощущают, что их политическое участие эффективно. Причем это касается как простых граждан, так и представителей элиты [27]. Объяснение этого явления, на наш взгляд, связано с тем, что у граждан США всегда существовали весьма эффективные каналы влияния на правительство, связанные с демократическими процедурами. Поэтому доверие к демократии и политическому участию является более стабильным,

чем доверие к конкретным институтам власти и политикам, их представляющим.

Эффективность демократического участия проявляется и в такой особенности американского образа жизни, как *пристрастие к сутяжничеству*. Зарубежные исследователи с удивлением обнаружили, что подавляющее большинство американцев вне зависимости от цвета кожи, пола, возраста и социального положения с удовольствием судятся друг с другом. Они считают, что в действительности обладают фундаментальными неотчуждаемыми правами человека и мобилизованы на их активную защиту. Это объясняет, почему в современной Америке такую большую роль играют адвокаты. В США на 440 жителей приходится один юрист, тогда как в Японии, например, эти цифры составляют 1 на 10 тыс. чел. Бывшей председателем Федеральной резервной системы шуточно заметил по этому поводу: “Если бы большее количество даровитых американцев посвящала себя не юриспруденции, а предпринимательству, экономическое положение США было бы несравненно более стабильным”.

Роль идеологии. Под *идеологией* О. Рэнни понимает “набор всеобъемлющих представлений и убеждений о том, как правительство должно принимать решения и какими они должны быть” [28]. Для сравнительных исследований обычно используется *лево-правая* политическая ось. Если рассматривать экономические вопросы, то левые позиции занимают приверженцы социалистического планового хозяйства, а правые – сторонники частнособственнических рыночных отношений. Когда мы обращаемся к политическим проблемам, противоположными ориентациями становятся *демократия* и *авторитаризм*, а когда к правовым – *конституционализм* и *тоталитаризм*.

Особенностью Соединенных Штатов всегда было отсутствие здесь сильного социалистического движения. Поэтому в общественном сознании утвердилось противопоставление *либералов* и *консерваторов*, а не левых и правых. Сравнительные исследования показывают также очень низкую степень идеологизации американской политической культуры в сопоставлении с западноевропейской. Например, в США только 21% граждан активно используют идеологию в своей жизни; 34% признают существование идеологий и понимают различия между разными течениями; 67% могут определить свое местоположение на либерально-консервативной оси. В ФРГ эти данные составляют 34, 56 и 92%, соответственно [29].

С. Хантингтон обнаружил еще одну интересную особенность идеологической идентификации в США – существенную разницу во взглядах элиты и рядовых американцев. В двадцати опросах общественного мнения за период с 1974 по 2000 г., когда респондентов

просили отнести себя к либералам, умеренным, или консерваторам, приблизительно 1/4 опрошенных назвала себя либералами, около 1/3 причислили себя к консерваторам и от 35% до 40% признали себя умеренными. Что касается элит, то если не учитывать бизнес и армию, ниже перечисленные группы как минимум вдвое превосходят своей либеральностью широкую публику (табл. 9.1.)

Таблица 9.1. Приверженность либеральным ценностям представителей элиты и простых граждан США, % [30].

Группы интересов	91
Телевидение	71
Профсоюзы	73
Кинематограф	67
Религия	59
Сфера управления	56
СМИ	55
Суды	54
Помощники конгрессменов	52
Юриспруденция	47
Публика	25
Бизнес	14
Армия и флот	9

С. Хантингтон считает, что эти данные являются наглядным свидетельством конфликта между патриотической публикой и денационализированными элитами, которые не только менее патриотичны, чем рядовые граждане, но и более либеральны. Это создает опасную проблему. Политически Америка остается демократией, поскольку лидеры страны становятся таковыми через свободные и честные выборы. Но во многих других отношениях Соединенные Штаты сделали непредставительной демократией, поскольку по целому ряду вопросов мнение избранных лидеров не совпадает с мнением народа.

Политическая социализация. В Америке этот процесс протекает во многом так же, как и в других современных высокоразвитых демократических странах. Политическая социализация начинается в возрасте 3–4 лет и продолжается до старости и смерти. Дети, как правило воспринимают, прежде всего, такие политические фигуры, как президента и местного полицейского, которые являются для них наиболее важными лицами вне семьи. По мере взросления процесс постижения мира политики идет вглубь и вширь: дети узнают о существовании партий, конгрессменов, судей, политических альтернатив и проблем.

Политическая социализация американцев осуществляется под воздействием родителей, школьных учителей, друзей и одноклассников, коллег по работе и средств массовой информации. Все недавно проведенные исследования отмечают, что в политической социализации молодого человека родители по-прежнему играют важную роль, хотя в последние годы в связи с усилением влияния СМИ их влияние несколько снизилось. Средства массовой информации, и особенно телевидение, сделали одним из наиболее мощных факторов влияния на политическую социализацию, мировоззрение и поведение человека.

Р. Патнем высказал интересное предположение, что распространение телевидения несет главную ответственность за падение доверия к политическим институтам в американском обществе. Первое поколение, выросшее, глядя на экран, было поколением, которое пережило наиболее резкий упадок доверия. Мало того, что содержание телевизионных передач, пропагандирующих секс и насилие, порождает цинизм, сам факт просмотра телепередач в уединении в собственной гостиной ограничивает возможности зрителей к личной социальной активности, а средний житель США смотрит телевизор более четырех часов в сутки [31].

4. Артикуляция интересов и группы интересов

Еще в 30-е гг. XIX в. А. де Токвиль обратил внимание на то обстоятельство, что “американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысячи других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света... И там, где во Франции во главе всякого начинания вы видите представителя правительства, а в Англии – представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет” [32].

Токвиль считал, что увиденный им в Америке образ действий – это универсальное свойство демократических народов. Дело в том, что равенство граждан делает их независимыми друг от друга, что содействует социальной изоляции и индивидуализму. “Все они были бы беспомощны, если бы не научились добровольно помогать друг другу... Нравственность и умственное развитие демократического

народа подверглись бы не меньшей опасности, чем его торговля и промышленность, в случае если бы правительство полностью заместило собой союзы и ассоциации... Правительство не более способно стимулировать и обновлять движение чувств и идей великого народа, чем оно способно руководить всеми промышленными предприятиями. Если правительство, покинув сферу политики, ринется вперед по этому новому пути, оно, само того не желая, начнет насаждать невыносимую тиранию, ибо правительство способно лишь диктовать четкие правила и положения. Покровительствуя определенным чувствам и идеям, оно насаждает их, и его советы всегда трудно отличать от приказов... Среди законов, управляющих человеческим обществом, есть один абсолютно непреложный и точный. Для того чтобы люди оставались или становились цивилизованными, необходимо, чтобы их умение объединяться в союзы развивалось и совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство условий существования” [33].

Несмотря на определенные проблемы с искусством ассоциации, вызванные ростом индивидуализма во второй половине XX в., большинство американцев не разучилось этому удивительному умению, о котором писал А. де Токвиль. Современные ассоциации, или **группы интересов**, как их принято называть в наше время, играют в США даже более важную роль, чем в других демократиях. В большинстве демократических стран мира интересы артикулируются группами интересов и группами давления, а также политическими партиями, которые в основном специализируются на агрегации интересов. Особенностью Соединенных Штатов Америки является то, что здесь действуют слабые и плохо сплоченные партии. Поэтому группам интересов принадлежит главная роль в реализации двух первых функций политического процесса.

Группы интересов в США имеют две основные разновидности: (а) комитеты политических действий и (б) группы давления, или лобби.

Комитеты политических действий. Данный вид групп интересов является чисто американским феноменом, незнакомым другим демократическим странам мира, располагающими сильными партиями. Комитет политических действий (*Political Action Committee* – РАС) – это любая, непосредственно не связанная с политическими партиями и кандидатами организация, которая привлекает и расходует финансовые средства для того, чтобы повлиять на итоги выборов.

От политических партий комитеты отличаются тем, что они, во-первых, не номинируют кандидатов, а поддерживают или противодействуют партийным выдвиженцам. Во-вторых, РАС заинтересо-

ваны в реализации конкретного политического курса, независимо от того, представители какой партии обещают его проводить. Поэтому комитеты активно работают и с кандидатами республиканской партии, и с их оппонентами из демократической партии.

Первые комитеты политических действий возникли еще в годы Гражданской войны. Многие из них действовали с большим успехом. Одним из наиболее известных РАС является *Антисолуновая лига*, основанная в 1893 г., которая вела борьбу против производства и продажи алкогольных напитков. В 1919 г. ей удалось добиться принятия конгрессом сухого закона. В 1878 г. возникла *Ассоциация Национальной гвардии*, выступавшая за оснащение и обучение милиции штатов. Данный комитет стоит у истоков современной Национальной гвардии США. Наиболее влиятельным во второй половине XX в. стал так называемый COPE (*Committee on Political Education* – Комитет политического образования). Он возник при содействии крупнейших профсоюзов Америки – АФТ-КПП. Целью комитета стала поддержка рабочих кандидатов, представлявших демократическую или республиканскую партии во время выборов в конгресс. COPE располагал значительными финансовыми ресурсами и был достаточно эффективным.

С 1974 г. в США наблюдается стремительное увеличение количества РАС. Причинами такой небывалой политической активности граждан стали принятые конгрессом поправки в Федеральный избирательный закон. Они устанавливали жесткие лимиты на количество финансовых средств, которые одно физическое лицо могло пожертвовать в избирательный фонд кандидата, и одновременно повышали минимальные объемы коллективных пожертвований. Поправки запрещали профсоюзам и корпорациям напрямую финансировать кандидатов, но не возбраняли им делать солидные взносы в бюджеты РАС. Это стимулировало быстрый рост подобных групп интересов. Если в 1974 г. в США действовало 608 комитетов политических действий, то к середине 90-х гг. их количество составляло уже около 4 тыс.

Каждый РАС должен регистрироваться в Федеральной избирательной комиссии и предоставлять регулярные отчеты о своей деятельности, в которых должна содержаться информация о направленности деятельности, донорах комитета, средствах, перечисленных комитетом конкретным кандидатам. Частные лица могут вносить в РАС сумму, не превышающую 5 тыс. долл. в год и не более 25 тыс. долл. – на поддержку всех кандидатов, партий и РАС. Комитет политических действий имеет право пожертвовать в пользу одного кандидата 10 тыс. долл. При этом общая сумма, которая может быть пожертвована всем кандидатам или предвыборным партийным

комитетам, не лимитируется. Нет ограничений и на средства, направленные определенному кандидату или партии, пока получатели не сообщили, как именно они ими распорядились.

РАС сосредоточивают свои усилия в основном на парламентских выборах, поскольку президентская кампания в США финансируется из государственного бюджета. Подсчитано, что доля комитетов в покрытии издержек кандидатов на выборах в палату представителей и сенат составляет около 30% [34].

В зависимости от целей комитеты политических действий РАС подразделяются: на занимающиеся сугубо материальными вопросами, отдающие приоритет нематериальным интересам, идеологические.

К первой группе относится большое количество организаций, которые создаются экономическими корпорациями и профсоюзами. Например, собственные РАС есть у таких гигантов американского бизнеса, как “Крайслер”, “Кока-Кола”, “Дженерал Электрикс”, “Тексако” и др. В свою очередь, *Американская федерация учителей*, *Американская федерация служащих* и ряд других профессиональных объединений собирают средства для поддержки кандидатов, которые обещают отстаивать в конгрессе интересы организованного рабочего движения.

Ко второй группе относятся организации, которые преследуют нематериальные интересы. Например, *Национальная лига в защиту права женщин на аборт* обеспокоена гендерным неравенством и нарушением прав женщин в США. Другая женская группа интересов, которая называется “*Право на жизнь*”, выступает за запрещение абортов, укрепление семьи и увеличение рождаемости. *Национальная ассоциация ружей* выступает против контроля за продажей оружия. Противоположные цели преследует *Handgun Control*.

К третьей группе относятся идеологические комитеты, которые поддерживают либеральных или консервативных политиков во время выборов.

Наиболее влиятельными либеральными РАС являются Национальный комитет *За эффективный конгресс* и уже упоминавшийся *Голливудский женский политический комитет*. К противоположному политическому флангу примыкает *Национальный консервативный комитет политических действий* и комитет *Консервативная победа*. Известно, что последние содействовали победе Рональда Рейгана на президентских выборах 1980 г. и приходу к власти неоконсерваторов. Тогда, благодаря кампании *прямой почты* (адресных посланий избирателям) удалось не пропустить в конгресс многих влиятельных депутатов от демократической партии [36]. Консервативные комитеты политических действий многое сделали и для обеспечения абсолют-

ной победы республиканцев на президентских выборах, а также на выборах в палату представителей и сенат в 2004 г.

ВСТАВКА 9.3.

Роль женских PAC в современной Америке

“Для женщин-кандидатов большую трудность представляет, в частности, финансовая проблема, поскольку женские вопросы долгое время не привлекали пожертвований. А между тем не менее 7 млн долл. необходимо, например, кандидату в конгресс только для теле- и радиорекламы. Поэтому сбор средств для женщин-кандидатов – одна из важнейших задач женского движения.

Успешно ведут сбор средств для женщин-кандидатов организации *Список Эмили*, *Голливудский женский политический комитет*, *Женский фонд избирательных кампаний* и многие другие. Среди влиятельных женских организаций, занимающихся сбором средств на избирательные кампании женщин-кандидатов, *Национальная Лига борьбы за право на аборт*, *Национальная женская организация* и многие другие, отдающие немало энергии и сил решению этого вопроса.

В современной Америке можно наблюдать благоприятное явление, которое относится как экспертами, так и многими действующими женщинами-политиками к разряду наиболее важных изменений за последнее время, – это готовность избирателей – мужчин и женщин – финансировать избирательные кампании женщин-кандидатов... Произошло величайшее изменение культуры...

Если до 1988 г. женщинам – кандидатам в Конгресс удавалось, как правило, собирать лишь 3/4 финансовых средств, добываемых мужчинами-кандидатами, то теперь они в среднем собирают столько же, сколько и мужчины или порой больше... Например, в 1998 г. организация *Список Эмили* внесла в кампании женщин – кандидатов в конгресс США, отстаивающих право выбора для женщин, более 7 млн долл. ...

Следует подчеркнуть, что сегодня в США уже сложилась достаточно налаженная система финансовой поддержки избирательных кампаний женщин-кандидатов. Она состоит из национальных и региональных комитетов политических действий или донорских сетей. В 1997 г. существовало 58 комитетов политических действий и донорских сетей, которые давали деньги главным образом женщинам-кандидатам” [35].

Группы давления и лобби (*Pressure Groups, Lobby*). Группы интересов могут действовать и по-другому, оказывая давление на избранных политиков, работающих в различных структурах исполнительной и законодательной власти, либо на чиновников в государственном аппарате, лоббируя свои интересы. Сущность **лоббистской деятельности** (*Lobbying*) заключается в том, чтобы добиться от органов государственной власти одобрения либо отклонения тех или иных законопроектов или административных решений [37].

Лоббистские группы действуют главным образом методом убеждения, объясняя законодателям или членам администрации выгод-

ность своих предложений. В конечном итоге почти все политики заинтересованы в том, чтобы приносить благо своим избирателям, побеждать соперников и обеспечивать переизбрание на новый срок. Поэтому дельные предложения групп давления могут быть взяты на вооружение членами палаты представителей, сенаторами либо членами администрации.

По методам деятельности лоббизм делится на прямой и косвенный. **Прямой лоббизм** является классической его формой и предполагает непосредственное взаимодействие лоббистов с конгрессменами или должностными лицами в правительстве. Формами прямого лоббизма могут быть и непосредственное участие представителей группы давления в нормотворческой деятельности, и побуждение политиков к принятию определенных решений, и использование родственных и дружеских связей, и повседневные неформальные контакты. Очень важную роль при прямом лоббизме играет доступ к информации о готовящихся законопроектах и проектах решений исполнительной власти. У представителей групп давления в США есть право участия в заседаниях комитетов и комиссий конгресса и местных legislatures, а также право выступления на слушаниях.

Что касается **косвенного лоббизма**, то к этому виду деятельности групп интересов принято относить организацию всевозможных массовых кампаний: пропагандистских, рекламных, протестных. Часто используются такие способы, как организация потока писем политику от его избирателей, телефонных звонков в конгресс, писем читателей в редакции влиятельных газет. Косвенный лоббизм может активизировать значительные массы населения и оказывать давление не только на конкретного депутата, но и на законодательное собрание в целом. Специфически американским методом лоббистской деятельности является судебная тяжба. Еще А. де Токвиль обращал внимание на то, что “едва ли найдется в Соединенных Штатах такой политический вопрос, который рано или поздно не решится бы в суде”. Особенно успешно лоббируют в суде свои интересы правозащитные, экологические и женские организации.

Таким образом, американские группы давления действуют самостоятельно вне рамок политических партий. Этим США существенно отличаются от других демократических стран, в которых интересы крупных социетальных групп оформлены тесными контактами либо принадлежностью к партиям. Например, в Великобритании профсоюзы представляют свои интересы через лейбористскую партию, а в Австрии ассоциации бизнеса имеют тесные связи с Народной партией.

ВСТАВКА 9.4.

Законодательство о лоббистской деятельности

В американской юриспруденции считается общепризнанным, что лоббистская деятельность в стране обеспечена первой поправкой к Конституции, которая гарантирует гражданам право обращаться к правительству с петициями. Первый федеральный закон о регулировании лоббизма был принят в 1946 г. В соответствии с ним лоббисты обязаны были регистрироваться у клерка палаты представителей и секретаря сената и представлять им ежеквартальные отчеты о своей деятельности. Закон не распространялся на лоббистскую деятельность в структурах исполнительной власти и на косвенный лоббизм. В 1995 г. был принят другой более всеохватывающий закон, регулирующий эту сферу. Он распространяется в том числе и на лоббизм в структурах исполнительной власти, но не на косвенный лоббизм. В нем также фигурирует давно прижившееся в американской политической практике явление, которое получило название *лоббистской фирмы*. Оговаривается также то, что лоббизмом считается только такая деятельность физического лица, на которую он тратит более 20% рабочего времени в полугодие. Новый закон освобождает от регистрации лоббистские фирмы, если их доход не превышает 5 тыс. долл. в течение полугодия или если расходы на эту же деятельность не превысили 20 тыс. долл. за тот же промежуток времени. Остальные лоббисты должны регистрироваться у клерка палаты представителей или секретаря сената и предоставлять им полугодовые отчеты.

В Соединенных Штатах узаконен лоббизм в пользу иностранных государств. Еще в 1938 г. в связи с усилением пронацистской пропаганды конгресс США принял закон о регистрации иностранных агентов. Целью закона являлась защита национальных интересов и безопасности Соединенных Штатов путем придания публичности информации о лицах, вовлеченных в пропагандистскую и иную деятельность в пользу иностранных государств. В 1966 г. в этот закон были внесены поправки, легализовавшие лоббизм в пользу иностранного государства: акценты были перенесены с раскрытия подрывной деятельности на раскрытие лоббистской деятельности в пользу иностранных клиентов [38].

5. Агрегация интересов: выборы, партии и партийная система

Выборы и избирательная система. Для того чтобы занять определенную политическую должность в США на федеральном или штатном уровне, претенденту необходимо пройти через две стадии соревнования. Вначале ему требуется обеспечить выдвижение своей кандидатуры одной из двух основных политических партий. Затем ему необходимо победить своих конкурентов от другой партии в ходе избирательной кампании.

Важной особенностью американской политической системы является то, что процесс номинации претендентов партиями предполагает проведение первичных выборов. В США лидеры двух круп-

нейших политических организаций не обладают правом определять партийных кандидатов не только для участия в президентских выборах, но и выборах в палату представителей и сенат. Как выяснили американские политологи Кеннет Джанда, Джеффри Берри и Джерри Голдман, “фактически никакие другие партии в современном мире не выдвигают претендентов для участия в парламентских выборах путем первичных выборов. В более чем половине партий мира кандидаты для участия в парламентских выборах определяются партийным руководством и в большинстве случаев их выбор должен быть подтвержден национальным съездом. Фактически в более чем 1/3 политических партий мира сами национальные съезды определяют партийных кандидатов” [39].

В Соединенных Штатах все основные претенденты на занятие публичных должностей на всех уровнях политической системы определяются путем **первичных выборов** (*primaries*), т.е. специальных выборов, которые проводятся внутри политических партий. Это делает данный процесс в высшей степени децентрализованным, зависящим от мнений тысяч и даже миллионов рядовых членов политических организаций.

Следует иметь в виду, что в США существуют различные виды праймериз. Их принято подразделять на *закрытые*, *открытые* и *бланковые* (*blanket*). Наиболее распространенным является первый вид, действующий в примерно 40 штатах. Перед получением бюллетеня избиратель должен здесь обязательно заявить о своей партийной принадлежности. Второй вид существует только в нескольких штатах и отличается тем, что в данном случае не требуется заявлять о своей партийной принадлежности, но нужно лишь выбрать бюллетень одной из конкурирующих партий. Третья разновидность первичных выборов является наименее распространенной (применяется в двух-трех штатах). Избиратель не только отдает свой голос претенденту конкретной партии, но и берет на себя обязательства оказывать помощь потенциальным выдвиженцам этой партии на все должности. Большинство исследователей считает, что именно закрытые праймериз в наибольшей степени содействуют укреплению партийных организаций.

Кандидаты для участия в президентских выборах определяются **национальными конвентами** демократической и республиканской партии, которые проводятся летом в год президентских выборов. Им предшествуют так называемые президентские праймериз и местные собрания партийных организаций (*caucuses*) по выдвижению делегатов на эти форумы. *Президентские праймериз* (применяются в 30 штатах) – это специальный вид первичных выборов, на которых сторонники основных партий непосредственно голосуют за претен-

дента, которого они поддерживают. Местные собрания партийных организаций обычно проводятся в графствах, они избирают делегатов на штатные форумы (в 20 штатах), которые, в свою очередь, голосуют за делегатов национального конвента. Обычно делегаты кокэсов открыто высказываются в пользу того или иного партийного претендента [40].

В соответствии с законодательством все места в палате представителей и 1/3 мест в сенате замещаются с помощью *всеобщих выборов* (*general elections*), которые проводятся в первый вторник после первого понедельника ноября по четным годам. Обычно штаты используют эту дату также для заполнения многих важных вакансий на локальном уровне. Каждые четыре года, когда избирается президент, всеобщие выборы именуются также и президентскими выборами. В другие годы они называются выборами в конгресс или промежуточными выборами.

Следует отметить, что, несмотря на определенные сокращения количества публичных должностей, замещаемых с помощью выборов, по сравнению с 60-ми гг. Соединенные Штаты в 1990–2000 гг. по-прежнему сохранили за собой бесспорные лидерские позиции по этому показателю среди развитых демократических стран. Как подсчитали американские политологи Рассел Далтон и Марк Грей, гражданину США необходимо участвовать в среднем в 16 разновидностях всевозможных выборов, не считая праймериз, а также штатных и городских референдумов [41].

Выборы в Соединенных Штатах проводятся по *плюральной системе (мажоритарной системе простого большинства)*. Использование данной электоральной формулы обычно приводит к диспропорциональности политического представительства партий в высшем законодательном органе власти (см. тему 4). Тем не менее в США показатели индекса диспропорциональности не являются слишком высокими при выборах в конгресс. А. Лейпхарт считает, что “главным объяснением этого необычного феномена является наличие первичных выборов в Соединенных Штатах. В большинстве стран, использующих плюральную избирательную систему, диспропорциональность представительства связана с небольшими политическими партиями. В США их очень немного, потому что первичные выборы предоставляют прекрасную возможность для политических диссидентов попытаться счастья с одной из двух главных партий, вместо создания отдельных маленьких организаций. Кроме того, законы штатов дискриминируют небольшие партии” [42].

Специфика партийной организационной структуры. Американские политические партии существенно отличаются от тех, которые действуют в других демократических странах. Это кадровые, а не

массовые политические организации, деятельность которых активизируется во время избирательных кампаний и затухает в электоральное межсезонье. По этой причине многие политологи называют их *партиями для выборов*.

О. Рэнни считает основными структурными особенностями американских партий децентрализованную организацию, слабую сплоченность и низкую партийную дисциплину.

В большинстве стран мира политические партии представляют собой в большей либо меньшей степени иерархические образования. По-иному выглядит ситуация в США. Специалист в области современных партий Сэмюэл Эндерсвельд причислил организационную структуру американских партий к **стратархиям** (*stratarchies*), а не иерархиям [43]. Это означает, что партийные организации на каждом уровне функционирования (национальном, штатном, локальном) являются автономными и не могут существенным образом повлиять на поведение организаций, находящихся на ином уровне.

Например, на национальном уровне и республиканцы, и демократы имеют *президентскую партию* и *партию конгресса*. Президентская партия состоит из президента (если он есть), национального комитета, национального председателя и национального конвента по номинации (выдвижению кандидатур на выборные должности). До избрания представителя партии президентом страны у нее отсутствует повсеместно признанный лидер.

Партия конгресса состоит из всех членов партии в обеих палатах американского парламента, лидера фракции (*floor leader*) – главного координатора партийной законодательной стратегии и тактики; политического комитета, помогающего лидеру фракции в законотворчестве и политической активности; парламентского организатора и комитета по проведению избирательных кампаний (сбора средств, их распределения и др.)

Эта же структура повторяется и на уровне штатов, только там ее элементы называются по-другому: *партия губернатора* и *партия легислатуры*. На местном уровне действуют районные комитеты и комитеты избирательных округов. Все они являются автономными и не подчиняются высшим партийным инстанциям. Таким образом, американские партии – это конгломерат разных лидеров и комитетов, которые находятся в разных организациях стратархии и не зависят друг от друга.

Для американских партий характерна **низкая сплоченность** (*cohesion*). В политологических текстах термин *сплоченность* обозначает одинаковость голосования представителей партийной фракции в легислатуре. В современных демократиях нормой является, когда однопартийцы единодушны в голосовании по важным политиче-

ским вопросам. В США подобное единодушие присутствует, только когда в конгрессе и легислатурах штатов решаются организационные вопросы: выборы спикеров, председателей постоянных комитетов и комиссий. По большинству других вопросов подобного единодушия не наблюдается. Это – результат незначительной роли партий в американском процессе определения политического курса, а также – результат *слабой партийной дисциплины*.

ВСТАВКА 9.5.

М. Дюверже об особенностях американских партий

Следует напомнить, что в качестве важнейшего критерия классификации партий М. Дюверже выдвинул различия в построении и функциях их первичных организаций, или базовых элементов. На этом основании он выделял партий-комитеты (*caucus*), партии-секции, партии-ячейки и партии-милиции. Для Соединенных Штатов характерна именно первая разновидность партий.

“Комитет – это французский термин, который обозначает почти ту же реалию, которая в англосаксонской терминологии именуется *caucus*. Комитет отличается, прежде всего, своим закрытым характером. Он невелик по численности и не стремится ее увеличить. Он не ведет никакой пропаганды с целью привлечь пополнение. Он, кстати, вообще не занимается членами партии в настоящем смысле этого слова, ибо комитет – это ограниченная и закрытая группа; в нее не может войти всякий, кто пожелает: вернее будет сказать, что сюда проникают лишь путем своего рода негласной кооптации или формального выдвижения. Несмотря на келейный характер, комитет тем не менее может располагать большой властью. Его сила – не в количестве членов, но в их качестве... Комитет функционирует на довольно большой территории, которая обычно соответствует избирательному округу... В Америке комитеты по-прежнему играют важную роль на уровне графств, где происходят выборы на главные административные посты... Активность комитета носит циклический характер: она достигает максимума в период выборов и значительно снижается в перерывах между ними. В итоге комитеты имеют переходный характер: это не случайное объединение, созданное на одну избирательную кампанию и исчезающее вместе с ней; но все же это пока еще и не вполне постоянный институт, подобный современным партиям, которые никогда не прекращают агитации и пропаганды”.

Комитеты, по мнению Дюверже, это архаичный тип структуры политических организаций, который стал исчезать в Европе с введением всеобщего избирательного права. В США он, однако, сохранился. Но подобное сравнение европейских и американских партий не совсем корректно. “Американские партии – прежде всего избирательные машины, которые обеспечивают выдвижение кандидатов на всякого рода предварительных выборах, официально организуемых по законам соответствующих штатов, съездах или *праймериз*, в этом смысле они представляют собой совершенно оригинальные организмы. С другой стороны, они не носят характера идеологических группировок или классовых общностей: каждая из них объединяет людей самых различных взглядов и весьма различного социального положения на всей огромной территории

США. Речь идет в основном о технологических командах специалистов по завоеванию голосов и административных постов... Американские партии с некоторыми оговорками можно считать базирующимися на основе комитетов... Таким образом, американские партии в целом имеют весьма архаичную структуру... Проблема состоит не в том, почему американские партии не заменили комитеты секциями или ячейками – как показывает опыт, сегодня во всем мире очень немногие партии трансформируют свои структуры в этом направлении: старые европейские партии остаются верны комитетам, точно так же как их заокеанские собратья. Подлинная проблема состоит в том, чтобы объяснить, почему всеобщее избирательное право и выход масс на арену политической жизни не привели здесь к формированию левых партий современного типа. Отсутствие в Америке крупной социалистической партии объясняют отсутствием классового сознания у американского рабочего, его глубоким индивидуализмом – его, как сказал бы Ленин, *мелкобуржуазным характером*. Архаичная структура американских партий кажется, таким образом, следствием принципиального консерватизма американской политики (в европейском смысле слова). Обе большие американские партии, по существу, расположились бы справа или в центре, следуя европейской парламентской географии; а тот факт, что они все еще основываются на комитетах, вполне соответствует общей тенденции, о которой мы говорили выше” [44].

Партийные диссиденты, не согласные с руководством организаций, существуют в ряде стран мира. Однако в большинстве современных демократий партийные лидеры обладают эффективным оружием в борьбе с ними. Главным образом используется такой метод, как отказ в официальной партийной поддержке при выдвижении на следующих выборах. В Америке это средство не работает. В США, в отличие от Великобритании, например, где для выдвижения кандидата от партии необходимо согласие национального руководства, любой кандидат, который выиграл праймериз в округе по выборам в конгресс, автоматически становится легитимным кандидатом партии на выборах, и ни один руководящий орган партии не может отвести его кандидатуру.

В 1938 г. Ф. Д. Рузвельт пробовал не допустить переизбрания от демократической партии тех конгрессменов, которые выступали против политики *Нового курса*, но смог добиться своего только в одном случае из тринадцати. Президент-республиканец Рональд Рейган, у партии которого не было поддержки в палате представителей, опирался на некоторых депутатов-демократов от южных штатов, которые голосовали за его неоконсервативный экономический курс. В начале 2007 г. некоторые сенаторы-республиканцы голосовали за резолюцию, инициированную демократами, осуждающую президента Буша (республиканца) за продолжение войны в Ираке.

Особенности партийной системы. В США зарегистрировано большое количество политических организаций. Например, в пре-

зидентских выборах 1996 г. участвовали кандидаты от 20 партий, однако голоса избирателей фактически разделились между претендентами демократической и республиканской партий, на остальных пришлось около 1,6%. Аналогичной является ситуация и при проведении выборов в конгресс. Места в палате представителей и сенате делят между собой две крупнейшие партии США. Социалист Бернард Сандерс оказался первым с 1954 г. представителем *третьей силы* в американском парламенте. Впервые он был избран в нижнюю палату в 1990 г., а затем переизбирался в 1992, 1994, 1996 и 1998 гг. Эти и аналогичные факты позволяют сделать вывод о том, что в США сложилась и функционирует *система бипартизма* в чистом виде.

По мнению американских политологов Шона Боулера, Элизабет Картер и Дэвида Фаррелла, на характер партийной системы в США повлияло не только избирательное законодательство и форма правления, которые содействуют формированию двух крупных коалиций при агрегации политических интересов. Не менее важную роль играют правила включения кандидатов в бюллетени для голосования, доступ кандидатов к электронным СМИ и особенности финансирования кампании. Все это направлено против небольших политических партий.

В США правила регистрации кандидатов являются прерогативой штатов. Количество подписей, которые необходимо собрать для включения претендентов в списки для голосования, не является показателем, одинаковым для всей страны, и зачастую он завышен. “Неудивительно поэтому, что третьи партии и их кандидаты в Соединенных Штатах часто сталкиваются с чрезмерными препятствиями даже при попытке попасть в бюллетени для голосования” [45].

Не менее важную роль играет и неравный доступ к электронным медиа. Учитывая то обстоятельство, что телевидение является главным средством коммуникации кандидатов и избирателей во время выборов, крупные партии получают преимущество над небольшими политическими организациями, потому что именно к ним приковано внимание основных телекомпаний страны, освещающих избирательные баталии.

Наконец, неравенство между партиями в США существует и в доступе к государственному финансированию во время выборов. Например, для того чтобы получить средства из государственного бюджета на проведение президентской избирательной кампании, партии должны доказать, что за их претендентов голосовало не менее чем 5% избирателей. Поскольку получение 5% поддержки зависит от возможности проведения дорогостоящей кампании в СМИ, немногие политические организации могут себе это позволить. “Поэтому ничего удивительного нет в том, что только демократическая и респу-

бликанская партии получают миллионы долларов государственных субсидий во время выборов” [46].

Многие зарубежные аналитики обращают внимание на то, что в отличие от Европы, в Соединенных Штатах *не существует большой идеологической разницы между основными партиями*. “Они похожи на бутылки с различными этикетками, но одним содержимым”. Конечно, определенная разница существует. Она связана с социальной базой партий: демократов больше, чем республиканцев, поддерживают женщины, цветные, люди с меньшими доходами, скорее католики, чем протестанты. С точки зрения политической философии в демократической партии представлено больше либералов, нежели консерваторов, которые преобладают среди избирателей республиканской партии. Демократы выступают за большее государственное вмешательство в экономику и социальную сферу. Для республиканцев ближе политика, направленная на сокращение государственных субсидий на эти цели и борьбу с бюрократией. Демократы являются большими приверженцами равенства, чем республиканцы.

Мнение о существовании ценностного консенсуса в США, разделяемое основными политическими силами, в последнее время многими оспаривается. Например, правый республиканец Патрик Бьюкенен считает, что существуют значительные культурные противоречия, которые раздирают современную Америку:

“У нас имеются две противоборствующие силы. Первая – сельская, христианская, консервативная, почти пуританская. Вторая – социально толерантная, предприимчивая, светская, родом из Новой Англии или с Тихоокеанского побережья... На выборах 2000 г. политические различия между партиями были едва заметны. Мистер Буш предлагал снизить налоги радикальнее, чем мистер Гор, который заявлял, что собирается потратить деньги налогоплательщиков на борьбу с наркотиками, – вот и вся разница. Откуда же тогда столько желчи, столько сломанных копий из-за инцидента во Флориде?.. Ожесточенность, с какой сторонники Буша и Гора оспаривали итоги выборов 2000 г., как нельзя более обнажает различия в культуре обоих кандидатов... Наши различия коренятся в глубинных верованиях, – а в их преодолении американцы преуспели ничуть не больше, чем в ту пору, когда генерал Борегар приказывал открыть огонь по форту Саммер” [47].

Российский политолог В. Печатнов справедливо замечает, что 90-е гг. стали самым переменчивым и непредсказуемым периодом партийно-политической истории США прошлого столетия. Неожиданно резкий конец консервативного правления республиканцев в 1992 г., последовавший за этим в 1994 г. еще более неожиданный обвал позиций сменивших их демократов (они потерпели сокрушительное поражение на выборах в палату представителей и сенат), переизбрание Клинтона на второй срок в 1996 г., несмотря на рост популярности консервативных идей в стране. К этому перечню сле-

дует добавить и неожиданную победу Дж. Буша в 2000 г., которого списывали со счетов, отдавая преимущество кандидату-демократу и вице-президенту США Гору [48]. В 2004 г. Буш привлек на свою сторону голоса простых американцев, в то время как образованная и либерально настроенная часть общества голосовала за Керри. Все это подтверждает следующий вывод: *различия по культурным вопросам* постепенно начинают преобладать над другими факторами идеологического размежевания основных политических партий Америки. Причины данного явления следует искать в кризисе ценностей индустриального общества и незавершенности процесса формирования ценностей общества постиндустриального.

Важной особенностью американского бипартизма и одним из важных механизмов системы сдержек и противовесов является возможность *разделенного партийного контроля* (*divided party control*), т.е. такой ситуации, когда одна политическая партия контролирует законодательную ветвь власти, а другая – исполнительную. Это стало возможным в США благодаря президентской системе правления и почти стопроцентному бипартизму. Статистика свидетельствует, что с 1832 г., когда возникли современная избирательная и партийная системы, и по 1998 г. в 62% случаев после президентских и парламентских выборов возникал *объединенный контроль* со стороны одной партии и в 32% случаев – *разделенный партийный контроль* двух основных партий над органами законодательной и исполнительной власти.

В современной истории США, после смерти Ф. Рузвельта, тенденция к разделенному контролю явно превалировала над объединенным контролем. В 90-е гг. демократы контролировали президентскую власть, а республиканцы – конгресс. Объединенный контроль был полностью восстановлен Дж. Бушем в начале XXI в. Республиканская партия добилась абсолютной победы на выборах 2004 г. Но эта ситуация просуществовала только два года.

В 2006 г. на выборах в конгресс демократы смогли обеспечить себе значительное преобладание над республиканцами в палате представителей и потеснить их фракцию в сенате. 7 ноября на выборах в нижнюю палату демократическая партия смогла получить 231 место, а республиканская партия – только 201. Кроме того, на дополнительных выборах в декабре демократы провели в палату представителей еще двух депутатов. Лидер их фракции Нэнси Пелоси получила важный пост спикера нижней палаты.

На выборах в сенат демократическая партия также улучшила свои показатели. Соотношение сил в верхней палате после ноябрьских выборов 2006 г. демонстрирует шаткое равновесие: 51:49 в пользу демократов. Однако следует учитывать, что два члена фракции боль-

шинства – это независимые сенаторы Б. Сандерс и Дж. Либерман. Стоит также напомнить, что в соответствии с Конституцией США, в случае если голоса депутатов верхней палаты делятся поровну, у вице-президента (им является республиканец Дик Чейни) есть решающий голос [49].

Успех на промежуточных выборах вселил в демократов надежду на то, что они смогут победить и на президентских выборах 2008 г. У них есть неплохие шансы на это, поскольку поддержка избирателями республиканской администрации Дж. Буша все время падает из-за неудач в войне в Ираке и экономических трудностей (см. вставку 9.6.).

ВСТАВКА 9.6.

Политический портрет Джорджа Буша-младшего

Джордж Буш родился в 1946 г. в Новой Англии, штат Коннектикут, в семье известного политика из республиканской партии. Семейные связи, безусловно, помогли ему в дальнейшей карьере. Он поступил в престижный Йельский университет, получил степень бакалавра Бизнес-школы в Гарварде. После переезда в Техас Джордж в конце 60-х – начале 70-х гг. служил пилотом истребителя в тexasской национальной гвардии. В отличие от своего конкурента на президентских выборах 2004 г. Джона Керри, Буш никогда не призывался для участия в боевых действиях во Вьетнаме. После получения университетского диплома он какое-то время занимался энергетическим бизнесом в своем родном штате, а также стал совладельцем местной бейсбольной команды *Texas Rangers*.

В раннем возрасте Буш стал членом евангелистской церкви и всегда считал себя истинным верующим. В университетские годы принадлежность к конфессии спасла его от злоупотребления спиртными напитками и позволила “заново родиться”. Вера повлияла и на политические взгляды Джорджа Буша, сформировала его консервативный темперамент. Буш является убежденным противником аборт, однополых браков и сторонником смертной казни.

В 90-е гг. Буш-младший решил всерьез заняться политической карьерой. После неудачной попытки баллотироваться в конгресс он решил перед завоеванием Вашингтона завоевать свой родной штат. В 1994 г. он избирается губернатором штата Техас. По сведениям журналистов, на подобный выбор повлияла его супруга Лаура, к мнению которой Джордж всегда прислушивается.

В это время его отец Джордж Буш-старший уже два года как перестал быть президентом Америки, проиграв выборы оппоненту из демократической партии Биллу Клинтону. В будущем это позволило Джорджу Бушу-сыну говорить о том, что он превзошел своего отца, поскольку в течение двух сроков подряд избирался на должность президента. Впрочем, Джордж Буш-отец достаточно философски воспринял свое поражение; он следовал совету Киплинга: “Относись и к триумфу, и к провалу как самозванец”. Совершенно другим темпераментом обладает его сын. В 2000 г. во время президентских выборов голоса разделились почти поровну между Бушем и Гором. Однако до последнего

момента кандидат от республиканской партии вел борьбу за победу. Произошел беспрецедентный в новейшей истории Америки пересчет голосов в одном из штатов. Только решение Верховного суда в декабре 2000 г. принесло окончательную победу Джорджу Бушу-младшему.

По мнению известного внешнеполитического обозревателя BBC Пола Рейнольдса, весьма критично настроенного по отношению к американскому президенту, и в первый, и во второй срок перед ним стоял ряд очень сложных задач. “И сторонники, и оппоненты Буша согласны между собой в том, что его лучшими мгновениями стали действия после 11 сентября 2001 г”, когда произошла атака на Америку. В этот момент США нуждались в президенте, который мужественно и решительно даст отпор террористам. Таким президентом стал Джордж Буш, обеспечивший безопасность страны и нанесение сокрушительных ответных ударов вначале в Афганистане (2001 г.), а потом в Ираке (2003 г.). Можно спорить о степени эффективности этих ответов и особенно о целесообразности ввода войск в Ирак, но факт остается фактом: после 11 сентября 2001 г. новые вылазки *Алькаеды* происходили где угодно в мире, кроме территории Соединенных Штатов.

На выборы 2004 г. главный *message* Буша к американским избирателям заключался в том, что именно он – сильный политик, доказавший, что способен защитить страну в это смутное время. Кроме того, он пытался отстаивать консервативные ценности, популярные у большей части обычных людей, средних американцев, жителей центральных штатов страны. И первое, и второе послания сработали. 2 ноября 2004 г. он получил 51% голосов, опередив своего оппонента из демократической партии на 3% голосов.

Проблемы стали нарастать во второй половине президентского срока. Конечно, главные причины падения рейтинга популярности Буша были связаны с большими потерями американских войск в Ираке, которые в совокупности превысили количество погибших в башнях-близнецах Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Но давали о себе знать и экономические трудности. Несмотря на сокращение бремени налогов, которое происходило дважды, в США сохранились проблемы со стимулированием развития частного предпринимательства. Не удалось преодолеть значительный дефицит торгового баланса. Постоянно снижается курс доллара, особенно по отношению к евро. В 2007 г. разразился кризис на американском ипотечном рынке, который больно ударил по банковской системе США и целого ряда других стран мира. Американцы были разочарованы действиями администрации по борьбе с последствиями урагана Катрина, который в 2005 г. обрушился на Новый Орлеан.

Падение популярности Буша отразилось и на поддержке республиканцев, которые проиграли промежуточные выборы демократам. Многие американские политологи считают это верным предзнаменованием того, что в 2008 г. произойдет смена партий у руля исполнительной власти [50].

6. Определение политического курса в США

Конституция США мешает правительству (совокупности исполнительных, законодательных и судебных органов власти) совершать зло, но она и не помогает ему творить добро. Государство для американских отцов-основателей было не *alma mater* (кормящей матерью), но, скорее, могущественным и опасным институтом, созданным людьми, которым, как известно, свойственно ошибаться. Поэтому творцы Конституции США думали, прежде всего, о том, чтобы создать такие правовые условия, которые бы гарантировали будущим поколениям соблюдение дарованных им Богом прав на жизнь, свободу и собственность. Государство, по их мнению, должно быть достаточно могущественным, чтобы защищать права человека, но не настолько, чтобы их нарушать. Этим целям служит федерализм, разделение властей, система сдержек и противовесов. Безусловно, все это создает определенные барьеры, патовые ситуации или *тупики (deadlocks)* для властей при принятии политических решений. Но в любом случае – это меньшее зло, чем деспотизм; цена, которую следует заплатить, чтобы предотвратить его появление.

В Соединенных Штатах используются разные подходы для преодоления политических тупиков *в спокойное мирное время* и в периоды кризисов и войн. В первом случае разработка политического курса осуществляется с помощью создания **коалиций специфических интересов** (*specific coalitions of interests*), возникающих для решения определенной проблемы. Часто такие коалиции создает президент и его помощники. В них входят члены конгресса, руководители департаментов в исполнительных органах власти, федеральные судьи и др. Кроме того, как правило, для участия в них приглашаются влиятельные участники со стороны: представители групп интересов, лоббисты. Целью подобных коалиций является достижение компромиссных решений, которыми многие участники остаются недовольны. Но правила игры гарантируют, что все получают определенную выгоду, здесь нет абсолютных победителей и абсолютных побежденных. В теории игр такая ситуация называется “игрой с положительной суммой”.

Например, для принятия любого закона в США требуется согласие между исполнительной и законодательной ветвями власти. Когда такого согласия нет, а законопроект является очень важным, у президента есть право вето на любой законодательный акт парламента. У конгресса есть также возможность это вето преодолеть 2/3 голосов. Обе стороны могут пойти на создание коалиции специфических интересов для выработки компромиссного решения. В табл. 9.2. приведены данные о частоте применения президентских вето и их преодоления конгрессменами. Приведенные ниже данные свидетель-

ствуют о прямой зависимости выбора *конфронтационной модели* взаимоотношения исполнительной и законодательной ветвей власти в США от политической ситуации, а также от наличия либо отсутствия *разделенного партийного контроля*.

Таблица 9.2. Президентские вето в США 1933–1993 гг. [51].

Президент	Обычные вето	Преодоленные вето	Пакетные вето*	Всего вето
Рузвельт	372	9	263	635
Трумен	180	12	70	250
Эйзенхауэр	73	2	108	181
Кеннеди	12	0	9	21
Джонсон	16	0	14	30
Никсон	24	7	17	41
Форд	48	12	18	66
Каргер	13	2	18	31
Рейган	39	9	39	78
Буш	29	1	17	46

* В отличие от обычных вето, у конгрессменов нет права преодолевать вето президента, наложенное на пакетные законопроекты.

Коалиционный путь преодоления политических тупиков имеет и свои недостатки. Так, требуется значительное время на разработку и принятие решений. Невысоким является качество решений, так как они обычно являются полумерами. Иногда трудно бывает остановить процесс коалиционного строительства, а чем больше в нем участников, тем труднее найти общий язык. Однако в целом создание коалиции специфических интересов является вполне успешной стратегией для спокойных времен.

В *кризисные и военные времена* используется другая стратегия, которая весьма условно может быть названа *президентской диктатурой* (*presidential dictatorship*). Одним из наглядных ее примеров является политика президента А. Линкольна в годы Гражданской войны. Его правление историки сравнивают с диктатурой Кромвеля в Англии во время пуританской революции середины XVII в. Достаточно жесткие меры для проведения в жизнь антикризисного *Нового курса* пришлось проводить Ф. Рузвельту в годы Великой депрессии 30-х гг. Данные табл. 9.2. показывают, что именно Рузвельт является рекордсменом в наложении вето на законодательные акты конгресса: всего их было 635. В то же время депутаты палаты представителей и сената смогли преодолеть только 9 вето президента. Это является явным свидетельством авторитарного стиля, который преобладал в годы правления ФДР, как его именовали некоторые американские журналисты.

Определенные угрозы усиления власти президента связаны с поведением главы американского государства и главнокомандующего в периоды международных кризисов и конфликтов. Наиболее известной и печальной для Америки является вьетнамская война, в которую втянул страну один из самых популярных политиков США – президент Кеннеди. В числе недавних примеров можно назвать войну в Заливе Джорджа Буша-старшего, бомбардировки НАТО Югославии во времена правления Билла Клинтона и, конечно же, две войны Джорджа Буша-младшего (против режима талибов в Афганистане и против Ирака). Принятый конгрессом в 1974 г. Закон о военных полномочиях (*War Power Act*) был призван ограничить возможности президента предпринимать такие действия без согласия конгресса. Однако он не достиг своих целей в полной мере.

Президентскую диктатуру во время кризисов не следует отождествлять с установлением авторитарного режима правления. Вот что утверждают по этому поводу американские политологи Рой Макридис и Стивен Бург:

“Следует сказать, что *внешняя либо внутренняя угроза* (беспорядки на социальной или национальной почве) обычно служит причиной, побуждающей правительства любых государств, старых и новых, демократических и недемократических, к применению (ужесточению) авторитарных мер. Статья 16 Конституции Французской Республики дает президенту страны обширные полномочия для преодоления кризиса. Президент Соединенных Штатов Америки, будучи верховным главнокомандующим, может вводить чрезвычайное положение. Линкольн воспользовался этим правом, когда блокировал порты южан накануне Гражданской войны. Рузвельт, ссылаясь на это право, отправил сотни тысяч американских граждан японского происхождения в специальные лагеря после того, как Япония атаковала американский флот в Пёрл Харборе. До этого Рузвельт получил чрезвычайные полномочия от конгресса, чтобы справиться с Великой депрессией. В законодательстве большинства современных государств предусматриваются специальные меры на случай чрезвычайного положения.

Безопасность народа – действительно высший закон, но если эта норма заходит слишком далеко, она может привести (и, как правило, приводит) к ликвидации демократического правления. Обычно в защиту применения чрезвычайных мер можно услышать аргументы, что они позволяют сделать власть быстрой, эффективной, служащей общественным (национальным) интересам. Однако в одних случаях от чрезвычайных полномочий власти отказываются, возвращаясь к демократии. В других – эти полномочия превращаются из временных в вечные. Именно так возникли многие авторитарные режимы в Латинской Америке. Многое зависит от характера политической культуры в том или ином обществе” [52].

В заключение попытаемся ответить на вопрос о модели американской демократии: насколько она приближается к мажоритарному (вестминстерскому) либо к консенсусному типу? В сравнительной политологии сегодня отсутствует единство взглядов по этому вопросу. По мнению авторов книги *Вызов демократии. Правление в Америке*, “политическая система в США с трудом поддается измерению с помощью мажоритаристских критериев, но она очень хорошо соответствует плюралистической модели” [53].

Напротив, американские политологи Кристофер Анселл и Джейн Гингрих причисляют Соединенные Штаты к мажоритарным федеральным системам с ярко выраженными тенденциями децентрализации [54].

Нам представляется, что наиболее полный и точный ответ на вопрос о месте США на *концептуальной карте* современных демократий дал А. Лейпхарт. В своем сравнительном исследовании тридцати шести демократических государств он использовал две шкалы для анализа: измерение *исполнительная власть – партии* и *федеративно-унитарное* измерение (более подробно см. тему 2).

Поскольку в США исполнительная власть формируется президентом и носит однопартийный характер; здесь действует классическая двухпартийная система; мажоритарная избирательная система простого большинства; плюралистическая система представительства групп интересов, эта страна, казалось бы, должна занимать место среди мажоритарных демократий. Вместе с тем из-за четкого баланса, существующего в отношениях между исполнительной и законодательной властью, место Соединенных Штатов не является крайним на оси “исполнительная власть – партии”.

По-иному выглядит картина, если мы рассмотрим федеративно-унитарное измерение демократии. США являются старейшим федеративным государством; здесь действует двухпалатный парламент; стабильная конституция, в которую трудно вносить поправки; система судебного пересмотра; независимый от исполнительной власти центральный банк. Все это позволяет расположить Соединенные Штаты среди стран с ярко выраженным распределением властных полномочий между национальным правительством и субъектами федерации, а не концентрацией их в одном центре.

Таким образом, по мнению Лейпхарта, политическую систему США нельзя отнести к чистым типам демократических моделей: консенсусной либо мажоритарной. Эта страна занимает промежуточную позицию между данными полюсами [55].

Примечания

1. Хантингтон С., *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 71.
2. Там же. С. 75.
3. Gibson C., "The Contribution of Immigration to the Growth and Ethnic Diversity of the American Population" // *Proceeding of the American Philosophical Society*. 1992 June, vol. 136. P. 166.
4. See: Hartz L., *The Liberal Tradition in America*. N.Y.: Harcourt, Brace, 1955.
5. Хантингтон С. Указ. соч. С. 110–111. Выдающийся американский социолог Сеймур Мартин Липсет перечислил пять базовых принципов американской веры: свобода, эгалитаризм (равенство возможностей и связей, а не результатов и условий), индивидуализм, популизм и *laissez-faire* (т.е. невмешательство правительства в дела частных лиц). See: Lipset S. M., *American Exceptionalism: A Double-edged Sword*. N.Y.: Norton, 1996. P. 63–64.
6. Aron C., *Working at Play: A History of Vacations in the USA*. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 236.
7. Хантингтон С. Указ. соч. С. 95–96.
8. Там же. С. 94.
9. Schlesinger A., Jr., *The Disuniting of America*. N.Y.: Norton, 1998. P. 18.
10. См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 126–134.
11. See: *American Legacy. The United States Constitution and other Essential Documents of American Democracy*. Calabasas: Center for Civic Education, 1997. P. 12–37.
12. См.: Мэдисон Дж. "Федералист", № 10 // *Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Дджея*. М.: Весь мир, 2000. С. 78–86.
13. *American Legacy*. P. 28–29.
14. Ibid. P. 30.
15. See: Ibid. P. 12–24.
16. Даль Р., *Демократия и ее критики*. М.: Росспэн, 2003. С. 293.
17. *Basic Readings in US Democracy*. Ed. by M. Urofsky. Washington: USIA, 1994. P. 408–409.
18. Хантингтон С., *Кто мы?* М.: АСТ, 2004. С. 222–223.
19. Там же. С. 472.
20. Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 436.
21. Рэнни О., "Политическая система Соединенных Штатов Америки" // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 480–481.
22. See: Putnam R., "Bowling Alone" // *J. of Democracy*. 1995. Vol. 6. P. 65–78.
23. Под социальным капиталом Фукуяма понимает "способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе... В свою очередь, такая способность к ассоциации зависит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом общих норм и ценностей становится взаим-

ное доверие, у которого... есть своя немалая экономическая величина... Экономисты уже давно приняли на вооружение понятие *человеческого капитала* – понятие, базирующееся на предпосылке, что сегодня капитал все в меньшей степени воплощен в земле, предприятиях и оборудовании и все в большей – в человеческих знаниях и опыте. Американский социолог Джеймс Коулмен утверждает, что помимо навыков и знаний человеческий капитал состоит и в способности людей составлять друг с другом некую общность”. См.: Фукуяма Ф. *Доверие*. С. 26.

24. Фукуяма Ф., *Великий разрыв*. М.: АСТ, 2003. С. 74–76.
25. Там же. С. 131.
26. См.: Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, 2004. С. 435–529.
27. Рэнни О. Указ. соч. С. 482.
28. Ranney A. “Politics in the United States” // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 793.
29. Ibid. P. 794.
30. Хантингтон С., *Кто мы?* С. 508.
31. See: Putnam R., “Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America” // *PS: Political Science and Politics*, 1995. P. 664–682.
32. Токвиль де А., *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992. С. 378.
33. Там же. С. 379–381.
34. Рэнни О. Указ. соч. С. 498.
35. *Политическая система США: Актуальные измерения*. М.: Наука, 2000. С. 99–100.
36. См.: *США: Консервативная волна*. М.: Прогресс, 1984.
37. *Политическая система США: Актуальные измерения*. С. 58.
38. Там же. С. 79–85.
39. Janda K., Berry J., Goldman J., *The Challenge of Democracy. Government in America*. San Luis: HUFF, 1990. P. 179.
40. Ibid. P. 180–181.
41. Dalton R., Gray M., “Expanding the Electoral Marketplace” // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 40.
42. Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999. P. 164.
43. Ranney A. Op. cit. P. 807.
44. Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000. С. 60–66.
45. Bowler S., Carter E., Farrell D., “Changing Party Access to Elections” // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 87.
46. Ibid. P. 88.
47. Бьюкенен П., *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003. С. 12–19.
48. См.: *Политическая система США: Актуальные измерения*. С. 31–57.

49. US House and Senate elections, 2006 // http://en.wikipedia.org/wiki/Florida%27s_16th_congressional_district.
50. Reynolds P., "Profile: George W Bush" // http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/country_profiles/1217752.stm.
51. Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995. P. 113.
52. Macridis R. & Burg S., *Introduction to Comparative Politics. Regimes and Change*. N.Y.: Harper Collins. P. 120.
53. Janda K, Berry J, Goldman J., Op. cit. P. 31.
54. See: Ansell C., Gingrich J., "Trends in Decentralization" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 153–155.
55. See: Lijphart A., Op. cit. P. 148–150.

Литература

- Бьюкенен П., *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003.
- Даль Р., *Демократия и ее критики*. М.: Росспэн, 2003.
- Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
- Политическая система США: Актуальные измерения*. М.: Наука, 2000.
- Рэнни О., "Политическая система Соединенных Штатов Америки" // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002.
- США: Консервативная волна*. М.: Прогресс, 1984.
- Токвиль де А., *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Дджея*. М.: Весь мир, 2000.
- Фукуяма Ф., *Великий разрыв*. М.: АСТ, 2003.
- Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Хантингтон С., *Кто мы?* М.: АСТ, 2004.
- American Legacy. The United States Constitution and other Essential Documents of American Democracy*. Calabasas: Center for Civic Education, 1997.
- Ansell C., Gingrich J., "Trends in Decentralization" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003.
- Bowler S., Carter E., Farrell D., "Changing Party Access to Elections" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 81–114.
- Dalton R., Gray M., "Expanding the Electoral Marketplace" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 23–43.
- Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995.
- Janda K., Berry J., Goldman J. *The Challenge of Democracy. Government in America*. San Luis: HUFF, 1990.
- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.

- Lipset S.M., *American Exceptionalism: A Double-edged Sword*. N.Y.: Norton, 1996.
- Putnam, R. "Bowling Alone" // *J. of Democracy*. 1995. Vol. 6. P. 65–78.
- Putnam, R. "Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America" // *PS: Political Science and Politics*, 1995. P. 664–682.
- Ranney, A. "Politics in the United States" // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Каким образом система федерализма обеспечивает баланс интересов субъектов федерации и национального правительства в США?
2. Какие конституционные механизмы обеспечивают разделение властей в Америке?
3. Что представляет собой судебный пересмотр (*judicial review*) и как он функционирует в США?
4. В чем заключается сущность основных подходов к пониманию американской идентичности?
5. Что вы можете сказать о показателях доверия к политическим институтам, политической эффективности и степени идеологизированности политической культуры американцев?
6. Каким образом осуществляется политическая социализация в США?
7. Какую роль играют комитеты политических действий (*Political Action Committees*) в артикуляции интересов в США?
8. Что вы знаете о лоббизме в Америке?
9. Каковы важнейшие особенности организационной структуры американских политических партий?
10. Какие существуют различия между республиканской и демократической партиями США?
11. Что представляет собой партийная система США?
12. Каким образом происходит формирование политического курса в Америке?

ТЕМА 10.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

1. Окружение политической системы.
2. Влияние конституционного устройства на определение политического курса.
3. Политическая культура и социализация.
4. Артикуляция интересов и группы интересов.
5. Агрегация интересов: выборы, партии и партийная система.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- Билль о правах 1689 г. (*Bill of Rights*);
- частичная передача полномочий местным органам власти Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии (*Devolution process*);
- неписаная и гибкая Конституция (*Unwritten and flexible Constitution*);
- парламентский суверенитет (*Parliamentary Sovereignty*);
- члены кабинета министров (*front-benchers*);
- члены правящей фракции, не вошедшие в кабинет (*back-benchers*);
- теневой кабинет (*Shadow Cabinet*);
- палата общин (*House of Commons*);
- палата лордов (*House of Lords*);
- теория доверия (*The Trustship Theory*);
- коллективистская теория правых и левых (*Collectivist Theory of Right and Left*);
- индивидуалистическая теория представительства (*Individualistic Theory of Representation*);
- горизонтальная и вертикальная солидарность;
- инсайдерские группы интересов (*Insider Interest Groups*);
- аутсайдерские группы интересов (*Outsider Interest Groups*);
- избирательная система победитель получает все (*The first past the post system*);
- консервативная партия (*Conservative Party – Tories*);
- лейбористская партия (*Labour Party*);
- либерально-демократическая партия (*Liberal Democrats*);
- новый лейборизм (*New Labourism*).

1. Окружение политической системы

Демократия в современном мире – это “продукт, выращенный на английской почве”. Известно, что в 1831 г. знаменитый французский философ и политический деятель Алексис де Токвиль совершил путешествие в Америку, результатом которого стала книга *Демократия в Америке*. Однако он мог и не предпринимать столь далекой поездки, потому что, по большому счету, американская демократия – это

английский феномен, так как именно в Великобритании впервые возникли и укоренились институты стабильного представительного правления, которые лежат в основе любой современной демократии, действующей в масштабах крупного национального государства. Проблема заключалась в экспорте этих институтов. Очень небольшое число стран из тех, которые испытали на себе британское политическое и культурное влияние, смогли создать стабильные демократические институты на своей национальной почве. К ним можно отнести такие государства, как США, Канада, Индия, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие.

Международное положение и экономические детерминанты. Великобритания в не очень далеком прошлом представляла собой крупнейшую мировую державу, владения которой располагались во всех частях света. Сейчас это относительно небольшое государство, население которого смогло успешно изжить имперское сознание, преодолеть великодержавный комплекс. У большинства людей отсутствует ностальгия по прошлому “величию”. Согласно опросам общественного мнения, 49% британцев хотели бы видеть свою страну маленьким и процветающим государством, похожим на Швецию или Швейцарию, которые стоят в стороне от вмешательства в решение проблем глобальной политики. Великой державой Великобританию считает только 34% граждан страны.

Тем не менее Соединенное Королевство является членом НАТО и ЕС, оно входит в Совет Безопасности ООН в качестве одного из пяти постоянных членов. В 1982 г. британские войска разгромили аргентинскую армию в войне за Фолклендские острова. Британский контингент принимал участие в войне в Заливе, в миротворческой миссии в Боснии и Косово, а в настоящее время участвует в войне в Ираке и Афганистане. Эту страну связывают отношения особого партнерства с Соединенными Штатами – единственной мировой державой современной эпохи.

Важной особенностью Британии является неопределенность с ее принадлежностью к Европе. С одной стороны, Великобритания – это безусловная часть Европы и полноправный член Евросоюза с 1973 г. С другой стороны, наследие Британской империи – доминионы и страны – члены Содружества наций (50 государств), англоговорящий мир – это особое культурное пространство, которое не вписывается в узкие европейские рамки. Кроме того, многие граждане Великобритании не ощущают себя европейцами. По данным социологических исследований, примерно половина британцев не считает себя европейцами, и только 23% признает, что в значительной степени или хотя бы отчасти относят себя к ним [1]. Это обстоя-

тельство, безусловно, отражается на европейской политике Лондона, который, например, отказался присоединиться к *зоне евро*.

Как родина индустриальной революции, которая во всю силу развернулась здесь уже в последней четверти XVIII в., Великобритания долгое время была самой экономически могущественной страной мира. Однако постепенно темпы роста замедлялись, и усиливалось отставание от других развитых стран. Благополучие Соединенного Королевства зависит от мировой торговли и импорта продовольствия и сырья. Чтобы платить за это, страна вывозит десятки наименований промышленной продукции, а лондонские финансовые учреждения занимаются обслуживанием значительных денежных потоков. Лондонский Сити продолжает оставаться одним из важнейших глобальных финансовых центров, здесь находится крупнейшая биржа. Великобритания занимает одно из первых мест в мире и второе в Европе по объему ВВП. Согласно данным Всемирного банка, показатель валового внутреннего продукта на душу населения составлял 37 тыс. долл. в 2006 г. Основой ее экономического могущества теперь является не производство, а сфера услуг, причем все большее значение приобретает электронная торговля, а также фармацевтическая промышленность, производство программного обеспечения для компьютеров, аэрокосмическая отрасль и индустрия туризма. В 2002 г. в последней сфере было занято 1 млн 800 тыс. чел. полный рабочий день, а обслуживание туристов со всего мира принесло 76 млрд фунтов прибыли экономике страны.

Английский политолог Ричард Роуз назвал Британию “кораблем в европейских водах, готовым в любой момент уплыть”. Однако экономические детерминанты не дают возможности это сделать. Несмотря на все минусы членства в ЕС, связанные с потерей части суверенитета, плюсы участия явно перевешивают. Поэтому палата общин ратифицировала Маастрихтский договор, а британские политики принимают активное участие в обсуждении базовых принципов функционирования Евросоюза, особенно после его расширения в 2004 г. Современный мир быстро меняется, и это влечет за собой новые серьезные вызовы для Британии, справиться с которыми легче, находясь в тесном союзе с другими европейскими государствами.

История и политические традиции. У Великобритании есть богатый исторический опыт поиска эффективных ответов на вызовы времени, который стал составной частью *политической традиции*, очень важной для функционирования политических институтов. Прежде всего, этой стране всегда удавалось успешно решать свои административные проблемы. Она стала централизованной монархией в конце средних веков, утвердила верховенство светской власти над духовной в XVI в. при Генрихе VIII, который ввел в стране англиканство.

Власть английской монархии была ограничена парламентом после бурных событий Гражданской войны 1648–1649 гг., реставрации Стюартов 1660 г. и *Славной революции* 1688 г.

ВСТАВКА 10.1.

Билль о правах 1689 г.

После так называемой *Славной революции* 1688–1689 гг., приведшей к мирной смене династий в Англии, парламентом был принят *Билль о правах* (1689). Он резко ограничил прерогативы королевской власти и заложил основы *конституционной монархии*. Король был лишен права приостанавливать исполнение законов и делать изъятия из них без согласия парламента. Были ликвидированы особые суды по церковным и иным делам. Королю было запрещено взимать какие-либо сборы без ведома депутатов. Билль предоставил подданным право обращения к королю с петициями; преследование за их содержание признавалось незаконным. Билль о правах запретил наложение чрезмерных штрафов и применение жестоких наказаний. Король лишился права производить набор постоянной армии и содержать ее в мирное время без согласия парламента. Наконец, Билль о правах установил порядок престолонаследования. Таким образом, этот документ значительно урезал полномочия королевской власти и гарантировал права парламента [2].

Процесс формирования современной демократии в Англии растянулся на целое столетие: 30-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в., захватив значительную часть так называемой *викторианской эпохи*. Он был связан с дополнением конституционного правления представительной демократией, наделением избирательными правами все большего и большего количества жителей страны. Как подчеркивает Роберт Даль, до известной реформы 1832 г. в полноправный народ Англии входило не более 4,4% населения. После реформы, вызвавшей формирование современных партий и Чартистское движение, электорат расширился всего лишь до 7,1%. Потребовалось провести еще семь реформ избирательного законодательства, прежде чем Великобритания перешла к всеобщему избирательному праву для мужчин и женщин. Окончательно это произошло в 1931 г., после чего 97% взрослых жителей страны смогли участвовать в выборах [3].

В английском *переходе к демократии* поражает преемственность политических институтов: монархии, палаты лордов, палаты общин, кабинета министров. Он не сопровождался разрушением *старого режима* до основания, как во Франции и России. Наоборот, традиционные институты адаптировались к новым политическим реалиям.

Такая же поступательность и отсутствие радикализма была свойственна и *социальным реформам*, приведшим к формированию в Великобритании современного *государства всеобщего благоденствия* (*welfare state*). Еще в 1906 г. либеральное правительство ввело пен-

сии по старости и пособия по безработице. После Второй мировой войны (1948 г.) появилось бесплатное медицинское обслуживание. В 50-е гг. наступила эра процветания для большинства британских граждан. В 60-е гг. лейбористское правительство многое сделало для расширения доступности образования. Оно также провело реформу местного самоуправления и общественного обслуживания. Рабочие получили большие возможности для защиты своих прав на предприятиях.

Усилия по созданию британской модели *welfare state* снизили показатели эффективности британской экономики: выросла инфляция, которая вкуче с безработицей грозила обернуться серьезным кризисом. В 70-е гг. усилилась социальная нестабильность. Все это содействовало смене политического курса, утверждению эры *тэтчеризма* в следующем десятилетии.

Маргарет Тэтчер была первой женщиной премьер-министром в британской истории. В течение одиннадцати лет она управляла страной, трижды приведя консервативную партию (*тори*) к победе на выборах. Экономический курс английских консерваторов больше походил на *манчестеровский либерализм* Милтона Фридмена, чем на классический *торизм* [4]. Тэтчер понизила налоги и государственные расходы, добилась снижения инфляции. Она проводила решительную политику приватизации, так как верила в то, что частная инициатива эффективнее государственного управления во всех сферах: от музеев до больниц. Правительство консерваторов боролось с *юнионизмом*. Тэтчер считала, что право на забастовку должно принадлежать самим рабочим, а не профсоюзным бюрократам.

По мнению американского политолога Чарльза Эндрейна, «во взглядах Тэтчер на взаимоотношения между управляющими и управляемыми объединились консервативная склонность к сильному единоличному правлению и либеральное тяготение к свободе. Уважение к авторитету государства сформировало ее представления о законопорядке, в частности о необходимости мощных армии и полиции, высшей меры наказания и длительных сроков заключения. Свобода означала для нее свободу выбора для потребителей и свободу наживать состояния, самостоятельно распоряжаться собственными деньгами – для предпринимателей. Премьер-министр Тэтчер одновременно отстаивала духовно-нравственные ценности и материальные интересы. В ее речах превозносились такие викторианские ценности, как национальная гордость, преданность семье, чувство долга и самодисциплина. Однако наибольшую славу снискала ей приверженность *культуре предпринимательства*, основанной на принципах классического либерализма» [5].

Однако даже *неоконсервативная революция*, которую совершила в Великобритании в 80-е гг. Маргарет Тэтчер, не разрушила до основания государство всеобщего благоденствия. Социальные программы сохранились, хотя они и стали получать значительно мень-

шие государственные субсидии. Это побуждало чиновников искать более эффективные методы расходования средств. В 1997 г. к власти в стране после долгого перерыва вернулись лейбористы во главе с Тони Блэром. Он не был типичным лейбористом: не происходил из низов общества, получил прекрасное образование в Оксфорде, его родители – добропорядочные консерваторы; к лейбористам Тони примкнул случайно, под влиянием своей подруги. Качества Блэра импонировали тем избирателям, которые принадлежали к среднему классу. Политика *новых лейбористов* стала более социально ориентированной, чем курс консерваторов, однако Блэр признал, что многое из того, что было сделано за долгие годы их правления, было правильным, нужно исправить лишь некоторые ошибки.

В течение последнего десятилетия Блэр с успехом проводил в жизнь эту политику, сочетающую *экономический либерализм с социальной ответственностью*. С одной стороны, его правительство стремилось понизить уровень государственного регулирования экономики, предоставить налоговые льготы товаропроизводителям, ужесточить правила предоставления государственных субсидий нуждающимся. С другой стороны, нелейбористы вели успешную борьбу с безработицей, установили минимальный уровень заработной платы, направили значительные инвестиции в сферу здравоохранения, в два раза увеличили расходы на образование. Безусловно, не все проблемы им удалось решить. Большие нарекания вызывает, например, система образования, в которой ощущается неравенство в доступе к качественным услугам. Но не вызывает сомнений тот факт, что в 1997–2007 гг. Великобритания продемонстрировала наивысшие за всю свою историю показатели экономической и социальной стабильности.

Многонациональное и многорасовое государство. Великобритания – это *многонациональная страна*. Во всем мире известна английская монархия, но нет английского государства. Официальным названием страны является Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Оно используется с 1920 г., когда провозгласило свою независимость от Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, основанного в 1801 г., Свободное Ирландское Государство. В свою очередь, УК возникло спустя 700 лет после формирования Английского королевства. Кроме англичан в Англии, в Великобритании живут валлийцы в Уэльсе, шотландцы в Шотландии и ирландцы в Ольстере. Многие жители государства идентифицируют себя также с британцами. Жители Ольстера разделены на две нации: большинство протестантов считает себя британцами, а большинство католиков – ирландцами.

Англия занимает 55% территории государства, и в ней проживает 83% ее населения, поэтому ни одно правительство Соединенного Королевства не может пренебречь коренными интересами Англии. Здесь сосредоточен значительный экономический и культурный потенциал. На территории Англии расположен Лондон, являющийся крупнейшим мегаполисом Европы, политическим, экономическим и культурным центром Великобритании.

Административное деление Англии опирается на историческую традицию. Основной единицей самоуправления является *графство (county)*. Это образование в настоящее время существует в виде городских и сельских графств. Кроме того, после присоединения страны к ЕС были учреждены десять *регионов* Англии, включая Большой Лондон, чтобы иметь возможность достойно представлять данную территорию в Комиссии европейских регионов. В девяти из них заседают региональные ассамблеи, состоящие из назначенных депутатов самоуправлений более низкого уровня. Только в Большом Лондоне после референдума 1998 г. функционирует избранная гражданами Ассамблея и мэр, получающий свои полномочия из рук народа. Однако опыт столицы пока что не получил распространения в других регионах Англии.

Основные вопросы жизнедеятельности этой важнейшей составной части Великобритании по-прежнему находятся в ведении Британского парламента и кабинета министров. Это вызывает обоснованное недовольство общественности и многих политических сил страны. В настоящее время активизировала свою работу гражданская инициатива – *Кампания за английский парламента (Campaign for an English Parliament)*. Она выступает за формирование отдельного английского парламента и правительства по примеру шотландских, уэльских и североирландских. Согласно данным опроса общественного мнения, в январе 2007 г. эту инициативу поддерживали 61% жителей Англии, 51% граждан Шотландии и 48% – Уэльса. Вместе с тем есть и критики инициативы, считающие, что Англия слишком велика для того, чтобы вводить подобные структуры, которые только расплодят и без того огромную армию чиновников [6].

Шотландия долгое время была независимым королевством. В 1603 г. оно заключило династическую унию с Англией, а с 1707 г. стал функционировать общий парламента, заседающий в Лондоне. Административное управление этой провинцией осуществляет министерство по делам Шотландии, глава которого является членом кабинета министров.

В 70–80-е гг. в Шотландии усилилось освободительное движение, укрепила свои позиции Национальная партия (SNP). Она выступает за независимость провинции. До недавнего времени эта партия

имела электоральную поддержку в 20–30% избирателей. В ответ на рост националистических настроений правительство лейбористов согласилось на проведение референдума в Шотландии и Уэльсе в 1979 г. о создании там парламентов с ограниченными полномочиями. В Шотландии за такое решение проголосовали 51% избирателей (48% высказались против). Однако, поскольку сторонники шотландского парламента составляли только 33% от общего числа зарегистрированных избирателей, решение не было принято [7].

Более успешным для национальных сил стал референдум 1997 г. За учреждение парламента с правом принимать законы, бюджет и регулировать налоги высказались 74% избирателей. В мае 1999 г. состоялись первые парламентские выборы (по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе), на которых первое место получили лейбористы, второе – националисты.

Новый успех к националистам пришел во время местных выборов 2007 г. Впервые в истории они получили большинство мест в шотландском парламенте, опередив лейбористов на один депутатский мандат (47 против 46), что позволило лидеру Национальной партии Алексу Селману возглавить коалиционное правительство меньшинства. Успех националистов можно объяснить падением популярности лейбористской партии, которая до этого времени полностью доминировала в данном регионе. Многие шотландцы проголосовали за SNP, потому что поддерживают ее главное требование: провести через три года референдум о государственной независимости и отделении Шотландии от Англии. Правда, добиться этой цели Национальной партии будет нелегко, потому что за полный суверенитет выступает только еще одна небольшая политическая сила – партия зеленых. Все остальные крупные политические акторы провинции хотели бы ограничиться продолжением процесса передачи части полномочий из рук Лондона в руки Эдинбурга. Шотландия, по их мнению, слишком мала для независимости (в ней проживает немногим более 5 млн чел.) [8].

Уэльс был присоединен к Англии в XVI в. В настоящее время здесь проживает около 3 млн чел. Наиболее характерное его отличие от остальной страны – это сохранение там древнего валийского языка, относящегося к кельтской группе. В начале XX в. на нем разговаривало еще 50% жителей провинции. Однако быстрая индустриализация и урбанизация привели к тому, что в настоящее время на этом языке говорит менее 25% жителей сельской, северо-западной части Уэльса. С 1964 г. функционирует министерство по делам Уэльса, глава которого входит в кабинет министров Великобритании.

Во второй половине XX в. в Уэльсе, как и в Шотландии, наблюдался рост национальной идентичности. Активно действовала

Национальная партия (*Plaid Cymra*), которая выступала, в первую очередь, за возрождение валлийского языка и культуры. На референдуме 1979 г. она, правда, потерпела поражение: только 20% избирателей поддержали идею создания местного парламента [9]. В 1997 г. 50,3% участвовавших в референдуме граждан проголосовали за создание Ассамблеи, не обладающей законодательными полномочиями. В 1999 г. были проведены выборы в состав Ассамблеи, на которых одержали победу лейбористы, на втором месте оказались националисты, увеличившие свою электоральную поддержку с обычных для них 10% до 31%. Уэльская Ассамблея имеет чисто символическое значение, поскольку все вопросы, связанные с законодательством и бюджетными ассигнованиями, остались в руках британского кабинета министров. По мнению американских политологов Кристофера Анселла и Джейн Гингрих, “финансовые полномочия шотландской и уэльской ассамблей являются ограниченными, хотя они и установили новые связи с избираемыми региональными правительствами” [10].

На выборах 2007 г. *Plaid Cymra* не смогла повторить успех своих шотландских коллег. Она осталась второй по влиянию партией Уэльса, получив три новых мандата (всего 15 депутатов), в то время как лейбористы потеряли три места (всего 26 депутатов).

Северную Ирландию (Ольстер) называют самой небританской частью Великобритании. Формально это светское государство, но фактически политика в нем определяется соотношением сил между католиками и протестантами. Первые находятся в меньшинстве и составляют около 1/3 населения. Многие католики хотели бы присоединения этой территории к Ирландии. Интересно, что Конституция Ирландской республики рассматривает Ольстер в качестве собственной провинции. Протестантское большинство (2/3 населения) предпочитает сохранять государственный союз с Англией.

Как отмечает А. Лейпхарт, “протестанты и католики образуют в Северной Ирландии два совершенно различных и обособленных сегмента с собственными социальными, образовательными и культурно-досуговыми организациями. Высокая степень социальной разделенности подтверждается, например, чрезвычайно малой долей смешанных браков... Протестанты и католики образуют две эндогамные группы, более изолированные друг от друга в вопросах пола, чем большинство групп белого и черного населения в обществах, в которых существует предубеждение против браков между представителями разных рас. Религиозные и политические предпочтения переплетены особенно тесно... В Северной Ирландии человека, который поддерживает политическую линию, связанную с чуждой для него религией, т.е. протестанта-националиста или католика-юниониста, группа, к которой он принадлежит, всеми силами обрекает на переход в другую религиозную общину... Цели, которые отстаивали сегментарные юнионистская и националистическая партия, бывшие главными политическими партиями до 1972 г., взаимно исключали друг друга:

юнионисты выступали за сохранение автономии в рамках Соединенного Королевства, националисты же стремились к объединению с Ирландской республикой. Лейбористская партия Северной Ирландии и более молодая Партия альянса проводили более умеренную линию и пытались апеллировать к обоим религиозным сегментам, однако им не удалось стать заметной политической силой" [11].

До 1972 г. эта провинция управлялась местным парламентом, который располагался в Стормонте, близ Белфаста. Его обширные полномочия позволяли некоторым исследователям называть Северную Ирландию "самоуправляющейся провинцией с некоторыми атрибутами суверенитета". Ситуация в Ольстере обострилась в конце 60-х гг. После уличных столкновений между демонстрантами католиками и протестантами в 1969 г. в страну были введены британские войска. В ответ на это возобновила свои террористические действия Ирландская республиканская армия (ИРА). Активизировали деятельность и протестантские военизированные формирования. С августа 1969 г. в результате террористических акций погибло более 3 тыс. чел. Для небольшого Ольстера с полуторамиллионным населением эти потери были весьма ощутимыми.

В 1972 г. британское правительство распустило местный парламент и передало управление провинцией министерству по делам Северной Ирландии. Однако попытка силового решения ольстерской проблемы не увенчалась успехом; одержать военную победу над ИРА правительство Британии не смогло. Поэтому с середины 80-х гг. начался процесс переговоров между правительственными делегациями Великобритании и Ирландии с целью нахождения компромиссного решения. Политическое крыло ИРА – партия *Shin Fein* (в переводе с гэльского это словосочетание означает *только мы*), а также некоторые протестантские организации заявили о прекращении вооруженной борьбы. Результатом переговорного процесса стало подписание так называемого *Соглашения страстной пятницы* 1998 г., которое предусматривало создание выборного органа власти в Ольстере и заключение договора о границе между Ирландской Республикой и Северной Ирландией.

Избранная в том же году Ассамблея Северной Ирландии включала в свой состав не очень многочисленные умеренные фракции католиков и протестантов и доминировавшие там радикальные объединения двух общин, представленные *Shin Fein* и Демократической юнионистской партией (DUP), во главе с протестантским пастором Яном Пейсли, который резко осудил договор между Лондоном и Дублином. Подписанное соглашение находится под постоянной угрозой срыва из-за острых конфликтов, раздиравших основные политические силы провинции, и непрекращающихся терактов, которые

пытались совершать наиболее воинственно настроенные боевики из Подлинной ИРА, отколовшейся от республиканского движения.

В сложившейся ситуации Лондон был вынужден вернуться к политике жесткой руки в этой провинции. Североирландскую Ассамблею распускали дважды: в 2000 г., когда были сорваны переговоры по разоружению ИРА, и в 2002 г., когда там якобы были выявлены агенты террористов.

Прямое правление из Лондона не устраивало обе общины Ольстера, между которыми начались консультации при посредничестве Великобритании и Ирландии. Очень важным шагом вперед, содействовавшим прогрессу в этих переговорах, стало решение ИРА об одностороннем разоружении в 2005 г. под независимым контролем. Ирландская республиканская армия приняла это решение после того, как из английских тюрем были досрочно освобождены некоторые из ее бывших бойцов. Реформирование полиции и суда провинции позволило *Shin Fein* признать эти учреждения и заявить о том, что католическая община примет участие в их работе. 8 мая 2007 г. под патронажем Лондона и Дублина было сформировано новое правительство Северной Ирландии. Пост первого министра в нем получил 80-летний Ян Пейсли из Демократической юнионистской партии, а пост его заместителя достался видному политику из *Shin Fein* Мартину Макгиннесу.

Политические институты, возобновившие свою работу в Ольстере, основаны на принципах консоциативной демократии. Сформировано правительство большой коалиции с участием главных противоборствующих политических сил, действует право вето для католического меньшинства, работает пропорциональная избирательная система в форме системы единого передаваемого голоса, предоставлена широкая автономия основным субкультурным сообществам.

Предоставление большей автономии Ольстеру, Шотландии и Уэльсу получил в английской политической литературе название **процесса деволюции** (*devolution*). Он, безусловно, далек от перехода Великобритании к федерализму. Соединенное Королевство по-прежнему остается унитарным государством, а, по словам ее бывшего премьера Тони Блэра, “является наиболее централизованной системой правления из всех крупных государств Западного мира”. Однако, как подчеркнул экс-глава британского правительства, “эра крупных централизованных систем правления подходит к концу” [12].

Великобритания является не только многонациональной, но и *многорасовой страной*. Она, в отличие от США, не может называть себя нацией иммигрантов, но традиции иммиграции являются достаточно сильными. Можно вспомнить, например, что правящая династия Виндзоров происходит из Германии, до 1917 г. королевский дом именовался Сакс-Кобург-Готским.

С 50-х гг. происходит быстрая иммиграция из бывших колоний, стран – членов Содружества наций – Вест-Индии, Индии, Пакистана, Бангладеш, Гонконга. Численность небелого населения Соединенного Королевства возросла с 75 тыс. чел. в 1951 г. до 3,3 млн чел. в 2000 г., что составляет около 6% населения страны (общее количество жителей Великобритании по данным на 2005 г. – 60,2 млн чел.). После расширения ЕС в 2004 г. Великобритания стала одной из немногих старых стран – членов этого объединения, которые не ввели ограничений против притока рабочей силы из Восточной Европы. Это привело, например, к тому, что к началу 2007 г. 375 тыс. польских рабочих зарегистрировались в Соединенном Королевстве в качестве временных работников (вся польская диаспора в Великобритании составляет порядка 750 тыс. чел.). По данным социологов, 1/4 часть мигрантов из Восточной Европы, в основном молодых и хорошо образованных людей, планирует остаться в Соединенном Королевстве на постоянной основе.

Большой проблемой является интеграция этого мультилингвистического и поликонфессионального сообщества в британскую культуру. При правительстве была создана специальная Комиссия по расовому равенству, целью которой является борьба против расовой дискриминации. Иммигранты и их потомки постепенно становятся важным фактором политической жизни Британии.

Отношение к иммиграции не является однозначным. Многие правые политики опасаются, что дальнейшее увеличение миграции небелого населения из бывших колоний приведет к обострению социальных проблем, вспышкам насилия и терроризма. Американский правый политик Патрик Бьюкенен, например, опасается, что из-за сокращения уровня рождаемости коренных британцев англичане к концу XXI в. окажутся в меньшинстве в своей собственной стране. Этнические меньшинства уже составляют 40% населения Лондона, а Ли Джаспер, советник мэра столицы по национальным вопросам, заявил: “По подсчетам социологов, белые станут меньшинством в Лондоне к 2010 г.” [13]. Как ни относиться к проблеме миграции, она, несомненно, будет играть все более важную роль в политической повестке дня современной Великобритании.

2. Влияние конституционного устройства на определение политического курса

Британия не имеет писаной Конституции. Неписаная же Конституция представляет собой акты парламента (такие, например, как Великая Хартия 1215 г., Билль о правах 1689 г., Парламентский акт 1911 г. и некоторые другие), судебные решения, обычаи и соглашения по правилам политической игры. В Англии говорят, что “Конституция – это то, что происходит” (*The Constitution is what happens*).

По мнению Аренда Лейпхарта, отсутствие писаной конституции в Великобритании имеет два важных политических следствия. “Первое превращает *Конституцию* в совершенно *гибкую* (*flexible*), потому что ее может изменять парламент точно таким же образом, как и другие законы – обычным большинством голосов, а не квалифицированным в 2/3 голосов депутатов высшего законодательного органа, что требуется для внесения поправок в писанные Основные Законы во многих других демократических странах. Одним несущественным отступлением от этой гибкости является то, что оппозиция, используя палату лордов, может навязать годовую отсрочку на вступления в силу подобных поправок” [14].

Как отмечается в теме 9, в Соединенных Штатах для принятия изменений в Основной Закон необходимо обеспечить не только квалифицированное большинство в обеих палатах, но и добиться согласия субъектов федерации. В Соединенном Королевстве конституционные поправки принимаются постоянно, когда депутаты парламента принимают новое законодательство или когда исполнительная власть не хочет поступать в соответствии с прецедентом и не встречает вотум недоверия в палате общин.

Вторым не менее важным политическим следствием подобного положения вещей является *отсутствие судебного пересмотра* (*absence of judicial review*). В отличие от Соединенных Штатов Америки в Великобритании существует значительно меньше ограничений для деятельности правительства. Если в Америке Верховный суд обладает правом пересмотра актов исполнительной и законодательной власти, то в Британии окончательное слово всегда остается за парламентом, точнее, парламентским большинством. Такое положение вещей получило название *парламентского суверенитета* (*Parliamentary Sovereignty*) [15].

В США также лучше налажена защита прав человека в судебных органах власти. В Великобритании, если гражданин считает, что его права нарушены парламентом, он лишен возможности отстоять их в судебном порядке. Правда, знаменитый парламентский суверенитет был существенно ослаблен после вступления страны в ЕС в 1973 г. Было принято решение о том, что законы и институты Европейского Сообщества (так тогда назывался Европейский Союз) обладают приоритетом перед актами национального парламента. Это сделало возможным для граждан Соединенного Королевства использовать процедуру судебного пересмотра, которая действует на уровне ЕС, в частности обращаться в Европейский суд справедливости (*European Court of Justice*) и в случае положительного решения по их апелляциям – в национальные суды.

Следует сказать, что еще в 1951 г., когда Великобритания присоединилась к Европейской конвенции по правам человека, Европейский суд по правам человека в Страсбурге (*European Court of Human Rights*) получил право пересматривать и объявлять недействительными действия любого государства-члена и органа власти, включая законодательные, если они грубо нарушают права человека, провозглашенные в этой конвенции.

Глава государства. Церемониальной главой государства в Соединенном Королевстве является монарх, в настоящее время – королева Елизавета II. У монарха в этой стране нет права определять, что должно делать правительство Ее Величества. Прерогативами королевы являются следующие.

Во-первых, формальное утверждение (подписание) законов, принимаемых парламентом. При этом королева не может публично высказывать свое мнение относительно законодательства.

Во-вторых, формальное приглашение лидера партии, получившей в результате выборов большинство мест в палате общин, сформировать правительство Ее Величества. Победившая партия или партии получают статус оппозиции Ее Величества.

В-третьих, формальный роспуск парламента перед очередными или внеочередными выборами.

В-четвертых, формальное открытие нового парламента. Королева своей речью, написанной премьер-министром, всегда открывает первую сессию вновь избранного парламента.

Таким образом, в настоящее время полномочия главы государства полностью соответствуют поговорке: “Королева царствует, а премьер-министр правит”. В современной Британии, пока не разгорелись скандалы, связанные с частной жизнью королевской семьи, популярность монархии была достаточно высокой.

Американский политолог Юрг Штайнер объясняет такое положение вещей тем, что “в современном обезличенном и бюрократизированном обществе существует потребность в ярких личностях. Политики эту потребность удовлетворить не могут. В лучшем случае они воспринимаются публикой как умелые координаторы. Чаще же всего они оказываются рвущимися к власти некомпетентными, а иногда и коррумпированными людьми. Королевской же семье не нужно бороться за должность, ее члены не несут ответственности за ошибки правительства. Таким образом, по иронии судьбы, популярность монархии долгое время была следствием отсутствия у нее политической власти. Королева была символом, который объединял британский народ. Национальный флаг и гимн – тоже символы, но королева имеет преимущество, потому что она человек из плоти и крови, который представляет британскую нацию.

Семейные ссоры, разделы, разводы, уклонение от уплаты налогов – главные причины падения популярности монархии в современной Великобритании. Стало гораздо сложнее смотреть на королевскую семью снизу вверх, как на некие образцы поведения. Кроме того, некоторых британцев пугает стрем-

ление наследного принца Чарльза высказывать свою точку зрения по ряду вопросов – от архитектуры до образования. Ведь общепринятым мнением является то, что монархия должна находиться над политикой” [16].

Исполнительные органы власти. Исполнительная власть в Великобритании находится в руках **кабинета министров и премьер-министра**. Это объясняется, во-первых, тем, что в этой стране действует парламентская форма правления, а во-вторых, применяется избирательная система, которая обычно приводит к мажоритарной ситуации в парламенте, где всегда присутствует фракция большинства. За весь послевоенный период Великобританией только дважды (в 70-е гг.) некоторое время управлял кабинет меньшинства.

В обычных условиях **премьер-министром** в Британии становится лидер партии, одержавшей победу на парламентских выборах. Премьера часто называют *primus inter pares* (“первым среди равных”), но, точнее будет сказать, что многое зависит от человеческих качеств главы правительства. Уинстон Черчилль обмолвился как-то по этому поводу: “Нельзя сравнивать первую позицию с последней”. Какие же **функции** выполняет британский премьер в политической системе страны?

Во-первых, его обязанностью является руководить правящей партией. Эту функцию можно назвать **патронажем**. Дело в том, что именно премьер решает, кто из депутатов правящей фракции войдет в кабинет (примерно 20 министров) или попадет в число еще 75 человек, которые получают важные посты в департаментах и министерствах. Они имеют право занимать передние скамейки в парламенте и поэтому их называют переднескамеечниками (*front-benchers*). Остальные члены правящей фракции, кто оказался не у дел, вынуждены занимать задние скамейки в парламенте (*back-benchers*). Подбирая кадры, премьеры обычно исходят из таких критериев, как лояльность, критицизм, представительство (групп интересов или регионов), компетентность.

В свою очередь, премьер-министр должен обладать лидерскими качествами, большим парламентским опытом, быть популярной фигурой в стране. В этом плане требования к британскому лидеру отличаются от требований к американскому, где кандидату на пост президента не требуется блестящая карьера в сенате или палате представителей. Но даже обладая всеми этими свойствами, премьер-министр может потерять свой пост, если не сможет продемонстрировать умение руководить собственной партией. Парадоксальность Вестминстерской модели демократии, действующей в Великобритании, заключается в том, что здесь премьер-министру угрожает не столько вотум недоверия в парламенте со стороны оппозиции,

сколько недоверие со стороны депутатов собственной партийной фракции в парламенте (см. вставку 10.2.).

ВСТАВКА 10.2.

Отставка Маргарет Тэтчер

Как писала *New York Times* 21 ноября 1990 г., “премьер-министр Маргарет Тэтчер получила сегодня самый сильный удар за одиннадцать с половиной лет карьеры в качестве лидера Великобритании, потому что не смогла осилить своего соперника Майкла Хэзелтайна в борьбе за лидерство в правящей консервативной партии. Получив сегодня 152 из 375 голосов (значительно больше, чем предсказывали), мистер Хэзелтайн, бывший министр обороны, нанес сильный удар по политическому положению миссис Тэтчер, и, таким образом, борьба требует повторного голосования в следующий вторник. Миссис Тэтчер, которой не хватило четырех голосов до победы, выказала намерение продолжить борьбу с целью сохранения власти и неухода в отставку... За миссис Тэтчер проголосовало большинство из 372 полномочных консервативных представителей парламента. Она получила 204 голоса в сравнении с 152 голосами мистера Хэзелтайна, остальные 16 воздержались или испортили свои бюллетени. По партийным правилам, миссис Тэтчер необходимо не просто количественное большинство или 187 голосов, но еще на 56 голосов больше, чем у мистера Хэзелтайна.

23 ноября 1990 г. *Washington Post* сообщила: “Маргарет Тэтчер, перед которой встала перспектива позорного поражения в борьбе за лидерство в ее глубоко расколотой консервативной партии, в четверг положила конец знаменитой эры в британской политике, объявив о своей отставке с поста премьер-министра. Миссис Тэтчер... приняла свое решение после того, как выслушала в личных беседах министров кабинета, по мнению которых она не сможет победить. Согласно партийным источникам, некоторые из них даже говорили, что они будут голосовать *против*. Миссис Тэтчер объявила о своем решении кабинету в 9 часов утра следующими словами: “Я пришла к выводу, что посодействую единству партии и шансам на победу на следующих общенациональных выборах, если уйду, дав возможность коллегам по кабинету вступить в борьбу за лидерство” [17].

Во-вторых, премьер-министр должен *участвовать в заседаниях парламента*. Его обязанностью является выступать на дебатах по вопросам внутренней и внешней политики. Два раза в неделю премьер должен отвечать на вопросы парламентариев в палате общин. Премьеру следует уметь продемонстрировать себя убедительным приерженцем политического курса правительства.

Однако исследования британских политологов П. Данвилли и Дж. Джонса свидетельствуют, что участие премьеров в работе парламента в наше время стало чистой формальностью. Резко сократилось количество публичных речей глав правительства по сравнению с XIX в. и первой половиной XX в. Регулярные ответы на вопросы

сильно ограничены временем (15 минут) и поэтому превращаются в дуэли премьер-министра и лидера оппозиции. Остальные депутаты, как правило, лишены возможности выяснить позицию премьера по интересующим их проблемах [18].

В-третьих, премьер-министр должен умело *поддерживать связи со средствами массовой информации (media performance)*. Глава правительства является объектом пристального внимания журналистов. Ему приходится давать постоянные интервью, участвовать в многочисленных пресс-конференциях. С помощью телевидения премьер может наладить прямой диалог с народом, что беспокоит партийное руководство, которое опасается утратить свои каналы влияния на руководителя исполнительной власти.

В-четвертых, задача премьера заключается в *обеспечении победы на общенациональных выборах в палату общин* той партии, лидером которой он является. После 1945 г. состоялось 17 избирательных кампаний: премьер-министры 10 раз приводили правящую партию к победе, и 7 раз она терпела поражение. Интересно, что Уинстон Черчилль, Энтони Иден, Гарольд Макмиллан, Алек Дуглас Хьюм, Джеймс Каллаген, Джон Мейджор и Гордон Браун оказывались премьерами не в результате выборов, а одержав победу над конкурентами в партийных фракциях в парламенте прежнего созыва (табл. 10.1).

В-пятых, важнейшей функцией премьер-министра является *обеспечение лидерства в определении политического курса*. Глава правительства в данном случае выступает как яркая политическая фигура, а не менеджер. Премьер-министр несет персональную ответственность за все действия кабинета, работает в тесном контакте с министрами. М. Тэтчер, которой был свойственен авторитарный стиль руководства, является скорее исключением, чем правилом. Она вела себя как президент, избранный народом, а не как капитан команды единомышленников.

Прямой противоположностью Маргарет Тэтчер был Джон Мейджор, который “на заседаниях кабинета разрешал министрам говорить то, что они думают, а не то, что от них ждут услышать. Ему нравилось взвешивать аргументы. Заседания кабинета стали менее напряженными, чем при Тэтчер, министрам разрешалось задавать вопросы друг другу. По словам одного из министров, в кабинете появилась атмосфера семинара” [19].

В 1997 г. Тони Блэр стал самым молодым в современной истории Великобритании премьер-министром. Его приход к власти прервал восемнадцатилетнюю эпоху правления консерваторов. Это единственный лейбористский лидер, трижды приводивший свою партию к победе на парламентских выборах. Блэр, безусловно, обладает харизматическими качествами, которые помогли ему и в руковод-

стве партией, и в осуществлении политического курса. Он выработал свой стиль общения с журналистами, который в течение многих лет позволял лидеру лейбористов оставаться самой популярной политической фигурой в стране. После поражения партии на местных выборах, а также под давлением членов фракции лейбористов в палате общин 10 мая 2007 г. Блэр объявил о своей досрочной отставке.

ВСТАВКА 10.3.

Политический портрет премьер-министра Гордона Брауна

Гордон Браун стал премьер-министром 27 июня 2007 г., после того как выиграл выборы депутатов лейбористской фракции в палате общин. До этого он в течение ряда лет был бессменным министром финансов в правительстве Блэра.

Браун происходит из семьи пресвитерианского настоятеля из Глазго (Шотландия). Он родился в 1951 г. Уже в раннем возрасте Гордон проявил незаурядные склонности к учебе, что позволило ему в 16 лет закончить с отличием исторический факультет Эдинбургского университета. Еще будучи студентом, Браун вступил в лейбористскую партию. В 1983 г. (в том же, что и Блэр) он впервые избирается в палату общин. По слухам, которые, видимо, имеют под собой основание, Браун уже в 1994 г. поддержал Блэра, который тогда баллотировался на пост лидера парламентской оппозиции, но с условием, что после второй подряд победы на всеобщих выборах Блэр уступит пост премьеру Брауну.

В отличие от своего предшественника Браун является более закрытой личностью, ему не хватает качеств харизматичного лидера; он пока что не освоил стиль эффективного общения с журналистами, свойственный Блэру. В 1992 г. он стал теневым министром финансов, а после победы лейбористов на выборах в 1997 г. – министром финансов. Десятилетний опыт работы в этом министерстве выработал у Г. Брауна определенные качества: бережливость и благоразумие. Коллеги по правительству прозвали его за это “железным канцлером”.

В области внешней политики Браун является, скорее, атлантистом (сторонником развития особых отношений с США), чем европеистом. Однако он понимает, что его задачей является возрождение доверия британцев к лейбористской партии за тот короткий период, который остался до следующих парламентских выборов. Сделать это можно, только изменив неудовлетворенность общественного мнения внешней политикой Блэра, втянувшего Великобританию в войну в Ираке. Поэтому политический успех либо неуспех Брауна будет зависеть от его способности справиться с этой проблемой. [20]

Британия под его руководством сумела значительно улучшить свои экономические показатели: уменьшить безработицу, обеспечить стабильный рост промышленности, возродить систему здравоохранения и удержать под контролем инфляцию. Однако на закате политической карьеры Блэр испортил свою репутацию неудачами в войнах в Ираке и Афганистане, в которые он втянул страну (они не

пользуются поддержкой у большинства британцев), а также серией скандалов. Самым громким из них стало расследование, в ходе которого влиятельные члены лейбористской партии подозревались в раздаче дворянских титулов и мест в палате лордов в обмен на пожертвования для партийной избирательной кампании.

Таблица 10.1. Причины потери своего поста британскими премьер-министрами с 1945 г. по настоящее время [21].

Премьеры	Годы	Причины потери власти
К. Эттли	1951	Поражение на выборах
У. Черчилль	1955	Слабое здоровье
Э. Иден	1957	Слабое здоровье и давление партии
Г. Макмиллан	1963	Слабое здоровье и давление партии
А. Хьюм	1964	Поражение на выборах
Г. Вильсон	1970	Поражение на выборах
Э. Хитт	1974	Поражение на выборах
Г. Вильсон	1976	Добровольная отставка
Дж. Каллаген	1979	Поражение на выборах
М. Тэтчер	1990	Отставка после давления партии
Дж. Мейджор	1997	Поражение на выборах
Т. Блэр	2007	Отставка после давления партии

Кабинет министров представляет собой *коллективный* орган исполнительной власти, потому что члены его – это руководители основных министерств и одновременно – политики, депутаты правящей партии в парламенте.

Каждый министр стремится представлять свою сферу, отстаивать ее интересы. Он испытывает постоянное давление со стороны оппозиции, лоббистов, СМИ, избирателей. Существует и неизбежная конкуренция с другими министерствами за доступ к ограниченным ресурсам. Например, часто вспыхивают конфликты между Министерством транспорта, лоббирующем постройку новых дорог, и Министерством защиты окружающей среды, которое опасается, что это приведет к ухудшению экологической ситуации. Премьер-министр должен не допускать доведения противоречий до крайних форм их выражения, гасить конфликты в своей команде, предлагать компромиссные решения.

В общем, кабинет обязан представлять свой политический курс для публики как единодушно принятые решения. В противном случае неизбежными становятся расколы, отставки, поражение на сле-

дующих выборах. Обычно на заседаниях правительства происходит лишь ратификация предварительно согласованных решений. Большую роль в подготовительной работе играют различные комитеты и комиссии, а также чиновники, в них работающие. Министры должны приходиться на заседания кабинета, уже согласовав свои позиции.

Департаменты и министерства – это учреждения для выполнения решений, принятых кабинетом. В Великобритании нет фиксированного количества министерств. Обычно премьер определяет, какие из департаментов окажутся в кабинете. Но, как правило, в него входят:

- Департамент по экономическим вопросам (финансы, промышленность, торговля, занятость, транспорт, защита окружающей среды).
- Департамент по внешним связям (Министерство иностранных дел (*Foreign Office*), Министерство по делам Содружества (*Commonwealth Office*), оборонное ведомство).
- Департамент социального обслуживания (здравоохранение, социальное обеспечение, образование).
- Департамент окружающей среды (местное самоуправление Англии, министерства по делам Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, Министерство жилищного строительства).
- Департамент права (лорд-канцлер и Министерство внутренних дел).
- Управление делами.

Важной особенностью Британии является наличие так называемого **теневого кабинета** (*Shadow Cabinet*). В то время, когда партия находится в оппозиции, она называет имена кандидатов, которые в случае победы на выборах займут места в кабинете. Такой *вероятный будущий кабинет* и называется теньевым. Его члены выступают от имени партии в качестве докладчиков на парламентских дебатах. Теньевой министр иностранных дел, например, должен быть оппонентом действующего министра в вопросах внешней политики. Подобная подготовка теневого министра в области международных отношений может оказаться очень полезной, когда его партия на следующих выборах одержит победу. В свою очередь, избиратели в Британии получают реальную возможность поддержать ту или иную политическую альтернативу, за которой стоят хорошо им известные фигуры [22].

Роль парламента. Реальная власть в Великобритании находится в руках кабинета министров и премьера, которые в своей деятельности опираются на располагающую большинство в палате общин партийную фракцию. Данная ситуация содействует превращению парламента в **церемониальный орган законодательной власти**. Влия-

ние депутатов на определение политического курса является весьма ограниченным. В отличие от Соединенных Штатов правительство Соединенного Королевства может провести через парламент фактически любой законопроект, в том числе и связанный с бюджетом. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но именно голосование по *вотуму недоверия* является наиболее грозным оружием в руках кабинета министров. Оно ставит депутатов правящей партии перед жестким выбором: голосовать за доверие правительству (т.е. за предложенный им важный законопроект) или становиться оппозицией. Подсчитано, что около 95% поправок к законопроектам, которые вносятся не правительством, отклоняются в парламенте, а 90% всех голосований проводится в строгом соответствии с партийной линией.

А. Лейпхарт считает, что “теоретически, поскольку кабинет министров зависит от доверия, оказываемого ему палатой общин, парламент контролирует правительство. На практике же ситуация выглядит противоположным образом... Концентрация власти в руках доминирующего в отношениях с парламентом кабинета позволило бывшему министру лорду Хейлшему назвать британскую систему правления *избранной диктатурой (elective dictatorship)*”. [23]

Британский парламент имеет бикамеральную структуру. Нижняя палата называется *палатой общин (House of Commons)*. В настоящее время в нее избирается 646 депутатов. Выборы проводятся раз в пять лет по мажоритарной избирательной системе простого большинства, которую в Англии называют *победитель получает все*. Однако в случае отсутствия прочного большинства у той или иной партийной фракции, голосования *вотума недоверия* правительству палата распускается и проводятся досрочные выборы.

Например, весной 1974 г. лейбористы получили большинство голосов на выборах, однако не большинство мест в парламенте. Они сформировали кабинет меньшинства до следующих выборов, которые должны были состояться осенью того же года. На осенних выборах лейбористы получили незначительное большинство мест, однако вскоре утратили его из-за неудач на дополнительных выборах. Тогда лейбористы подписали договор с либералами (пакт *Либ-Лейб*). Согласно этому договору, две партии достигли согласия по широкому кругу вопросов; либералы согласились поддерживать кабинет в *вотумах доверия*, но не занимать места в правительстве. Таким образом, в Великобритании возник кабинет меньшинства, просуществовавший недолго [24].

Большая часть рабочего времени депутатов палаты общин идет не на обсуждение законопроектов, а на реализацию других *функций*.

Во-первых, *участие в дебатах* по политическому курсу. Депутаты от правящей партии и от оппозиции имеют возможность обсудить разумность и эффективность тех или иных шагов правительства в области экономической, социальной или внешней политики.

Во-вторых, *предъявление депутатских запросов* министрам правительства и премьеру. В Британии действуют довольно жесткие правила. Министры должны вовремя отвечать на запросы народных избранников. Если эти правила нарушаются или депутат не удовлетворен ответом, он имеет возможность задать вопрос на специальных заседаниях палаты. Они посвящены ответам премьер-министра и членов его кабинета на вопросы парламентариев (*question time*) и проводятся дважды в неделю.

В-третьих, *обеспечение публичности* своей деятельности (*publicity*) через регулярные контакты со средствами массовой информации. Кроме того, определенного сорта популярность можно завоевать и с помощью привлекающего к себе внимание поведения в палате общин. Заседания там проходят в достаточно шумной атмосфере. Большинство депутатов не слушают выступления своих коллег и стремятся громкими репликами и минискандалами выделиться из общей серой массы.

В-четвертых, *участие в обсуждении законопроектов* (легислативная функция) также является прерогативой депутатов. Министры, которые разрабатывают законодательные предложения, сами являются членами парламента. Депутаты имеют возможность предлагать дополнения и поправки к ним; оппозиция – высказывать критические замечания по поводу их содержания. Законы принимаются парламентом, хотя и сделаны они на White Hall (резиденции правительства).

Верхняя палата британского парламента называется *палатой лордов* (*The House of Lords*). Она не избирается гражданами страны и поэтому не может рассматриваться в качестве представительного органа власти. Места в палате передаются по наследству титулованной аристократии либо предоставляются монархом в пожизненное владение (с 1958 г.). Подобная ситуация отличает Великобританию от всех других демократических стран мира. Пожизненными лордами стали многие бывшие премьеры, министры, депутаты нижней палаты. Например, после своей отставки с поста премьер-министра в 1990 г. Маргарет Тэтчер была пожалована королевой рыцарским титулом и стала членом верхней палаты. В 1999 г. лейбористский кабинет Тони Блэра отменил право всех наследственных лордов заседать в палате и принимать участие в голосовании.

Полномочия палаты лордов были существенно урезаны в 1911 г., когда у нее отобрали право вето на законопроекты нижней палаты. Сейчас у британских пэров (так их тоже иногда называют) есть лишь право отлагательного вето сроком на год, да и то оно не распространяется на законопроекты, связанные с финансами. В случае серьезных разногласий между нижней и верхней палатами депутаты,

избранные народом, могут проигнорировать мнение назначенных депутатов, принимая так называемые парламентские акты. Например, такой акт, запрещающий псовую охоту на лис, был принят осенью 2004 г. палатой общин в обход палаты лордов, которая единодушно выступала за сохранение этой старинной английской забавы.

Таким образом, как указывает Ю. Штайнер, функции палаты лордов не сводятся к чисто символической роли (от нее в кабинет обычно делегируется лорд-канцлер), однако реальная власть в современном парламенте принадлежит палате общин [25]. С этим мнением не вполне согласен А. Лейпхарт. Он считает, что “хотя британская система бикамерализма и является отклонением от мажоритарной модели демократии (см. тему 2), но отклонением несущественным: в повседневной жизни под “парламентом” в Британии понимают почти исключительно палату общин, а в высшей степени асимметрическая двухпалатная система может быть с полным на то основанием названа почти уникамеральной (*near-unicameralism*)” [26].

3. Политическая культура и социализация

Политическая культура. Великобритания, наряду с Соединенными Штатами Америки, является страной, в которой, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, сложилась *гражданская политическая культура*, в наибольшей степени содействующая функционированию стабильных демократических институтов [27].

По мнению английского политолога Р. Роуза, важнейшим параметром, позволяющим сравнивать различные политические культуры, является **взаимоотношение между обществом и властью**, отражение его в сознании элит и рядовых граждан. В Великобритании существует несколько подходов к пониманию таких взаимоотношений.

Прежде всего, это **теория доверия**, формирования доверительных отношений между политическими элитами и гражданами (*The Trustship Theory*). Смысл ее можно выразить с помощью очень емкой формулы: “Работа правительства – править” (*The government’s job is to govern*). Избранные руководители получили от народа мандат на проведение той политики, которую они считают правильной. Депутаты парламента и министры не должны действовать с оглядкой на простых избирателей, а полагаются на свои собственные убеждения, знания и опыт. Один из послевоенных консервативных лидеров говорил по этому поводу, перефразируя известную формулу демократии Линкольна: “Англия управляется для народа, с участием народа, но не народом” (*England is governed for the people, with, but not by the people*).

По мнению Р. Роуза, данная точка зрения всегда находит поддержку у правящей партии, а также у чиновников, считающих себя постоянными доверенными лицами нации, но не у оппозиции [28].

По нашему мнению, дело обстоит несколько иначе. Теория доверия, как назвал ее Роуз, есть сформулированное еще в XVIII в. выдающимся английским философом Эдмундом Бёрком требование автономии избранных политиков от своих избирателей или теория свободы депутатов от так называемого *связывающего мандата*. Без реализации этого принципа не может стабильно функционировать никакая современная представительная демократия. Поэтому и власть, и оппозиция, если они, конечно, не выступают за революционную ломку существующей политической системы и введение повсеместного отзыва депутатов их избирателями, должны разделять теорию доверия [29].

Коллективистская теория правых и левых (*Collectivist Theory of Right and Left*) рассматривает правительство как институт, который заинтересован в балансировании сталкивающихся между собой организованных интересов основных социально-экономических групп общества. Агрегация интересов происходит за счет деятельности групп интересов и партий, которые воспринимаются властями как более важные выразители потребностей общества, чем отдельные граждане.

Консерваторы традиционно тяготели к органической интерпретации общества, а лейбористы – к его классовому пониманию. Однако определенную проблему для приверженцев коллективистской теории представляет тот факт, что только 2/5 рабочих являются членами профсоюзов, а в ассоциации объединены лишь 1/4 предпринимателей. При Тони Блэре, например, существенно ослабли связи между конгрессом тред-юнионов и лейбористской партией.

Индивидуалистическая теория представительства (*Individualistic Theory of Representation*) настаивает на том, что правительство должно иметь дело с гражданами, выражающими свои симпатии и антипатии на свободных выборах, а не с группами интересов. Маргарет Тэтчер утверждала в свое время, что “нет такого явления, как общество” (*there is no such thing as society*). Каждая личность ответственна за свои достижения и благосостояние. Свободный рынок обеспечивает реализацию этой формулы наилучшим образом. Поэтому государство не должно брать на себя обязательства перед людьми удовлетворять их коллективные интересы.

В настоящее время индивидуалистическая теория активно отстаивается либерал-демократической партией, которая считает, что политические партии Великобритании должны представлять индивидуумов, а не группы интересов.

В реальной политической культуре Великобритании отражены все эти подходы. Рассмотрим основные ее параметры: **степень легитим-**

ности власти и политической системы в целом; **доверие** к политическим институтам; ориентацию граждан на политическое **участие**.

Степень легитимности политической системы является очень высокой. Только 5% жителей страны выступают за радикальное изменение существующего политического строя. Даже националисты в Шотландии и Уэльсе не выступают против парламентской демократии, но лишь за создание в этих провинциях собственных суверенных представительных органов власти. Это, по их мнению, станет первым шагом к государственной независимости.

Британцы традиционно славятся своим **законопослушанием**. Поскольку правительство Ее Величества не нуждается в значительных силах для принуждения граждан, британская полиция составляет только 1/3 от численности американской, французской или немецкой. Степень легитимности не слишком сильно зависит от экономической ситуации. Например, в 30-е гг. за коммунистов и нацистов в Англии голосовало ничтожно малое количество избирателей по сравнению с континентальной Европой, хотя Великая депрессия одинаково больно ударила по всем европейским странам. По мнению Роуза, постоянную лояльность англичан к политической системе можно объяснить обычаями, традициями и их прагматизмом, который лучше других выразил Уинстон Черчилль: “Никто не считает, будто демократия совершенна и действительно разумна. И верно говорят, что демократия – наихудшая из форм государственного устройства, если не считать всех тех иных способов правления, которые человечество время от времени пробовало” [30].

В Великобритании, как и в других развитых странах, наблюдалось существенное **снижение доверия к политическим институтам** в 80–90-е гг. Причинами этого явления стали проблемы, связанные с переходом наиболее развитых стран мира к постиндустриальной стадии развития и обострением в них культурных противоречий. Разрешить данные противоречия проще тем народам, у которых не растрочены запасы **социального капитала**. Фрэнсис Фукуяма в книге *Доверие*, сравнивая некоторые государства по этим параметрам, отмечает по поводу Британии следующее:

“Случаи, когда политическое начинание в конце концов воплощается в культурном атрибуте, вообще, происходят в истории достаточно часто. Так, в XVI–XVII вв. Англия и Франция пережили несколько войн, в которых борьба за первенство велась между монархией и другими тогдашними носителями суверенитета – баронами, независимыми городами, различными церковными инстанциями. В Англии *монархия проиграла* и в итоге была вынуждена принять некоторые *конституционные ограничения*, которые со временем стали фундаментом современной парламентской демократии. Во Франции монархия одержала победу, и это послужило началом долгого процесса централизации власти в руках абсолютистского государства... Став свершившимся

фактом, это событие имело глубокие последствия для развития политической культуры в обеих странах. Централизация политической власти во Франции свела на нет автономию добровольных союзов и исторически сделала французов более зависимыми от гегемонии центра, причем как при монархическом режиме, так и при республиканском. В Англии, напротив, общество стало эволюционировать в направлении *большей самоорганизации*, ибо народ в улаживании своих внутренних различий не ждал вмешательства властей. Этот навык не был утрачен английскими поселенцами и в Новом Свете... Способность к упорному труду, бережливость, рационализм, новаторство, готовность идти на риск – все это добродетели предпринимательства, которые присущи отдельному человеку, и какой-нибудь Робинзон Крузо на своем необитаемом острове вполне мог бы их практиковать. Однако наряду с ними существуют другие добродетели, принципиально общественного свойства: честность, надежность, взаимная поддержка, чувство долга перед окружающими. И если *Протестантская этика* посвящена главным образом первым, то вторые были рассмотрены Максом Вебером в куда менее известной работе *Протестантские секты и дух капитализма*. В ней он доказывает, что еще одним важным последствием протестантизма – точнее, *сектантского протестантизма*, существующего в некоторых частях Англии и Германии и на всей территории США, – стала исключительная способность его приверженцев образовывать новые *сплоченные коллективы*... В экономически развитых обществах новые фирмы также обычно начинаются как небольшие семейные предприятия, и обезличенную корпоративную структуру они приобретают лишь впоследствии. Поскольку в основе их сплоченности лежит некая доэкономическая социальная общность, система моральных и эмоциональных взаимосвязей, семейные предприятия способны успешно работать даже в отсутствие коммерческого права и стабильного института прав собственности.

Однако семейное дело – это лишь первый шаг на пути развития экономических организаций. Надо сказать, что некоторые общества сумели *выйти за пределы семейного типа социализированности* довольно рано. Уже начиная с XVI в. в Англии и Голландии существовали законодательные уложения, дававшие возможность распределять функции владения между членами таких крупных объединений, как товарищества собственников, акционерные компании или партнерства с ограниченной ответственностью. Помимо того, что подобные организации позволяли их участникам получать прибыль от своих вложений, сама правовая система создавала возможность для людей, не связанных родственными отношениями, заниматься предпринимательством совместно. Контрактное законодательство, оговаривающее соответствующие обязательства и взыскания, смогло сыграть роль *доверия* в сфере, где оно естественным образом отсутствовало...

Картели, гильдии, профессиональные ассоциации, профсоюзы, политические партии, лоббистские организации и т.п. выполняют важную политическую функцию, систематизируя и выражая интересы в плюралистической системе демократии. Но, как правило, преследуя экономические цели своих членов и стремясь перераспределить благосостояние в свою пользу, они редко выражают широкие интересы всего общества. По этой причине многие экономисты считают, что распространение подобных групп является в целом сдерживающим фактором экономической эффективности. Манкур Олсон даже сформулировал теорию, согласно которой экономический застой может быть объяснен

ростом числа групп интересов, имеющим место во всех стабильных экономических обществах [31].

В отсутствие внешних потрясений – войн, революций, торговых соглашений, открывающих новые рынки, – организационные способности общества будут стремиться реализоваться в создании новых распределительных картелей, навязывающих экономике все более жесткие рамки. Как полагает Олсон, одной из причин британского экономического упадка за последнее столетие был тот факт, что, в отличие от других европейских стран, в Великобритании сохранялось длительное общественное спокойствие, и это способствовало постоянному росту числа представительских групп, разрушающих эффективность экономики.

Общества, которые преуспевают в создании организаций, повышающих благосостояние, обычно так же успешно создают и перераспределительные группы, вредящие эффективности. Поэтому, высчитывая положительные экономические последствия спонтанной социализированности, мы должны не забывать об *издержках, связанных с деятельностью групп интересов...* Рабочий класс Великобритании всегда был более сплочен и воинственен, чем в Америке, а профсоюзные члены всегда составляли большой процент от всего рабочего населения. Это обстоятельство заставило некоторых утверждать, что британское общество менее индивидуалистично и более коммунитаристски ориентировано, чем американское. Но сама эта классовая солидарность углубляет пропасть между британскими управляющими и рабочими, ибо в таких условиях последние просто отмахнутся от идеи, что они и руководство могут представлять собой одну большую семью с общими интересами. Та же классовая солидарность рабочих может препятствовать реорганизации отношений между ними и руководством на более коммунитаристском основании – в частности, введению *работы командами или кружков качества*.

В Японии **горизонтальная солидарность** рабочего класса выражена гораздо меньше, чем в Великобритании, и в этом отношении о японцах можно сказать, что они меньшие коллективисты, чем англичане. Японские рабочие отождествляют себя скорее со своей компанией, чем с сослуживцами... Обратная сторона этой медали состоит в том, что на японских предприятиях более развита **вертикальная солидарность**, и, значит, мы не ошибаемся, считая японцев большими коллективистами, чем англичан. Опыт свидетельствует, что именно вертикальная, а не горизонтальная солидарность в коллективе оказывается более экономически эффективной” [32].

Таким образом, обладая всеми историко-культурными предпосылками для того, чтобы развивать и увеличивать объемы социального капитала, современная Великобритания в значительной степени его растратила и отстала по этому показателю от США, Японии, ФРГ, что не могло не отразиться на сокращении доверия к важнейшим институтам политической системы.

Падение доверия к власти и отдельным политикам (Джон Мейджор и консервативная партия, например, получили невиданно низкую с 1832 г. поддержку избирателей на выборах 1997 г.) усугубляется некоторыми особенностями *Вестминстерской модели демократии*. В Великобритании более слабым является парламентский контроль

над правительством, чем в США, здесь также отсутствует судебный пересмотр. Все это создает возможности для исполнительной власти уходить от ответственности за злоупотребления служебным положением. С другой стороны, в Британии существуют *традиции*, которые иногда лучше закона защищают права человека. Например, практически невозможно себе представить появление цензуры в СМИ, потому что подобный шаг властей оказался бы в вопиющем противоречии с ожиданиями подавляющего большинства граждан. Свобода слова, собраний, шествий, создания ассоциаций и деятельности оппозиции является “священной коровой” британцев, и эти свободы они готовы защищать со всей решимостью.

Что касается *политического участия* и особенно его протестных форм, то, по данным социологических исследований, 92% респондентов утверждают, что готовы к выражению недовольства проводимой политикой, подписав соответствующую петицию; почти 50% готовы участвовать в мирных демонстрациях. Большинство британцев отвергает действия, выходящие за рамки закона: лишь 29% согласны участвовать в неразрешенной забастовке, 12% – захватить в знак протеста предприятие или иное здание. Протестный потенциал у англичан ниже, чем у французов, и является таким же, как у немцев [33]. В целом, можно сделать вывод, что власть здесь ограничена политической культурой граждан, “здравым смыслом британцев”.

Политическая социализация. Политическая социализация в Великобритании, как и в других странах мира, начинается в *семье*. Социологи обнаружили, что всех детей можно разделить на две примерно равные группы: на тех, кто не знает, как голосуют их родители, и тех, кто знает. Последние с большей вероятностью сделают политический выбор под влиянием семьи, чем первые. Однако влияние родителей очень скоро вытесняется у молодого человека другими факторами и прежде всего – приобретенным опытом участия в выборах.

Гендерная принадлежность в Великобритании также мало влияет на политические симпатии и антипатии. Только по вопросу о членстве в ЕС значительно больше мужчин, чем женщин, высказывается за участие: 58% и 41% соответственно. По остальным политическим вопросам наблюдается почти полное совпадение позиций [34].

Система образования в Соединенном Королевстве изначально была ориентирована на воспроизводство равенства. В общеобразовательные школы принимают всех детей, но там происходит их деление на два потока: академический, который ориентирован на поступление в университет, и обычный, завершающийся экзаменом, дающим право или продолжать учебу в средней школе, или устроиться на работу. Примерно половина британских избирателей – это люди со школьным образованием.

Кроме государственных школ существует еще большое количество частных средних школ. Государственное среднее образование в Великобритании было бесплатным до 1998 г., когда лейбористское правительство Блэра ввело оплату, равную 1000 фунтов в год. Высшее образование существенно расширилось в 60-е гг.; многие технические колледжи стали именовать себя университетами. Но престижными университетами по-прежнему считаются Оксфордский, Кембриджский и Лондонский.

За последние годы произошли существенные изменения в политических симпатиях лиц с университетскими дипломами. Если прежде подавляющее большинство их было приверженцами консервативной партии, то сейчас существует примерное равенство в идентификации себя с лейбористами, консерваторами и либерал-демократами. Более того, электорат консервативной партии значительно пополнился лицами со школьным образованием.

Классовая идентификация традиционно оказывала очень сильное влияние на политическое поведение граждан Британии. Под *классом* известный английский социолог Энтони Гидденс понимает совокупность объективных факторов, таких как доход, образование, род занятий, образ жизни [35]. Консерваторы считались партией среднего класса (лиц преимущественно умственного труда), а лейбористы – рабочего класса (лиц физического труда). Однако в последнее время эта жесткая зависимость исчезла. Под влиянием социально-экономических процессов не только сокращается количество *рабочих*, но и возрастает прослойка тех, кто сочетает характеристики обоих классов. Более важную роль при выборе политической позиции играет принадлежность к профсоюзам, а также жилищный статус: домовладельцы в большинстве своем голосуют за правых, а арендаторы муниципальных квартир – за левых.

Средства массовой информации, и прежде всего газеты, делятся на очень профессиональные издания и таблоиды, издающиеся огромными тиражами. Существует их очень мягкая привязка к политическим партиям, которая не является постоянной. Телевидение долгое время находилось под патронажем ВВС. Но в настоящее время в Великобритании работает пять телевизионных каналов, не считая кабельного телевидения. В стране действуют жесткие правила, в соответствии с которыми запрещена реклама общественных деятелей, партий и политических программ. Несмотря на то, что тележурналисты стремятся беспристрастно освещать политические события, они обычно нацелены на критику любого действующего кабинета министров. СМИ играют очень важную роль в формировании политических ожиданий и системы ценностей у читателей, слушателей и зрителей.

4. Артикуляция интересов и группы интересов

Для эффективной защиты общих целей людей и влияния на политику правительства создаются группы интересов. В отличие от политических партий группы интересов не ведут борьбу за власть, но лишь оказывают давление на нее (см. тему 5). Взаимоотношения между группами интересов и политическими партиями Великобритании зависят от того, являются эти партии левыми или правыми. Например, конгресс тред-юнионов с момента образования лейбористской партии в 1900 г. представляет собой ее институциональную часть, обеспечивая партию деньгами и голосами на выборах. Подобной зависимости нет между ассоциациями бизнеса, которые действуют автономно, и консервативной партией. Кроме того, консерваторы появились гораздо раньше, чем сформировались предпринимательские ассоциации, такие, например, как Конфедерация британских промышленников.

Большая часть групп интересов в своих взаимоотношениях с правительством стремится к достижению следующих целей:

- получение информации о политике правительства и возможных изменениях в ней;
- влияние на уже принятые решения и политический курс в интересах группы;
- корректировка планируемого курса;
- повышение своего символического статуса. В Великобритании почетно именоваться *королевским обществом*.

В свою очередь, правительство заинтересовано в контактах с группами интересов, через которые оно может получить дополнительную информацию о важных сферах жизни общества, заранее оценить общественную реакцию на свои шаги, заручиться поддержкой в осуществлении определенных программ.

Группы интересов различаются своей **способностью к организации**. Она является довольно высокой у работников одного предприятия, которые хорошо знают друг друга и общие проблемы. Степень организованности является низкой у такой неассоциированной группы, как потребители, которые заинтересованы в высоком качестве товаров и услуг, но не во взаимодействии с другими потребителями.

Разные группы демонстрируют и разный уровень **эффективности** своей деятельности. Она зависит от *преданности участников провозглашенным целям*. В случае отсутствия солидарности участников происходит атомизация группы на отдельные сегменты, и она терпит поражение или даже распадается. Примером такой ситуации может служить шахтерская забастовка 1984 г. Тогда лидер шахтерских профсоюзов призвал рабочих к проведению стачки, но отка-

зался провести голосование среди членов Национального конгресса горняков. Забастовка растянулась на целый год и в конце концов провалилась, так как многие рабочие не сочли себя обязанными продолжать акцию, которая не была ими поддержана путем голосования. Британский профсоюз горняков раскололся на две организации.

Эффективность деятельности групп зависит также от степени их *гомогенности*. В том случае, если в одну группу входят лица с разными и даже противоположными интересами, от нее трудно ожидать скоординированных действий. Это, например, происходит в том случае если члены группы, будучи рабочими, отстаивают повышение зарплаты, а будучи потребителями, – снижение цен на товары и услуги.

С точки зрения *применяемой стратегии* все группы интересов делятся на инсайдерские (внутренние) и аутсайдерские (внешние). При этом следует иметь в виду, что в Великобритании главным объектом давления групп является правительство, а не парламент, как в США.

Инсайдерскими (Insider Interest Groups) называются те объединения, интересы которых совпадают с интересами правительства. Поэтому данные группы интересов не включают в свою стратегию конфликтогенные методы борьбы. Они участвуют в переговорах с правительством и пытаются привлечь бюджетные средства для решения социально значимых проблем.

Аутсайдерские группы (Outsider Interest Groups) – это такие объединения, интересы которых идут в разрез с интересами правительства. Поэтому они активно используют косвенный лоббизм, стремятся привлечь на свою сторону общественное мнение, работают со СМИ, сотрудничают с политической оппозицией. Но в случае если интересы группы не совпадают и с требованиями оппозиции, они становятся маргинальными.

Система представительства интересов в современной Великобритании относится к *плюралистическому типу*. А. Лейпхарт разделяет точку зрения английских политологов М. Галлагхера, М. Лейвера и П. Мейра, которые обратили внимание на то, что “Британию нельзя относить к корпоративистским системам по двум причинам: первая – это отсутствие внутренней интеграции как профсоюзов, так и предпринимательских ассоциаций в процессе выработки политического курса. Вторая причина связана с выбором двумя сторонами конфронтационных методов разрешения конфликтов между ними... Британская система групп интересов является отчетливо *плюралистической*” [36]. Однако совсем недавно власти прилагали большие усилия к тому, чтобы сформировать *корпоративистскую модель*. В 60–70-е гг. и лейбористы и консерваторы работали над тем, чтобы

ВСТАВКА 10.4.

Политика М. Тэтчер в отношении групп интересов

“Несмотря на приверженность рыночному плюрализму, правительство Тэтчер ограничивало возможности участия групп давления в формировании правительственных решений... Общественные объединения были исключены из участия в политике. Обострились классовые конфликты. Отвергая корпоративный стиль в политике, Тэтчер допустила фрагментацию гражданского общества. Членство в британских тред-юнионах сократилось с 51% от общего числа рабочих в 1980 г. до 41% в 1988 г. Наибольшее падение численности было отмечено в профсоюзах обрабатывающих отраслей промышленности, транспорта и коммунации. Несмотря на то, что профсоюзы в 80-е гг. добились снижения высокого уровня безработицы, политика Тэтчер внесла свою лепту в ослабление их влияния. Законодательство урезало права профсоюзов на забастовки, пикетирование, регулирование их внутреннего функционирования и на участие в выработке управленческих решений. Лидеры Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) не имели доступа к политикам команды Тэтчер. К концу 80-х гг. правительство не принимало на службу в государственные учреждения представителей БКТ.

В то же время и бизнес имел лишь ограниченное влияние на формирование экономической политики. Ни профсоюзы, ни Конфедерация британских промышленников не оказывали активного влияния на выработку экономической политики. Кабинет министров предпочитал проводить консультации с отдельными руководителями бизнеса. Сложилась ситуация, при которой не менеджеры оказывали влияние на государство, а центральное правительство руководило частным сектором, пытаясь повысить эффективность экономики, производительность труда и конкурентоспособность британских товаров на мировом рынке. Большинство рекомендаций по реструктуризации британской экономики и направленности *свободного рынка* исходило от университетских профессоров, в особенности от неоклассических экономистов, сторонников партии общественного выбора. Политику, проводившуюся такими министрами, как Найджел Лоусон и Кейт Джозеф, вырабатывали Центр политических исследований, Институт экономики и Институт Адама Смита. Экономисты этих учреждений пропагандировали рыночные теории Милтона Фридмана и Фридриха фон Хайека, оппонентов кейнсианской теории всеобщего благоденствия с ее политикой регулирования” [37].

консолидировать ассоциации бизнеса, с одной стороны, и профсоюзы, с другой, и попытаться усадить их за стол переговоров с участием правительства. Целью таких постоянных трехсторонних консультаций должно было стать согласование позиций по ключевым экономическим вопросам: уровню цен, заработной плате, уровню инфляции и безработицы и др. Однако ни правительствам Г. Вильсона, ни Э. Хитта не удалось достичь желаемых результатов.

В эпоху М. Тэтчер стал проводиться прямо противоположный курс властей в отношении групп интересов. Неоконсерваторы стремились *дистанцироваться* от них. Правительство осуществляло

политику, не согласовывая ее с основными группами интересов, что вызывало их недовольство.

Находясь в оппозиции к консерваторам, Тони Блэр неоднократно заявлял о необходимости *возрождения общества*, обещая всячески способствовать формированию духа корпоративизма и сотрудничеству представителей различных групп интересов. Однако после своего прихода к власти он приложил все усилия к тому, чтобы вопросы консультаций с лоббистами даже не включались в повестку дня правительства новых лейбористов.

5. Агрегация интересов: выборы, партии и партийная система

Британское правительство – это правительство одной партии. Партии выдвигают кандидатов, проводят избирательные кампании, включают политические вопросы в повестку дня для принятия решений. Каждая партия – это часть партийной системы, и то, что происходит с одной из них, влияет на остальные.

Влияние избирательной системы на агрегацию интересов. Популярность партий проверяется, как минимум, один раз в пять лет на всеобщих парламентских выборах. В этот промежуток времени премьер может объявить выборы в любое время, и обычно глава правительства стремится идти на электоральное соревнование с соперниками тогда, когда поддержка его партии населением является наиболее высокой. Именно так и поступил Тони Блэр, когда объявил парламентские выборы в 2001 г., на год раньше срока, и одержал убедительную победу. За лейбористов проголосовало 44% избирателей (414 мест в палате общин). На втором месте оказались консерваторы с 32% голосов (167 мест), на третьем – либерал-демократы с 17% (52 места). Еще 26 мест пришлось на представителей других партий. Однако, как отмечалось выше, не всякий раз правящая партия может гарантировать себе победу.

Выборы в Великобритании проводятся по *плюральной избирательной системе (мажоритарной избирательной системе простого большинства)*. В настоящее время страна разбита на 646 округов, в каждом из которых соревнуется в среднем по три-четыре кандидата. В парламент попадают только победители, набравшие простое большинство голосов. Данная система не отражает точной расстановки политических сил в обществе. В 1951 г. и в 1974 г. партия, набравшая наибольшее количество голосов, не получила большинства мест в парламенте, что привело к формированию кабинетов меньшинства, а затем – к досрочным выборам. Обычно же такая система способствует определению преобладающей партии в парламенте, хотя она, как правило, и не набирает абсолютного большин-

ства голосов. Для того чтобы получить значительное число мест в палате общин, партия должна либо набрать не менее трети голосов избирателей всей страны, либо добиться успеха в ограниченном, но достаточном числе округов (стратегия лейбористов и националистов).

Существующая в Британии избирательная система не выгодна *третьей партии*, электорат которой равномерно распределен по всей стране. Такой партией является в настоящее время либерально-демократическая. На выборах 1997 г. за нее проголосовало 17% избирателей, но она получила только 7% мест в нижней палате парламента. На выборах 2001 г. эта ситуация повторилась. В 2005 г. либерал-демократы рассчитывали значительно улучшить свои показатели, потому что представляли собой единственную реальную политическую силу, которая выступала против участия Британии в непопулярной войне в Ираке. Однако и на сей раз избирательная система сработала против нее. ЛДП смогла увеличить свое представительство в палате общин только на 4%, получив около 22% голосов.

Преимущества системы *победитель получает все* (*the first past the post*) связаны с тем, что она возлагает ответственность за управление страной на одну партию, а не расплывает ее между многочисленными участниками правящей коалиции. Тем не менее лейбористское правительство Блэра пошло на создание специальной комиссии, которая призвана представить палате общин предложения по реформированию избирательной системы. Известно, что за основу эта комиссия взяла Закон о выборах ФРГ. Однако, по мнению большинства аналитиков, вряд ли можно надеяться на то, что крупные партии Великобритании откажутся от действующей системы, по крайней мере при проведении национальных выборов, так как она обеспечивает диспропорциональность представительства в парламенте в их пользу. По мнению Лейпхарта, поскольку с 1945 г. и до наших дней именно плюральная избирательная система обеспечивает победителю политическую власть при получении лишь относительного, а не абсолютного большинства, британскую демократию с полным на то основанием следует называть не мажоритарной, а *плюралитарной* [38].

Партийная система. С 1945 по 1970 г. в Британии действовала *система чистого бипартизма*: консерваторы и лейбористы собирали вместе чуть более 90% голосов избирателей. Четыре раза на выборах побеждали лейбористы и четыре – консерваторы. Третьей партией была либеральная, которая получала очень небольшую электоральную поддержку и еще меньше мест в палате общин.

Эта ситуация резко изменилась в 1974 г. Либералы смогли получить 1/5 часть голосов избирателей. Кроме того, заметной политической силой стали националисты в Шотландии и Уэльсе. Многие

политологи стали говорить о повороте партийной системы Британии к **новому мультипартизму**. Данные тенденции укрепились после раскола лейбористской партии, из которой выделилась социал-демократическая партия. На выборах в 80-е гг. она выступала в союзе с либералами (альянс либералов и социал-демократов). В 1987 г. они объединились в единую либерально-демократическую партию. На первую половину 90-х гг. пришелся и закат консервативной партии, которая, хотя и одержала четвертую подряд победу в 1992 г., но получила только 42% голосов. В это же время доля общего лейбористско-консервативного электората сократилась до 76%.

В настоящее время в Великобритании борьбу за власть ведут три политические партии: лейбористская, консервативная и либерально-демократическая (кроме них в стране действует порядка дюжины небольших партий). Консерваторы на последних выборах в Европарламент 2004 г. столкнулись с серьезным конкурентом справа: Партией независимости Великобритании, которая выступает за выход страны из ЕС.

Две основные партии уже не монополизуют электорат. Им принадлежит около 3/4 голосов всех избирателей. Более того, лейбористы и консерваторы, если говорить о Соединенном Королевстве в целом, не обязательно являются фаворитами выборов. В Шотландии, например, в 2007 г. на первое место вышли националисты, а в Северной Ирландии доминировали ольстерские юнионисты и партия *Shin Fein*. Тем не менее после 1945 г. британское правительство формируют, сменяя друг друга, только две партии – консервативная и лейбористская. Это объясняется, прежде всего, сохранением старого избирательного закона.

Структура и идеологические различия партий. Британские партии Роуз сравнивает не с машинами для голосования, а с университетами, куда люди приходят добровольно. **Структура партий** включает в себя три взаимосвязанных уровня: *массовая партия*, которую составляют ее избиратели; небольшое число *активистов и функционеров, работающих в округах*, и *фракция в парламенте*.

Значение массовой партии возрастает в период избирательных кампаний, но в отличие от Америки рядовые избиратели не могут повлиять на подбор кандидатов, потому что в Великобритании не проводятся праймериз (*primaries*). В лейбористской партии традиционно основную роль в их номинации играли региональные отделения. При Тони Блэре подбор кандидатов стал более централизованным. В консервативной партии большую роль при выдвижении кандидатов играют личные связи и происхождение.

Штаб-квартиры основных партий расположены в Лондоне. Это связующее звено между активистами и функционерами в округах и

парламентскими фракциями. Руководитель консервативного центрального офиса назначается лидером партии, а офис лейбористской партии работает под руководством Национального исполкома. Каждая партия проводит ежегодные съезды, на которых уточняется проводимый курс и принимаются резолюции.

Главную руководящую роль в деятельности партий играют *парламентские фракции*. Они обладают большей легитимностью, чем другие партийные структуры, так как опираются на поддержку избирателей. Решение фракций – это закон для других звеньев партии. Если партия является правящей, у нее очень мало возможностей для критики премьера и одновременно лидера партии. В Великобритании действуют *сплоченные и дисциплинированные фракции*. Если партия находится в оппозиции, у членов ее парламентской фракции существует больше возможностей для критики лидера и более гибкой линии поведения.

ВСТАВКА 10.5.

Дисциплина голосования фракций в палате общин

“До тех пор пока правящая партия контролирует большинство парламентских мест, попытки голосования вето недоверия со стороны оппозиции не имеют шансов на успех. Здесь в действие вступают так называемые *кнуты* (whips). Имеются в виду члены парламента, которые выполняют функцию надзора. Во главе с главным *кнотом* все остальные должны следить за тем, чтобы их коллеги участвовали в важном голосовании, таком, например, как вынесение вето недоверия. Поскольку голосование проходит публично, они также следят за тем, чтобы каждый придерживался партийной линии. *Кнуты* имеются как в правящей партии, так и в оппозиционной. Это понятие вошло в парламентский словарь в XVIII в. Оно было заимствовано из охоты на лис, которая пользовалась популярностью среди высшего класса Великобритании. Задачей загонщика с кнутом было держать гончих вместе.

Самые высокие требования к партийной дисциплине проявляются в *трехлинейном кнуте*, когда соответствующее голосование в палате общин проводится трижды. Например, в июле 1993 г. премьер-министр Джон Мейджор издал указание о *трехлинейном кнуте* во время ключевого голосования по вопросу Маастрихтского соглашения. Единственным евроскептиком, который воздержался от голосования, был член парламента от консерваторов Руперт Аласон. В качестве наказания за это он перестал получать расписания важных партийных собраний, лишился права в них участвовать” [39].

Долгое время в политической науке господствовала точка зрения, что британские партии являются сильно идеологизированными и связанными с социальными классами. Лейбористы ориентировались на рабочий класс и социалистическую идеологию, а консерваторы – на средний класс и *торизм*. В современной Британии этого не

наблюдается. *Идеологическая ориентация* основных политических сил является близкой.

Консервативная партия не имеет четко зафиксированных принципов идеологии в своей программе. Либерал-демократы имеют очень размытую идеологическую программу, с которой могли бы согласиться многие партии. Неолейбористы Тони Блэра и Гордона Брауна открыто заявляют, что не имеют ничего общего с социализмом и рабочим движением. Один из разработчиков доктрины *нового лейборизма* (*New Labourism*) английский социолог Э. Гидденс подчеркивает, что его целью является соединение рыночных ценностей с идеалами социализма: “Мы хотим иметь общество для всех, гуманное, приверженное определенным социалистическим ценностям. Но следует признать, что старые экономические механизмы социализма больше не могут привести к этой цели” [40].

Социологические опросы свидетельствуют, что большинство избирателей считают себя центристами на *лево-правой* шкале предпочтений. Только 10% избирателей заявили о себе как о приверженцах левых или правых политических взглядов. Поэтому партии, которые стремятся сместиться резко влево либо вправо, рискуют потерять в современной Британии общественную поддержку. Кроме того, в самих британских партиях мирно уживаются люди с весьма разным мировоззрением: прагматики и социалисты в лейбористской партии, рыночники и сторонники социального государства – в консервативной. Европейская интеграция привела к возникновению *евроскептиков* и *еврооптимистов* в разных политических организациях. Но все они стремятся к занятию политического центра и избегают радикализма.

Главная задача партий – это не идеология и переубеждение общества в своей правоте, а победа на выборах. Партия у власти может проводить любой политический курс, который приемлет основная масса избирателей. Соратники по партии упрекали Блэра в том, что он пожертвовал сердцевиной партийной политики, чтобы выиграть выборы, а одержав победу, стал действовать в духе *тэтчеризма*. Этот пример лишь доказывает, что в эпоху заката идеологий принципиальная политика оказывается не востребовавшей и обрекает партию на маргинальность.

Результаты последних парламентских выборов, которые состоялись в Великобритании в мае 2005 г., убеждают в правильности этого вывода. На них в третий раз подряд одержали победу лейбористы, за которых проголосовало только 37% избирателей. Это привело к существенному сокращению численности их фракции в нижней палате, в которую вошли 355 депутатов. Однако это позволило Тони

Блэру решить задачу минимум: сохранить за партией большинство в парламенте и сформировать правительство [41].

Лейбористы с трудом справились с этой задачей. Многие избиратели, которые традиционно голосовали за них, были разочарованы позицией партии по иракскому вопросу, а также трениями в отношениях между Тони Блэром и Гордоном Брауном. Впрочем, трения в руководстве удалось смягчить благодаря заявлению Блэра о том, что избирательная кампания 2005 г. является последней, в которой он участвует в качестве лидера партии, с одной стороны, и демонстративной поддержкой Брауном своего патрона по всем вопросам внутренней и внешней политики, с другой. Главным козырем правящей партии на этих выборах были неплохие показатели работы британской экономики.

Успеху лейбористов содействовала и слабость их политических оппонентов. Несмотря на то, что консервативная партия смогла увеличить представительство своей фракции в палате общин до 197 человек (за них отдали свои голоса около 33% избирателей), у правых не было четкой программной альтернативы левоцентристам. К тому же их лидер, 63-летний Майкл Говард, явно уступал своему более энергичному и напористому 52-летнему лейбористскому визави. На съезде после выборов консервативная партия заменила своего руководителя: им стал политик новой генерации Дэвид Камерон.

Либеральные демократы учли ошибки прошлых лет, когда эта партия выступала с платформой, мало отличимой от позиций своих конкурентов. На выборах 2005 г. ЛДП сделала упор на особенностях своей внешнеполитической программы. Партия резко критиковала участие британского экспедиционного корпуса в войне в Ираке, которая продолжается с 2003 г. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы прийти к власти или сменить консерваторов в качестве главной оппозиционной силы. За либерал-демократов проголосовало порядка 22% избирателей, что позволило им довести численность своей фракции в палате общин до 62 человек. После выборов ЛДП вынуждена была пойти на переизбрание своего лидера. Чарльз Кеннеди, замешанный в скандальной истории, добровольно подал в отставку. Новым руководителем партии стал Мензис Кемпбелл [42].

Очень важное значение для определения будущего Великобритании сыграли местные выборы и выборы в парламент Шотландии и ассамблею Уэльса 3 мая 2007 г. Лейбористы потерпели на них серьезное поражение (за них проголосовало только 27% избирателей). Партия потеряла контроль над целым рядом местных органов самоуправления; она уступила позиции националистам в Шотландии и консерваторам во многих северных графствах, которые считались

вотчиной лейбористов. Это ускорило отставку Блэра с поста лидера партии и премьера правительства, которым стал Гордон Браун.

Небывалый успех на выборах (40% голосов) получили консерваторы. Их лидер Камерон назвал этот результат *ошеломляющим* и заявил, что он создал хорошую базу для успеха партии на следующих парламентских выборах. Либерал-демократы только на 1% отстали от лейбористов (26%) [43]. Насколько пророческими окажутся слова Камерона, зависит, во-первых, от способности консерваторов предложить британцам в ближайшем будущем популярную альтернативу новому лейборизму и, во-вторых, от способности лейбористов и их нового лидера восстановить утраченное к партии доверие.

Таким образом, в современной Великобритании наблюдается дальнейшее сближение основных политических партий по идеологическим позициям. В этой стране все еще очень слабую роль играют политические силы, ориентированные на новые постматериалистические ценности, или, точнее, их наиболее активных представителей пока что довольно удачно интегрируют в свои ряды крупные политические организации. Этому, безусловно, способствует как избирательная, так и партийная система страны.

Большинство исследователей согласны между собой в определении места британской политической системы на концептуальной карте современных демократий. По мнению А. Лейпхарта, Великобритания является типичным представителем **мажоритарных демократических систем**. Этот вывод вытекает из анализа как переменных, рассматривающих взаимоотношения на оси *исполнительные органы власти – политические партии*, так и данных, фиксирующих различия на оси *федеративные – унитарные системы* [44].

По мнению американских политологов К. Анселла и Дж. Гингрих, занимающихся проблемами децентрализации политических институтов наиболее развитых стран мира, Британию следует относить к числу ярко выраженных *унитарных мажоритарных систем* [45]. Таким образом, данные их исследований, опубликованные в 2003 г., полностью совпали с выводами А. Лейпхарта по этому вопросу.

Вместе с тем не исключена и эволюция в сторону консенсусной демократической модели. Она будет осуществляться тем быстрее, чем активнее пойдет процесс *деволюции* в регионах страны, а также в случае перехода Великобритании на пропорциональную или смешанную систему проведения выборов.

Примечания

1. Роуз Р., “Политическая система Англии” // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 303.
2. See: Sabine G., *A History of Political Theory*. N.Y.: Henry Holt, 1944. P. 534–537; См.: Грин Дж. Р., *Британия. История английского народа* : в 2 т. Т. 2. Мн.: МФЦП, 2007. С. 319–336.
3. См.: Даль Р., *О демократии*. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 29.
4. Милтон Фридмен – известный американский экономист, выступающий за адаптацию многих экономических и политических идей классического либерализма XIX в. к современным условиям.
5. Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000. С. 93.
6. Devolved English Parliament // <http://en.wikipedia.org/wiki/England>.
7. Rose R., “Politics in England” // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 161.
8. SNP Begins Coalition Discussion // http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/6627589.stm 05.05.2007.
9. Более подробную информацию можно получить в книге английского политолога Энтони Смита См.: Сміт Э. *Нації і націялізм у XX стагоддзі*. Мн.: БФС, 1995. С. 158–174.
10. Ansell C., Gingrich J., “Trends in Decentralization” // B. Cain, R. Dalton and S. Scarrow eds. *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 151.
11. Лейпхарт А., *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 171–172.
12. Cit: Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999. P. 18–19.
13. Бьюкенен П., *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003. С. 35.
14. Lijphart A., Op. cit. P. 19.
15. Ibid. P. 19–20.
16. Штайнер Ю., *Еўрапейскія дэмакратыі*. Мн.: Лекцыя, БФС, 1996. С. 100.
17. Тамсама. С. 59–60.
18. Dunleavy P., Jones G, “Leaders, Politics and Institutional Change: The Decline of Prime Ministerial Accountability to the House of Commons 1868–1990” // *British J. of Political Science*. July 1993. Vol. 23. P. 267–298.
19. Штайнер Ю., *Еўрапейскія дэмакратыі*. С. 61.
20. Leaders. Prime minister. http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/country_profiles/1038758.stm.
21. Elgie R., “Britain: Prime Ministerial Leadership” // R. Elgie, *Political Leadership in Liberal Democracies*. L: Macmillan Press, 1995. P. 44.
22. Штайнер Ю., *Еўрапейскія дэмакратыі*. С. 56.
23. Lijphart A., Op. cit. P. 11–12.
24. Штайнер Ю., *Еўрапейскія дэмакратыі*. С. 71.

25. Тамсама. С. 56.
26. Lijphart A., Op. cit. P. 18.
27. See: Almond G. and Verba S. eds., *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little Brown, 1980.
28. Rose R., Op. cit. P. 177.
29. See: Burke E., *Reflection on the Revolution in France*. L: Penguin Book, 1983; Bobbio N., *Liberalism i demokracja*. Warszawa, Krakow: Fundacja im. Stefana Batorego, Znak, 1998.
30. Цит. по: Роуз Р., Указ. соч. С. 326.
31. See: Olson M., *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagnation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press, 1982.
32. Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 74–75, 83–84, 110–111, 265–267.
33. Роуз Р., Указ. соч. С. 329.
34. Там же. С. 322.
35. See: Giddens A., *Sociology*. L: Polity Press, 1993. P. 215.
36. Lijphart A., Op. cit. P. 16–17.
37. Эндрейн Ч., Указ. соч. С. 96–97.
38. Lijphart A., Op. cit. P. 15. В названии *плюралитарная демократия (pluralitarian democracy)* Лейпхарт обыгрывает разницу между терминами *plurality* – простое большинство и *majority* – абсолютное большинство.
39. Штайнер Ю., *Европейскія дэмакратыі*. С. 58.
40. Cit.: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/country_profiles/1038758.stm.
41. <http://www.msnbc.msn.com/id/7706165/>
42. Ibid.
43. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6622013.stm.
44. Lijphart A., Op. cit. P. 247–248.
45. Ansell C., Gingrich J., Op. cit. P. 151–152.

Литература

- Грин Дж. Р., *Британия. История английского народа*: в 2 т. Т. 2. Мн.: МФЦП, 2007.
- Даль Р., *О демократии*. М.: Аспект-Пресс, 2000.
- Роуз Р., “Политическая система Англии” // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002.
- Сміт Э., *Нації і націоналізм у ХХ стагоддзді*. Мн.: БФС, 1995.
- Штайнер Ю., *Европейскія дэмакратыі*. Мн.: Лекцыя, БФС, 1996.
- Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000.
- Almond G. and Verba S. eds., *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little Brown, 1980.

- Ansell C., Gingrich J., "Trends in Decentralization" // B. Cain, R. Dalton and S. Scarrow eds. *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003. P. 140–163.
- Burke E., *Reflection on the Revolution in France*. L: Penguin Book, 1983.
- Dunleavy P., Jones G., "Leaders, Politics and Institutional Change: The Decline of Prime Ministerial Accountability to the House of Commons 1868–1990" // *British J. of Political Science*. July 1993. Vol. 23.
- Elgie R., "Britain: Prime Ministerial Leadership" // R. Elgie, *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan Press, 1995. P. 25–50.
- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.
- Olson M., *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagnation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Rose R., "Politics in England" // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Как влияют международное положение, экономическое развитие, исторические традиции и многонациональность страны на функционирование институтов политической системы Великобритании?
2. Что представляет собой процесс деволюции (*devolution*) в Соединенном Королевстве?
3. Какую роль играет глава государства в функционировании политической системы Великобритании?
4. Какие функции выполняет премьер-министр и правительство Ее Величества?
5. Какова роль британского парламента в определении политического курса? Сравните ее с ролью кабинета министров и премьера.
6. Какие существуют подходы к изучению политической культуры Великобритании?
7. Что вы можете сказать об особенностях политической социализации в Великобритании?
8. Каким образом можно классифицировать группы интересов в Великобритании?
9. Как влияет избирательное законодательство на представительство политических партий в парламенте Великобритании?
10. Что вы можете сказать о структурных особенностях и идеологических различиях консервативной, лейбористской и либерально-демократической партий Великобритании?

ТЕМА 11. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ

1. Факторы окружения политической системы.
2. Конституционное устройство и определение политического курса.
3. Особенности политической культуры.
4. Группы интересов.
5. Выборы, партии и партийная система.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- старый порядок (*Ancien Régime*);
- революция (*revolution*);
- политический (гражданский) национализм;
- Гражданский кодекс Наполеона (*Code civil*);
- регионы, департаменты, коммуны;
- государственное невмешательство в экономику, или лессеферизм (*laissez-faire*);
- дирижизм (*dirigisme*);
- президентско-парламентская республика (*Semi-Presidential Republic*);
- двуглавый исполнительный орган власти (*two headed executive*);
- сосуществование (*la coexistence*);
- общая воля (*volonté générale*);
- Всеобщая конфедерация труда (*Confédération Générale du Travail – CGT*);
- Французская демократическая конфедерация труда (*Confédération Française Démocratique du travail – CFDT*);
- Профессиональное объединение Рабочая сила (*Force ouvrière – FO*);
- Движение французских предприятий (*Mouvement des entreprises de France – MEDEF*);
- Союз демократов в поддержку республики (*Union des Démocrates pour la République – UDR*);
- Движение в поддержку республики (*Rassemblement pour la République – RPR*);
- Союз в поддержку народного движения (*Union pour un mouvement populaire – UMP*);
- голлизм и неоголлизм;
- Союз в поддержку французской демократии (*Union pour la Démocratie Française – UDF*);
- Демократическое движение (*Mouvement Démocrate – Modem*);
- Новый центр (*Nouveau centre – NC*);
- Национальный фронт (*Front national – FN*);
- Французская секция рабочего интернационала (*Section Française de l'Internationale Ouvrière – SFIO*);

- социалистическая партия (*Parti Socialiste – PS*);
- плюралистическая левая (*Gauche plurielle*);
- коммунистическая партия Франции (*Parti communiste français – PCF*);
- зеленые (*Les Verts*).

1. Факторы окружения политической системы

Франция – это старейшее национальное государство Европы. Огромное влияние на ее политику всегда оказывала интересная и поучительная история французского народа. Ниже перечислены только основные исторические вехи 200-летнего периода, предшествовавшего современному политическому устройству Франции.

На смену нестабильному политическому режиму конституционной монархии 1789 г., учрежденному после штурма Бастилии, пришла Первая республика 1791 г. Она, в свою очередь, через восемь лет сменилась режимом Первой империи, установленным 18 брюмера 1799 г. Наполеоном Бонапартом. Реставрированная в 1815 г. монархия Бурбонов, которые “ничего не поняли и ничему не научились”, просуществовала очень непродолжительный период времени. В июле 1830 г. в результате революции во Франции сменилась правящая династия. Но и монархия Луи Филиппа оказалась непрочной. Очередная революция весной 1848 г. утвердила режим Второй республики. В 1852 г. после государственного переворота к власти пришел Наполеон III. Годы его правления принято называть эпохой Второй империи. После сокрушительного поражения Франции в войне с Пруссией и драматических событий Парижской коммуны в 1871 г. возникла Третья республика. Она оказалась более долговечной и просуществовала до оккупации Франции войсками нацистской Германии в 1940 г. После освобождения страны союзниками возникла Четвертая республика (1944–1958 гг.). Однако Алжирский кризис и угроза правого переворота спровоцировали приход к власти в 1958 г. генерала де Голля. В том же году на референдуме был принят новый текст Основного Закона. Он действует по настоящее время и называется Конституцией Пятой республики.

В отличие от Великобритании переход Франции к демократии представлял собой не поступательный процесс приспособления старых институтов к новым политическим реалиям, а прерывный, связанный с кризисами, революциями и переворотами путь к свободе. С. Хантингтон называет такую модель перехода *циклической*. Она влечет за собой постоянные колебания политической системы между неконсолидированным авторитаризмом и нестабильной демократией [1]. Путь Франции к свободе сопровождался также радикальной ломкой институтов *старого режима (Ancien Régime)* и заменой

их новыми, основанными на разуме, а не исторических прецедентах. Это стало своеобразной традицией: во Франции до недавнего времени считалось, что все значительные политические события должны представлять собой радикальную смену режима и обязательно сопровождаться принятием новой конституции.

ВСТАВКА 11.1.

А. де Токвиль о причинах популярности политического радикализма во Франции

А. де Токвиль в книге *Старый порядок и революция* сделал вывод о том, что во Франции XVIII в. писатели стали главной политической силой страны. Французский народ был наиболее подвержен литературному влиянию из всех народов Европы. Однако, в отличие от Англии, писатели Франции не принимали никакого участия в управлении государством, а в отличие от Германии, главной темой их сочинений стала политика, а не философия или изящная словесность.

Несмотря на то, что идеи французских литераторов об общественном устройстве очень сильно отличались друг от друга, их объединяла одна общая черта: они были крайне критично настроены по отношению к старому порядку и обосновывали необходимость его радикального обновления на основе законов разума и естественного права. Отсутствие даже незначительной политической свободы в стране приводило к тому, что проекты французских писателей носили общий характер. Сами они были не знакомы со знаниями из области государственного управления, от которого были отлучены абсолютизмом. С другой стороны, дефицит практических знаний и административного опыта давал философам эпохи Просвещения власть над умами общества, которое без навыков парламентаризма и местного самоуправления не выработало иммунитет против радикализма теорий. Многим казалась справедливой та мысль, что французский народ находится перед выбором: он или будет и дальше терпеливо сносить несправедливости, или должен целиком изменить общественное устройство своей страны.

“Если взглянуть на французский народ, такой далекий от государственных дел, лишенный опыта, скованный своими институтами и такой бессильный в деле их исправления и одновременно в наибольшей степени, по сравнению с другими народами земли, увлеченный литературой и блеском мысли, – несложно понять, почему писатели стали во Франции политической силой, и в конечном итоге силой наивысшей.

В то время как в Англии те, кто писал о правлении, и те, кто правил, действовали согласованно, одни вводили в практическую сферу новые теории, а другие приспосабливали их и ограничивали при помощи фактов, во Франции мир политики, казалось, был поделен на две отдельные сферы, не поддерживающие между собой никаких отношений. В первой правили страной, во второй вводили абстрактные принципы, на которые должны опираться все правительства; здесь применялись частные средства, исходящие из рутины, там прокламировалось общее право, без рассмотрения способов претворения его в жизнь; одни управляли делами государства, другие правили помыслами людей”.

Часто можно услышать, что Французская революция – это только повторение Американской революции и Войны за независимость. По мнению Токвиля, американцы оказали серьезное влияние на французозов, но весьма специфическое. В то время как для остальной Европы революционные события в Северной Америке и создание США было чем-то новым и необычным, для Франции эти события были знакомы. “Казалось, что американцы только претворили в жизнь то, что придумали наши писатели; они осуществили то, о чем мы только мечтали”.

Таким образом, под долговременным влиянием писателей и при отсутствии других предводителей, в ситуации глубокого незнания практической жизни – целый народ, который читал их произведения, в конце концов, принял их инстинкты, способ мышления, увлечения и даже прирожденные чудачества; когда же этот народ начал действовать, то он привнес в политику все свои литературные обычаи и привычки [2].

Как уже было сказано выше, Франция – это одно из первых современных национальных государств. Здесь, как и в других, прилегающих к Атлантике странах Западной Европы, а также в США, главным фактором формирования нации выступало государство, границы которого почти полностью совпадали с культурными границами доминирующего этноса. Совершив демократическую революцию в конце XVIII в., французы освободили себя от политического угнетения, уравнивали в правах всех граждан страны, объявив их членами французской нации. Потом был реализован длительный процесс присоединения к стандартизированной культуре титульной нации простых людей, крестьян, в первую очередь, через развитие государственного образования.

Все граждане Франции, вне зависимости от их этнического происхождения – французы, но чтобы приобрести гражданские права, необходимо быть в определенной степени ассимилированным во французскую культуру, особенно когда человек стремится подняться по социальной или политической лестнице. Это не лишает национальные меньшинства права на изучение (с определенной помощью государства) своего языка, истории, культуры и др. Следует отметить, что с 1992 г. конституционно закреплён статус французского языка как единственного государственного. Таким образом, происходило формирование *политического (гражданского) национализма*, который избегает дискриминации, позволяет сбалансировать права национального большинства и меньшинств и является хорошо совместимым с демократией [3].

Французская история пронизана традициями административной централизации. Она наиболее полно и всесторонне проявила себя после принятия так называемого *Гражданского кодекса (Code civil)* Наполеоном Бонапартом в 1804 г. Известный историк Эрик Хобсбаум отмечает по этому поводу: “То, что его предшественники

предвидели, он воплощал. Великие памятники французского права, кодексы, которые стали моделью всего не англосаксонского мира, были созданы Наполеоном. Иерархия должностей от префектов и ниже в судах, университетах и школах – все выработано им. Великие карьеры французской общественной жизни, армии, гражданской службы, образования, права до сих пор имеют наполеоновский порядок и очертание” [4].

Американские политологи К. Анселл и Дж. Гингрих считают, что влияние традиций административной централизации четко просматривается в наше время в таких странах, как Франция, Бельгия, Италия, Испания, Греция, Япония, которые они включили в категорию так называемых *наполеоновских государств (Napoleonic States)*. Всем им свойственны такие черты, как “интеграция государства с помощью единой территориально-административной структуры. Субнациональные единицы (например, *департаменты*) представляют собой подразделения национальной администрации и управляются *префектами*, являющимися агентами центрального правительства” [5].

Сложившаяся государственно-административная система тормозит реформы, связанные с ее децентрализацией. Например, во Франции до 1982 г. практически не проводились масштабные мероприятия в этой области. В 1982 г. были созданы региональные структуры, состоящие из элементов государственной администрации и избранных гражданами органов самоуправления. Эта же реформа ограничила полномочия назначаемых Парижем префектов. Закон о деконцентрации управления 1992 г. предоставил местным властям большие возможности в осуществлении политики, в то время как роль префектов должна была заключаться в координации их усилий. Осуществление реформы, которую поддержали и левые (социалистические), и правые (голлистские) правительства, позволила укрепить институты локальной демократии.

В настоящее время страна поделена административно на 22 *региона*, включая Корсику. Кроме того, у Франции есть 4 заморских региона, а также 6 заморских территорий (в отличие от регионов они являются составными частями Французской республики, но не Европейского Союза) – остаток некогда обширной колониальной империи. Все регионы включают в свой состав 100 *департаментов*. Департаменты, в свою очередь, состоят из трех видов административных образований. Базовой единицей самоуправления является *коммуна*. Коммуны Парижа, Лиона и Марселя включают и более мелкие муниципальные структуры. В регионах и департаментах, также как и в коммунах, действуют избираемые народом органы представительной и исполнительной власти.

Современная Франция – это одновременно атлантическая, континентальная и средиземноморская страна. Она занимает уникальное место в Европе и является одним из государств – учредителей ЕС. Население страны составляет более 64 млн чел. (оценочные цифры за 2007 г.). Согласно Французскому национальному институту статистики, 4,9 млн жителей – это рожденные за рубежом иммигранты из бывших колоний, в основном из стран Северной Африки. Более 2 млн мигрантов стремятся получить французское гражданство [6].

В отличие от целого ряда других развитых стран, во Франции наблюдается сокращение притока иммигрантов. Рост населения в последнее время достигается за счет превышения рождаемости над смертностью. До Второй мировой войны 48% населения составляли сельские жители. К концу XX в. их количество сократилось до 26%. Только 5% рабочей силы занято в сельском хозяйстве. Во Франции немного крупных городов: только в пяти количество жителей превышает 300 тыс. чел. Пятая часть населения сконцентрирована в огромном мегаполисе – Париже и его окрестностях. Там же расположена и значительная часть всех крупных промышленных предприятий. На такую ситуацию повлияли традиции административной, экономической и культурной централизации, а также более высокие доходы и более низкая безработица в столице, чем в среднем по стране. В большом Париже проживает и половина всех иммигрантов.

В настоящее время Франция занимает шестое место в мире по объемам ВВП, уступая только США, Японии, Германии, КНР и Великобритании. Согласно статистике ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), Франция в 2005 г. заняла лидирующие позиции среди государств – членов этого объединения по такому важному экономическому индикатору, как производительность труда. Однако это не позволило ей приблизиться к США или Японии по показателю ВВП на душу населения. Он составляет немногим более 30 тыс. долл. Дело в том, что во Франции меньше занятого населения, чем в других развитых странах мира. Здесь позже устраиваются на работу молодые люди, которые стремятся вначале получить образование. Многие категории французских тружеников уже после 50 лет выходят на пенсию. Серьезной экономической проблемой стала безработица. Ее уровень достигает 9% от трудоспособного населения (это выше, чем в среднем по ЕС). Основную массу безработных составляют люди, которые давно утратили занятость.

Французская экономика нуждается в структурных реформах. Она опирается на частное предпринимательство (в стране зарегистрировано 2,5 млн самых разных фирм), но в то же время государство продолжает регулировать многие ключевые отрасли, осуществляя традиционную для этой страны политику *дирижизма* (*dirigisme*).

Например, довольно сильное присутствие государства ощущается в железнодорожном транспорте, энергетике (78% всей электроэнергии вырабатывается на АЭС), авиационной промышленности, телекоммуникациях. Правда, начиная с 90-х гг. наблюдается тенденция к определенной *экономической либерализации*. Во Франции существует собственная традиция экономической политики, ориентированной на государственное невмешательство. Она получила название *лессеферизма* (*laissez-faire*). Государство постепенно продает в частные руки свои активы в *France Télécom*, *Air France*, оборонной промышленности, банковской сфере.

Обладая большими наделами пахотной земли, Франция является крупнейшим производителем и экспортером сельскохозяйственной продукции в ЕС. Она же получает и самые крупные дотации из бюджета Европейского Союза на развитие аграрной отрасли. Немаловажную роль для экономики Франции играет и обслуживание туристов. Подсчитано, что ежегодно эту страну посещает 79 млн чел. Франция заслуженно занимает первое место в мире по данному показателю.

В целом, ее экономика относится к числу постиндустриальных. Уже в начале 90-х гг. 67% рабочей силы было сконцентрировано в сфере услуг, 27% – в промышленности, 5% – в аграрном секторе [7].

2. Конституционное устройство и определение политического курса

Действующая во Франции Конституция является шестнадцатой, если вести отсчет с 1789 г. Этот факт является подтверждением того, что в не очень далеком прошлом политическая нестабильность и кризисы шли рука об руку с развитием республиканских институтов власти. Конституция была принята на референдуме в 1958 г. Этим событиям предшествовал острый политический кризис, приведший к краху Четвертую республику, которая по форме правления была парламентской системой.

Французский социолог Реймон Арон так характеризовал признаки разложения Четвертой республики: «Во-первых, представления граждан о режиме – составная часть его достоинств и недостатков. Режим, о котором плохо отзываються все граждане, можно отнести к разлагающимся, уже потому, что он не может заручиться поддержкой управляемых. Во-вторых, отказ граждан поддерживать режим выразался в значительном количестве голосов, отдаваемых партиям, которые заявляют о своей враждебности режиму (Коммунистической партии и Объединению французского народа – голлистам)... Режим, против которого на каждых выборах голосует 40–50% избирателей, отмечен типичным признаком разложения: граждане утратили веру в своих правителей. Третья очевидная для всех специ-

фическая черта разложения – неустойчивость правительств. Как известно, французским правительствам не удавалось продержаться в среднем и года. Все французы согласны, что недолговечность правительств – одна из коренных причин терзающих нас кризисов” [8]. Интересно, что политический кризис Четвертой республики происходил на фоне быстрого экономического роста. Ежегодный прирост промышленного производства составлял 10%.

Принятие новой Конституции, по замыслу ее авторов, должно было сохранить во Франции демократию, но сделать институты власти более эффективными, избавить страну от постоянных правительственных кризисов и министерской чехарды. Де Голля и его последователей, которые выиграли политическое сражение в 1958 г., обвиняли в авторитаризме и бонапартизме, но, как доказала историческая практика, политическая система Пятой республики оказалась стабильной и эффективной.

В соответствии с Конституцией 1958 г. Франция – **президентско-парламентская республика** (*Semi-Presidential Republic*).

Президент является главой государства, возвышается над политическими партиями и символизирует единство французской нации. Он “обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей, а также преемственность государства” [9]. В соответствии со статьей 11 президент обладает правом с согласия правительства и парламента передавать на референдум любой законопроект, касающийся организации публичной власти и другие вопросы. У президента есть право роспуска парламента и назначения всеобщих досрочных выборов после консультаций с премьер-министром и председателями палат [10]. Этим правом дважды воспользовался де Голль (в 1962 и 1968 гг.), дважды Миттеран (в 1981 и 1988 гг.) и один раз Ширак (в 1997 г.). Президент по согласованию с Советом министров имеет полномочия издавать *ордонансы* (указы). У президента есть право объявления чрезвычайного положения в случае угрозы конституционному строю. За все время существования Пятой республики только дважды вводилось чрезвычайное положение: в 1961 и 2005 гг.

После референдума 1962 г. президент избирается на всеобщих выборах гражданами Франции. Долгое время президентские выборы во Франции проводились один раз в семь лет. Но в 2002 г. на референдуме французы проголосовали за пятилетний срок полномочий главы государства. Таким образом, Франция является одним из немногих демократических государств Западной Европы, в которой глава государства избирается непосредственно народом. Один человек может переизбираться на этот пост сколько угодно раз.

Еще одним важным отличием политического устройства Франции от западноевропейских демократий является наличие в ней так называемого *двуглавого исполнительного органа власти* (*two headed executive*). С одной стороны, президент во Франции является главой исполнительной власти. Он председательствует на заседаниях Совета министров, назначает министров и прекращает их полномочия. Но, с другой стороны, во Франции есть правительство, которым руководит премьер, оно, как в парламентских системах, ответственно перед депутатами высшего законодательного органа власти. “Президент Республики назначает *премьер-министра* и прекращает его полномочия по заявлению последнего об отставке правительства” [11].

Полномочия премьера четко не прописаны в Конституции. В основном они заключаются в осуществлении рутинных административных функций, но могут существенно увеличиваться, когда разные партии контролируют пост президента и пост премьер-министра. Как подчеркивает английский политолог Роберт Элжи, “во Франции главные ограничители президентского руководства заключаются не в организации системы кабинета министров и не в природе политических партий, как в Великобритании, а в отношениях между президентом и главой правительства, премьер-министром... В течение большей части времени после 1958 г. этот баланс властей складывался в пользу президента, что позволяет говорить о президентском лидерстве. Но в двух случаях (теперь уже в трех, следует добавить раздельный партийный контроль в конце 90-х – начале 2000-х – *замечание автора*) баланс складывался в пользу премьер-министра, что содействовало формированию премьерского лидерства” [12].

В условиях, когда одна и та же политическая сила контролирует пост главы государства и нижнюю палату парламента, президент не просто утверждает кандидатуру премьера, которая предлагается ему большинством депутатов парламента, но выбирает ее сам. Он же определяет и состав Совета министров (во Франции действует норма, согласно которой “функции члена правительства несовместимы с парламентским мандатом”). Президент имеет право отправить премьера в отставку даже тогда, когда большинство депутатов Национального собрания поддерживают его. В такой ситуации положение правительства больше похоже на то, которое существует в классической президентской, а не парламентской республике. В отношениях с другими министрами правительства премьер – это не первый среди равных. Его главная задача заключается в том, чтобы склонить парламентское большинство в сторону поддержки президентской политики. Однако, поскольку у депутатов сохраняется возможность вынесения вотума недоверия правительству, это сближает Францию с парламентской, а не президентской республикой.

ВСТАВКА 11.2.

Президентство де Голля

«Де Голль занимал пост президента Франции с 1958 по 1969 г. В течение этого срока он часто действовал как могущественный монарх. Многие важные решения были приняты им единолично, и критики ставили вопрос о том, является ли Франция подлинно демократической страной. Беспокоил тот факт, что президент избирался на очень длительный срок – семь лет – и мог переизбираться столько раз, сколько пожелает. Другой отличительной чертой было то значение, которое придавалось всенародному референдуму. На первый взгляд кажется, что возросло демократическое качество режима... Но во времена Пятой республики референдум усиливал роль президента, давая возможность ему обходить парламент и обращаться непосредственно к народу. Критически настроенные наблюдатели проводили сравнения с Наполеоном I и Наполеоном III: оба использовали референдум, чтобы усилить свою личную власть... Роль парламента была очень ограниченной. Иногда новый кабинет добивался поддержки со стороны парламента, но это было не обязательным. При де Голле парламента также обладал незначительной законодательной властью, потому что президент часто управлял с помощью исполнительных декретов. Что касается взаимоотношений между президентом и премьер-министром, основное бремя ответственности возлагалось на последнего. Премьер делал то, что не желал делать президент. Эта система была выдержана в стиле персональных потребностей де Голля, который видел себя в роли мирового лидера и концентрировал внимание на крупных вопросах внешней политики и обороны. Премьер-министру он оставлял каждодневные дела и, в частности, связь с парламентом.

В первые годы Пятой республики де Голль был очень популярным и вызывал у людей любовь. Французы были благодарны ему за то, что он спас их от хаоса Четвертой республики и установил порядок. Де Голль осуществил стремление стать сильным лидером, как Наполеон I после Французской революции, Наполеон III после революции 1848 г. и маршал Петен после поражения Франции в 1940 г. Но в отличие от своих предшественников де Голль не был диктатором. Конечно, он ликвидировал многие механизмы контроля и балансов в политической системе Франции. Он ощущал ответственность только перед французским народом. Некоторые опасались, что ответственность была пустословием и что де Голль обеспечит свое переизбрание нечестным путем, но эти страхи не оправдались. Когда завершился первый срок, де Голль провел перевыборы в свободном и открытом соревновании. Его основным соперником (в 1965 г.) был социалист Франсуа Миттеран, который позднее сам стал президентом Франции... После победы с небольшим преимуществом в 1965 г. де Голль потерял значительную часть своей волшебной привлекательности. В мае 1968 г. открытый вызов ему бросило массовое студенческое восстание в Париже. На следующий год он попробовал поднять свой престиж референдумом по региональной реформе и реорганизации сената, верхней палаты парламента. Де Голль надеялся, что эти реформы будут популярными и что общенародная поддержка снова обеспечит законность его режима. Однако он был разочарован, когда большинство избирателей (53,2%) не поддержали

референдум. Де Голль много повидал на своем веку, и хотя закон не заставлял его это делать, он отказался от президентства и вернулся в свой родной город глубоко обиженным" [13].

В условиях, когда разные партии контролируют пост президента и большинство в нижней палате парламента, возможны три варианта действий главы государства. Первый был применен Миттераном в 1981 г. Тогда он был избран президентом от социалистической партии, в то время как большинством в Национальном собрании располагали правые. Президент *распустил парламент и назначил досрочные выборы*. Этот шаг принес успех французским левым, и они смогли проводить политику *президентского лидерства*.

Второй способ также был опробован Миттераном в 1986–1988 гг. В ситуации, аналогичной той, которая существовала пять лет назад, социалисты не имели шансов на успех на досрочных парламентских выборах и поэтому пошли на очень рискованный шаг, который, по мнению многих аналитиков, был чреват кризисами и раздорами в исполнительной власти и мог даже похоронить политическую систему Пятой республики. Социалист Миттеран назначил голлиста Жака Ширака на должность премьер-министра. Однако этот эксперимент завершился успешно. Во Франции он получил название *сожительство* или *сосуществование* (*la coexistence*). В его рамках президент устанавливает определенные ограничения и задает тон в политике, отвечает за генеральные направления внешней и оборонной политики. Премьер же делает главный выбор в осуществлении политического курса в соответствии с предвыборными обещаниями партии. Так, например, Ширак смог добиться приватизации первого телевизионного канала TF-1, восстановить дипломатические отношения с Ираном и ЮАР, он принимал активное участие в переговорах по освобождению захваченных в Ливане заложников. Поэтому можно согласиться с Р. Элжи, который называет данную ситуацию примером *премьерского лидерства* [14].

Сожительство в целом пошло на пользу политической системе Пятой республики, содействовало сближению позиций основных противоборствующих политических сил, сделало институты демократии более сбалансированными. *Премьерское лидерство* еще дважды устанавливалось во Франции: в 1993–1995 гг. при Миттеране, когда он в качестве премьера пригласил голлиста Эдуарда Балладюра, и при Шираке в 1997 г., когда он поручил сформировать кабинет тогдашнему лидеру социалистической партии Лионелю Жоспену. По мнению известного французского политолога Филиппа Бенетона, существуют и определенные минусы системы *сожительства*. Во внутренней политике президент всячески самоустраняется, оставляя за

собой лишь возможность блокирования нежелательных назначений, а проведение внешней политики утрачивает свою твердость по причине соперничества между главой государства и главой правительства [15].

Третий способ определения политического курса в ситуации отсутствия у президентской партии устойчивого большинства в парламенте – *формирование кабинета меньшинства*. Классическим примером выживаемости такого правительства является случай с правительством социалиста Рокара в начале 90-х гг. Он 28 раз проводил через парламент, в котором у социалистов не было стабильного большинства, важные предложения правительства, обращаясь к *вотуму порицания*, для вынесения которого не было большинства у оппозиции [16].

Парламент. Во Франции действует *двухпалатный парламент*. Нижняя палата – *Национальное собрание* избирается гражданами сроком на 5 лет. Верхняя палата – *сенат* формируется косвенным путем для представительства территорий сроком на 9 лет. У французских депутатов, как и у их коллег в других демократических странах, есть право *обсуждать внутреннюю и внешнюю политику* страны. Каждую неделю в парламенте проводятся специальные заседания, на которых депутаты могут задавать вопросы министрам и премьеру. С 1974 г. их работу освещает телевидение. Депутаты активно *взаимодействуют со средствами массовой информации*.

Парламент *принимает бюджет и законодательство государства*. В соответствии с Конституцией *законодательная инициатива* принадлежит премьер-министру и членам парламента. Правительство имеет право осуществлять свою программу путем издания *ордонансов*, но оно должно просить парламент о предоставлении такого права; временные рамки также жестко ограничены. Совет министров Франции может также взять на себя ответственность за любой законопроект, который был передан в парламент. Он рассматривается как автоматически одобренный, в случае если не вызывает вотума недоверия правительству. Эта процедура обычно применяется при принятии очень важных законов. Таким способом было одобрено создание французских ядерных наступательных сил, законы о национализации при социалистах в 80-е гг. и законы о приватизации при консерваторах в 90-е гг.

Депутаты Национального собрания имеют право выражать *недоверие правительству*. Процедура предусматривает, что премьер-министр выносит на одобрение депутатов нижней палаты свою программу. В случае если депутаты голосуют *резолюцию порицания* правительства, если они не одобряют программу или общеполитическую декларацию Совета министров, премьер должен вручить президенту

заявление об отставке. Другими словами, проект программы Совета министров считается принятым, если в последующие 24 часа не состоится на голосование и не принимается *резолюция порицания* [17]. Учитывая, что вынесение вотума недоверия правительству чревато роспуском парламента и назначением досрочных выборов, депутаты обычно не идут на столь крайние меры. С 1962 г. ни одно правительство Пятой республики не было отстранено от власти таким путем.

У депутатов есть право внесения поправок в законопроекты правительства, которым во Франции активно пользуются (в среднем принимается более 5000 поправок в год). Проекты законов должны быть рассмотрены обеими палатами парламента. В случае возникновения разногласий между ними создается *согласительная комиссия* с участием правительства, но если и согласительной комиссии не удастся прийти к компромиссу, тогда правительство может потребовать от Национального собрания принять окончательное решение. У сенаторов есть право на отлагательное вето. Для принятия каждой поправки к Конституции требуется получить 3/5 голосов депутатов верхней палаты.

Наконец, у депутатов парламента есть такое важное право, как вынесение *импичмента президенту*. Во Франции существует только единственное правовое основание для этого: обвинение главы государства в государственной измене. В соответствии со статьей 68 Конституции «обвинение может быть предъявлено ему только обеими палатами, принявшими открытым голосованием идентичное решение абсолютным большинством голосов своих членов. Судит президента Высшая палата правосудия» [18].

Судебная власть. Франция – это страна, в которой отсутствовали традиции *судебного пересмотра*. Последнее слово всегда оставалось за депутатами парламента. Тем не менее эта система появилась в годы Пятой республики. В соответствии с Основным Законом 1958 г. существует **Конституционный совет**, который имеет право рассматривать акты парламента на предмет их соответствия Конституции. Состав этого высшего органа судебной власти формируется на паритетных началах парламентом (каждый председатель палаты делегирует по три человека) и президентом (глава государства делегирует трех представителей). Срок полномочий каждого состава Совета ограничен девятью годами. С 1974 г. правом обращения в Конституционный совет, помимо президента, премьера и руководителей палат, наделены 60 депутатов Национального собрания, или 60 сенаторов. Порядка 40–50% заявлений удовлетворяется.

В отличие от американской практики судебного пересмотра во Франции не носит ретроспективного характера. Обращения в Совет могут касаться законопроектов, которые рассматриваются депута-

тами или только что прошли через парламент, но еще не стали законами. У Конституционного совета нет права отменять законы, которые вступили в силу. Все это ограничивает роль высшей судебной инстанции в процессе принятия политических решений (см. вставку 11.3) [19].

3. Особенности политической культуры

Богатая и интересная история Франции до сих пор оказывает сильное влияние на политическую культуру этой страны. Прошлые конфликты и политические традиции, лозунги и табу оказывают влияние на отношение граждан к политической системе. Де Голль как-то сказал, что на Францию давит ее история. Сохраняют свое значение дискуссии интеллектуалов эпохи Просвещения (см. вставку 11.1). У французов-горожан и жителей деревень, людей с разным уровнем образования, приверженцев правых или левых взглядов сформировалось разное отношение к историческим событиям, персонажам и символам. Это ярко проявилось во время празднования двухсотлетней годовщины Великой французской революции в 1989 г.

Отношение к правительству. Еще одной характерной чертой политической культуры Франции является сосуществование нейтрального или даже негативного отношения к правительству с большими надеждами на него. В этом проявляется индивидуализм французов и их симпатии к равенству. Традиционно французы привыкли рассматривать себя и свою семью как то, на что можно надеяться в этой жизни. Внешний же мир – это “они” – те, кто создает препятствия и проблемы. Часто к ним относится и правительство. Иногда этот индивидуализм сближается с анархизмом, но чаще – с приспособлением к бюрократической власти, административной дубине, если она бьет по всем людям одинаково (негативное равенство) [20].

По мнению Р. Элжи, *миф о всемогущей центральной власти* понижает национальную политическую культуру. Во французской политической традиции государство не рассматривается воплощением различных групповых интересов, но, скорее, силой, выражающей *общую волю* (*volonté générale*). Оно представляет интересы французского народа, принимает законы от его имени и применяет их рациональным и нераздельным способом. Государство сохраняет политическую систему от центробежных тенденций, которые в противном случае разрушили бы страну. Оно позволяет долгосрочным перспективам преобладать над краткосрочными расчетами. Поэтому в обществе укоренились представления о том, что политика должна осуществляться из единого центра. Только политические руководители центрального уровня имеют право на принятие решений и осуществление политического курса. И конституционно, и психоло-

гически политический централизм является во Франции легитимным [21].

Исторический опыт, как отмечалось выше, приучил французов думать, что ничего существенного не может происходить без политического подъема, важных событий. Эрнест Ренан в конце XIX в. писал, что французская история – это разновидность гражданской войны, в которой политические кризисы чередуются с временами затишья, а радикальные идеологии, генерировавшие масштабные политические изменения, с неизбежностью рока завершаются фрустрациями. Все политические кризисы во Франции становились конституционными. Победители политических сражений обязательно устанавливали свои юридические нормы и навязывали свою философию побежденным. Вплоть до Пятой республики Основной Закон был всегда в интересах одних сил и против других, их противников. Это объясняет, почему *идеи конституционализма* (уважения к закону и правовым нормам) не являются важными признаками политической культуры Франции.

Ситуация стала меняться только после 1962 г. – после введения выборов президента путем всенародного голосования. Избрание в 1981 г. социалиста Миттерана главой государства и последовавшая за этим замена правого большинства в Национальном собрании левым “завершили двухсотлетнюю эпоху дебатов французских элит о Конституции и стали доказательством принятия институтов Пятой республики массами французских граждан”, – отмечают французские политологи Г. Эрманн и М. Шайн [22].

Доверие. Если говорить о доверии населения к политическим институтам, то наиболее высоким рейтингом обладают местные органы власти и профсоюзные организации, а наиболее низким – политические партии и национальные представительные органы власти. Только президент республики пользуется большим доверием, чем местные мэры. Популярность местных властей не противоречит утверждению о господстве централизаторского мифа в сознании граждан Франции. Дело в том, что в этой стране высокого уровня развития достигла местная политическая культура. Локальные идентичности являются довольно сильными, а неформальная власть местных элит прочно укоренилась в политической жизни. Поэтому, например, французские мэры являются более влиятельными фигурами, чем их английские коллеги.

По мнению Ф. Фукуямы, “сплоченность традиционной буржуазной французской семьи, с ее обычной замкнутостью и заботой о статусе и традициях, является ключевой темой французской литературы и общественности. Так же как и в других *фамилистических обществах*, во Франции долго существовало смешанное отношение к институту усыновления, что отразилось, например, в дебатах Государственного совета по вопросу об утвержденном при Наполеоне

соответствующем законе. Однако французская семейственность и отдаленно не напоминает китайскую или даже центрально-итальянскую. Почему же тогда переход к профессиональному управлению и современной корпоративной организации стоит французскому семейному бизнесу таких усилий?

Ответ на этот вопрос напрямую связан с **низким уровнем взаимного доверия** среди французов и теми трудностями, которые они испытывают при создании добровольных объединений. Исследователи не раз отмечали, что во Франции число промежуточных групп между семьей и государством сравнительно невелико. Первым в числе этих исследователей следует, разумеется, назвать А. де Токвиля, который в *Старом порядке и революции* нарисовал картину французского общества накануне переворота. Это был апофеоз размежевания: сословные перегородки и внутрисословные иерархии по положению препятствовали сотрудничеству людей даже в тех случаях, когда у них были важнейшие общие интересы.

Французский социолог Мишель Крозье отмечал, что та же ситуация была характерна и для исследовавшихся им после Второй мировой войны церковных организаций и промышленных монополий. “– Внутри каждой бюрократии, говорит он, – не существовало никаких ассоциаций и групп, никаких объединений, связанных с работой или досугом, и даже заводить друзей работавшие в них предпочитали на стороне, общаясь друг с другом в согласии с формальными иерархическими правилами, являвшимися принципами данной организации...” [23].

Короче говоря, во Франции существует, с одной стороны, весьма выраженное культурное неприятие неформальных межличностных отношений, необходимых для формирования любой естественной общности, а с другой – столь же выраженное предпочтение централизованному, иерархическому и легально очерченному институту власти. Это означает, что французы с одинаковым общественным статусом практически не способны решать возникшие между ними проблемы без *апелляции к некоей вышестоящей инстанции*.

Вот что говорит Крозье: “Во французской культурной среде межличностная взаимозависимость фактически воспринимается как нечто дискомфортное. Власть же, согласно доминирующему воззрению, по-прежнему имеет оттенок универсализма и абсолютизма – в этом воззрении до сих пор остается что-то от политической теории XVII столетия, с ее причудливой смесью из понятий рациональности и *bon plaisir*. Хотя эти две установки противоречат друг другу, они способны сочетаться в рамках бюрократической системы: безликие правила и централизация образуют пространство, в котором абсолютистское понимание власти прекрасно уживается с отрицательной реакцией на любые непосредственные человеческие взаимоотношения. Другими словами, французская бюрократическая система организации оказалась очень удачным решением фундаментальной дилеммы французского отношения к власти и авторитету...” [24].

Такая склонность французов к централизации и сопровождающая ее скудость общественной жизни ведут свою родословную от победы французской монархии над аристократической оппозицией в XVI–XVII вв. и ее политики систематического подавления любых альтернативных центров власти... Изначально рост централизованного государства во Франции был обусловлен не экономическими, а политическими обстоятельствами – главным образом потребностью размещать достаточно большую армию для защиты и расширения владений правящей династии... Согласно Токвилю, этот процесс стягивания страны

под единое начало в конечном счете привел к положению, когда “во Франции не было города, местечка, села, самой маленькой деревушки, больницы, фабрики, монастыря или школы, которые смели бы иметь независимую волю в своих частных делах или располагать имуществом по своему усмотрению”.

Токвиль отмечает, что самым губительным моментом тогдашней налоговой системы являлась ее несправедливость: это заставляло людей помнить о своих отличиях и завидовать чужим привилегиям. Помимо налогов, власть избрала еще одно средство пополнения казны – продажу должностей в расползавшейся, как спрут, королевской бюрократии. Занимая эти должности, люди редко когда исполняли соответствующие обязанности и в любом случае мало заботились о пользе для общества; зато тем самым они освобождались от части налогов и получали титул, который наделял их завидным социальным положением... Страсть буржуа к занятию должности была поистине ни с чем не сравнимой. Как только кто-нибудь из них оказывался владельцем небольшого состояния, он тут же приобретал на него должность вместо того, чтобы употребить его в дело... Это привело к дроблению французского общества на классы и дроблению этих классов на мельчайшие прослойки, яростно сражавшиеся друг с другом за новые посты и королевскую благосклонность... По многим статьям Францию республиканскую по-прежнему можно было назвать обществом, разделенным сословными перегородками... Трудовые споры, которые в США улаживались бы “без отрыва от производства”, во Франции часто приобретали политический оттенок, и, чтобы их прекратить, иногда было необходимо вмешательство правительства. Стэнли Хоффман отмечал, что некое подобие аристократических ценностей сохранилось даже в рабочей среде – в представлении о том, что схватка с буржуазией требует от человека постоянного проявления доблести. В подобной воинственной атмосфере, царствовавшей на низовом уровне, японская идея “команды”, объединяющей начальника и подчиненного, или отношение к компании как к своего рода внесословной “семье” выглядело бы особенно дико...

“Исследователи французской политической системы отмечали, что нежелание французов вступать в личный доверительный контакт друг с другом снижает возможности взаимовыгодного урегулирования возникающих проблем, устанавливает множество барьеров взаимопониманию и порождает вялость общественного мнения. Обычная политическая жизнь означает тупое принятие сильной и централизованной бюрократической власти и как таковая довольно неустойчива. Когда насущная необходимость в переменах достигает высшей точки, участники системы бросаются в крайности, бунтуя и отказываясь подчиняться какой бы то ни было власти. Эта же ситуация находит свое выражение и в отношениях между руководящим и рабочим классом, редко способных договориться между собой о незначительных уступках... Руководящий класс – так называемый *патронат* – также не однороден, внутри него существует исторически сложившееся соперничество между крупной и мелкой буржуазией, а также между “двумя французскими капитализмами”: первым, католически-семейным и ориентированным на производство, и вторым, иудео-протестантским, занятым в основном в банковско-финансовом секторе. Подобно тому, как в Англии дельцы из Сити взирали свысока на провинциальных фабрикантов из Манчестера и Лидса, во Франции парижские финансовые капиталисты и производители из провинций никогда не переставали питать друг к другу взаимное недоверие. В такой обстановке никогда не смогла бы нормально существовать промышленная группа с банком во главе – тип орга-

низации, свойственный Германии и Японии и зависящий от взаимного доверия входящих в нее финансистов и производителей... Нелюбовь, которую французы питают к перспективе добровольного объединения друг с другом, и слабость промежуточных социальных институтов, которая из нее вытекает, являются, пожалуй, наиболее примечательными из всех вековых устоев французского общества. В этом отношении Франция старого порядка и Франция современная “будто бы протягивают друг другу руку над бездной разделяющей их Революции”. Но вряд ли стоит забывать, что культура централизованной общественной жизни была продуктом конкретного исторического периода и что сегодня она также не может уберечься от влияний, медленно меняющих ее черты... Последние несколько десятилетий, по мере включения Франции в Европейское сообщество и ее участия в глобализации мировой экономики, в стране происходит процесс сглаживания культурных различий. Требования промышленной модернизации, с которыми местные компании столкнулись, выходя на международный рынок, серьезно скорректировали привычную французскую манеру ведения хозяйства... Даже привычная скудость коммунальной жизни уже не так бросается в глаза, поскольку за последние годы во Франции возник целый ряд добровольных организаций, в числе которых – *Врачи без границ*, прославившаяся своей гуманитарной деятельностью в горячих точках третьего мира.

Однако культурные сдвиги по самой своей природе не происходят в одночасье. Пропасть недоверия по-прежнему существует как в самой среде французских рабочих, так и между ними и руководителями. Несмотря на огромные отличия от Тайваня или Италии, в плане **социального капитала** Франция продолжает обнаруживать с ними больше сходства, чем с Германией, Японией или США” [25].

Отношение к религии. Франция официально считается католической страной. Согласно социологическим опросам за 2007 г., 51% ее жителей заявили, что причисляют себя к данной конфессии. Из года в год эти показатели падают. Кроме того, среди верующих-католиков преобладают те, которые крайне нерегулярно посещают церковь, участвуя в основном в обрядах крещения и венчания. По мнению некоторых исследователей, Францию можно с полным на то основанием называть и *дехристианизированным государством*. Те же опросы свидетельствуют, что 31% жителей назвали себя неверующими или атеистами [26].

Долгое время в этой стране существовал острый конфликт между верующими и антиклерикалами. В годы Великой Французской революции католическая церковь пострадала от серьезных притеснений со стороны государства. Известно, что якобинцы пытались заменить христианскую религию так называемой *декадией* (*culte décadaire*) – культом отечества с литургиями, обрядами и службой. В годы Третьей республики (1875 г.) был принят закон об отделении церкви от государства. В ответ католические иерархи отлучили депутатов, проголосовавших за этот закон, от церкви.

Важнейшим отличием человека правых взглядов от приверженца левых идей долгое время было его отношение к католической церкви. Эта ситуация стала меняться во время нацистской оккупации. В движении Сопротивления участвовали все честные люди Франции: и левые, и правые, и католики, и атеисты. В настоящее время в социалистическую партию входят многие молодые католики.

Произошли очень серьезные изменения в общественном сознании. Если в XIX в. общественное мнение принимало вмешательство церкви в частную жизнь человека, но не в общественную деятельность, то сейчас ситуация изменилась прямо противоположным образом: частная жизнь рассматривается свободной от религиозной регламентации, а общественная активность церкви только приветствуется. Попытка социалистов в 1984 г. поставить под государственный контроль частные школы, в том числе и церковные, встретила бурный протест против вмешательства государства в дела церкви. В Париже прошла миллионная демонстрация протеста по этому поводу.

Современная Франция является поликонфессиональным государством; 3,7 млн ее жителей исповедуют ислам, что составляет более 6% от общего количества населения. Очень быстро формируется особая мусульманская субкультура. Большой проблемой является *интеграция иммигрантов из арабского мира во французскую культуру*. Мусульманская община выступает за то, чтобы дети из исламских семей посещали государственные школы, но при этом сохраняли свои традиции (одежду, обычаи и др.). Это противоречит французским традициям секуляризма и вызывает конфликты на религиозной и этнической почве. Например, в сентябре 2004 г. исламисты похитили двух французских журналистов в Ираке и пригрозили их казнить, если во Франции не будет отменен закон, запрещающий девочкам ходить в школу в исламском платке. Данное событие вызвало волну протеста, прокатившуюся по всей стране. В манифестациях против терроризма участвовали и представители мусульманских организаций.

Наличие серьезных трудностей в политике интеграции иммигрантов во французское общество было наглядно продемонстрировано осенью 2005 г. во время массовых беспорядков, охвативших бедные пригороды Парижа и других крупных городов страны.

Поводом к волнениям послужила гибель двух подростков из семей арабских переселенцев, которые пытались спрятаться от наряда полиции в трансформаторной будке и были убиты электрическим током. Эта трагедия произошла в пригороде Парижа Клиши су Буа (*Clichy-sous-Bois*), заселенном преимущественно иммигрантами из Северной Африки. Волнения вспыхнули 27 октября, когда молодые люди, в основном из арабских семей, стали поджигать автомобили в знак протеста против действий полиции.

Вначале акты насилия и вандализма происходили только в столичном регионе Франции. Но после того как на четвертый день беспорядков тогдашний министр внутренних дел Франции Николя Саркози призвал полицию действовать жестко, чтобы восстановить спокойствие и порядок, они перекинулись на всю страну. Молодежь из иммигрантских семей не только жгла автомобили, но также разбивала витрины магазинов, нападала на полицейские участки и мэрии, бросала “коктейли Молотова” в стражей порядка, пыталась поджигать школы и церкви.

8 ноября президент Франции Жак Ширак заявил о введении чрезвычайного положения, которое ограничивало передвижение людей в ночное время и предоставляло полиции право применять спецсредства против участников беспорядков, задерживать зачинщиков и высылать из страны лиц, замешанных в волнениях. Верхняя и нижняя палаты парламента проголосовали за это решение и продлили чрезвычайное положение на три месяца. Конституционный совет признал данные меры соответствующими Основному Закону.

Только в середине ноября волнения пошли на спад, а к концу месяца ситуация вернулась в нормальное русло. Всего за время беспорядков, которые затронули более 200 городов и поселков, было сожжено 9 тыс. автомобилей, нанесен материальный ущерб в 200 млн евро. В ходе подавления волнений погиб один человек (полицейский) и 126 стражей порядка получили ранения. Было арестовано около 3 тыс. активных участников актов насилия и вандализма, нелегальные иммигранты были выдворены за пределы Франции.

Как отмечали журналисты ВВС, освещавшие события, “негативное восприятие ислама французским обществом и социальная дискриминация иммигрантов привели к отчуждению многих представителей мусульманской общины Франции и послужили причиной беспорядков. Ислам рассматривается в качестве важнейшего вызова стране, в которой в течение последнего столетия утвердилась светская модель организации общественной жизни... Вместе с тем французские мусульманские гетто, конечно же, не являются убежищами для сепаратизма и исламского фундаментализма, но пригороды полны людьми, которые просто отчаялись достичь интеграции в более широкое общество” [27].

Социологи наблюдают существенное снижение значения **классовой идентификации** в политическом поведении французов. Постоянно уменьшается количество тех людей, которые относят себя к тому или иному социальному классу. Количество же людей, идентифицирующих себя с рабочими – “синими воротничками”, – сокращается еще более стремительными темпами. Квалифицированные рабочие – “белые воротнички” – наполовину относят себя к рабочему классу, а наполовину к среднему. Это явилось следствием социально-экономического развития страны и формирования во Франции постиндустриального общества [28].

4. Группы интересов

Политическое участие во Франции структурировано с помощью деятельности групп интересов и партий. Традиции классовой борьбы и религиозного противостояния в недалеком прошлом наложили отпечаток на группы интересов, часть из которых имеет общие идеологические корни с политическими партиями. С другой стороны, в наше время во Франции меньше групп, выражающих профессиональные или связанные со сферой производства интересы, чем в других развитых странах мира.

В 90-е гг. только 8–9% рабочих принадлежали к профсоюзам. За последние двадцать лет численность последних сократилась на 2/3. Для сравнения можно сказать, что половина фермеров и 75% крупных корпораций имеют свои ассоциации. Проблемой многих французских групп интересов является недостаток средств, малый штат сотрудников, дифференциация по идеологическим вопросам. Многие организации рабочих, фермеров, ветеранов, студентов, потребителей конкурируют между собой за представительство одних и тех же социальных интересов [29].

Часть групп интересов предпочитает использовать косвенные каналы лоббирования, зачастую связанные с радикальными программами и действиями. Их главная задача заключается в том, чтобы привлечь к себе внимание влиятельных средств массовой информации и таким образом повлиять на мнение широкой публики. Защита экономических, культурных, экологических интересов приобретает во Франции отчетливый политический оттенок.

Французское рабочее движение разделено между несколькими национальными конфедерациями. Сегодня это самое слабое рабочее движение в Европе, на укрепление которого не повлиял даже крупный успех социалистической партии в 80-е гг. Упадок профсоюзного движения наблюдается в эпоху, когда права трудящихся защищены лучше, чем когда-либо прежде.

Раскол профсоюзов ощущается, прежде всего, на уровне первичных организаций. Большой проблемой является ведение переговоров между организациями и выполнение соглашений, даже когда достигнута договоренности между федерациями профсоюзов на национальном уровне. Неспособность профсоюзов представлять интересы рабочих и контролировать забастовки негативно отражается на влиятельности ассоциаций. Законы 1982–1983 гг. должны были облегчить ситуацию в профсоюзном движении. Они обязывали работодателей вести переговоры с наемными работниками в случае конфликтных ситуаций. Однако к росту популярности профсоюзов это не привело. Предприниматели научились договариваться с рабочими без посредничества их объединений.

Старейшим и одним из самых многочисленных профессиональных объединений Франции является **Всеобщая конфедерация труда** (*Confédération générale du travail – CGT*). Долгое время эта организация находилась под влиянием анархо-синдикализма и боролась как против нанимателей, так и против властей. Она также отрицательно относилась к союзам с любыми политическими партиями. Однако в 1921 г. большинство в конфедерации получили коммунисты, выступавшие за присоединение французских профсоюзов к Профинтерну (структурному подразделению Коммунистического Интернационала). После Второй мировой войны CGT сохранила свою прокоммунистическую позицию. Она активно участвовала во всеобщей забастовке 1947 г. и майско-июньских событиях 1968 г. Правда, в последнем случае ультралевые политики резко критиковали конфедерацию за соглашательство с правительством.

Основные силы Всеобщей конфедерации труда сконцентрированы на крупных предприятиях. Это объединение пострадало больше других от сокращения численности в 90-е гг. из-за структурных изменений в экономике. Кроме того, негативное воздействие на CGT оказало и снижение популярности коммунистических идей в мире. В настоящее время в конфедерацию входит около 700 тыс. чел.; по численности членов она переместилась с первого места на второе.

В 90-е гг. Всеобщая конфедерация труда порвала свои прежде органичные связи с французскими коммунистами и вышла из Всемирной федерации профсоюзов – международного объединения, долгое время находившегося под патронажем СССР. В CGT отсутствует внутреннее единство: относительно умеренному центральному руководству противостоит более радикально настроенная марсельская организация.

Все это не может не приводить к непоследовательности политических позиций профобъединения. CGT призвала своих членов голосовать “против” на референдуме по Конституции Европейского Союза в 2005 г., считая данный документ слишком неолиберальным. Конфедерация принимала самое активное участие в организации и проведении акций протеста против Закона о первом найме в 2006 г. (см. вставку 11.3.).

На первое место по количеству участников переместилось другое профобъединение: **Французская демократическая конфедерация труда** (*Confédération Française Démocratique du travail – CFDT*). В настоящее время ее численность составляет 875 тыс. чел. Эта организация возникла в 1964 г., когда Французская конфедерация христианских рабочих перешла на светские позиции. Политические симпатии данного объединения разделены, но большинство все же склоняется в пользу поддержки социалистической партии.

В мае 1968 г. неожиданно для многих CFDT солидаризировалась с прокоммунистической CGT, что негативно отразилось на ее популярности. В 70-е гг. руководство CFDT активно разрабатывало модели рабочего самоуправления, а в 80-е гг., когда у власти во Франции находились социалисты, она смогла существенно укрепить свои позиции. Конфедерация стала фактически проправительственной организацией. CFDT участвовала в разработке многих элементов политического курса, а ее основатель Жак Делор стал министром экономики. Это привело к утрате объединением поддержки со стороны значительной части рядовых участников.

В 90-е гг. CFDT декларировала свой нейтралитет в отношении с социалистической партией и продолжала проводить политику социального партнерства, сотрудничая уже с правыми правительствами. В начале 2000-х гг. такая позиция руководства спровоцировала внутренний кризис в профобъединении и уход из него многих членов в CGT и еще более радикально настроенную Группу солидарных, объединенных, демократических (SUD). Несмотря на свой оппортунизм, CFDT вместе с другими профсоюзами Франции принимала участие в акциях протеста против *Закона о первом найме* весной 2006 г.

Профессиональное объединение Рабочая сила (*Force ouvrière – FO*) было создано в конце 40-х гг. (в начале холодной войны) как альтернатива коммунистическим профсоюзам. Это единственный профсоюз, который не только сохранил свою численность, но даже увеличил ее (300 тыс. чел.). Создатели организации взяли за основу американскую модель юнионизма. Объединение выступало за проведение трехсторонних переговоров с участием профсоюзов, нанимателей и правительства для согласования основных параметров экономической политики.

Правда, в 90-е гг. под давлением троцкистов, которые оказались в положении влиятельного внутреннего лобби, FO стало занимать более бескомпромиссные позиции в трудовых конфликтах и спорах. Это профобъединение в 1995 г. активно выступало против планов премьер-министра Алена Жюпе по реформированию системы социального страхования (*sécurité sociale*); в 2003 г. ее лидер Марк Блондель призывал французков к всеобщей забастовке в знак протеста против пенсионной реформы; в 2006 г. FO вместе с другими профессиональными ассоциациями добилась успеха в борьбе против *Закона о первом найме*.

Перечисленные объединения являются основными. Кроме них во Франции существуют и другие ассоциации, претендующие на представительство интересов наемного труда. Продолжает свою деятельность *Французская конфедерация христианских рабочих* (*Confédération Française des Travailleurs Chrétiens*), состоящая из рабочих-католиков,

отказавшихся в 1964 г. последовать за большинством своих коллег и присоединиться к Французской демократической конфедерации труда. *Французская конфедерация менеджмента – генеральная конфедерация исполнительных работников (Confédération Française de l'encadrement – Confédération générale des cadres)* представляет очень влиятельную и быстрорастущую категорию трудящихся – квалифицированных рабочих (“белых воротничков”) и управленческий персонал предприятий. Эти два объединения занимают правые политические позиции. На крайне левом (антиглобалистском) фланге находится так называемая *Группа десяти или Солидарных, объединенных, демократических (Solidaire Unitaire Démocratique – SUD)*.

Большим политическим весом в современной Франции обладают студенческие объединения. Наиболее влиятельными ассоциациями учащейся молодежи являются *Национальный союз студентов Франции (Union nationale des étudiants de France)* и *Национальный межвузовский союз (Union nationale inter-universitaire)*. Интересно, что в уставе первой организации *студент* определяется как “молодой рабочий умственного труда”. Тем самым это объединение позиционирует себя как специфический профсоюз. Политические симпатии Национального союза студентов лежат в левом спектре: между троцкизмом и социал-реформизмом. Эта организация прославилась своей упорной борьбой с правительством во время майско-июньских событий 1968 г. Вторая организация занимает активные антикоммунистические и антилевые позиции. Она поощряет так называемый *активизм*, в первую очередь политический. Членом данного союза в студенческие годы был нынешний президент Франции Николя Саркози.

Объединения французских предпринимателей. После Второй мировой войны французские предприниматели смогли интегрировать торговые ассоциации, ассоциации работодателей в крупном и мелком бизнесе в *Национальный совет французских работодателей (Conseil national du patronat français – CNPF)*. Но в нем нет идеологического, экономического, концептуального единства, необходимого для ведения переговоров с профсоюзами и правительством. Мелкий бизнес время от времени пытается действовать самостоятельно. Его интересы представлены большим числом разных ассоциаций.

Недавно Национальный совет французских работодателей сменил свое название на *Движение французских предприятий (Mouvement des entreprises de France – MEDEF)*. Очень часто позиции членов ассоциации и руководства расходятся. Нынешнего президента MEDEF Лоуренса Паризо обвиняют в высокомерии и отсутствии переговорных способностей, необходимых для лоббирования требований предпринимателей при реформировании социальной сферы. Интересно,

что брат нынешнего президента Гийом Саркози входит в правление ассоциации. MEDEF было главным инициатором принятия *Закона о первом найме*, который спровоцировал острое политическое противостояние в типично французском стиле (см. вставку 11.3.).

ВСТАВКА 11.3.

Социальное противостояние во Франции в связи с принятием Закона о первом найме в 2006 г.

Инициатива принятия Закона исходила от голлистского правительства Доминика де Вельпена. Действие Закона распространялось на молодых людей до 26-летнего возраста. В течение двухлетнего испытательного срока работодатель мог уволить такого работника без объяснения причин. Авторы законопроекта указывали, что он будет содействовать снижению уровня безработицы в стране, особенно среди молодежи (она достигает 23%). Дело в том, что во Франции очень зарегулированное трудовое законодательство, которое связывает предпринимателей по рукам и ногам. Для многих из них уволить сотрудника стало практически невозможно из-за опасений судебных исков и действий профсоюзов. Это не позволяет бизнесу проводить гибкую политику в области найма, создавать новые рабочие места и др.

Кроме того, правительство предлагало внести поправки в так называемый *Закон о равенстве возможностей*. Они разрешили ученичество с 14-летнего возраста, что позволяло молодым людям раньше положенного срока уходить из государственной системы образования; вводили ночную работу с 15-летнего возраста, а не 16-летнего, как сейчас; приостанавливали выплату пособий многодетным семьям после окончания школы детьми.

Пакет законопроектов был внесен на рассмотрение Национального собрания 31 января 2006 г. Когда он вызвал весьма нелестные отзывы со стороны оппозиции и спровоцировал жаркие дебаты, Доминик де Вельпен заявил, что воспользуется статьей 49-3 Конституции Франции, которая давала ему право считать закон принятым, если депутаты окажутся не в состоянии проголосовать *вотум порицания* правительству. Следует напомнить, что правящая партия UMP располагала на тот момент необходимым большинством в парламенте и поэтому инициатива оппозиции проголосовать данный вотум 21 февраля и отправить кабинет в отставку провалилась.

После этого законопроект был направлен в сенат. Поскольку сенаторы приняли его с поправками, была создана согласительная комиссия из депутатов нижней и верхней палаты, которые выработали общий текст законопроекта; 8 марта он был утвержден Национальным собранием, а 9 марта – сенатом.

Тогда оппозиция попыталась воспользоваться процедурой судебного пересмотра: по 60 депутатов нижней и верхней палат парламента обратились в Конституционный совет с требованием проверить *Закон о первом найме* на предмет его конституционности. 30 марта было принято решение высшего судебного органа страны, которое признавало его правомерность.

Вместе с тем большинство французских граждан (до 70% по данным опросов общественного мнения) выступали против этого нормативного акта. Против него объединились не только левые политические партии, но также большинство профессиональных союзов, многие студенческие ассоциации, большое

количество неправительственных организаций. Основные аргументы критиков Закона сводились к следующим пунктам: он предоставлял возможность нанимателям оказывать давление на наемных рабочих, снижая их заработки, следствием его принятия было бы расширение бедности и незащищенности работников; этот нормативный акт противоречил *Европейской социальной хартии*, подписанной Францией и предусматривающей обязательную мотивированность увольнения наемного рабочего работодателем.

Акции протеста тем временем только набирали обороты. Многие наблюдатели увидели в них аналог майско-июньских событий 1968 г. В митингах и демонстрациях участвовали сотни тысяч человек из 180 городов Франции. 18 марта около 1,5 млн французов участвовали в общенациональном марше протеста. Лидер CGT призвал к всеобщей забастовке, если правительство не отменит Закон. По призыву студенческих ассоциаций в 84 университетах страны были прекращены занятия. В Тулузе, Дижоне и парижской Сорбонне, как в 1968 г., учебные корпуса университетов были захвачены студентами. Полиции пришлось применять спецсредства, чтобы разблокировать здания.

Еще более масштабная демонстрация прокатилась по городам Франции 28 марта. В ней участвовало от 1 до 3 млн чел. Невиданные доселе согласованные действия профсоюзов парализовали работу транспорта, почты, коммунальных служб. 2 апреля 700 тыс. манифестантов в Париже и 3 млн по всей стране требовали отозвать *Закон о первом найме*.

31 марта, после получения положительного заключения о законопроекте со стороны Конституционного совета, президент Франции Жак Ширак в своем обращении к нации заявил, что он подпишет данный документ... но обратится к правительству с просьбой разработать новый нормативный акт с изменениями. В них должны быть предусмотрены: сокращение испытательного срока до одного года; четкая мотивировка увольнения работодателем. Он призвал французских нанимателей не применять нормы только что подписанного Закона до тех пор, пока вышеуказанные модификации не будут приняты парламентом. 10 апреля 2006 г. французское правительство приняло решение полностью отозвать злополучный Закон. Это положило конец и акциям протеста [30].

Таким образом, события весны 2006 г. наглядно продемонстрировали живучесть целого ряда французских традиций, которые стояли за действиями основных политических акторов во время кризиса. Прежде всего это относится к неумению сторон договариваться и к чрезмерной политизации социально-экономических вопросов. В конфликте одержала победу одна сторона, что только загнало вглубь реальную экономическую проблему, неразвистостью рынка рабочей силы, которая, безусловно, ослабляет позиции Франции в условиях глобальной конкуренции. Неумелые действия де Вильпена и беспомощность Ширака обнажили слабость голлистской партии, которая должна была реформировать себя, чтобы оставаться у власти. Но весенние протесты обнаружили и слабость левой оппозиции и профсоюзов. Они оказались в состоянии мобилизовать миллионы сторонников на борьбу "против", но у них фактически не осталось аргументов "за".

Интересы аграрного сектора выражают три крупных ассоциации, важнейшую роль среди них играет *Национальная федерация*

сельскохозяйственных союзов (синдикатов) (Fédération nationale des syndicats d'exploitants agricoles). Она достаточно успешно представляет фермеров страны, является влиятельной лоббистской группой, несмотря на сокращение числа занятых в аграрном секторе. В 90-е гг. Франция под давлением ЕС одобрила так называемую *совместную аграрную политику*: изъятие значительных земельных площадей из сельскохозяйственного оборота; осуществление вместо поддержания определенного уровня цен прямых выплат фермерам. Эта программа вызвала многочисленные акции протеста французских фермеров.

Формы и методы деятельности французских групп интересов являются самыми разнообразными. В годы Третьей и Четвертой республик группы интересов пытались оказывать воздействие на депутатов французского парламента, который даже получил шутливое название “фасада лоббистов”. Одной из причин конституционной реформы 1958 г. была необходимость сокращения влияния групп интересов на законотворческий процесс. Реформа не привела к заметному уменьшению зависимости французской политики от групп интересов, но заставила их поменять каналы давления. Ими являются теперь те, которые дают прямой доступ к администрации президента и комитетам и комиссиям при Совете министров. Влиятельным каналом была и остается французская бюрократия. Президент и глава правительства вынуждены лавировать между этими разнонаправленными формами давления, чтобы проводить взвешенный политический курс в интересах большинства французских граждан.

По эффективности давления группы интересов подразделяются на *хорошо организованные*, имеющие прочные связи с бюрократией (Движение французских предприятий), и *атомизированные*, интересы которых защищать довольно сложно. Чиновники, как правило, предпочитают иметь дело с крупными профессиональными ассоциациями. Во Франции само понятие *группа интересов* несет в себе негативный оттенок. По методам давления группы интересов делятся на те, которые используют *прямое лоббирование* (ассоциации бизнеса), и предпочитающие *косвенный лоббизм* (профсоюзы).

В политической литературе дискутируется вопрос о том, можно ли относить французскую систему представительства интересов к неокорпоративистскому типу. Для ответа на него целесообразно выделить ключевые критерии современного корпоративизма.

Во-первых, он предполагает, что государство играет ключевую роль в оформлении, защите и легитимации некоего сообщества групп интересов, а также в утверждении *правил* сотрудничества с ним. Во Франции этого нет. Нет четких правил игры, а группы интересов достаточно независимы от государства.

Во-вторых, в условиях корпоративной системы представительства интересов государство выделяет *субсидии* группам интересов. Во Франции существуют давние традиции финансовой поддержки со стороны властей определенных ассоциаций и профессиональных объединений.

В-третьих, неокорпоративистская модель предполагает налаживание тесного сотрудничества между влиятельными группами интересов или их коалициями в реализации *согласованного курса* в определенных сферах экономической жизни (налоговая политика, занятость, зарплата, аграрная политика). Во Франции вместо этого мы сталкиваемся скорее с хаосом, чем с установленным под патронажем властей порядком.

В-четвертых, деятельность ассоциаций должна *контролироваться их руководством*. Во Франции постоянными стали такие явления, как “дикие забастовки” рабочих, нарушения соглашений и достигнутых договоренностей организациями мелкого бизнеса и др. При власти социалистов в 80-е гг., помимо воли профсоюзного руководства проводились многочисленные акции протеста рабочих, фермеров, учителей. При правых (1994 г.) манифестации студентов сорвали принятие закона о минимальной заработной плате для молодежи. Правительство Баладюра располагало тогда 80% поддержкой в Национальном собрании [32].

Таким образом, по этим критериям, равно как и по другим (степени юнианизации рабочей силы), Франция не может быть отнесена к странам с неокорпоративистской моделью представительства интересов, ее место находится среди *плюралистических систем* представительства интересов.

5. Выборы, партии и партийная система

Во Франции действует *мажоритарная избирательная система абсолютного большинства* (в два тура), которая в длительной перспективе содействует политической поляризации общества и формированию двух крупных партийных коалиций: правоцентристской и левоцентристской [32].

На протяжении новейшей истории французское общество всегда оказывалось политически расколотым на противоборствующие силы: республиканцев и монархистов, клерикалов и атеистов, правых и левых. Этот раскол дожил до наших дней в видоизмененной форме. Например, та политическая география, которая складывалась в течение XX в., оказалась недействующей в 80-е гг., когда к власти пришла социалистическая партия и ее союзники. Впервые победители на выборах не отменили прежние правила политической игры в свою пользу, а согласились играть по уже сложившимся правилам.

Это дает основание некоторым политологам утверждать, что только в 80-е гг. Франция завершила свой переход к демократии и продемонстрировала консолидированность политических институтов и процедур.

Большинство французских партий эволюционировали в современные из организаций доиндустриального аграрного общества, за исключением коммунистической, социалистической и Союза демократов в поддержку республики. Их задачей было обеспечить поддержку политикам со стороны избирателей в определенных регионах во время местных и национальных выборов. Эти организации были слабо структурированы и не обладали навыками эффективной координации деятельности в национальном масштабе.

Медленные темпы индустриализации и модернизации французского общества создавали в этой стране серьезные барьеры на пути развития сильных партий рабочего класса, которым долгое время приходилось действовать в условиях преобладания сельского электората. В целом, малочисленность политических партий – это одна из особенностей французской политической системы. В конце 60-х гг. только 2% граждан страны были членами партий.

В эпоху Третьей и Четвертой республик ни левые, ни правые не правили страной самостоятельно. Все время возникали неустойчивые коалиции центристских партий, которые в качестве союзников привлекали радикалов с левого либо правого флангов. С 1789 г. и до 1958 г. Франция управлялась подобными коалициями. Кризис 1958 г. привел к формированию новой партийной системы, которая уже около пятидесяти лет действует в этой стране.

Правоцентристские партии. Основным центром притяжения на правом фланге в настоящее время является *Союз в поддержку народного движения* (*Union pour un mouvement populaire – UMP*). Такое название теперь носит серьезно реформированное голлистское движение *Союз демократов в поддержку республики* (*Union des démocrates pour la République – UDR*). Эта политическая организация была создана приверженцами Шарля де Голля в 1958 г. В самом названии отражалась антипатия де Голля к политическим партиям как таковым и его стремление создать организацию, выражающую интересы всех французов. Уже через неделю после своего появления на свет она одержала победу на парламентских выборах, ее фракция располагала 40% мест в первом Национальном собрании Пятой республики.

Де Голль был сторонником плебисцитарной демократии, но его советник и преемник на посту президента Жорж Помпиду стремился создать сильную и хорошо организованную партию с харизматическим лидером во главе. При нем UDR стала серьезно отличаться от других партий правого толка своей

ориентацией на создание широкой коалиции, с включением в нее части представителей рабочего класса; многочисленностью (союз голлистов насчитывал в своих рядах несколько сот тысяч членов); дисциплинированностью фракции в парламенте.

С 1958 по 1974 г. и пост президента, и пост премьера находились в руках голлистов. Но после отставки, а затем смерти де Голля и избрания Помпиду, которого называли “консерватор, но не голлист”, президентом Франции начался быстрый упадок партии. Его удалось остановить Жаку Шираку, который сделал блестящую карьеру высшего государственного чиновника. Несмотря на отсутствие капитала в его семье и свое членство в компартии в начале 50-х гг., Ширак смог поступить в Школу национальной администрации (*Ecole Nationale d'Administration – ENA*) – кузницу кадров французской политической элиты. Он успешно закончил ее в 1957 г. и уже с 1962 г. стал руководителем аппарата сотрудников тогдашнего премьер-министра Помпиду. По совету своего патрона Ширак присоединился к голлистам, а в 34 года был избран депутатом Национального собрания, одержав блестящую победу в округе, где до этого доминировали левые.

После этого Ширак в течение нескольких лет был министром сельского хозяйства и внутренних дел. В марте 1974 г. молодому политику поручили весьма ответственное дело – возглавить штаб по переизбранию Помпиду в качестве президента на второй срок. Выборы должны были состояться в 1976 г., однако их пришлось проводить на два года раньше из-за неожиданной кончины главы государства.

Ситуация среди правых сил не была простой. В борьбе за выдвижение кандидатом от Союза демократов в поддержку республики столкнулись два претендента: бывший премьер-министр Пьер Месмер и приверженец нерушимости партийных принципов, “голлистский барон” Жак Шабан-Дельмас. В этих условиях Ширак решил поддержать центристского политика – Валери Жискара д’Эстена. Он организовал сбор подписей видных депутатов-голлистов за выдвижение политика-центриста на пост кандидата в президенты, и не просчитался. После победы на выборах д’Эстен поручил Шираку сформировать правительство с целью консолидации правых и центристских партий в парламенте вокруг фигуры президента.

Однако у Ширака была и собственная цель. Он сам стремился к лидерству среди правых и понимал, что для решения этой задачи нуждается в эффективной политической силе. В 1976 г. он серьезно реформировал голлистскую партию, тогда же она сменила и свое название на *Движение в поддержку республики (Rassemblement pour la République – RPR)*. Электоральная база партии стала четко очерченной: это пожилые люди, с высокими доходами, жители небольших городов, фермеры, сторонники частной собственности, а также люди, которые предпочитают голосовать за личность, а не за идеи. Партия выступила против расширения прав женщин и национальных меньшинств. **Неоголлисты** декларировали свой отказ от старой идеи де Голля о необходимости значительного государственного вмешательства в экономическую сферу. Они поддержали неолиберальную экономическую программу (ее можно называть и неоконсервативной).

Несмотря на два поражения на президентских выборах 1981 г. и 1988 г., RPR укрепляла свои позиции. Партия стала одной из самых крупных в стране и насчитывала в середине 90-х гг. 200 тыс. чел. С 1986 по 1988 г., а также с 1993 по 1995 г. в ее руках находился пост премьер-министра (табл. 11.1). Причем победа неоголлистов на парламентских выборах 1993 г. была триумфальной: правоцентристы контролировали около 80% мест в нижней палате. Это вынудило президента-социалиста Миттерана пригласить на пост премьер-министра одного из лидеров RPR Эдуарда Балладюра. В 1995 г. неоголлисты получили долгожданную победу и на президентских выборах. Главой государства стал лидер их партии Ширак, которому пришлось вести основную борьбу с Балладюром. Он же повторил этот успех и в 2002 г., однако с гораздо меньшим триумфом. Во втором туре за лидера неоголлистов проголосовали 82% избирателей, но не из-за его популярности, а потому что соперником у Ширака оказался ультраправый Ле Пен. Как писала одна газета, “лозунгом дня является: голосуй хоть за жулика, но только не за фашиста!”

В конце 90-х – начале 2000-х гг. Движение в поддержку республики (с 2002 г. оно называется Союзом в поддержку народного движения – UMP) столкнулось с рядом серьезных проблем. Партия уступила социалистам на досрочных парламентских выборах 1997 г., проведенных по инициативе неоголлистов. Это привело к самому продолжительному периоду “сожительства” президента Ширака с премьером-социалистом Жоспеном (см. табл. 11.1). Оно растянулось на целое пятилетие, и, по мнению большинства аналитиков, соотношение сил в нем сложилось не в пользу президента. Очень серьезным ударом по главе государства стало неодобрение большинством французских граждан Конституции Евросоюза на референдуме в 2005 г. Наконец, сокрушительное поражение UMP на местных выборах 2004 г. свидетельствовало в пользу того, что французское общество разочаровано проводимой политикой как в центре, так и на местах. Массовые акции протеста против *Закона о первом найме* в феврале – апреле 2006 г. наглядно продемонстрировали непоследовательность политического курса неоголлистов, пытающихся соединить часто плохо совместимые вещи: неолиберальные экономические реформы и сохранение в неизменном виде огромного социального государства.

Позицию Ширака серьезно подорвали также громкие коррупционные скандалы, которые всплыли на поверхность в начале 2000-х гг., когда RPR лишилась поста мэра Парижа. Выяснилось, что Ширак, будучи градоначальником французской столицы, пополнял партийную кассу за счет “заработной платы” большого числа “мертвых душ”, числившихся на балансе мэрии. В 2006 г. разгорелся скандал – так называемое дело *Clestream*, в которое оказался замешанным последний премьер правительства Ширака Доминик де Вильпен. Он приказал

спецслужбам добывать информацию о личных счетах в зарубежных банках ряда высокопоставленных чиновников-конкурентов действующего президента (в первую очередь Николя Саркози), с тем чтобы опорочить их накануне очередной избирательной кампании 2007 г. Коррупционные скандалы привели к тому, что, по данным французских социологов, Жак Ширак оказался самым непопулярным президентом за все годы Пятой республики.

Таблица 11.1. Французские президенты и премьеры [33].

Премьер/партия	Год	Президент/партия
Дебре /UDR	1958	Де Голль/UDR
Помпиду /UDR	1962	
Кюве де Мюрвилль/UDR	1968	
Шабан-Дельмас/UDR	1969	Помпиду/UDR
Мессмер/UDR	1972	
Ширак/UDR	1974	Жискар д'Эстен/UDF
Барр/UDF	1976	Миттеран/PS
Моруа/PS	1981	
Фабиус/PS	1984	
Ширак/RPR	1986	
Рокар/PS	1988	
Крессон/PS	1991	
Береговуа/PS	1992	
Балладюр/RPR	1993	
Жюппе/RPR	1995	
Жоспен/PS	1997	
Раффарен/UMP	2002	
де Вильпен/UMP	2005	Ширак/RPR-UMP
Филлон/UMP	2007	
		Саркози/UMP

В сложившейся ситуации единственным выходом для партии могло быть ее очередное радикальное обновление на консервативно-либеральных принципах. Это и попытался сделать молодой неоголлист Николя Саркози, который в ноябре 2004 г. был избран лидером партии. Он привел UMP к блестящей победе на президентских и парламентских выборах 2007 г. Николя Саркози получил 31% голосов в первом туре выборов главы государства и 53% во втором. Его партия завоевала 313 мест (345 вместе с союзниками) на выборах в нижнюю палату французского парламента из 577. Неоголлисты располагают также абсолютным большинством мест в сенате и контролируют пост председателя Конституционного совета.

ВСТАВКА 11.4.

Голлистский революционер

В 1975 г. в своей первой политической речи, написанной по поручению Жака Ширака, двадцатилетний Николя Саркози заявлял: “Быть голлистом – значит быть революционером!” В 2007 г. он одержал победу, которую можно назвать революцией, направленной, прежде всего, против старой политической элиты, которую символизирует Ширак. Она оказалась неспособной дать Франции шанс снова двинуться вперед, модернизировать страну, подготовив ее к вызовам XXI в.

Саркози является нетипичным французским политиком. Он родился в 1955 г. в Париже в семье выходца из Венгрии и француженки, в жилах которой течет еврейская кровь. В отличие от Ширака, Саркози не получил престижного диплома ENA. Он учился в университете Париж-Х на отделении частного права и закончил его в 1978 г.; в 1980 г. Саркози прошел курсы повышения квалификации и получил диплом в области политических наук.

В студенческие годы Саркози примкнул к Союзу демократов в поддержку республики (UDR), который затем трансформировался в Движение в поддержку республики (RPR). Вскоре он возглавил молодежный комитет, выступивший за выдвижение Жака Ширака в качестве кандидата голлистов на президентских выборах. Уже в 28 лет (1983 г.) он стал мэром Нейи-сюр-Сэн, в 34 года – депутатом Национального собрания, а в 38 лет – министром бюджета.

Блестящее восхождение по служебной лестнице было на время прервано из-за того, что на президентских выборах 1995 г. Саркози поддержал не кандидатуру Ширака, а его однопартийца – бывшего председателя кабинета министров – Балладюра. В течение длительного периода, который журналисты назвали “переходом через пустыню”, талантливый молодой политик оказался в опале. Свой следующий министерский пост (в МВД) Саркози получил только в 2002 г.

Очень важную роль в дальнейшей политической судьбе Саркози сыграло его назначение на должность министра экономики и финансов. Здесь он смог проявить себя как весьма деятельный реформатор-либерал. Он приложил немалые усилия к тому, чтобы сократить дефицит бюджета страны и вписаться в нормативы ЕС по данному показателю в 2,9% ВВП. Саркози понизил долю государства в компаниях *France Télécom*, *Electricité de France* и *Gas de France*. Он также предотвратил банкротство крупной частной фирмы *Alstom* и содействовал слиянию *Sanofi/Aventis*.

В 2005 г. Саркози снова оказался на посту министра внутренних дел. Он занял очень жесткую позицию во время подавления беспорядков в мигрантских пригородах, что вызвало резкую критику в его адрес со стороны левых, но действия Саркози пришлись по душе широкой публике, и его рейтинг существенно вырос. Политик также смог оказаться не замешанным в историю с принятием непопулярного *Закона о первом найме*.

Все это послужило хорошим подспорьем для выдвижения Николя Саркози кандидатом в президенты от Союза в поддержку народного движения. Официальное выдвижение состоялось в январе 2007 г. За Саркози проголосовали 69% делегатов съезда неоголлистов [34].

Чего можно ждать от нового президента Франции зарубежным странам? Отвечая на этот вопрос, политический обозреватель Софи Педер пишет в *Foreign Affairs*: "По мнению Саркози, за минувшие двадцать пять лет Франция превратилась в стагнирующее общество, в котором разрушена ценность труда, распространено заблуждение, что система *welfare* является устойчивой... Во Франции одна из самых коротких рабочих недель среди развитых стран Запада... В то время как остальная Европа пыталась адаптироваться к глобализации, Франция отрицала ее, прячась за антиглобалистской демагогией. Но страна не может вести себя подобно галльской деревне, окруженной римскими лагерями, потому что только в комиксе про Астерикса галльская деревня победила... Короче говоря, Франция нуждается в пересмотре своей социальной модели, для того чтобы обеспечить экономический рост. Нужно, чтобы за труд платили. Этого можно добиться с помощью ослабления правил государства благосостояния и уменьшения налогов на доходы, поощрения создания новых рабочих мест в частном секторе, устранения ограничений при найме на работу. Одним из них является, например, обязательная 35-часовая рабочая неделя. Следует также жестко контролировать государственные расходы и снизить огромный государственный долг с помощью сокращения бюрократического аппарата... Саркози считает, что иммигранты обязаны уважать французские республиканские ценности. Но одновременно, по его мнению, иммигранты плохо представлены в структурах власти во Франции. Для того чтобы устранить гетто, в которые превратились предместья крупных городов, необходимо внедрить французский вариант политики *affirmative actions* (квот для национальных и расовых меньшинств на предприятиях, в университетах и др.). Это противоречит, однако, французской традиции, отвергающей даже идентичность меньшинств как таковую.

В своей книге *Показания: Франция в XXI веке*, изданной в Соединенных Штатах в 2006 г., Саркози называет США великой демократической державой, которую объединяет с Францией не только революционное прошлое, республиканские идеалы и борьба с нацизмом, но и общие современные проблемы, такие как терроризм, распространение ядерного оружия, вызовы со стороны быстрорастущих экономик Китая, Индии, Бразилии. Общим является и антикоммунизм, который Саркози ощутил на собственном опыте, поскольку его отец был вынужден бежать из Венгрии во Францию в 1948 г., когда страна попала под коммунистическое господство. Поэтому восстановление доверия между Францией и США – это то, что будет приветствоваться простыми людьми страны (антиамериканизмом заражена только часть французской элиты). Эти аргументы, а также большая часть его взглядов в области внешней политики, противопоставляют Саркози галлистской, пронезависимой и "арабистской" традиции" [35].

Союз в поддержку французской демократии (*Union pour la Démocratie Française – UDF*). В 1971–1972 гг. известный французский политик Валери Жискар д'Эстен выдвинул прагматичный лозунг: "Франция хочет, чтобы ею управляли из центра!" Он решительно выступил против "голлистской республики". Жискар д'Эстен являлся лидером республиканской партии – малочисленной и слабой консервативной организации, созданной в 1962 г. Еще тогда он резко высту-

пил против де Голля и его референдума о непосредственном избрании президента всеми гражданами страны. Впоследствии д'Эстен стал министром финансов и при де Голле, и при Помпиду. Жискара д'Эстен всегда поддерживал идеи европейского единства.

Главной опорой французских центристов стали предприниматели и представители среднего класса в широком смысле слова. В 1974 г. Жискара д'Эстен одержал победу на президентских выборах, что дало новый импульс консолидации центристски ориентированных политиков. UDF окончательно сформировалась в 1978 г. из альянса разных партий и течений, выступавших за переизбрание д'Эстена на второй срок на предстоящих президентских выборах. В эту партию вошли не только республиканцы, но также представители христианско-демократического и социального центра, радикальной партии, социал-демократической партии и некоторых других объединений. Общая численность организации составляла около 40 тыс. членов.

Переизбрание д'Эстена на второй срок не стало фактом из-за раскола правых и право-центристов. Ширак открыто критиковал UDF за слишком проевропейскую политику и предостерегал против того, что Францией станет управлять зарубежная партия. Этим воспользовались социалисты, которые в 1981 г. одержали убедительную победу.

Этот урок пошел на пользу и правым, и центристам. После 1981 г. они долгое время являлись участниками соглашения о сотрудничестве между UDF и RPR на всех уровнях. Союзу способствовало и определенное обновление RPR, ее переход на проевропейские и прорыночные позиции. Представители UDF входили в состав правительства Ширака в 1986 г. и Балладюра в 1993 г. Вместе с тем не все центристы были довольны плодами сотрудничества с неоголливцами.

В середине 90-х большая часть членов правительства от UDF поддержала выдвижение Балладюра на президентских выборах. Это привело к тому, что после победы Ширака они вынуждены были покинуть кабинет. Поражение RPR/UDF на досрочных парламентских выборах 1997 г. углубило кризис в партии и привело к ее первому расколу: центристы во главе с Франсуа Байру организовали независимую *Демократическую силу*, либерал-консерваторы тяготели к более тесному сотрудничеству с RPR, а республиканцы вообще покинули партию. Расколу содействовала также информация о том, что в четырех регионах представители UDF победили на местных выборах благодаря поддержке крайне правого Национального фронта.

В итоге кризис стимулировал обновление центристов и образование **Новой UDF** (*Nouvelle UDF*) вокруг демократической силы Франсуа Байру. В эту партию вошли независимые республиканцы и либералы, а также радикальная партия и народная партия за французскую демократию. Байру рассматривал данную организацию как центр притяжения и для правых, и для левых политиков. Поэтому он отказался в 2002 г. принять приглашение Ширака вступить в новую правую структуру – Союз в поддержку народного движения (UMP), которая первоначально замышлялась как широкая коалиция, созданная для переизбрания Ширака на новый срок. Многие другие видные политики из UDF это предложение приняли, оставив своего лидера в изоляции.

Несмотря на то, что современный Союз в поддержку французской демократии получал представительство в парламенте и места в правительстве главным образом благодаря блоку с Союзом в поддержку народного движения, многие в партии выказывали недовольство ролью младшего партнера UMP. На съезде в Лионе в 2006 г. 91% делегатов проголосовали за независимость партии. Данное решение, безусловно, вдохновило ее лидера Франсуа Байру на проведение активной самостоятельной кампании во время президентских и парламентских выборов 2007 г.

На президентских выборах Байру занял почетное третье место, получив 18,5% голосов, что не могло не вселить уверенности в правильности избранного курса. Политик не дал прямых указаний своим избирателям, за кого им следует голосовать во втором туре, но сам заявил, что не поддержит Саркози. На следующий день после выборов 10 мая 2007 г. Байру заявил о том, что создает новую центристскую партию – *Демократическое движение* (*Mouvement Démocrate – Modem*). Данное решение было одобрено на заседании Национального совета UDF. Было также заявлено, что учредительный съезд партии пройдет осенью 2007 г. Безусловно, этот политический шаг был предпринят Байру с расчетом на парламентские выборы в июне 2007 г., в которых Modem собиралась участвовать самостоятельно.

Объясняя свою позицию, Байру подчеркивал: “Благодаря демократическому движению французы смогут быть представлены новой силой противовеса, свободной, способной говорить “да”, когда ситуация развивается в благоприятном для них направлении, и “нет”, когда она идет в неправильном направлении. Способной, иначе говоря, вывести политику из области рефлексии: “всегда за” и “всегда против”, чтобы защитить общественные интересы” [36].

Однако процесс создания сильной центристской политической организации во Франции стал не таким успешным, как того хотелось инициаторам Modem. Большинство депутатов UDF, а также несколько сенаторов и видных деятелей партии, таких как депутаты Европарламента Жан-Луи Бурланг и Симона Вейль, не поддержали эту инициативу и сохранили верность Николя Саркози. Большая часть из них объединилась вокруг Эрве Морена и создала другую центристскую партию – *Новый центр* (*Nouveau centre – NC*). Данная организация приняла участие в выборах в Национальное собрание в блоке с UMP.

В первом туре выборов в Национальное собрание Modem сохранила за собой третье место, но эти показатели выглядели куда скромнее, чем результат Байру на президентских выборах: за демократическое движение проголосовали 7,6% избирателей. Никто из независи-

мых центристов не прошел в парламент с первой попытки. Во втором туре Modem получила 0,5% голосов и смогла обеспечить только три депутатских места в нижней палате парламента. Партия Новый центр значительно отстала от своих бывших однопартийцев: в первом туре за нее отдали свои голоса 2,4% избирателей, во втором – 2,1%. Но учитывая то, что данная политическая сила выступала в коалиции с UMP, она провела двадцать два своих кандидата в Национальное собрание, а ее видные деятели получили портфели в правительстве Франсуа Филлона.

Таким образом, вместо формирования сильной и независимой партии центра во Франции произошел очередной раскол центристов. В результате парламентских выборов UDF распалась на две политические организации, которым будет весьма сложно найти общий язык в будущем. В современном кризисе проявилась аморфность политического центра этой страны, который балансировал между весьма далекими идеологическими полюсами: ценностями социальной справедливости, например, и экономическими программами в духе *laissez-faire*. Кроме того, такое явление, как могущественная партия центра, противоречит политико-культурным традициям Франции, с ее ориентацией на политическую полярность. Наконец, мажоритарный избирательный закон, который действует в настоящее время, требует от лидеров искусства коалиционного строительства. Заявления Байру о том, что он “не собирается готовить тайком какие-то соглашения неизвестно с кем”, свидетельствовало о явной переоценке лидером Modem собственных политических сил, что не могло не сказаться негативно на общих итогах выборов [37].

Правые партии. В настоящее время нишу правых или, точнее, праворадикальных партий занимает **Национальный фронт** (*Front national – FN*), созданный Жан-Мари Ле Пеном в 1972 г. Другие умеренные правые политические организации, например UMP, предпочитают дистанцироваться от Национального фронта. Лидер же FN считает, что во Франции нет подлинно правой политической силы, а страной заправляет так называемая “банда четырех” (термин, получивший хождение в Китае в 70-е гг.), состоящая из PCF, PS, UDF и UMP. Свою партию Ле Пен неоднократно называл ведущей правой силой, а свои взгляды “правыми в экономических вопросах, левыми – в социальных и французскими – в национальных”.

Не существует единой точки зрения политологического научного сообщества по вопросу о классификации данной партии. Некоторые исследователи называют FN откровенно фашистской организацией, другие утверждают, что более правильным будет термин *новая правая*, исповедующая национал-популистскую идеологию [38].

Политическая программа Национального фронта представляет собой эклектическую смесь лозунгов, требований и проектов, которые объединены вокруг ксенофобской, антииммигрантской тематики. Немалое место в ней занимает также евроскептицизм, несмотря на то, что партия представлена в Европарламенте. Там ее депутаты являются ядром фракции *Идентичность, традиция, суверенитет*. Программа нацелена на возрождение традиционных ценностей французского общества, а также восстановление смертной казни и ужесточение наказаний за уголовные преступления. Национальный фронт стал центром притяжения для многих правых маргиналов: от современных монархистов до организаций, выступающих за реабилитацию вишистов (коллорабационистов периода нацистской оккупации).

Долгое время эта партия оставалась на задворках французской политики. Например, в 1981 г. она получила только 0,2% голосов во время выборов в Национальное собрание. Ле Пен в этом году не баллотировался на пост президента, так как не смог собрать необходимые для выдвижения 500 подписей депутатов разных уровней. Но ситуация стала меняться к середине 80-х гг. Франция пострадала от экономического кризиса, который был спровоцирован энергетическим (эмбарго на поставки нефти арабскими саранами во время очередной арабо-израильской войны). Существенной проблемой стал рост безработицы. Все это актуализировало некоторые идеи Национального фронта и его демагогические заявления о том, что работу у французов отнимают иммигранты.

Вокруг FN объединились многие правые избиратели, которые разочаровались в политике традиционных партий. В 1984 г. Национальный фронт преподнес первый электоральный сюрприз, получив 11% голосов на выборах в Европарламент. Повторить успех крайне правые смогли и на парламентских выборах 1986 г. Они воспользовались выгодной политической ситуацией, когда президент Миттеран провел через законодательное собрание закон, заменивший мажоритарную избирательную систему системой пропорционального представительства, чтобы укрепить позиции социалистов в их соперничестве с голлистами. Но от этого шага, прежде всего, выиграла партия Ле Пена, которая с результатом в 9,7% смогла провести 35 своих депутатов в Национальное собрание. Вскоре старый избирательный закон был восстановлен, чтобы заблокировать для ультраправых двери парламента.

В 90-е гг. успехи Национального фронта перестали воспринимать как сенсацию. FN стал опасным политическим игроком, с которым вынуждены были считаться. Численность членов Фронта выросла с 10 до 50 тыс. чел. Партия существенно укрепила свои позиции на муниципальном уровне. Электорат Национального фронта в середине 90-х гг. состоял из рабочих (27%) и молодежи (17%), жителей крупных городов. Многие люди в возрасте от 18 до 25 лет также голосовали за эту партию [39]. Крупнейшим политическим успехом FN стали президентские выборы 2002 г. В их ходе Ле Пен смог выйти во второй тур состязания, набрав 16,8% в первом и опередив тем самым кандидата от социалистической партии Жоспена.

Безусловно, важнейшей причиной роста популярности крайне правых во Франции являются последствия экономической глобализации: миграция дешевой рабочей силы из развивающихся стран, рост безработицы среди коренных французов, увеличение преступности и др. Точнее, умелая спекуляция Национального фронта на объективных экономических и социальных трудностях. Не следует также сбрасывать со счетов и личные таланты Ле Пена, его умение с помощью многочисленных скандалов и провокаций всегда находиться в центре внимания публики. Определенную помощь партии оказывали и спонсоры. Известно, что богатый французский предприниматель и монархист Х. Ламберт подарил Ле Пену 30 млн франков (приблизительно 5 млн евро) и замок, который до 1748 г. принадлежал мадам де Помпадур.

Тем не менее перед выборами 2007 г. в партии возник серьезный внутренний кризис. Многие члены руководства считали, что экстравагантные выходы лидера только дискредитируют организацию, которой никогда не суждено прийти к власти. С другой стороны, старая гвардия Ле Пена с недовольством отнеслась к возвышению в партии его младшей дочери Марины, предпринимавшей определенные усилия по формированию более позитивного имиджа FN. Ближайшее окружение обвинило отца-основателя в поддержке династических тенденций в организации. Все это привело к фактическому выходу из партии части ее активистов, которые основали *Национально-республиканское движение* (MNR). Во главе его встал Гуго Мерге – человек № 2 в FN.

Внутренние противоречия в Национальном фронте, которые, правда, не стали полным расколом, потому что Ле Пен и Мерге договорились о совместных действиях во время кампании; возраст кандидата ультраправых, которому исполнилось 79 лет в 2007 г.; а также умелая стратегия Саркози и UMP в целом, которые смогли перетянуть на свою сторону “вменяемую” часть электората FN, привели к неудаче правых радикалов на последних электоральных состязаниях. На президентских выборах в первом туре за Ле Пена проголосовали только 10,4% избирателей. Он занял четвертое место и заявил, что больше не будет баллотироваться на высший государственный пост. На выборах в Национальное собрание за FN проголосовали 4,3% избирателей. Во второй тур они смогли провести только одного кандидата – Марину Ле Пен, но здесь ее ждала неудача. Национальный фронт, таким образом, не получил ни одного места в нижней палате парламента Франции.

Левосторонние партии. Крупнейшей партией на левостороннем фланге политического спектра является *Французская социалистическая партия* (*Parti Socialiste – PS*). Она является преемницей созданной еще в 1905 г. *Французской секции рабочего интернационала* (*Section française de l'Internationale ouvrière – SFIO*). Французские социалисты с самого начала уступали другим европейским партиям социалистической и социал-демократической ориентации. Слабость партии была связана с неразвитостью рабочего и профсоюзного движения, марксистской программой, которая отвержала

от организации многих квалифицированных рабочих и служащих. В годы Четвертой республики социалисты входили в состав многих коалиционных правительств, но им никогда не удавалось сформировать однопартийный кабинет. Электоральная база партии находилась в индустриально развитых северных регионах и крупных городах.

SFIO находилась в жесткой оппозиции режиму де Голля, установленному в 1958 г.; ее сторонники голосовали также против прямого избрания главы государства на референдуме 1962 г. В силу этих причин партия не выдвигала своего кандидата во время президентских выборов 1965 г. Это, однако, не помешало социалистам поддержать независимого претендента, решительного противника голлизма, не принадлежавшего тогда ни к одной из партий, Франсуа Миттерана. Во второй половине 60-х гг. SFIO оказалась в сложной ситуации: она должна была балансировать между коммунистами, полностью доминировавшими среди левой оппозиции, и голлистами, целиком контролировавшими управление страной. Для того чтобы добиться политического успеха, умеренным левым необходима была организационная перестройка.

Первым шагом в этом направлении стало формирование *Федерации демократических и социалистических левых* в составе левых радикалов, социалистов и левых республиканцев под председательством Миттерана. Но новое объединение не смогло извлечь пользу из майско-июньских событий и провалилось на парламентских (1968 г.) и президентских выборах (1969 г.).

Второй шаг в направлении реформирования социалистического движения был сделан на съезде SFIO в Альфортвилле в 1969 г. На нем было принято решение о том, что на базе Секции рабочего интернационала создается **социалистическая партия** (*Parti Socialiste – PS*). В нее вступил целый ряд политических клубов, разделявших левую платформу, а Ален Савари был избран первым секретарем. Через два года после того, как к PS присоединился Миттеран со своими сторонниками, он стал лидером партии. При вишистах он был государственным чиновником, в годы Четвертой республики стал депутатом парламента – активным оппонентом де Голля, затем баллотировался на пост президента Франции, но проиграл правым в упорной борьбе. Заключительным аккордом в обновлении партии стало присоединение к ней в 1974 г. левых христиан во главе с популярным политиком Мишелем Рокаром.

Миттеран понимал, что без поддержки со стороны коммунистов, которые в то время полностью преобладали над социалистами, ему не удастся отстранить от власти правые силы. С другой стороны, он осознавал также и то, что коммунистическая партия отпугивает умеренно настроенных избирателей, средний класс и представителей французской и европейской элиты. Тем не менее он пошел на подписание так называемой *Совместной правительственной программы* в 1972 г. вместе с коммунистами и левыми радикалами.

Очень скоро данный шаг принес свои политические плоды. Социалистическая партия получила неплохие результаты на парламентских выборах, а в 1974 г. Миттеран оказался на полшага от победы на президентских выборах (во втором туре за него проголосовали 49,2% избирателей). Электоральная поддержка социалистов постоянно

увеличивалась, а в 1978 г. эта партия впервые со времен Народного фронта 30-х гг. опередила коммунистов, превратившись в главную политическую силу левых. Таким образом, был заложен фундамент для триумфальной победы социалистов на президентских и парламентских выборах 1981 г.

Миттерану удалось сыграть на недовольстве французов засильем правых. Следует сказать, что социалистическая партия своими программными принципами напоминала достаточно радикальную организацию. Например, социалисты долгое время называли себя революционной партией, потому что, по их мнению, подлинная демократия невозможна при капитализме. В первое правительство после победы левых вошли и министры-коммунисты. Кабинет Пьера Моруа приступил к выполнению обещаний, изложенных в *Совместной правительственной программе*. Были национализированы банки, страховые компании и военная индустрия; зарплата рабочих была увеличена, а продолжительность их труда ограничена 39-часовой рабочей неделей; введен налог на богатства; отменена смертная казнь; осуществлена децентрализация государственного управления.

Все это спровоцировало панику бизнес-класса, вывоз капиталов из страны и др. Вскоре Миттерану пришлось делать нелегкий выбор между продолжением реформ и членством Франции в Европейской монетарной системе, а также других институтах Европейского экономического сообщества. Лидер социалистической партии предпочел второй путь первому и решил адаптировать программные принципы к условиям рыночной экономики. В 1984 г. он назначил на должность премьера Лорана Фабиуса, который отказался от осуществления других пунктов Совместной правительственной программы. *Союз левых*, который пришел к власти три года назад, перестал существовать, а министры-коммунисты должны были покинуть правительство.

Таким образом, программный радикализм социалистической партии оказался в несоответствии с ее политическим прагматизмом. В 80-е гг. значительно выросла численность партии. Она достигла 180 тыс. чел. Сформировалась новая электоральная база, которую составил *салариат* – все лица наемного труда, а не только рабочие промышленных предприятий. Партия опирается на поддержку учителей, врачей, служащих. Социалисты стали притягательной силой для новых социальных движений (женского, экологического, национальных меньшинств). С течением времени произошла и деидеологизация программных принципов социалистической партии, освобождение ее от догматических марксистских положений.

Союз с компартией в 70-е – начале 80-х гг. позволил привлечь значительную часть традиционных избирателей PCF на сторону PS. Все это привело к тому, что социалистическая партия стала в 80-е гг. тем,

чем Союз демократов в поддержку республики был в 60-е: партией власти с широкой электоральной базой по всей стране. Первый эксперимент по политическому “сожительству” с 1986 по 1988 г., когда социалистический президент должен был пригласить голлиста на должность премьера, прошел успешно (см. табл. 11.1). Он, среди прочего, свидетельствовал в пользу существования не только нормативного, но и ценностного консенсуса во Франции.

В 1988 г. Миттеран был переизбран президентом на второй срок. Он сконцентрировал свое внимание на внешней политике и строительстве единой Европы. На референдуме французы одобрили Маастрихтский договор, который заложил фундамент под здание Евро-союза. Вопросы внутренней политики президент доверил главам правительства, которые довольно часто сменяли друг друга: Мишелю Рокару, Эдит Крессон, Пьеру Береговуа. Однако уже в первой половине 90-х социалистическая партия столкнулась с проблемами, которые были обусловлены возрастанием роли индивидуального голосования по сравнению с голосованием по проблеме; высоким уровнем безработицы; потерей рабочего электората, численность которого существенно сократилась; усталостью избирателей от левых [40].

Обострилось и соперничество в стане команды Миттерана. Прежде всего, речь шла о конфликте между Л. Фабиусом и Л. Жоспенем. В 1993 г. PS провалилась на выборах в Национальное собрание. Миттеран был вынужден вновь поручить формирование правительства голлистам. К трудностям социалистов следует добавить и проблему смены лидера партии. Из-за серьезной болезни руководителя PS он не мог баллотироваться на третий срок в 1995 г. После смерти Миттерана социалисты так и не смогли найти ему достойную замену.

Поражение на президентских выборах подтолкнуло социалистическую партию к возврату к старой стратегии формирования широкой коалиции левых партий под их патронажем. Первый секретарь PS Жоспен возобновил соглашения с коммунистами, левыми радикалами, а также зелеными и отколовшимся от соцпартии *Движением граждан*. Новое объединение получило название *Плюралистической левой* (*Gauche plurielle*). Во время досрочных выборов в нижнюю палату французского парламента в 1997 г. оно завоевало большинство, что вынудило президента Ж. Ширака на очередное политическое “соительство”, на сей раз с Л. Жоспенем.

Правительство социалистов сократило рабочую неделю до 35 часов, ввело всеобщее медицинское страхование. Параллельно Жоспен продолжил курс своих консервативных предшественников по приватизации экономики. Критики премьера слева (профсоюзы и некоторые фракции в PS) обвиняли его в отступлении от принципов, в “дефиците социализма”. Внутренние расколы и конфликты

на левом политическом поле Франции привели к тому, что Жоспен в первом туре президентских выборов 2002 г. занял только третье место, пропустив во второй тур крайне правого кандидата Ле Пена. Лидер французских социалистов призвал избирателей голосовать за своего главного конкурента Ширака, а сам заявил об уходе из политики.

Ситуация в социалистической партии после шока 2002 г. была весьма противоречивой. С одной стороны, социалисты активно переключились на работу на местном уровне. Они добились здесь существенных успехов. На региональных выборах 2004 г. Плюралистическая левая победила в 20 из 22 регионов метропольной Франции. Социалисты также неплохо выступили в кампании против *Закона о первом найме*, внесенного в парламент правительством де Вильпена.

С другой стороны, PS не смогла преодолеть внутренний раскол. В 2005 г., несмотря на решение съезда о том, что партия призывает своих сторонников проголосовать “за” Конституцию Евросоюза на референдуме, такие влиятельные представители левой фракции, как Л. Фабиус и Э. Эммануэли, публично заявили, что будут голосовать “против” основного закона ЕС.

Серьезной проблемой социалистов остается отсутствие популярного лидера. В ноябре 2006 г. впервые в новейшей истории PS провела *праймериз* среди своих членов для определения кандидата на следующих президентских выборах. Первое место на них получила Сиголен Руаяль – политик, которая стала известной во времена Миттерана. Она была министром окружающей среды в правительстве Береговуа, министром образования, а позже министром семьи, детей и инвалидов в правительстве Жоспена; являлась членом парламента и председателем регионального совета Пуату-Шарант. Как показал ход дальнейших политических баталий, Руаяль было совсем не просто конкурировать со своим куда более опытным соперником из UMP.

Наконец, в последние годы социалистической партии не хватает новых оригинальных идей, отсутствие которых она пытается компенсировать популизмом. Это в полной мере проявилось во время избирательной кампании Руаяль. Социалисты открыли специальный веб-сайт для избирателей, каждый из которых мог поучаствовать в формулировании партийной платформы. По мнению многих аналитиков, особенно слабыми были ее экономическая и внешнеполитическая части. Кандидат PS предлагала увеличить минимальную ежемесячную зарплату до 2000 евро, ввести новые выплаты молодежи, но было совершенно непонятно, откуда взять деньги на эти расходы, потому что ничего не говорилось о налогах. Во время визита в Канаду и встреч с лидерами политической оппозиции Руаяль заявила, что

всегда поддерживала идею отделения Квебека от этой страны, провозглашения суверенитета данной провинцией [41].

Несмотря на благоприятные возможности, социалистическая партия не смогла ими воспользоваться и вернуться к власти. Сиголен Руаяль, получив 26% в первом туре президентских выборов и 47% во втором, уступила Николя Саркози из Союза в поддержку народного движения. На парламентских выборах социалисты фактически повторили свой результат пятилетней давности в первом раунде голосования и получили 25% голосов. Правда, они смогли мобилизовать избирателей для участия во втором туре, что позволило им набрать 42% и провести в Национальное собрание 186 депутатов. И после выборов в PS сохраняется раскол: на левых (сторонников Л. Фабуса), правых или социал-демократов (приверженцев Д. Стросс-Кана) и центристов, представленных нынешним первым секретарем партии Ф. Олландом.

Левые партии. До недавнего времени доминирующие позиции на левом политическом фланге занимала **коммунистическая партия Франции** (*Parti communiste français – PCF*). Она исповедует коммунистическую идеологию и до сих пор остается достаточно многочисленной организацией, уступая по этому показателю только UMP и PS. Вместе с тем партия за последние десятилетия растеряла былую поддержку со стороны электората и все больше и больше напоминает маргинальную структуру.

Она была создана в 1920 г., когда произошел раскол SFIO на съезде в Туре, на котором большинство делегатов приняло решение присоединиться к Коммунистическому интернационалу. В 30-е гг. PCF попала под контроль сталинистов во главе с Морисом Торезом. Выполняя инструкции Коминтерна, партия отказывалась сотрудничать с социалистами, называя их социал-фашистами, что содействовало расколу рабочего движение и объективно было выгодно только ультраправым. Интересно, что самая могущественная фашистская организация Франции сформировалась не в лоне буржуазных партий, а внутри самой PCF. Руководитель *Французской федерации молодых коммунистов* Жак Дорио еще в 20-е гг. пропагандировал идею сотрудничества между фашистскими и коммунистическими организациями, а после своего исключения из партии в 1934 г. создал *Французскую народную партию*, одну из наиболее влиятельных политических организаций в вишистской Франции.

В 1936 г. по приказу из Москвы PCF кардинальным образом пересмотрела свою позицию и стала участницей соглашения между коммунистами, социалистами и радикалами, что привело к победе *Народного фронта* на выборах и формированию правительства Леона Блюма. Несмотря на то, что коммунисты тогда не вошли в его состав, их стратегия открытости содействовала быстрому росту численности и популярности организации. Правда, продолжалось это недолго. Подписание пакта Молотова – Риббентроппа накануне Второй мировой войны снова изолировало партию от их союзников. Когда началась война, PCF активно занималась антивоенной пропагандой, что ослабляло Францию в уже начавшемся вооруженном столкновении с нацистской Германией.

Правительству Даладье ничего не оставалось, как применить репрессивные меры против коммунистов.

Только нападение Германии на СССР в июне 1941 г. заставило коммунистов включиться в движение Сопротивления и тем самым реабилитировать себя как антифашистскую силу. Следует сказать, что РСФ стала важнейшей составной частью этого движения во Франции. К 1944 г. она контролировала обширные регионы, свободные от оккупантов. Многие в партии вынашивали планы осуществления социалистической революции после изгнания войск вермахта с территории страны. Однако эта идея не была поддержана в Кремле, так как Сталин хотел сохранить союзнические отношения со странами Запада. За годы Сопротивления выросла и популярность партии. В нее вступили многие видные интеллектуалы, такие как Сартр, Пикассо, Фуко и др.

В первые годы Четвертой республики французские коммунисты входили в послевоенное коалиционное правительство. Начавшаяся вскоре холодная война отразилась и на внутренней политике Франции. В 1947 г. министры-коммунисты были вынуждены покинуть кабинет Поля Рамадье. Как и в 20-е – начале 30-х гг., правым партиям удалось изолировать коммунистов, потому что они были не готовы к совместным действиям с другими левыми политическими силами, считая себя наиболее могущественной структурой. В годы Четвертой республики более 25% избирателей голосовали за коммунистов.

РСФ решительно выступала против Пятой республики генерала де Голля. Руководство партии (в частности, Вальдек Роше) понимало, что для успешного противостояния голлистам необходим союз с левоцентристами и центристами. В 1965 г. коммунисты не выдвигали своего кандидата на президентских выборах, но поддержали Миттерана. В мае 1968 г., во время волнений, РСФ призывала к всеобщей забастовке, но одновременно не поддерживала студенческое движение, которое в то время находилось под влиянием маоистов, троцкистов и анархистов. Несмотря на то, что организовать тогда стачку не удалось, коммунисты выиграли от роста левых настроений в обществе. Кандидат РСФ Жак Дюкло получил 21% голосов на президентских выборах в 1969 г.

В 1972 г. руководителем компартии стал Жорж Марше, который попытался совмещать жесткий стиль руководства с осторожными либеральными реформами. Подавляя “оппортунистическую ересь”, исходившую от интеллектуалов, он в то же время пошел на сотрудничество с социалистами и левыми радикалами, подписав с ними *Совместную правительственную программу*. В 1974 г. новые союзники были близки к приходу к власти, когда их кандидат Миттеран вышел во второй тур президентских выборов. Однако, согласно воспоминаниям известного французского социолога Р. Арона, посол СССР в Париже помешал этому, заставив руководство РСФ саботировать многие, согласованные с социалистами совместные мероприятия [42]. “Советские товарищи” опасались роста влияния социали-

стической партии на рядовых коммунистов, и, как показали последующие события, эти опасения были не напрасными.

В 60–70-е гг. PCF представляла собой доминирующую силу левых, значительно опережающую PS. До начала 80-х гг. коммунистические мэры управляли 1,5 тыс. коммун с общей численностью населения в 10 млн чел. Коммунистическая партия Франции, в общем и целом, находилась на ортодоксальных марксистско-ленинских позициях, несмотря на то, что на XXII съезде в 1976 г. она отказалась от идеи диктатуры пролетариата как важнейшего программного положения. Правые политические силы серьезно опасались успеха коммунистов в одной из ключевых стран Западной Европы.

Однако все это ушло в прошлое – в 80-е гг. По коммунистам было нанесено два сокрушительных удара. С одной стороны, они оказались повержены своими союзниками-социалистами, пришедшими к власти в 1981 г. С другой стороны, развал социалистической системы в Восточной Европе и крах СССР довершили дело, начатое Миттераном, который смог перетянуть коммунистических избирателей на свою сторону. В 1981 г. Жорж Марше набрал только 15% голосов на президентских выборах. Коммунисты потеряли тогда в общей сложности 1/4 часть своего электората, которая перешла к социалистам. В 1988 г. на президентских выборах за кандидата от PCF Андре Лажуани проголосовали только 6,7% избирателей. На парламентских выборах эта картина повторялась. В целом, за это десятилетие коммунисты потеряли 1/2 избирателей. К середине 90-х гг. в пригородах Парижа уже не было “красного пояса” – муниципалитетов, управляемых коммунистами.

В 1994 г. Жорж Марше ушел на пенсию, уступив бразды правления в PCF Роберу Ю. Новым руководством был провозглашен курс на так называемую *мутацию* партии (*la mutation*), которая включала отказ от многих догматических ленинских положений программы и устава. Французские коммунисты, например, отказались от принципа демократического централизма как ключевого положения построения партии. Была предпринята попытка расширения партийных рядов за счет привлечения в организацию людей левых взглядов. Коммунисты вошли в *Плюралистическую левую Л. Жоспена*, что позволило их представителям оказаться в правительстве социалистов в 1997–2002 гг.

Вместе с тем *мутация* привела и к обострению внутренних конфликтов в организации. Усилилась критика руководства со стороны рядовых членов партии. В 2002 г. Робер Ю получил только 3,8% голосов во время президентских выборов. Впервые в истории коммунисты отстали от двух троцкистских организаций. Во время парламентских выборов PCF выступила не намного лучше, получив 4,8% и 21

место в Национальном собрании. Все это заставило Робера Ю подать в отставку.

В 2002 г. лидером партии стала Мари-Жорж Бюффе. Она попыталась снова радикализировать РСФ, сделав ее центром притяжения для многих ультралевых и алтерглобалистов. Совместно они участвовали в кампании против Конституции Евросоюза во время референдума 2005 г. Однако это не прибавило популярности коммунистам. На президентских выборах 2007 г. Бюффе получила еще меньшую поддержку, чем Робер Ю пять лет назад. За кандидата от РСФ проголосовали 1,9% избирателей. Во время выборов в Национальное собрание коммунисты получили 4,2% в первом туре и 2,2% во втором, что позволило им провести 15 депутатов в нижнюю палату французского парламента. Поскольку такого количества мандатов не достаточно для формирования самостоятельной фракции, коммунисты объединились с зелеными и некоторыми другими независимыми левыми депутатами и вошли в состав группы *Демократические и республиканские левые (Gauche démocrate et républicaine)*.

Таким образом, политические процессы начала XXI в. только усилили ту тенденцию, которая отчетливо проявилась в 80-е гг. XX в. Коммунистическая партия оказалась не в состоянии адаптироваться к постиндустриальной модернизации и трансформировалась в маргинальную политическую структуру на левом фланге политического спектра.

Следует сказать, что находится она там отнюдь не в одиночестве. Прежде всего, следует назвать *Революционную коммунистическую лигу (Ligue communiste révolutionnaire – LCR)*, троцкистскую организацию, созданную вскоре после майско-июньских событий 1968 г., чей руководитель Оливье Безансно уже в течение двух выборов подряд получает большую поддержку, чем ортодоксальные коммунисты. Не собирается сдавать свои позиции и другая троцкистская организация – *Рабочая борьба (Lutte Ouvrière – LO)*, созданная еще в 1939 г., несмотря на то, что ее лидер – пламенный борец с капитализмом Арлетт Лагие заявила, что президентская кампания 2007 г. была последней в ее жизни. В 2007 г. во весь голос заявили о себе и антиглобалисты (*altermondialisme*), выдвинувшие своего кандидата в президенты – Жозе Бове. Они выступают, если можно это так назвать, за “глобализацию с человеческим лицом”. Наконец, не следует забывать о *зеленых (Les Verts)*, которые также номинировали своего претендента во время президентских выборов (Доминик Буане) и смогли получить 4 места в Национальном собрании Франции. Эта партия проделала очень значительную эволюцию влево – к союзу с коммунистами от позиционирования себя как не левой и не правой организации в момент ее создания в 1982 г.

Среди обитателей левого политического гетто (может быть, только зеленые сюда попали случайно) идет упорная борьба за выживание и славу. Все вместе они собирают около 10% голосов радикально настроенной публики. Безусловно, их значение возрастает в периоды кризисов и массовых волнений, но в спокойные времена их политическое значение близко нулю.

Таким образом, партийная система Пятой республики претерпела существенные изменения. Прежде всего, это нашло свое выражение в усилении позиций правоцентристов, контролирующих в настоящее время до 60% мест в Национальном собрании. Одновременно с этим были значительно ослаблены позиции центристов, расколотых между двумя небольшими организациями. Это произошло вопреки наличию серьезной электоральной базы у данного течения во Франции. Еще одним примечательным моментом стала фрагментация и маргинализация крайне правых и крайне левых политических партий. Последняя тенденция весьма примечательна и может иметь далеко идущие последствия, связанные, например, с радикализацией позиции социалистов под давлением той части левых, которые лишены сейчас солидной институциональной основы. Эта ситуация содержит в себе потенциальную угрозу единству социалистической партии.

По мнению А. Лейпхарта, созданная де Голлем республика парадоксальным образом оказалась наиболее близкой к англосаксонской модели из всех континентально-европейских государств, несмотря на известную нелюбовь генерала к *les anglo-saxons*. На концептуальной карте демократий Франция находится рядом с Великобританией, Новой Зеландией, Грецией и другими странами, которые тяготеют к **мажоритарному**, а не консенсусному ее полюсу. Это проявляется в отсутствии федерализма, сокращении числа релевантных партий, преобладании однопартийных кабинетов над коалиционными, плюралистической системе организации групп интересов, доминировании нижней палаты парламента над верхней, избирательном законе, содействующем диспропорциональности политического представительства.

Вместе с тем, как признает Лейпхарт, Франция за последние десятилетия проделала определенную эволюцию в сторону консенсусной демократии. Здесь существует стабильная конституция, начиная с 1974 г. активно применяется судебный пересмотр, а начиная с 1981 г. осуществляется децентрализация системы местного самоуправления. Правда, в противоположном направлении работает уменьшение независимости национального банка страны от исполнительной власти [43].

Примечания

1. Huntington S., *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman&London: University of Oklahoma Press, 1991. P. 41.
2. Tocqueville de A., *Dawny ustroj i rewolucja*. Warszawa: Znak, 1988. S. 155–163.
3. See: Weber E., *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. – Stanford: University Press, 1976; Gellner E., *Nations and Nationalism. New Perspectives on the Past*. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1983.
4. Хобсбаум Э., *Век революции. Европа 1789–1848*. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 111.
5. Ansell C., Gingrich J., “Trends in Decentralization” // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Ed. by B. Cain, R. Dalton and S. Scarrow. Oxford: University Press, 2003. P. 142.
6. <http://en.wikipedia.org/wiki/France>.
7. Ehrmann H., Schain M., “Politics in France” // *Comparative Politics Today. A World View*. Ed. by G. Almond & B. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 213.
8. Арон Р., *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст, 1993. С. 166–167.
9. *Конституция Французской Республики*. М.: Прогресс, 1989. С. 31.
10. Там же. С. 33.
11. Там же.
12. Elgie R., “France: Presidential Leadership” // Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan Press, 1995. P. 51–52.
13. Штайнер Ю., *Европейская демократия*. Мн.: Лекция, БФС, 1996. С. 81–82.
14. Elgie R., Op. cit. P. 75–76.
15. Бенетон Ф., *Введение в политическую науку*. М.: Весь мир, 2002. С. 339.
16. Штайнер Ю., *Европейская демократия*. С. 84–85.
17. *Конституция Французской Республики*. С. 42.
18. Там же. С. 46.
19. Elgie R., Op. cit. P. 55.
20. See: Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 217.
21. Elgie R., Op. cit. P. 53–54.
22. Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 218.
23. Crozier M., *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 213–214.
24. Ibid. P. 222.
25. Фукуяма Ф., *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 2004. С. 197–204; 209–211.
26. <http://en.wikipedia.org/wiki/France>.
27. http://en.wikipedia.org/wiki/Politics_of_France.
28. Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 220.
29. Ibid. P. 231.
30. http://en.wikipedia.org/wiki/politics_of_France.
31. Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 235.

32. Подробнее об этом можно прочитать в теме 4 “Политическое рекрутирование”.
33. Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 217; http://en.wikipedia.org/wiki/politics_of_France.
34. http://fr.wikipedia.org/wiki/Nicolas_Sarkozy; “The Gaullist revolutionary” // *The Economist*, 2007, May 10.
35. See Pedder S., “Atypical French: Sarkozy’s Bid to Be a Different Kind of President” // *Foreign Affairs*. 2007, May/June.
36. http://fr.wikipedia.org/wiki/Mouvement_d%C3%A9mocrate_%28France%29.
37. Legislatives: Bayrou regardera au cas par cas avant d’avisager des accords de desistement/04/06/2007, *Associated Press*.
38. See: Hainsworth P., “The Front National: From Ascendancy to Fragmentation on the French Extreme Right” // *The Politics of the Extreme Right* / ed. by P. Heinsworth. L.: Pinter, 2000. P. 18–31.
39. Ehrmann H., Schain M., Op. cit. P. 241.
40. См. более подробно: Бунин И., “Франция: изменения в общественно-политическом сознании и поведении” // *Франция глазами французских социологов*. М.: Наука, 1990. С. 106–133.
41. See: *The Independent*, 2006, December, no 19.
42. http://en.wikipedia.org/wiki/politics_of_France.
43. Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999. P. 251–256.

Литература

- Арон Р., *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст, 1993.
- Бенетон Ф., *Введение в политическую науку*. М.: Весь мир, 2002.
- Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
- Лефор К., *Политические очерки XIX–XX вв.* М.: Росспэн, 2000.
- Конституция Французской Республики*. М.: Прогресс, 1989.
- Франция глазами французских социологов*. М.: Наука, 1990.
- Фукуяма Ф., *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 2004.
- Штайнер Ю., *Европейскія дэмакратыі*. Мн.: Лекцыя, БФС, 1996.
- Элльюль Ж., *Политические иллюзии. Эссе*. М.: Nota Bene, 2003.
- Crozier M., *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Ehrmann H., Schain M., “Politics in France” // *Comparative Politics Today. A World View*. Ed. by G. Almond & B. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Elgie R., “France: Presidential Leadership” // Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan Press, 1995.
- Hainsworth P., “The Front National: From Ascendancy to Fragmentation on the French Extreme Right” // *The Politics of the Extreme Right* / ed. by P. Heinsworth. L.: Pinter, 2000. P. 18–31.

- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.
- Pedder S., "Atypical French: Sarkozy's Bid to Be a Different Kind of President" // *Foreign Affairs*. 2007, May/June.
- Sarkozy N., *Testimony: France in the Twenty-first Century*. NY.: Pantheon, 2006.
- Tocqueville de A., *Dawny ustroj i rewolucja*. Warszawa: Znak, 1988.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Каким образом исторические традиции, демографическая ситуация и экономическое развитие влияют на функционирование политической системы Франции?
2. Какие элементы конституционного устройства Пятой Французской республики содействовали политической стабильности и развитию этого государства?
3. Как работает "двуглавый" исполнительный орган власти во Франции?
4. Какова роль Национального собрания и сената Франции в функционировании политической системы?
5. Что вы можете сказать о влиянии традиций централизации на отношение французов к структурам власти?
6. В какой степени социальный капитал оказывает влияние на французскую политическую культуру?
7. Какая система групп интересов (система представительства интересов) действует во Франции?
8. Как влияет закон о выборах на партийную систему Пятой республики?
9. В чем проявляются идеологические особенности правополитических партий?
10. В чем проявляются идеологические особенности левоцентристских партий?
11. Как влияют традиции французского радикализма на политическое поведение ультраправых и ультралевых партий?

ТЕМА 12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

1. Историческое наследие и социальное окружение политической системы.
2. Роль институциональной структуры в определении политики.
3. Политическая культура и значение ресоциализации.
4. Неокорпоративистская модель представительства интересов.
5. Выборы, партии и партийная система.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- Веймарская республика (*Waimar Republik*);
- Федеративная Республика Германия (*Bundesrepublik Deutschland – BRD*);
- Германская Демократическая Республика (*Deutscher Demokratische Republik – DDR*);
- доктрина Хольштейна (*Hallstein doctrine*);
- восточная политика (*Ostpolitik*);
- иммигранты (*Gastarbeiters*);
- федеральный уровень управления (*Bund*);
- федеральная земля (*Bundeslander*);
- ландтаг (*Landtag*);
- Федеральный конвент (*Bundesversammlung*);
- бундестаг (*Bundestag*);
- бундесрат (*Bundesrat*);
- федеральный канцлер (*Bundeskanzler*);
- федеральное правительство (*Bundesregierung*);
- конструктивный вотум недоверия;
- федеральный президент (*Bundesprasident*);
- федеральный Конституционный суд (*Bundesverfassungsgericht*);
- жители восточных и западных земель ФРГ (*Ossis und Wessis*);
- материалистические и постматериалистические ценности;
- новые политические движения;
- согласованные действия (*Concerted Actions*);
- Федерация немецкой промышленности (*BDI*);
- Конфедерация ассоциаций немецких работодателей (*Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberbande – BDA*);
- Немецкая федерация профсоюзов (*Deutscher Gewerkschafts Bund – DGB*);
- содетерминация;
- взаимонаправленность (*Mitbestimmung*);
- Христианско-демократический союз (*Christlich Demokratische Union – CDU*);

- Христианско-социальный союз (*Christlich-Soziale Union – CSU*);
- социальная рыночная экономика (*Sozialmarktwirtschaft*);
- социал-демократическая партия Германии (*Sozialdemokratische Partei Deutschlands – SPD*);
- Свободная демократическая партия (*Freie Demokratische Partei – FDP*);
- Союз-90/зеленые (*Bundnis 90/Die Grunen*);
- Партия демократического социализма (*Partei des Demokratischen Sozialismus – PDS*);
- левая партия. ПДС (*Die Linkspartei PDS*);
- левые (*Die Linke*).

1. Историческое наследие и социальное окружение политической системы

Объединение Германии в 1990 г. стало одним из важных этапов трансформации политической системы, которыми богата новейшая история этой страны:

- 1871–1918 гг. – авторитарный режим второго рейха (империи);
- 1919–1933 гг. – демократический режим Веймарской республики;
- 1933–1945 гг. – нацистский режим третьего рейха (рейха);
- 1945–1990 гг. – демократический режим в ФРГ и коммунистический в ГДР;
- 1990 – настоящее время – новая демократическая и единая ФРГ.

События 1989–1990 гг. иногда называют “первой демократической революцией, совершенной немцами самостоятельно”, намекая на то, что и в 1919 г., и в 1945 г. демократическая система была навязана Германии победителями в двух мировых войнах. Особенности недавней истории Германии могут частично объяснить те трудности, с которыми в недалеком прошлом сталкивались демократические институты и процедуры на немецкой земле. В этой стране относительно поздно произошла модернизация. Большими проблемами для немцев были политическая раздробленность и строительство национального государства. Долгое время сохранялась напряженность в отношениях между протестантами и католиками – двумя основными конфессиональными группами страны.

Во времена *второго рейха*, созданного прусским канцлером Отто фон Бисмарком после ряда военных побед над соседями, началась быстрая индустриализация и милитаризация страны. При этом немецкая модель модернизации не сопровождалась либерализацией

и демократизацией политической системы. Политическая власть находилась в руках монарха (кайзера). Правительство решительно подавляло католическую и социал-демократическую оппозицию. Экономическое и политическое господство было у аристократии и традиционных элит. Средний класс, связанный с современными социо-экономическими структурами, был развит крайне слабо.

После поражения Германии в Первой мировой войне в 1919 г. избранное народом Конституционное собрание в Веймаре провозгласило создание *демократической республики* на немецких землях, началась эпоха **Веймарской Германии** (*Waimar Republik*). Конституция гарантировала всеобщее избирательное право, соблюдение гражданских прав и свобод, непосредственное избрание гражданами парламента и президента страны, свободу деятельности политических партий.

Однако первый демократический эксперимент проводился в очень сложных условиях. Германия потерпела сокрушительное поражение в войне. Она потеряла все свои колонии, вынуждена была платить колоссальные репарации странам-победителям. В стране были сильны позиции правых и левых экстремистов.

Послевоенная разруха и бремя репараций породили острые экономические проблемы, которые привели к финансовой катастрофе 1923 г. Менее чем за год инфляция выросла на 26 млн процентов! По иронии судьбы, многие граждане обвиняли в своих бедах не войну и старый кайзеровский режим, а новое демократическое устройство – Веймарскую республику. Аналогичные чувства испытывали и граждане постсоветских стран в 90-е гг., когда столкнулись с серьезными экономическими проблемами рыночной трансформации, что объясняет хрупкость демократических институтов в большинстве из них.

Фатальные последствия для Германии имела Великая депрессия 1929–1933 гг. Почти 1/3 рабочих страны потеряли работу. Население было разочаровано явной неспособностью правительства справиться с кризисом. Быстро росла общественная поддержка Адольфу Гитлеру, лидеру крайне правой национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP). Если в 1928 г. за нее проголосовали менее 2% избирателей, то в 1930 г. – уже 18%, а в ноябре 1932 г. – 33%. Демократическая политическая машина работала с перебоями и стала дисфункциональной. Предприняв последнюю попытку восстановить политический порядок в стране, президент Гинденбург назначил в январе 1933 г. Гитлера канцлером республики. Демократические институты вскоре прекратили свое существование.

Провал первого демократического эксперимента в Германии стал результатом взаимодействия сложных факторов. Как отмечает американский политолог Рассел Далтон, важнейшей проблемой был дефицит поддержки республиканским институтам и со стороны элиты, и со стороны граждан. Политическая элита эпохи империи рекрутировалась из военных, юристов и бюрократии. Демократия оказалась, таким образом, в зависимости от управленческого слоя, который хотел возвращения к автократической политической системе. Даже до Великой депрессии многие влиятельные политические фигуры страны

делали все, чтобы свергнуть Веймарскую систему. Таким же критическим было и отношение общественности к республике. Многие немцы испытывали чувство ностальгии по временам рейха. У граждан Германии отсутствовала поддержка принципов демократии, которая могла бы сплотить нацию и направить страну в нужном направлении. К этому добавились серьезные экономические и политические кризисы, которые могли сломить способность любой системы действовать эффективно. Они еще больше ослабили республику и проложили путь к успеху нацистских и авторитарных лозунгов Гитлера. Наконец, политические институты Веймарской республики оказались уязвимыми, поскольку Конституция не содержала четкого разграничения функций парламента и президента и наделяла последнего большими полномочиями в чрезвычайной ситуации, которыми он мог злоупотреблять [1].

Нацистский режим третьего рейха в политическом плане представлял собой тоталитарную персоналистскую диктатуру (фюрерское государство). Все аспекты его политики были направлены на обеспечение ложно понимаемых национальных интересов. Социальные и политические группы, которые могли сопротивляться, безжалостно уничтожались (евреи и оппозиция). Общественные работы обеспечили занятость рабочей силы. Развитие экономики было подчинено милитаристским целям – перевооружению вермахта и подготовке к войне.

Следует сказать, что значительную помощь Германии в решении вышеназванных задач оказал СССР. В соответствии с Версальским мирным договором Германия могла иметь только сотысячную армию, не оснащенную авиацией и танками. Советский Союз помог Веймарской республике нарушить этот договор. В СССР учились немецкие летчики и танкисты. С 1923 г. «Юнкерс» строил самолеты в Филях под Москвой, а Крупп выпускал артиллерийские орудия в Средней Азии. С 1924 г. в Липецке работал тренировочный центр для немецких военных летчиков. Русские и немецкие химики проводили совместные испытания отравляющих веществ [2].

Война, развязанная нацистами, стоила человечеству 60 млн жизней. В 1945 г. поверженная Германия лежала в руинах. Страна оказалась разделенной на зоны оккупации: три на Западе (американскую, британскую и французскую) и одну на Востоке (советскую). Социально-экономические и политические процессы в них были разнонаправленными. На Западе осуществлялась последовательная политика денацификации: из экономической, образовательной, политической сфер изгонялись бывшие члены NSDAP, создавались новые демократические политические партии, возрождались рыночные отношения. На Востоке доминирующее положение получила Социалистическая единая партия Германии (SED), которая ориентировалась на сталинистскую модель социализма, подавлялись гражданские права, сворачивалась свободная рыночная экономика.

Все это привело к расколу страны. В 1948 г. в Бонне стал работать Парламентский совет, который подготовил Основной Закон **Федеративной Республики Германии** (*Bundesrepublik Deutschland – BRD*). Это государство было провозглашено в мае 1949 г. Тем самым часть Германии приступила к реализации второго демократического эксперимента. К концу 1948 г. восточная зона оккупации почти ничем не отличалась от советской системы. В октябре 1949 г. Народный конгресс в Восточном Берлине провозгласил создание **Германской Демократической Республики** (*Deutscher Demokratische Republik – DDR*).

Таким образом, возникли два германских государства, которые избрали диаметрально противоположные пути развития и двигались по ним в течение следующих сорока лет. Перед этими странами, тем не менее, стоял целый ряд общих проблем: экономическая разруха, национальная идентичность, государственный суверенитет. Решали они их по-разному.

ФРГ, благодаря успеху либеральной экономической программы Эрхарда и плану Маршала, удалось совершить “экономическое чудо”. В начале 50-х гг. страна достигла довоенного уровня по доходам на душу населения. В течение следующего двадцатилетия они выросли еще в 3 раза. Средняя зарплата в индустриальном секторе увеличилась в 5 раз. К 70-м гг. Западная Германия стала одной из самых богатых стран мира.

В ГДР была проведена национализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства, был осуществлен переход к централизованному планированию народного хозяйства по советскому образцу. За двадцать лет индустриальный сектор вырос в 5 раз, существенно увеличился и национальный доход, хотя по этим показателям страна отставала от Западной Германии. К 70-м гг. ГДР превратилась в витрину социализма.

Что касается национальной идентичности, то в ФРГ с самого начала исходили из того, что их государство является временным, существующим до объединения Германии. В ГДР акцентировали внимание на собственном суверенитете, хотя у восточных немцев и были планы на объединение в отдаленном будущем.

Первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр считал, что укрепление суверенитета Федеративной Республики возможно только в рамках союза с демократическими странами Запада. Поэтому ФРГ вступила в Европейское сообщество угля и стали в 1951 г., подписала Римский договор и присоединилась к ЕЭС в 1957 г., двумя годами раньше стала членом НАТО. Во времена холодной войны были прекращены всякие отношения с ГДР. Более того, действовала **доктрина Хольштейна** (*Hallstein doctrine*), в соответствии с которой ФРГ разрывала дипломатические отношения с любой страной, которая признавала ГДР.

Германская Демократическая Республика делала все, чтобы обособиться от Запада. В 1952 г. была обустроена граница между немецкими государствами. Восточная Германия стала важной частью советского блока: вступила в СЭВ и Варшавский договор (СССР признал ГДР только в 1954 г.). В 1961 г. была построена знаменитая берлинская стена, чтобы “спасти немцев от ужасов капиталистической эксплуатации”, как утверждалось коммунистической пропагандой.

Ситуация в межгерманских отношениях стала меняться в лучшую сторону после того, как канцлер Вилли Брандт в 1969 г. провозгласил *новую восточную политику* (*Ostpolitik*). ФРГ заключила договоры с СССР и Польшей о признании послевоенных границ и экономическом сотрудничестве. Отношения с ГДР строились на основе новой доктрины идентичности – “одна нация, но два независимых государства”. Она была поддержана новым руководителем СЕПГ (SED) Эрихом Хонеккером, который пришел на смену негибкому коммунистическому ортодоксу Вальтеру Ульбрихту. Вскоре после этого произошло взаимное признание двух германских государств.

Экономическое сотрудничество между ФРГ и ГДР содействовало усилению западного влияния в общественном сознании восточных немцев. ФРГ добилась заметных успехов не только в экономическом развитии, но и в создании так называемого социального государства: равном доступе всех граждан к плодам “экономического чуда”, развитии образования, страховой медицины, социального обслуживания. ГДР столкнулась с экономическим застоем в конце 70-х гг. и снижением жизненного уровня населения. Руководители Восточной Германии пытались совместить несовместимое: расширять выгодные им экономические связи с Западом и одновременно вести борьбу с его идеологическим, политическим и культурным влиянием. Ситуация усугубилась, когда началась политика перестройки в СССР. Руководство СЕПГ (SED) воспринимало политику гласности и демократизации как разрушение устоев социализма.

Демократизация ГДР в 1989–1990 гг. была частью общей трансформации стран Восточной Европы от посттоталитаризма к демократии. Экономическим лидером преобразований была Венгрия, а в политической области задавала тон Польша. Летом 1989 г. там прошли первые полусвободные выборы, которые выиграла *Солидарность*. В Венгрии была узаконена частная собственность, многопартийность и созданы возможности для свободного перемещения людей в страны Запада.

Открытие границы между Венгрией и Австрией повлияло на ситуацию в Восточной Германии. За шесть месяцев около 2% граждан ГДР перебравшись таким способом в Западную Германию. Этот феномен потом будет назван журналистами “немцы голосуют ногами”.

В октябре 1989 г. многотысячные манифестации под демократическими лозунгами прошли в Лейпциге, Дрездене и Берлине. Горбачев предупредил Хонеккера, что СССР не окажет содействия восточногерманским властям в разгоне демонстраций, как это произошло в 1953 г. Без советской помощи коммунистический режим в ГДР не мог справиться с кризисом. Манифестации усиливались, царил экономический хаос, правительство теряло рычаги управления. В начале ноября Политбюро СЕПГ (SED) во главе с Хонеккером ушло в отставку, а 9 ноября была открыта граница с ФРГ и началось стихийное разрушение берлинской стены – символа тоталитаризма.

Новое руководство ГДР во главе с Эгоном Кренцем оказалось неспособным подчинить страну своему контролю. Единственным выходом было объединение с ФРГ. В марте 1990 г. в Восточной Германии прошли первые с 1932 г. свободные выборы, на которых одержал победу *Альянс за Германию*. После этого начался быстрый процесс интеграции: был подписан внутригерманский договор, который ввел в обращение на востоке страны марку ФРГ, а 3 октября 1990 г. Восточная Германия присоединилась к Западной на основе Конституции ФРГ.

Известный немецкий политолог Детлеф Поллак считает, что три фактора сыграли важнейшую роль в судьбе ГДР: “Вмешательство западных средств массовой информации, интеграция в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и возможность поездок на Запад в особых случаях. Они значительно обострили несоответствие между официальной самопрезентацией системы и индивидуальным опытом граждан... Закрытость системы была подвержена опасности не только извне, но и изнутри, так как существовала сфера, которая не была включена в стандартную модель общественного строительства – церковь... Однако решающий толчок для общественных преобразований в ГДР был дан не Западом, не внутренними силами, а Востоком. Перестройка, – первоначально начатая с целью выхода СССР из тяжелого экономического кризиса – оказала сильное влияние на ГДР” [3].

ФРГ получила в наследство тяжелые проблемы. Индустриальное производство в Восточной Германии сократилось на 2/3. Уровень безработицы там после объединения приближался к тому, который существовал в годы Великой депрессии. Во всей стране подскочили цены и выросли налоги. В 1993 г. впервые за долгие годы наблюдалось падение ВВП, набирал обороты правый и левый радикализм. Жители ГДР жили богаче, чем в других социалистических странах, но несопоставимо беднее, чем граждане в развитых государствах Запада. В ФРГ, например, покупательная способность населения в 2 раза превосходила аналогичные показатели ГДР. Продукция боль-

шинства восточногерманских предприятий была неконкурентоспособной. Требовалась серьезная структурная перестройка экономики и огромные капиталовложения.

Тем не менее выборы в бундестаг 1994 г. принесли победу правящей коалиции ХДС-ХСС (CDU/CSU) во главе с Гельмутом Колем. На следующих выборах ее сменила у руля власти СДПГ (SPD). Это означало, что большинство граждан единой Германии доверяет демократии и основным системным партиям и согласно заплатить необходимую цену за объединение. Во второй половине 90-х гг. ситуация в стране стала возвращаться к относительной стабильности.

Социально-экономическая ситуация. В настоящее время в новой Германии проживает 82 млн 314 тыс. чел. (оценочные данные за 2006 г.). После объединения 62 млн проживали на Западе и 16 млн на Востоке. Это крупнейшее по *территории и населению* государство Европейского Союза. ФРГ является также наиболее могущественной страной Европы по своему *экономическому потенциалу*. В середине 90-х гг. в западных землях только 4% населения было занято в аграрном секторе, 40% – в промышленности, 56% – в сфере услуг. В Восточной Германии с сельскохозяйственным производством было связано 11% населения, остальные работали в промышленности и в не очень развитой сфере обслуживания [4]. Германия, таким образом, принадлежит к числу развитых постиндустриальных стран мира.

Германия находится на первом месте в Европе и третьем в мире по уровню экономического развития, уступая только США и Японии. В 2006 г. ее ВВП в номинальном исчислении составлял 2,89 трлн долл., а ВВП на душу населения – 35 тыс. долл. Экономическое благополучие этой страны в значительной мере зависит от внешней торговли, экспорта товаров и высокотехнологичного оборудования в другие страны. В настоящее время ФРГ является крупнейшим мировым экспортером. Эта страна также является пятым в мире импортером энергоресурсов. Правительство Германии стремится к тому, чтобы к 2050 г. повысить до 50% долю удовлетворения собственных энергетических потребностей за счет возобновляемых источников (использования энергии солнца, ветра, воды и др.).

Большой экономической проблемой является безработица. Ее уровень в среднем по стране понизился до 8–9%, однако в землях бывшей ГДР она остается очень высокой, составляя порядка 18%. Жизненный уровень населения на западе и на востоке Германии все еще существенно отличается [5].

Объединение страны актуализировало *конфессиональную проблему*. Католики вновь стали меньшинством, потому что в ГДР преобладали протестанты, а в ФРГ наблюдался паритет между этими конфессиями христианства. В единой Германии протестантов на

5 млн больше, чем католиков. Кроме того, на востоке значительно больше атеистов, чем на западе. К атеистам и неверующим причисляют себя 28% жителей страны. В ФРГ проживает также около 3 млн мусульман. В основном это выходцы из Турции. В Германии проживает также третья по численности в Европе община евреев. Большая их часть переехала на постоянное жительство из стран бывшего СССР. Все это оказывает влияние на политическую ситуацию: поддержку разных политических партий, отношение к проблеме аборт, гендерному равенству и др.

По мнению некоторых немецких политологов, женщины ГДР стали основной социальной группой, пострадавшей от объединения. На западе довольно долго доминировала традиционная политика в отношении женщин, которую Бисмарк в свое время называл “3 К: *Kinder, Kirche, Kuche*”. Социологические исследования показывали, что западные немки пользовались меньшими свободами, чем жительницы других европейских стран. В ГДР, наоборот, преобладала политика **гендерного равенства**. Восточная Германия в два раза превосходила Западную по представительству женщин в парламенте, там были разрешены аборты, в ГДР значительно больше женщин работало, чем в ФРГ. После объединения страны на востоке стало действовать федеральное законодательство об абортах, которое разрешало их только в исключительных случаях.

Несмотря на то, что Германия является самой большой по населению страной ЕС, здесь существуют серьезные **демографические проблемы**. По количеству детей на одну мать (1,39) эта страна занимает одну из самых низких позиций в мире. Идет процесс сокращения численности и старения населения. Немецкие ученые подсчитали, что к 2050 г. в Германии будет проживать от 69 до 74 млн чел. (69, если ежегодно будет приниматься 100 тыс. иммигрантов, и 74, если ежегодно будет приниматься 200 тыс. переселенцев) [6].

Демографические проблемы, а также глобализация экономики способствовали притоку иностранной рабочей силы. В ФРГ рабочих **иммигрантов** называют *Gastarbeiters*. Среди них преобладают турки, курды, сербы, греки, испанцы, итальянцы. В ГДР иностранная рабочая сила состояла в основном из вьетнамцев и ангольцев. В настоящее время *Gastarbeiters* составляют 10% рабочей силы, а иммигранты – 6% населения. Это создает серьезные политические проблемы, особенно на востоке Германии, где высок уровень безработицы. На проблемах иммиграции и демографии спекулируют правые и ультраправые политические силы.

ФРГ является **федерацией**, включающей в свой состав 16 **федеральных земель** (*Bundeslander*). Десять из них находится на западе и шесть на востоке, кроме того, Берлин имеет особый статус сто-

личного города. Существует проблема экономического и социального неравенства регионов. Особенно оно ощущается в отношениях между старыми и новыми землями страны. Поэтому национальным правительством проводится целенаправленная политика выравнивания через дотации и перераспределение федеральных бюджетных средств. Однако основная стена, которая разделяет сегодня немцев, проходит в их сознании.

ВСТАВКА 12.1.

Месть Клемансо?

Местью Клемансо назвал консервативный американский публицист и политик П. Бьюкенен демографическую ситуацию в современной Германии. "Немцев на 20 млн больше, чем нужно, заявил однажды Жорж Клемансо, тигр Франции, государственный деятель, более прочих ответственный за Версальский договор, который лишил Германию всех колоний, десятой части собственной территории и 1/8 населения... Через 50 лет, считая от сегодня, французский тигр сумеет отомстить, поскольку ныне немецкие женщины отказываются рожать детей. На сегодняшний день уровень рождаемости в Германии составляет 1,3, что гораздо ниже необходимых 2,1. Поэтому будущее немецкой нации выглядит весьма печальным. К 2050 г.:

- 23 млн немцев умрут;
- население Германии сократится с 82 до 59 млн;
- количество детей младше 15 лет сократится до 7,3 млн чел.;
- треть населения Германии будут составлять люди старше 60 лет. Соотношение между пожилыми людьми и молодежью в Германии будет превышать 2 к 1 в пользу первых;

• население Германии будет составлять 2/3 процента от мирового населения, и лишь один из каждых 150 человек на Земле будет немцем. Кроме того, немцы окажутся в числе самых старых народов мира...

Баварский консерватор, бывший претендент на пост канцлера Эдмунд Штойбер считает нынешнюю демографическую ситуацию в Германии бомбой замедленного действия. Он настаивает на трехкратном увеличении пособия на воспитание детей в возрасте до трех лет. Сегодня в Германии на ребенка до двух лет выплачивается пособие в размере 140 долларов ежемесячно и чуть больше – в следующий год. Пока предложение Штойбера называют радикальным, экстремистским, но вскоре оно станет сугубой реальностью" [7].

2. Роль институциональной структуры в определении политики

Основной Закон ФРГ был принят в мае 1949 г. В настоящее время он действует во всех землях страны. Другими словами, интегрировав Восточную Германию, Западная Германия распространила на ее территорию свою правовую, политическую и экономическую системы. Создатели **Основного Закона** ставили перед собой две основные цели: (а) учредить стабильную и эффективную демократическую полити-

ческую систему, которая бы совмещала парламентскую республику с федерализмом; (б) извлечь уроки из ошибок прошлого и заложить такие политические механизмы, которые бы не допустили коллапса демократических институтов, произошедшего в 1933 г. В немецкой Конституции содержатся элементы *сдержек и противовесов*, а также предусмотрены эффективные меры, направленные против экстремизма антисистемных политических сил.

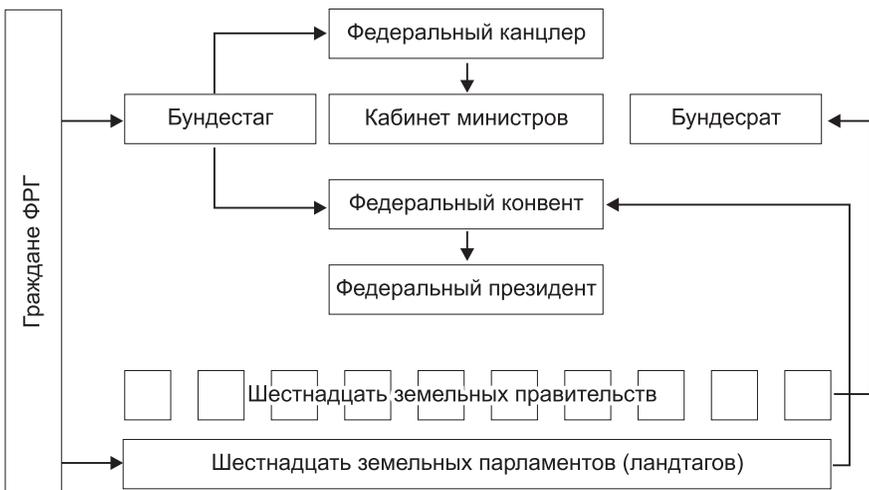

Рис. 12.1. Структура германского федерального правительства [8].

Федерализм. ФРГ является одним из немногих государств Западной Европы с *федеративным устройством*. Основной Закон разделяет власть между федеральным правительством (*Bund*) и правительствами земель (*Land*). Земельные правительства отвечают за развитие образования и культуры, применение законов, региональное планирование и развитие. Те сферы, которые не отнесены к компетенции федерального уровня власти, находятся в компетенции земельных парламентов и правительств. Существуют также области, в которых земли делят свои полномочия с центром, но федеральное законодательство имеет приоритет над земельным [9].

Как видно из рис. 12.1, граждане избирают депутатов шестнадцати *ландтагов* (*Landtag*), в которых *министрами-президентами* (главами правительств) определяются составы *земельных правительств*, ответственных перед депутатами парламентов субъектов федерации. Они не только осуществляют федеральное законодательство в той или иной земле, но также вводят собственные правовые нормы и осуществляют контроль над деятельностью органов местного самоуправления. Одна из палат немецкого парламента – *бундес-*

рам (*Bundesrat*) полностью состоит из назначенцев земельных правительств. Кроме того, они играют важную роль как представители ландтагов в формировании **федерального конвента** (*Bundesversammlung*), который избирает президента ФРГ (см. рис. 12.1). Как отмечает Ю. Штайнер, “федерализм в Германии помог децентрализовать власть. Важные решения принимаются не только на федеральном уровне, но и в столицах земель. Всегда в некоторых землях власть может принадлежать другим политическим партиям, нежели тем, которые правят на федеральном уровне. Отрицательной стороной этой системы является то, что правительственная ответственность временами бывает нечеткой. Несмотря на этот недостаток, федерализм прочно укоренился в немецкой политической культуре” [10].

Федеральный парламент в ФРГ имеет бикамеральную структуру. Нижняя палата – **бундестаг** (*Bundestag*) состоит из 656 депутатов, которые избираются непосредственно населением, сроком на 4 года (если не проводятся досрочные выборы). Бундестаг осуществляет законодательную функцию, которая считается главной в деятельности депутатов. Реально они обладают широкими возможностями для обсуждения и внесения поправок в законопроекты правительства. Немецкий парламент, подобно парламентам других демократических стран, является форумом для политических дебатов, которые обычно инициируются партийными фракциями. С 70-х гг. осуществляются регулярные телевизионные трансляции заседаний. Как и в Великобритании, в ФРГ есть так называемый “час ответов на вопросы”. Любой депутат бундестага может также в письменной форме сделать запрос тому или иному министру кабинета. Депутатские группы обладают правом делать запросы правительству. За сессию министры кабинета отвечают на десятки тысяч вопросов народных избранников и несколько сотен запросов.

Бундесрат (*Bundesrat*) не избирается населением на выборах, а формируется, как было сказано выше, земельными правительствами. В правительстве каждой земли есть специальная должность – депутат бундесрата. Всего в этой палате заседает 69 парламентариев. При этом представительство земель колеблется от 6 до 3 мест, в зависимости от численности населения. Бундесрат зачастую именуют в Германии “конференцией министров земель”.

Бундесрат обладает большими полномочиями. Федеральное правительство обязано сначала все проекты законов адресовать в бундесрат, который после рассмотрения передает их бундестагу. Бундесрат должен обязательно одобрить те законопроекты, которые касаются земель или относятся к смешанной компетенции. В настоящее время порядка 2/3 всех законопроектов требуют такого одобрения.

Таким образом, парламент Германии, скорее, реагирует на инициативы правительства, чем сам выдвигает их. Однако он, несомненно, является более влиятельным, чем парламенты Франции и Британии.

Федеральный канцлер и кабинет министров. Одной из причин слабости Веймарской республики было неясное распределение полномочий между президентом и канцлером. Поэтому Основной Закон ФРГ усилил роль главы правительства. **Федеральный канцлер** (*Bundeskanzler*) концентрирует в своих руках значительные властные полномочия (Германию иногда называют “канцлерской демократией”).

Глава правительства избирается бундестагом и несет ответственность перед ним за политику кабинета министров. Канцлер представляет парламентское большинство и полагается на его поддержку при рассмотрении предложений правительства по политическому курсу. Обычно канцлер – это также и лидер правящей партии. Другой источник его власти – это контроль над **кабинетом министров** (*Bundesregierung*). Формально министров назначает федеральный президент, но строго в соответствии с рекомендациями канцлера. Одобрение бундестага в этом случае не обязательно. Канцлер определяет количественный состав министров и их обязанности.

Основы политического курса разрабатываются канцлером; его предложения являются законом для остальных министров. Это противоречит обычной британской практике разделения ответственности между премьером и членами кабинета. В рамках предлагаемых канцлером основных направлений политического курса каждое министерство обладает значительной автономией внутри сферы своих полномочий. Оно может самостоятельно планировать свою работу, осуществлять надзор над чиновниками, творчески претворять в жизнь принятые решения. Все внутренние конфликты между министерствами должны разрешаться в рамках кабинета. На практике противоречия и трения между ведомствами сглаживаются посредничеством канцлера.

Уникальность политической системы ФРГ заключается в том, что здесь присутствует **система разделения властей, вмонтированная в парламентскую демократию**. У канцлера нет произвольного права роспуска парламента и назначения досрочных выборов, которое обычно присутствует у главы правительства в других парламентских системах. В соответствии со статьей 68 Основного Закона, “если ходатайство федерального канцлера о выражении ему доверия не встретит одобрения большинства членов бундестага, федеральный президент может по предложению федерального канцлера в течение двадцати одного дня распустить бундестаг. Право на роспуск утрачивается, как только бундестаг изберет большинством голосов

другого федерального канцлера” [11]. Бундестаг и бундесрат имеют уникальную возможность не только критиковать действия правительства, но и подвергать ревизии его законодательные предложения. В ФРГ действует так называемый **конструктивный вотум недоверия**. Чтобы устранить канцлера, депутаты бундестага одновременно должны договориться о кандидатуре его преемника [12]. Другими словами, оппонентам правительства не только нужно быть согласными между собой относительно критики политического курса, но и относительно альтернативы ему. Конструктивный вотум недоверия применялся дважды, но этой процедуре сопутствовал успех лишь один раз в 1982 г.

ВСТАВКА 12.2.

Применение конструктивного вотума недоверия против правительства Шмидта в 1982 г.

“...Выборы 1980 г. стали продолжением одиннадцатилетней коалиции между социал-демократами и свободными демократами, однако между партнерами по коалиции, а также внутри социал-демократов начинала все более проявляться напряженность, в частности, в отношении экономических вопросов. Под сильным влиянием своего министра хозяйства свободные демократы выступали за более открытый и свободный рынок, а осенью 1982 г. эта партия разорвала коалицию с социал-демократами и вошла в коалицию с CDU/CSU. Таким образом, социал-демократ Гельмут Шмидт уступил свое место канцлера христианскому демократу Гельмуту Колю, что стало результатом голосования конструктивного вотума недоверия в парламенте. Причина, по которой Шмидт вынужден был уступить, заключалась не в отсутствии популярности. Наоборот, опросы общественного мнения свидетельствовали, что Шмидт в то время был более популярным политиком, чем Коль. Причина в том, что Свободные демократы захотели сменить партнера по коалиции. В обществе начались споры о том, должна ли маленькая партия обладать такой властью, которая дает ей возможность сменить канцлера... Прозвучало требование, чтобы в таких ситуациях вопрос могли решать избиратели, необходимо проводить досрочные выборы. Коль воспринял это требование всерьез, и весной 1983 г. состоялись досрочные выборы. Коалиция CDU/CSU/FDP на них победила и получила прямой мандат от избирателей. Скорее всего, в будущем смены в коалициях будут происходить только после соответствующих выборов. Это неформальное правило, которое постепенно вытесняет формальное правило конструктивного вотума недоверия” [13].

Конструктивный вотум недоверия наряду с ограничениями права канцлера на роспуск бундестага способствует стабильности правительства. Это, в частности, объясняет удивительную прочность немецких послевоенных правительств, несмотря на их коалиционный характер (табл. 12.1).

Таблица 12.1. Причины, по которым канцлеры ФРГ теряли свой пост [14].

Канцлер	Год	Причина ухода с поста
Аденауэр	1963	Уход на пенсию в 85 лет
Эрхард	1966	Отставка под давлением партии
Кизингер	1969	Распад коалиции после выборов
Брандт	1974	Отставка после шпионского скандала
Шмидт	1982	Голосование конструктивного вотума недоверия в бундестаге
Коль	1998	Проигрыш на парламентских выборах и финансовый скандал
Шредер	2005	Проигрыш на парламентских выборах

В систему разделения властей входит и **федеральный президент** (*Bundespräsident*). Это институт *церемониального главы государства*. Он возвышается над партиями и политической системой. По немецким законам, президент должен приостанавливать свое членство в партии после избрания на должность. Глава государства в ФРГ избирается не гражданами, а федеральным избирательным конвентом, состоящим из всех депутатов бундестага и такого же количества депутатов ландтагов.

Формально президент назначает членов правительства и высших офицеров, подписывает договоры и законы, осуществляет право помилования. Но реально он лишь выражает волю правительства и все акты, исходящие от него, должны визироваться канцлером. У президента ФРГ есть также право роспуска парламента в случае голосования вотума недоверия и внесения в бундестаг предложений по фигуре нового канцлера.

Федеральный президент обладает правом вето на законы парламента, а также правом несогласия с предложениями канцлера по кандидатурам министров. Он может также отказаться распустить бундестаг и назначить досрочные выборы. Однако новейшая история Германии не знает подобных прецедентов. Это тоже определенный элемент *сдержек и противовесов*, который может быть задействован в кризисной ситуации, угрожающей демократии [15]. Кроме того, активный президент создает определенный политический климат в стране. Он выступает от имени нации, представляет Германию на международном уровне.

Судебная система ФРГ включает обычные суды, которые рассматривают гражданские и уголовные дела, административные суды для специализированных областей жизни, а также суды в сфере трудовых отношений. Во главе этой системы находится **Федеральный конституционный суд** (*Bundesverfassungsgericht*), который обладает

правом пересмотра законодательства на предмет его соответствия Основному Закону. Он также решает споры органов правительства разного уровня, стоит на страже конституционного и демократического порядка. Членов конституционного суда назначает бундестаг и бундесрат. Они могут быть смещены только в случае серьезных нарушений, допущенных при исполнении служебных обязанностей.

3. Политическая культура и значение ресоциализации

История развития политической системы Германии свидетельствует о существовании серьезных проблем с формированием демократической гражданской политической культуры. Во времена монархии жителям Германии приходилось выполнять роли подданных, а не граждан. Политический цинизм и отсутствие толерантности, стремление к неучастию в политической жизни большинства немцев погубили Веймарскую республику и проложили путь к власти Гитлеру. В годы третьего рейха сформировалось новое поколение людей, воспитанных в духе авторитарных ценностей.

Поэтому важнейшим вопросом, вставшим перед ФРГ в первые годы ее существования, был: *насколько политическая культура населения совместима с демократическими институтами политической системы?* Опросы общественного мнения не внушали большого оптимизма на этот счет. Большинство немцев проявляли нетолерантность, авторитарность мышления. Многим был свойственен антисемитизм и поддержка нацистской идеологии. В начале 50-х гг. большинство немцев считало, что Германская империя, или довоенный рейх – это лучшее время в их жизни. Многие выступали за реставрацию монархии или однопартийного государства. Более 50% верили в то, что если бы Гитлер не развязал войну, то он был бы величайшим политическим деятелем в немецкой истории [16].

Ресоциализация. В силу этого значительно большее удивление, чем экономическое чудо, должны вызывать успехи немцев в формировании новой политической культуры. Для совершения этой действительно *культурной революции* потребовалась смена всего лишь одного поколения. Через двадцать лет после создания ФРГ ассоциации с добрыми старыми временами и политиками ушли в прошлое. К 1970 г. подавляющее большинство западных немцев считало, что современная эпоха – это лучший период в истории Германии; им стала свойственна толерантность; к 1978 г. 1/3 граждан ФРГ заявляли, что гордятся политическим устройством своей страны [17].

Однако по последнему показателю Федеративная Республика существенно отстает от других развитых демократических государств из-за *психологической травмы*, полученной в годы правления нацистов. Об этом свидетельствует, например, острая полемика в высших эшелонах власти, которая разгорелась в 2001 г. Она была спровоцирована высказыванием генерального секретаря

Христианско-демократического союза (CDU) о том, что “он гордится тем, что является немцем”. Член правительственной коалиции от партии зеленых заявил, что данное высказывание отражает менталитет ультраправых скинхедов. Президент Йохан Рау попытался снизить напряженность, заявив, что любой человек может быть “довольным” и “благодарным” за то, что он является немцем, но нельзя “гордиться” этим обстоятельством. Затем к дискуссии присоединился канцлер Шредер, заявивший, что “он горд достижениями немецкого народа и нашей демократической культурой... В этом смысле я являюсь немецким патриотом, который гордится своей страной”. “Очень трудно себе представить, чтобы что-то подобное могло происходить в Лондоне, Вашингтоне или Париже”, – резюмирует журналист еженедельника *Экономист* [18].

Важную роль в достижении подобного успеха сыграла **политика ресоциализации** – целенаправленного формирования государством и иными институтами политической системы новых ценностей, норм и моделей поведения у граждан. Основными агентами данного процесса выступают система государственного образования и неформального образования взрослых, средства массовой информации, политические партии и неправительственные организации, процесс политического участия.

Как подчеркивает Р. Далтон в своем новом исследовании, посвященном анализу политических институтов и процессов в Германии, ключевыми факторами культурной революции в послевоенной ФРГ выступили следующие.

Во-первых, социальные группы, которые могли поддержать антидемократическую политическую альтернативу (аристократия и крупные экономические династии), были полностью уничтожены нацистскими чистками, а также полностью дискредитированы сотрудничеством с режимом третьего рейха. В отличие от Веймарской Германии демократический эксперимент в ФРГ не встретил значительного сопротивления в обществе.

Во-вторых, с самого начала новая политическая система страны встретила поддержку со стороны всех влиятельных политических партий и других представителей организованных элит. Политический экстремизм правых был дискредитирован нацистским режимом, а деятельность крайне левых сил в Федеративной Республике не встретила массовой поддержки из-за непопулярности методов коммунистического правления в ГДР и СССР. Таким образом, демократия стала единственным реальным выбором страны.

В-третьих, консенсус элит относительно поддержки демократических идеалов привел их к разработке и осуществлению осознанной политики, направленной на перевоспитание немцев и их адаптацию к ценностям демократической политической культуры. Однако более важными были не сами образовательные программы по ресоциализации, а позитивный опыт граждан, связанный с их включенностью

в деятельность новых политических институтов и процедур. По большому счету, демократии можно научиться только практическим путем, а не через посещение занятий многочисленных школ политического образования. В свою очередь, позитивный опыт политического участия граждан ФРГ оказал положительное влияние на их восприятие демократической системы.

В-четвертых, успешность усилий элит по преобразованию политической культуры послевоенного поколения западных немцев в немалой степени был связан с благоприятным экономическим и социальным фоном. Достижения экономического чуда выгодно контрастировали с глубоким экономическим кризисом, подорвавшим жизнеспособность Веймарской Германии. Вместо высокой инфляции и экономического коллапса демократия в сознании граждан Федеративной Республики стала ассоциироваться с процветанием и почти полной занятостью [19].

ВСТАВКА 12.3.

Стереотипы восприятия восточных немцев на западе Германии

“Многие западные немцы сообщают, “исходя из опыта”, что образы мыслей, жизни и действий в Восточной Германии являются просто-напросто “отсталыми”. Они приравнивают их (например, семейственность, уход в частную жизнь, формализм, материализм, конформизм, преклонение перед государством) к тем, которые в Западной Германии и в других индустриально развитых обществах были распространены более двадцати лет тому назад, но которые сегодня кажутся там совершенно неуместными. Эти западногерманские “практики” в большинстве случаев имеют в своем арсенале еще и обоснования для подобных оценок “отставания”. Чаще всего следуют отсылки к данным о развитии Германской Демократической Республики. В ГДР до последнего времени доминировало механизированное массовое производство товаров. Люди работали на стандартизированных рабочих местах, их труд зависел от машин. На Западе в этот период работающие уже намного чаще производили дифференцированные услуги. Материальные условия жизни и потребительские возможности в ГДР характеризовались скудостью и однообразием, причем в большей степени, чем в Западной Германии непосредственно после Второй мировой войны. Кроме того, социализм сохранил “специфическую немецкую культурную традицию” протестантизма, ориентированную на обязательность, прусский дух и верноподданность государству” [20].

Вторым культурным вызовом, с которым столкнулись немцы в начале 90-х гг., стало объединение страны. *Политика индоктринации*, которую проводили коммунистические власти Восточной Германии, ставила своей целью формирование социалистической личности, коллективизма, социалистического патриотизма, убежденности в

верности марксистско-ленинской идеологии. Конечно, как указывалось выше, данный процесс происходил не в полностью изолированной системе (2/3 граждан ГДР имели возможность смотреть западногерманское телевидение, некоторые – совершать поездки к родственникам). Безусловно, огромное влияние на политическую культуру оказала сама демократическая революция 1989–1990 гг., которая разрушила многие доминировавшие в сознании восточных немцев стереотипы относительно капиталистической системы. Однако проблема культурной ассимиляции 16 млн восточных немцев до сих пор остается актуальной. Один из лидеров демократического движения на востоке страны в 1990 г. предупреждал западногерманское правительство: “Присоединив ГДР, вы открыли двери для 16 млн сумасшедших”. Это означает, что формирование демократической культуры у новых граждан связано в том числе и с преодолением стереотипов о восточных немцах в сознании их западных соотечественников.

Как подчеркивает Р. Далтон, социологические исследования, которые проводились в 1990 г. на западе и на востоке ФРГ и которые регулярно повторяются с тех пор, не свидетельствовали о каких-либо существенных различиях в понимании и принятии принципов демократии всеми гражданами страны. Более того, жители бывшей ГДР вначале демонстрировали более высокий уровень *политической эффективности*: больший интерес к политическим событиям, поддержку многопартийности, терпимость к меньшинствам и одинаковое с западными немцами неприятие режима третьего рейха. Серьезной проблемой стало быстрое разочарование многих граждан бывшей ГДР в том, как демократические идеалы реализуются на практике в деятельности политических институтов ФРГ. К этому следует добавить и относительно неблагоприятный экономический и социальный фон: существенный разрыв в степени экономического развития и уровне жизни населения на западе и востоке, обострение многих социальных проблем в бывшей ГДР в связи с рыночной модернизацией экономики. Последнее обстоятельство позволяет ответить на вопрос, почему до сих пор 3/4 жителей Восточной Германии испытывают ностальгию по старому экономическому порядку, соглашаясь с утверждением социологов, что “социализм был хорошей системой, но плохо претворенной в жизнь” [21].

Национальная идентичность. Проблема национальной идентичности всегда была актуальной для Германии. Общность истории, культуры, территории, языка здесь сложилась до возникновения национального государства. Идея единого народа *Volk* была притягательной для немцев вне зависимости от их социального происхождения и политических симпатий.

Немецкая модель формирования нации и национализма, как указывает швейцарский исследователь *Урс Альтерматт*, существенным образом отличалась от *французской*. Вначале здесь возникла стандартизированная культура, лишенная единого государства. Национальное движение в силу этих причин сделало акцент на особенностях и преимуществах своей культуры, а в политическом плане стало не столько освободительным, сколько этатистским (государственническим), направленным на объединение всех представителей определенного этноса под крышей сильного и не обязательно демократического государства.

Такая ситуация с формированием нации может приводить при определенных обстоятельствах к формированию *этнокультурного национализма*, который подчеркивает *объективность существования нации* как естественноисторического явления. Делается акцент на ее культурные и этнические характеристики. Различия между этнической группой или народом и нацией носят только количественный характер, по мнению представителей этого течения. Нация как бы возвращается к своей этимологической ассоциации с природой и местом рождения, определению корней во времени и ограничению сообщества в пространстве. В классическом прошлом понятие *natio* могло относиться и к клану, и к группе людей, имевшей общее происхождение. Теперь этим понятием обозначаются только наиболее важные и крупные виды культурных ассоциаций [22].

Неустойчивые политические системы прошлого не смогли удовлетворительно решить проблему формирования стабильного национального государства, и в конце 40-х гг. ФРГ столкнулась с ситуацией, которая существовала прежде: строительством политического сообщества в разделенной нации. Несмотря на успехи, достигнутые на этом пути (экономический прогресс, развитая демократия, становление гражданской политической культуры), травма третьего рейха и сорокалетнего периода сосуществования двух Германий до сих пор оказывает влияние на политическую культуру ФРГ. Как отмечалось выше, здесь значительно меньше людей, чем в других развитых демократиях, которые гордятся своей страной, ее национальными символами, отмечают национальные праздники.

Проблема национальной идентичности еще острее стояла в Восточной Германии. Там коммунистические власти внушали населению, что только ГДР – это подлинное немецкое государство, ФРГ является наследницей третьего рейха. Социализация была насквозь пропитана марксистско-ленинской идеологией. Социологические опросы молодежи уже в 1990 г. свидетельствовали, что для большинства молодых людей величайшим немецким политическим деятелем всех времен и народов все еще оставался Карл Маркс. Правда, молодежь ГДР была той социальной группой, которая сильнее других ощущала разницу между красивыми картинками официальной пропаганды и невзрачной действительностью. Массированная пропаганда дополнялась внушением страха. ГДР была подлинно полицейским государством.

В архивах всемогущего ведомства государственной безопасности *штази* хранились досье на более чем 6 млн чел.

Объединение государства, которое произошло 3 октября 1990 г., только открыло путь к подлинной национальной интеграции Германии. Переход к консолидированной демократии, который продолжается в восточных землях ФРГ, осуществляется в условиях, когда большинство граждан страны разделяет общую симпатию к демократии, социальной рыночной экономике, правам человека. В целом он проходит в более благоприятных условиях, чем те, которые существовали после Второй мировой войны. Но часто западные немцы и их восточные соседи вкладывают разный смысл в одни и те же понятия. Например, жители бывшей ГДР подчеркивают, прежде всего, роль экономического фактора, когда позитивно оценивают демократическую систему. Гражданам Германии с востока и запада свойственен разный стиль и образ жизни. В ФРГ даже появились особые термины для обозначения таких различий: *ossis* и *wessis*. Жители восточных земель опасаются, что им уготована участь людей второго сорта в их собственной стране. Восточные немцы больше, чем западные, высказываются за большее государственное вмешательство в экономику и социальные отношения. Как оказалось, гораздо более важную роль играет не разрушение физической берлинской стены, а той ментальной стены, которая все еще проходит через сознание немцев [23]. Решение последней задачи может потребовать гораздо более длительного времени, чем потребовалось для формирования демократической политической культуры в послевоенной ФРГ.

Субкультурные различия в Германии также связаны с устойчивыми региональными идентификациями и оказывают существенное влияние на политическое поведение. В бывшей ГДР симпатиями электората пользуются более радикальные политики и партии левого и правого толка, нежели в старых землях ФРГ. Многие исследователи считают, что значительная часть этих политико-культурных различий сохранится даже после выравнивания экономического уровня развития регионов. В пользу такого утверждения свидетельствует то, что в бывшей ГДР жители все еще называют себя *восточными немцами*, в то время как в остальной стране – *немцами*.

Доверие. Важным индикатором политической культуры является ***отношение граждан к системе правления***. На протяжении истории в сознании немцев сформировалось отношение к государству как к святыне. Считалось, что прогресс, стабильность, порядок, благосостояние возможны только в случае подчинения индивидуальных интересов общим, воплощением которых выступает государство. Политическая власть абсолютна, она проистекает из государства, а не от граждан. Идеи правления большинства при уважении прав мень-

шинства, гражданских прав и свобод, плюрализма – это новация в политической культуре Германии.

Чтобы сломать авторитарные убеждения и модели поведения, в ФРГ было многое сделано для стимулирования политического участия граждан, в том числе и на локальном уровне системы. Демократические институты продемонстрировали не только свою стабильность, но и способность обеспечивать существенный экономический рост и улучшение благосостояния широких слоев населения. Большую роль, безусловно, сыграла и очень развитая система гражданского образования взрослых, работа фондов основных политических партий по передаче простым людям знаний о демократии. В послевоенной Германии политические кризисы разрешались без применения недемократических методов и навязывания воли победителей побежденным.

К середине 60-х гг. в ФРГ в основном завершился процесс формирования ценностного консенсуса граждан относительно демократической политической системы. В 70-е гг. немецкая демократия выдержала испытание на прочность в связи с эскалацией деятельности ультралевых террористических группировок из *Фракции красной армии* (RAF), а в 80-е гг. – во время усиления акций протеста анархистов и радикальных экологических организаций. Эти проблемы были решены без применения чрезвычайных мер и массовых нарушений прав и свобод граждан.

В 90-е гг. в ФРГ, как и в ряде других развитых стран мира, наблюдалось **снижение доверия к политическим институтам** в связи с формированием новых ценностей постиндустриального общества и постепенного становления нового ценностного консенсуса. По мнению Ф. Фукуямы, в сложившейся ситуации у Германии есть важные преимущества по сравнению со многими другими развитыми демократическими странами. Это связано с **высоким уровнем межличностного доверия**, традиционно свойственного немецкой культуре. В отличие от Р. Далтона, он акцентирует внимание не на изменчивости, а на элементах преемственности в политической культуре этой страны, которые сохранились и выжили в весьма непростых политических условиях. Высокое доверие друг другу в конечном итоге лежит в основе успехов Германии в экономическом развитии; эта черта роднит немецкую культуру прежде всего с японской, считает философ.

“Аналогии между этими культурами, многие из которых напрямую связаны с развитым в них обеих *чувством сплоченности*, представляют значительный интерес и отмечались многими исследователями. Обе нации известны своей *приверженностью порядку и дисциплине*, что отражается, скажем, в ухоженности общественных территорий и частных домов. И там и там *люди любят “играть по правилам”*, что усиливает их чувство принадлежности к определенной культурной группе. Оба народа крайне *серьезно относятся к своей*

работе и славятся отсутствием легкости в общении и недостатком чувства юмора. Страсть к порядку часто превращается в фанатизм как положительного, так и отрицательного свойства... Подобная *национальная сплоченность* выливается в *неуважение к чужакам*; и японцы и немцы никогда не относились дружелюбно к иностранцам, также они известны невероятной жестокостью по отношению к завоеванным народам. В прошлом именно из-за страсти к порядку обе страны пришли к диктатуре и *слепому подчинению власти*.

В то же время не следует преувеличивать сходство между Японией и Германией, особенно после Второй мировой войны. С тех пор Германия претерпела серьезные культурные изменения, в результате чего стала более открытым и индивидуалистичным обществом, чем Япония. Тем не менее культурные традиции обеих стран легли в основу схожих экономических систем.

Необходимо отметить, что в Восточной Германии культурная преемственность серьезно пострадала за время коммунистического правления. Многие немцы, и западные и восточные, после объединения Германии были сильно удивлены множеством разделяющих их культурных отличий. Управляющие на западе говорили, что их турецким рабочим в большей мере свойственны классические немецкие добродетели (например, трудовая этика и самодисциплина), чем немцам, выросшим при коммунизме. Со своей стороны, в условиях посткоммунистического мира в своих устремлениях, тревогах и реакциях восточные немцы чувствовали себя в большем родстве с поляками, русскими и болгарами. Это лишний раз говорит о том, что культура не есть что-то неизбежное и первобытное – под влиянием постоянно меняющихся политических и прочих обстоятельств меняется и она сама... Задолго до послевоенных демократических реформ немецкие унтер-офицеры были облечены гораздо большим доверием, чем их коллеги во Франции, Великобритании или Соединенных Штатах, и они выполняли многие функции, которые в других странах были закреплены за старшим командным составом. В армии любой страны унтер-офицеры обычно являются выходцами из малообразованных рабочих слоев – среды “синих воротничков”. Соответственно, в результате того, что во главе боевого отряда или роты становился именно такой человек, а не лейтенант – “белый воротничок”, разница в социальном положении между командиром и солдатами значительно сглаживалась... Отношения между немецким унтер-офицером и солдатами имеют свою параллель и в мирной жизни – в тесных и равноправных отношениях между цеховым мастером на немецком заводе (*Meister*) и рабочим коллективом в его подчинении.

Может удивить, что подобные отношения внутри малых групп (в армии или на заводе) существуют именно в Германии – в обществе, прославившемся своим почитанием власти и иерархии. Однако высокий уровень обезличенного доверия, который характерен для этой страны, позволяет ее гражданам сравнительно легко вступать друг с другом в контакт, не опосредованный внешними правилами и формальными процедурами. Чтобы понять, какую роль играет доверие в отношениях (на уровне малой группы), нам на более общем уровне необходимо понять сложную природу взаимосвязи между доверием и формальными правилами.

Согласно Максиму Веберу и основанной им социологической традиции, “сущность современной экономической жизни состоит в возвышении и распространении правил и законов”... Это связано с процессами рационализации и бюрократизации западной цивилизации... “Кроме прочего, современная экономическая жизнь, согласно учению Вебера, связана с возникновением

института *целенаправленного контракта*. В отличие от статусных контрактов, касающихся брака и наследства и существовавших в течение тысячелетий, целенаправленные контракты не опирались на систему общественных отношений в целом, а ограничивались конкретным действием... Возникновение таких институтов, как частная собственность, контракт и стабильная система коммерческого права, были решающим моментом в зарождении современного западного мира. Эти юридические институты пришли на смену доверию, естественным образом существовавшему между членами семьи или рода, и определили условия, в которых посторонние люди могли взаимодействовать между собой в совместных предприятиях или на рынке" [24].

Правила и контрактная система действительно важны для современного бизнеса. Но столь же очевидно, что они вовсе не отменили необходимость взаимного доверия между теми, кто принимает в нем участие... Специалистам обычно доверяют в большей степени, чем неспециалистам, и поэтому они оперируют в менее регламентированной среде... С экономической точки зрения существуют совершенно очевидные преимущества работы в нерегламентированной среде. Это явствует хотя бы из негативных коннотаций слова *бюрократизация*. Труд будет более эффективен, если все (а не только квалифицированные) работники будут действовать – и восприниматься – как специалисты, отвечающие определенным стандартам поведения и подготовки. В любом случае избыточное умножение правил, регулирующих все большее и большее число общественных отношений, свидетельствует не о рациональном и эффективном подходе, а о социальной дисфункции. *Между правилами и доверием существует обычно обратная зависимость*: чем больше людям нужны правила, которые регулируют их действия, тем меньше они доверяют друг другу, и наоборот...

Экономическим выражением принципов тотального недоверия стала *система Тейлора*, с ее массовым конвейерным производством, широким использованием неквалифицированного труда и огромным количеством регламентирующих деятельность рабочих и управленческого персонала правил и инструкций. Все действия рабочего, включая движение его рук и ног на конвейере, диктовались подробными правилами, созданными инженерами. Все остальные человеческие качества – способность к творчеству, инициатива, изобретательность и тому подобное – требовались лишь специалистам, трудящимся в других отделах. Тейлоризм, как стало называться "научное управление", стал примером предельного выражения организации труда, основанного на недоверии и зарегламентированности. Последствия тейлоризма для трудовых отношений в тех областях промышленности, где он был применен, был предсказуемым и в долгосрочной перспективе, довольно пагубным... Несмотря на внедрение технологий серийного производства, сам тейлоризм не очень охотно принимался немецкими управленцами и промышленными инженерами, а еще в меньшей степени усваивался рабочими. Деквалификацию труда, избыточную его фрагментацию и безрадостную участь "синего воротничка" в модели Тейлора немцы воспринимали как угрозу понятию *Arbeitsfreude* (радость от работы), которое было глубоко укоренено в немецкой ремесленной традиции... Одной из важнейших отличительных черт современной Германии является сосуществование двух совершенно разных образов немецкого общества. С одной стороны, Германия (как любое европейское общество) полно классовыми антагонизмами и препятствиями для социальной мобильности. В Германии развилось сильное и влиятельное рабочее движение,

которое долгие годы соглашалось с марксистским тезисом о необходимости классовой борьбы и пыталось добиться справедливой оценки труда от управленцев и собственников... В то же самое время значительная часть рабочего класса в Германии гордится своим трудом и профессией, что позволило немецким рабочим отождествлять себя не просто со своим социальным классом, а со своей отраслью промышленности и управляющим аппаратом. Это чувство профессионализма и признания сглаживалось стремлением к благосостоянию и привело к разнообразию отношений на рабочем месте... Если в самой абстрактной форме представить, как бы выглядело более *коллективистски ориентированное предприятие*... которое большинством правил не соответствовало бы системе Тейлора, у нас возникла бы следующая картина. Вместо углубления разделения труда на простейшие работы, постоянно выполняемые специальными сотрудниками, коллективистское производство сохраняло бы значительную степень *гибкости в использовании персонала*. Каждый человек мог бы выполнять разные виды работ и мог бы занимать разные должности в зависимости от конкретной потребности предприятия. Ответственность была бы распределена по всем уровням иерархии. На коллективистском производстве не сохранялась бы жесткая классификация заданий, которые возводят неодолимую преграду *между управляющим аппаратом и рабочими*, наоборот, *“статусные” различия между ними размывались бы* и путь продвижения по карьерной лестнице был бы открыт для всего персонала – и для *синих* и для *белых воротничков*. *Работу выполняли бы команды, члены которых* (в результате многоплановой подготовки) *могли бы заменять друг друга*, если возникает такая потребность. В отличие от тейлористской организации, предполагающей четкую систему поощрений и премий за индивидуальные усилия и большой разрыв между заработной платой управляющего аппарата и подчиненных, на коллективистском производстве была бы *относительно равная шкала оклада, а премии выплачивались бы за коллективные усилия*. Если тейлористская система тяготеет к заформализованности из-за своего принципа узкой специализации, то коллективистское производство поощряло бы *личные контакты и неформальные способы решения проблем*. Наконец, если на предприятии, организованном в соответствии с принципами Тейлора, чернорабочие не имеют никакой квалификации и нет необходимости доверять им, коллективистская система организации поддерживала бы *повышение профессионализма рабочих*, поскольку им доверяли бы значительную ответственность как в разработке, так и в применении деталей производственного процесса.

Множество скрупулезных исследований, сравнивающих промышленную организацию Германии и других индустриальных стран, показывает, что у немецких трудовых отношений действительно есть все эти черты, причем они развиты в большей мере, чем в других европейских странах... Готовность немецких управляющих доверять подчиненным, передавая им ответственность, напрямую увязана с высоким уровнем квалификации последних – результатом работы ***немецкой системы профессионального обучения*** (важной формы социализации, в том числе и политической – *замечание автора*). Эта система подготовки кадров для промышленности всегда вызывала восхищение, в частности, у команды Билла Клинтона, которая сделала учреждение в стране системы профессиональной подготовки одним из лозунгов президентской кампании в 1992 г. Однако в Германии система производственного обучения и стажировки является элементом общей образовательной системы, которую

нелегко экспортировать по частям: в конечном счете эта система покоится на определенных социальных и культурных традициях, характерных для Центральной Европы.

Система стажировки существует практически во всех отраслях экономики – причем и для *синих* и для *белых* специальностей, в которые входит розничная торговля, банковское дело и церковная деятельность... Отчасти целью подобного обучения является профессиональная социализация молодого человека, однако он также получает и специальное образование, в конце программы, после сдачи серьезного экзамена, получает аттестат. Этот документ свидетельствует об определенном уровне квалификации в какой-либо области и поэтому принимается работодателями за пределами Германии... Эти аттестаты служат предметом гордости их обладателей... Система существует отчасти за счет частных компаний всех размеров, отчасти за счет правительственных школ, которые предоставляют общую профессиональную подготовку... Один из парадоксов немецкой системы подготовки производственных кадров заключается в том, что сама она *воспроизводит сильное чувство сплоченности*, являясь частью системы общего образования, которая на первый взгляд кажется не такой равноправной как французская, американская или японская. Одна из существенных особенностей немецкого общего образования связана с ранним разделением на уровни. После четырех лет начальной школы ученик должен выбрать один из трех путей – *Hauptschule* (обычная школа), *Realschule* (реальное училище) или *Gymnasium* (гимназия). Первые два пути дают возможность после окончания продолжать обучение только в системе производственного обучения, и только те, кто закончил гимназию, могут рассчитывать на высшее образование. Вдобавок ученик, сдавший *Abitur* (итоговый экзамен среднего уровня образования), может поступать в любой немецкий университет... Помимо базовой программы существует также система промежуточной аттестации, которая позволяет уже опытным работникам повысить свою квалификацию. Подобный институт создает абсолютно уникальный путь для повышения социального статуса, ничего подобного в других странах нет. К примеру, во Франции и в Соединенных Штатах для того, чтобы стать инженером, надо обязательно закончить колледж и получить диплом, потратив несколько лет на учебу. В Германии есть два пути: окончить университет и получить диплом, как и в других странах, или постепенно продвигаться по служебной лестнице, оканчивая курсы повышения квалификации... Иными словами, решение десятилетнего немецкого ребенка пойти учиться в обычную школу не так уж ограничивает его перспективы, как может показаться на первый взгляд. При этом система производственного обучения дает 2/3 трудоспособного населения возможность получить высокую квалификацию и, что немаловажно, чувствовать гордость за свои способности... Высокий уровень квалификации рабочих позволяет начальникам доверять им и предоставлять значительную свободу, меньше ограничивая их правилами и не надзирая за ними. Вдобавок эта система способствует тому, что новый персонал привыкает и к стандартам определенной отрасли, и к компании, в которой он работает. Человек, потративший три года на обучение в фирме, скорее будет ей предан, чем тот, кто проходит подготовку за три дня... Как отмечает английский социолог Чарльз Сейбл, «немецкие руководители занимают противоположную своим французским коллегам позицию, а именно, они считают, что их подчиненные хотя бы обладать и действительно обладают определенными знаниями в своей области, что позволяет им работать самостоятельно. Поэтому задача

немецкого начальника состоит не в том, чтобы приказным тоном говорить подчиненным, как выполнить работу, а в том, чтобы указать, что требуется сделать. И наоборот, не ограниченные немислимыми правилами, немецкие подчиненные уверены, что их руководители не будут злоупотреблять своей властью. В немецком обществе действительно высокий уровень доверия, поскольку оно не разделяет понимания и исполнения" [25].

Исторические корни немецкого межличностного доверия и своеобразной системы социализации, по мнению Фукуямы, лежат в средневековой *системе ремесленных гильдий*. Они достаточно резко критиковались либеральными мыслителями эпохи раннего индустриализма. "Гильдии – это закрытые корпорации, существовавшие практически во всех европейских странах (и в большинстве азиатских)... Тем или иным способом они ограничивали доступ к определенным ремеслам и профессиям, устанавливая стандарты или нормы квалификации для вновь входящих – заодно тем самым искусственно повышая доход свои членов. Гильдии контролировали качество товаров и иногда принимали участие в профессиональной подготовке кадров... Гильдии пустили глубокие корни в имперских свободных городах, особенно в Центральной Европе, где они добились права относительной автономии и стали оплотом сопротивления авторитету сеньоров и аристократии. Одним словом, именно гильдии создали богатое гражданское общество в позднем Средневековье... Во время существования сильных централизованных монархических систем в таких странах, как Франция и Испания в XVI–XVII вв. ... монархия преуспела в усмирении этих объединений... Однако в Германии ситуация была несколько иной, поскольку в этой стране не было централизованного государства вплоть до 1871 г. Именно отсутствие централизованной системы власти на немецких землях позволило множеству феодальных институтов, в том числе гильдиям, сохраняться здесь более долгое время, чем в остальной Европе... К концу XIX в. реальная власть гильдий была подорвана из-за роста новых отраслей промышленности – железнодорожной и сталелитейной. Законный контроль за качеством продукции и аттестацией ремесленников касался только традиционного ручного производства. Однако последнее слово, если можно так сказать, все же осталось за гильдиями. Во время индустриализации Германии многие ремесленники пошли работать на современное производство (они занимались высококвалифицированным трудом), а свои корпоративные традиции они принесли с собой. И Немецкий комитет по техническому обучению, и Немецкий институт обучения техническому труду были основаны еще в XIX в. с целью систематической подготовки кадров для промышленности. В 1922 г. Палата ремесленной конфедерации была официально признана представителем интересов ремесленников. В Веймарской республике был установлен минимум технических навыков для получения профессии, и для этого была введена система стажировки и созданы технические учебные заведения... Позже, в 1935 г., во время правления национал-социалистов, отраслевым ассоциациям было дано право осуществлять профессиональную подготовку – подобно тому, что было у ремесленных гильдий. В этот же период времени создавалась система подготовки начальников среднего звена – мастеров. Оставшиеся от времен национал-социализма, эти нововведения не были отвергнуты после создания ФРГ в 1949 г., более того, они были закреплены в 1969 г. *Законом о профессиональном образовании и подготовке...* Неполная победа либерализма в Германии имела сокрушительные последствия в политической жизни. В начале XX в. эта страна была гораздо более авторитарным

государством, чем Великобритания или Франция... *Коммунальная природа немецкой культуры* породила не только описанные выше институты, но и нетерпимость, и закрытость общества. Другими словами, те узы, что объединяли немцев, давали им *ясное осознание собственной культурной идентичности* и в первой половине столетия спровоцировали возникновение немецкого национализма. Историки также говорят, что позднее объединение Германии лишь усилило эту самоидентификацию и делало ее более агрессивной окрашенной. После поражения в Первой мировой войне и последующей за ней экономической катастрофы многие немцы стали считать себя жертвами, отчего их сильное чувство собственной культурной исключительности начало принимать крайние и отвратительные формы. Потребовалось поражение во Второй мировой войне и мучительное наследие национал-социализма, чтобы сломать присущее немцам чувство национальной сплоченности и заложить фундамент для создания толерантного и открытого общества, уже несколько поколений к тому времени существующего в Великобритании и Франции. Однако то, что имело ужасные последствия для политического развития, было весьма полезно для экономической модернизации. Так, ФРГ не стала отказываться от национал-социалистического законодательства в области профессиональной подготовки, как поступила почти со всяким другим, а сохранила и упрочила определенные его аспекты. В этом смысле Германию можно сравнить с Японией, которая тоже сохранила свои культурные традиции... модернизовав их и включив в новый культурный синтез индустриальной эпохи" [26].

Отношение к ценностям. Важнейшим показателем любой политической культуры на уровне публичной политики является отношение граждан к ценностям. Известно, что ценности общества зависят от уровня социального и экономического развития нации. Удовлетворение материальных потребностей населения развитых стран Запада в течение длительного периода времени привело к изменению ценностных ориентаций. Многих людей там больше волнует не экономический рост и личное благосостояние, но сохранение окружающей среды, гендерное равенство, непосредственное участие в принятии решений.

Известный американский социолог Рональд Инглхарт разработал теорию изменения ценностей. В соответствии с ней ценностные приоритеты личности зависят от семейного воспитания и социальных условий, которые преобладали в раннем возрасте. Если придерживаться ее логики, то старшие поколения немцев, которые пережили Вторую мировую войну, голод и разруху, озабочены прежде всего **материалистическими ценностями**: экономической безопасностью, состоянием законности и порядка, крепостью религиозных убеждений, укреплением обороноспособности страны, несмотря на пятидесятилетнее процветание и стабильность. Молодые поколения, выросшие в условиях демократии и беспрецедентного экономического роста, на первое место ставят **постматериалистические ценности**: самовыражение, свободу личности, социальное равенство, самореализацию, качество жизни. Эти же ценности являются основ-

ными у так называемых **новых политических движений**: зеленых, альтернативного образа жизни, феминисток и др. За ними пока еще стоит меньшинство граждан, но новые движения формируют вторую политическую культуру, вырастающую внутри первой – официальной. Современная Германия – это одна из самых “зеленых” стран мира, в которой носители новых ценностей, в том числе и экологических, оказывают серьезное влияние на политические процессы.

ВСТАВКА 12.4.

Р. Инглхарт о материалистических и постматериалистических ценностях

“Анализ взаимоотношений между материалистическими и постматериалистическими ценностями представляет собой только один аспект изучения гораздо более широкого процесса постмодернизации, но он является и достаточно хорошо задокументированным, поскольку с 1970 г. проводятся систематические сравнительные исследования изменения ценностей в разных странах... Вначале мы предложили респондентам ответить на следующий вопрос: “В наше время много говорится о том, какие цели должны стоять перед страной в ближайшее десятилетие. На этой карточке перечислены некоторые из тех целей, которым разные люди посчитали приоритетными. Пожалуйста, определите среди них ту, которой вы лично отдаете предпочтение. И какая цель идет след за ней”... Среди 12 целей шесть были связаны с удовлетворением *потребностей в выживании*. “Борьба с ростом цен”, “обеспечение экономического роста”, “стабильная экономика” были предназначены для обеспечения *экономической безопасности*, а “поддержание порядка”, “борьба с преступностью”, “обеспечение обороноспособности” – для обеспечения *физической безопасности*. Это достаточно разные виды потребностей, но все они являются **материалистическими**, так как напрямую связаны с физиологическим выживанием.

Мы исходили из предположения, что они будут присутствовать в некоем единстве и что только тогда, когда люди будут чувствовать себя в безопасности относительно удовлетворения обеих этих потребностей, они смогут отдавать наивысший приоритет *принадлежности, самовыражению, интеллектуальному и эстетическому удовлетворению*. Эти потребности нашли свое выражение в таких **постматериалистических** целях, как “создание менее обезличенного общества”, “обеспечение возможности влиять на решения, принимаемые на рабочем месте”, “обеспечение возможностей больше влиять на правительство”, “создание условий, при которых идеи будут значить больше, чем деньги”, “свобода выражения”... Одна из целей “сделать более красивыми города”, которая первоначально задумывалась как постматериалистическая, оказалась промежуточной, так как понималась респондентами не только эстетически (сделать населенные пункты более чистыми), но и материалистически (сделать их более безопасными и свободными от преступности)” [27].

4. Неокорпоративистская модель представительства интересов

Группы интересов и их деятельность – это очень важная часть политического процесса в ФРГ. Они хорошо организованы и структурированы, а участие групп интересов в политической жизни является широко признанным и легитимным. Группы интересов имеют давние традиции и глубокие корни. Например, прообразами современных профсоюзов принято считать средневековые гильдии. Административное право ФРГ требует обязательных консультаций правительства с группами интересов перед принятием важных законов, а также предоставления им доступа к СМИ и другие меры.

В 70-е гг. утвердилась такая форма взаимоотношений государства и групп интересов, как проведение регулярных конференций с участием представителей профсоюзов, бизнеса и правительства для обсуждения вопросов цен, заработной платы, налогов и других экономических проблем. Они получили название *согласованных действий* (*Concerted Actions*). Сложившаяся в Германии система сотрудничества государства и групп интересов является разновидностью *неокорпоративизма* (*neocorporatism*). Социетальные интересы здесь организованы в рамках иерархических ассоциаций, которые непосредственно участвуют в политическом процессе. Политические решения являются результатом обсуждения и переговоров соответствующих групп интересов и правительства, которое затем их претворяет в жизнь. Правительство считает, что оно отвечает на требования общества, когда обращается к группам интересов. Рядовые члены групп интересов всецело зависят от своих ассоциаций.

Преимуществом неокорпоративистской системы представительства интересов является повышение эффективности политического курса. Сотрудничество бизнеса и профсоюзов при участии государства содействовало *немецкому экономическому чуду*. ФРГ потеряла меньше рабочего времени от забастовок, чем другие страны Запада. По мнению Фукуямы, “в послевоенный период между управленческим и рабочим сословием в Германии царило примечательное согласие. Страну не разрывали те классовые антагонизмы, которые часто были характерны для трудовых отношений в Великобритании, Франции и Италии... В отличие от других национальных рабочих движений немецкие профсоюзы не выдвигали жестких протекционистских требований для защиты кризисных отраслей и практически не предпринимали никаких действий, которые управленческий аппарат мог бы счесть безответственными. Одним словом, в Германии существует гораздо более высокий уровень доверия между рабочими и руководством, чем в других, не отличающихся коммуитаристской ориентацией странах” [28].

Недостатки неокорпоративизма связаны с формализацией демократического механизма и ослаблением общественного контроля над властью. Более сложной и продолжительной становится процедура принятия решений. Неокорпоративизм содействует также дальнейшей бюрократизации общества.

Интересы бизнеса ФРГ представляются двумя крупнейшими национальными ассоциациями с пересекающимся членством: **Федерацией немецкой промышленности (BDI)**, куда входит 35 разных объединений сферы индустрии и 15 региональных филиалов, и **Конфедерацией ассоциаций немецких работодателей (Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberbande – BDA)**, объединяющей большое количество организаций крупных и средних нанимателей. В системе неокорпоративизма они выполняют разные роли. BDI непосредственно вовлечена в политический процесс через членство в консультативных комитетах и группах по планированию, а также в работу с законопроектами до их внесения в парламент. BDI выступает от имени 100 тыс. частных предпринимателей, которые обеспечивают работой более 8 млн чел. BDA представляет бизнес на переговорах с профсоюзами и правительством по вопросам экономической и социальной политики. Она также оказывает информационные и консалтинговые услуги членам ассоциации, координирует их деятельность во время переговоров с правительством, парламентскими комитетами и комиссиями, профсоюзами. Несмотря на неоднократно декларированную партийную нейтральность, политически обе ассоциации в большей степени ориентируются на Христианско-демократический и Христианско-социальный союзы CDU/CSU [29].

Фукуяма считает, что “эти ассоциации (*Verbande*) не имеют аналогов за пределами Центральной Европы, а их сфера деятельности и ответственности гораздо шире, чем у американских лоббистских ассоциаций вроде Американской торговой палаты или Национальной ассоциации производителей. *Verbande* выступают партнером профсоюзов при заключении коллективных договоров, на основе которых размер окладов и дополнительных выплат, а также условия труда фиксируются для отрасли в целом; они принимают активное участие в выработке стандартов профессионального обучения и качества продукции; они вовлечены в планирование долгосрочного перспективного развития отдельных сфер индустрии” [30].

Интересы рабочего движения представляют профсоюзы, в которых объединено менее 50% всей рабочей силы (в последние годы наблюдается процесс сокращения количества профессиональных ассоциаций наемных работников). Основным профобъединением является **Немецкая федерация профсоюзов (Deutscher Gewerkschaftsbund – DGB)**. В нее в настоящее время входит 16 отдельных союзов,

таких как металлисты, строительные рабочие, химики, почтовые служащие и др. Федерация объединяет 12 млн чел. по всей Германии, или 1/3 всех наемных работников; она представляет около 80% всей унионизированной рабочей силы страны [31]. Ее политические симпатии находятся на стороне социал-демократической партии Германии (SPD). Немецкая федерация профсоюзов представляет интересы наемных работников на трехсторонних конференциях и лоббирует законопроекты в парламенте. Кроме того, она имеет возможность оказывать влияние на политику через связи с SPD (1/10 часть членов этой партии являются профсоюзными активистами).

Еще один механизм партнерства бизнеса и профсоюзов Германии – так называемая *содетерминация*. По федеральному закону 1951 г., на крупных предприятиях 1/2 совета директоров должна была формироваться из наемных работников. В 1971 г. этот закон был модифицирован и распространен на ряд предприятий, прежде не охваченных содетерминацией. Когда внедрялась эта мера, то скептики говорили, что она погубит немецкую промышленность, но на деле данная форма партнерства оказалась весьма выгодной и предпринимателям, и рабочим, и экономике.

Она входит составной частью в более широкую систему регулирования трудовых отношений, получившую в Германии название *взаимонаправленности* (*Mitbestimmung*). Как подчеркивает Фукуяма, во-первых, в рамках данной системы “представители рабочих коллективов были допущены на заседания советов директоров компаний, они имели доступ к корпоративной информации и принимали действительное, хотя и ограниченное, участие в управлении. Во-вторых, были учреждены рабочие советы для урегулирования проблем и конфликтов на уровне предприятий. В-третьих, действовала практика заключения между отраслевыми ассоциациями и профсоюзами коллективных контрактов, оговаривавших размер заработной платы, временные ограничения на задания, дополнительные выплаты и льготы на уровне отдельных отраслей. В-четвертых, было принято законодательство, регулирующее нормы социального обеспечения, выплаты по больничным листам, условия труда, продолжительность рабочего дня, гарантии занятости и др. Контрольные и административные функции в этой системе лежат на ряде промежуточных институтов, прежде всего на всегерманских профсоюзных организациях и отраслевых ассоциациях – с той целью, чтобы исключить самостоятельные действия независимых работодателей и местных профсоюзов” [32].

Давней немецкой традицией является *сотрудничество между церковью и государством*. Финансирование церковью осуществляется через специальный государственный налог, который составляет

1/10 часть подоходного налога. Любой гражданин вправе отказаться платить его, но такой шаг не приветствуется общественным мнением. Современное немецкое общество является достаточно секуляризованным: 28% жителей страны называют себя неверующими или атеистами. Немецкие церкви участвуют в реализации целого ряда социальных программ, что они в состоянии делать благодаря государственным субсидиям. Они активно привлекаются к осуществлению государственной политики в области социального обслуживания, образования и регулирования семейных отношений. Представители церковных организаций представлены в наблюдательных советах на государственных СМИ.

Политические позиции церковей Германии различаются. Католики отдают предпочтение консерваторам из CDU/CSU. Протестанты объединены в *Ассоциацию региональных протестантских церковей*, которая не столько поддерживает какую-либо партию, сколько лоббирует собственные интересы. В ГДР протестантская церковь была независимой от государства и стала основой для формирования ряда диссидентских групп и организаций. В 1989 г. в Лейпциге, Дрездене, Берлине и других городах воскресные службы в лютеранских храмах нередко перерастали в митинги протеста.

В последние годы быстрыми темпами идет процесс создания новых групп интересов, не связанных с бизнесом, трудом, религией или сельским хозяйством. Они фокусируют свое внимание на стиле и качестве жизни и получили название **новых политических движений**. Это, прежде всего, защитники окружающей среды. Обострение экологических проблем в 70-е гг. привело к появлению антиядерных групп и местных экологических инициатив, которые быстро интегрировались в общенациональное **движение зеленых**. Различные инициативы, которые выступают с требованием внесения изменений в законодательство с целью предотвращения дискриминации женщин, а также группы самопомощи являются костяком современного **женского движения**. Существует также большое количество инициатив, которые выступают против потребительского общества и культуры, за альтернативный образ жизни и др.

Общими чертами новых политических движений является то, что их объединяет *защита постматериальных интересов* (окружающая среда, права человека, мир во всем мире). Их представители являются в основном *молодыми людьми, хорошо образованными выходцами из среднего класса*. По структуре эти группы являются *децентрализованными* при принятии решений, а по тактике действий – ориентированными на *косвенный лоббизм* (использование демонстраций, митингов, акций протеста, привлекающих внимание общественности).

5. Выборы, партии и партийная система

Во время принятия Основного Закона ФРГ разгорелась дискуссия по поводу избирательного законодательства между приверженцами старой системы пропорционального представительства и теми силами, которые выступали за англо-американскую модель *победитель получает все*. Первые настаивали на том, что пропорциональное представительство будет содействовать более точному и справедливому отражению расстановки политических сил в стране, последние же утверждали, что их подход позволит избежать опасной политической фрагментации в парламенте. В результате было принято компромиссное решение: половина депутатов бундестага избирается по мажоритарной системе простого большинства, а вторая половина – по системе партийных списков с 5% барьером.

Применение гибридной системы, как показывает практика, позволило усилить роль партийного руководства и укрепить дисциплину в политических организациях, потому что именно руководство определяет очередность кандидатов в списке. Возросло политическое значение небольших, но мобильных партий. Например, Свободная демократическая партия (FDP) с 1957 г. выигрывала на выборах только в одном одномандатном округе, но благодаря системе партийных списков имела постоянное представительство в парламенте (7–11% мест). Для сравнения: их коллеги из Великобритании (LDP), за которых голосует в среднем 17% избирателей, имеют не более 3% мест в палате общин.

Применение этой системы содействовало повышению ответственности депутатов перед избирателями одномандатных округов. В целом она достигла своих целей. Как указывает Ю. Штайнер, «пока что такая сложная система, кажется, обеспечивает стабильное демократическое правление. Она не изменилась и после объединения Германии... Бундестаг по-прежнему насчитывает не больше пяти партий, две из которых занимают доминирующее положение» [33].

Современная партийная система Германии стала формироваться после завершения Второй мировой войны. На Западе союзники содействовали возникновению *соревновательной системы*, в которую вошли христианские демократы и социал-демократы. Затем к ним присоединились свободные демократы, а в 80-е гг. – *зеленые*. На Востоке возникла *однопартийная система* во главе с Социалистической единой партией Германии (SED). Формально там действовали и другие политические силы (христианские демократы, либералы и национал-демократы), входившие в так называемый Национальный фронт, который возглавляла SED. После краха ГДР бывшая правящая партия превратилась в Партию демократического социализма (PDS). В стране возникло большое число маленьких политических органи-

заций, но, в конце концов, победила партийная система, которая действовала на Западе, как более организованная, финансово стабильная и опирающаяся на хорошо разработанную идеологию, стратегию и тактику политической борьбы. Альянс за Германию, который здесь победил на выборах 1990 г., ориентировался на CDU/CSU, а местный филиал социал-демократической партии (SPD) влился в национальные структуры этой партии.

Правозащитники. *Христианские демократы* представлены в Германии двумя консервативными партиями *Христианско-демократический союз* (*Christlich Demokratische Union – CDU*) и *Христианско-социальный союз* (*Christlich-Soziale Union – CSU*). Обе партии возникли в 1945 г. на основе действовавших в Веймарской Германии Партии центра и Баварской народной партии, которые представляли интересы католических слоев населения. CDU в момент своего рождения ставила перед собой задачу объединить вокруг себя всех верующих жителей страны вне зависимости от их конфессиональной принадлежности для возрождения Германии на христианских гуманистических принципах.

С момента возникновения обе партии выступают как близкие партнерские организации. CSU действует только на территории Баварии, в то время как CDU осуществляет свою деятельность во всех землях ФРГ, кроме Баварии. Это означает, что партии не конкурируют в борьбе за власть. Они имеют единую фракцию в бундестаге, члены которой голосуют согласованно. Это позволяет многим политологам, например А. Лейпхарту, рассматривать CDU/CSU как одну политическую партию [34].

Идеология современной христианской демократии в Германии опирается на три важнейших постулата. Во-первых, это *христианско-социальная концепция*, делающая акцент на вере и социальной справедливости, христианских представлениях о человеке. Она популярна среди многих рабочих-католиков. Во-вторых, это модернизированная *национально-консервативная доктрина*, направленная на сохранение лучших элементов традиционной немецкой культуры. Данные идеи популярны у многих жителей сельских регионов и небольших городов Германии. В-третьих, это *либеральная доктрина свободной рыночной экономики*, которую разделяет бизнес-класс. На разных этапах эволюции CDU/CSU различные составные части идеологии выходили на первый план. Это свидетельствует о гибкости и жизнеспособности христианско-демократических идей. В настоящее время, по мнению большинства исследователей, явно преобладает третий компонент над двумя остальными [35].

CDU/CSU является массовой партией. Численность Христианско-демократического союза составляет около 575 тыс. членов по данным

на 2005 г. Численность баварской CSU приближается к 200 тыс. Традиционно наиболее сильны позиции партии в сельских районах и небольших городах с преимущественно католическим населением в западной и южной Германии [36].

Первый лидер Христианско-демократического союза Конрад Аденауэр превратил CDU/CSU в партию всех консервативно мыслящих немцев, независимо от их социального положения (народную партию). Этой идее сопутствовал политический успех. За десять лет христианские демократы стали основной политической силой страны с 40–50% поддержкой избирателей. CDU/CSU создали Единый национальный блок, который в 50–60-е гг. неизменно побеждал на выборах. В 60-е гг. к нему примыкала и Свободная демократическая партия (FDP). С 1949 по 1963 г. канцлером от христианских демократов был К. Аденауэр, а с 1963 по 1966 г. – Л. Эрхардт. В 1966 г. CDU/CSU утратила поддержку FDP, которая стремилась к заключению соглашения с социал-демократами. Поэтому с 1966 по 1969 г. Германией управляло так называемое правительство большой коалиции, но канцлером в нем все равно был тогдашний лидер CDU – К. Кизингер. И только в начале 70-х гг. христианские демократы вынуждены были перейти в оппозицию к социал-демократическому правительству. В значительной мере политический триумф CDU/CSU можно объяснить популярностью доктрины **социальной рыночной экономики** (*Sozialmarktwirtschaft*), разработанной крупнейшим теоретиком христианских демократов Людвигом Эрхардтом и неустанно претворяемой в жизнь рядом правительств. Как отмечает Ф. Фукуяма, “умеренно-консервативные партии Германии – Христианско-демократический союз и его баварское крыло, Христианско-социальный союз – никогда не придерживались либеральных экономических идей вне связи с политикой социальных гарантий, поэтому либеральная идеология осталась уделом гораздо более мелкой Свободной демократической партии. Сама система *Sozialmarktwirtschaft* изначально представлялась как попытка найти средний путь между чисто рыночным капитализмом и социализмом, и заслуга воплощения ее в жизнь принадлежала не канцлеру социалисту, а главе христианских демократов Людвигу Эрхардту” [37].

Обострение экономических проблем в конце 70-х – начале 80-х гг. привело к росту популярности в партии *неоконсервативных идей*, сочетающих культурный традиционализм с экономическим либерализмом, и восстановлению политического партнерства между CDU/CSU и FDP. В 1982 г. этим партиям удалось проголосовать в бундестаге за конструктивный вотум недоверия социал-демократическому правительству Шмидта. Канцлером Германии стал лидер CDU – Гельмут Коль (см. вставку 12.2). В следующем году правящий блок одержал убедительную победу на досрочных парламентских выборах. Правительство Коля проводило последовательный экономический курс: добились существенного сокращения государственных расходов, оптимизировало некоторые социальные программы, стимулировало развитие частного бизнеса. В своей внешней политике Коль делал акцент на усиление военно-политического сотрудничества Западных держав для эффективного сдерживания СССР. Правящая коалиция содействовала развертыванию в Германии американских ракет среднего радиуса действия, несмотря на то, что этот шаг вызвал активное противодействие участников антивоенного движения.

Ориентация на западных союзников Германии не помешала Колю проводить эффективную *восточную политику*, направленную на взаимодействие с ГДР и СССР. Известно, что в Советском Союзе с середины 80-х гг. проводился курс на перестройку. Восточная Германия пыталась сохранить “завоевания социализма” в неизменном виде, что негативно отражалось на настроениях населения. Когда вспыхнули стихийные выступления протеста, был отправлен в отставку Э. Хонеккер, рухнула берлинская стена и стало очевидным, что новое руководство ГДР не может взять ситуацию под свой контроль, именно решительная, мужественная, иногда даже рискованная позиция западногерманского канцлера обеспечила быстрое объединение двух немецких государств. В феврале 1990 г., не ставя в известность западных союзников и партнеров по коалиции, во время своего визита в Москву Г. Коль договорился с М. Горбачевым о том, что Советский Союз не будет препятствовать объединению двух Германий. В мае 1990 г. ФРГ и ГДР заключили договор об экономическом и социальном союзе. По настоянию канцлера был проведен обмен восточногерманских марок на западногерманские по курсу 1:1, против этого шага решительно выступал президент немецкого федерального банка. Наконец, 3 октября 1990 г. пришел день немецкого единства.

Несмотря на высокую экономическую цену, которую пришлось заплатить немцам за объединение, правящий блок был поддержан гражданами. Он одержал победу и на первых свободных общегерманских выборах 1990 г., и на выборах 1994 г., а Г. Коль стал рекордсменом по количеству лет, в течение которых он занимал пост федерального канцлера, сравнявшись по этому показателю с О. фон Бисмарком.

С середины 90-х гг. обострились внутренние проблемы в CDU/CSU. Надежды на быстрое выравнивание уровней экономического развития новых и старых земель ФРГ не оправдались. Высокая безработица на востоке сделалась постоянной головной болью немецкого правительства. Наконец, избиратели просто устали от слишком долгого пребывания у власти консервативно-либеральной коалиции. Все это привело к серьезному поражению CDU/CSU/FDP на выборах 1998 г. За христианских демократов проголосовали только 34% избирателей. Они уступили место правящей политической силы социал-демократической партии. Разгоревшийся сразу после выборов финансовый скандал (информация о секретном фонде, который использовался Кодем для финансирования CDU: средства в него поступали от продажи танков Саудовской Аравии и махинаций с приватизацией в новых землях) еще больше ударил по репутации христианских демократов. Гельмут Коль был вынужден подать в отставку с поста лидера партии, а в 2002 г. заявить о своем уходе из политики.

Председателем CDU в 2000 г. была избрана Ангела Меркель, которую за решительный стиль руководства журналисты окрестили “немецкой Маргарет Тэтчер” и “железной фрау”. Христианские демократы снова оказались в оппозиции, на сей раз к “красно-зеленому”

правительству, сформированному социал-демократами и партией зеленых. Новый лидер партии попыталась обновить организацию, освободив ее от людей, причастных к финансовому скандалу. Была разработана программа новых экономических реформ, которая выгодно контрастировала с курсом правительства, так и не справившегося с рецессией. Однако вернуться к власти на выборах 2002 г. христианские демократы не смогли. Им помешало то обстоятельство, что депутаты бундестага поддержали кандидатуру лидера CSU, крайне непопулярного в стране баварского политика Эдмунда Штойбера, в качестве лидера парламентской оппозиции и претендента на пост канцлера. Он привел CDU/CSU к очередному поражению. В 2002 г. за консерваторов проголосовали только 38,3% избирателей.

К выборам 2005 г. христианские демократы подошли уверенными в своих силах. Они одержали целый ряд убедительных побед в регионах, что позволило CDU/CSU получить большинство в верхней палате парламента. За три месяца до выборов, по данным социологов, они на 20% опережали своих главных соперников из SPD. Однако ошибки, допущенные в ходе кампании, непопулярность целого ряда идей экономической программы, а также проигрыш Меркель Шредеру во время теледебатов свели на нет это преимущество. В день голосования 18 сентября 2005 г. CDU/CSU получили только 35% голосов, а их основной конкурент SPD – 34%. Количество депутатских мандатов было недостаточным как для формирования консервативно-либерального правительства, несмотря на то, что FDP обладала одним из лучших результатов за всю историю выборов – 10%, так и для продолжения существования “красно-зеленой коалиции” в качестве правящей, потому что партия зеленых смогла завоевать только 8% мест в парламенте.

Возник политический кризис, который, к счастью, скоро разрешился достижением компромисса о формировании нового правительства большой коалиции из представителей CDU/CSU (они получили пост канцлера и 7 мест в правительстве) и SPD (пост вице-канцлера и 7 мест в правительстве). Несмотря на неутешительные прогнозы многих аналитиков, которые предсказывали скорый распад коалиции, она оказалась достаточно устойчивой. Это произошло в значительной степени благодаря политическим качествам главы кабинета – Ангелы Меркель (см. вставку 12.5).

ВСТАВКА 12.5.

Политический портрет Анжелы Меркель

Ангела Меркель родилась в Гамбурге в 1954 г. в семье лютеранского священника. Вскоре ее родители переехали в Темплин (Восточная Германия), где отец получил приход. Жизнь и учеба в ГДР вынудили Ангелу вступить в Союз свободной немецкой молодежи (аналог комсомола) и позже стать секретарем районной организации, отвечавшей за агитацию и пропаганду в Академии наук. Правда, по ее словам, как человек верующий, она избегала участвовать в некоторых чисто светских церемониях.

С 1978 по 1978 г. Меркель училась на физическом факультете Лейпцигского университета. Она защитила докторскую диссертацию в области физической химии и с 1978 по 1990 г. работала в Академии наук в Берлине.

В 1989 г. Ангела Меркель принимала активное участие в демократическом движении, а после падения берлинской стены вступила во вновь созданную партию *Demokratischer Aufbruch*. Какое-то время она работала вице-спикером в переходном правительстве Лотара де Мезьера. Уже на первых свободных выборах после объединения в 1990 г. Меркель избирается депутатом бундестага. Поскольку ее политическая организация слилась с CDU, она стала членом фракции этой партии, а вскоре получила пост министра по делам женщин и молодежи в правительстве Коля. В 1994 г. она возглавила Министерство окружающей среды и безопасности атомных электростанций.

Быстрое восхождение Меркель по ступеням служебной лестницы было связано с покровительством со стороны федерального канцлера Коля. Однако это не помешало ей выступить против своего патрона, когда разгорелся финансовый скандал 1999 г., в который оказались замешаны многие влиятельные персоны из руководства партии. Решительное стремление к реформированию CDU позволило Меркель завоевать себе много сторонников, и в 2000 г. она была избрана председателем партии. Это событие само по себе являлось примечательным: Ангела Меркель стала не только первой женщиной во главе консервативной организации, но и первой протестанткой с востока страны у руля политической структуры, в которой большинство традиционно принадлежало католикам с юга и запада Германии.

После поражения CDU/CSU на парламентских выборах 2002 г. Меркель стала лидером консервативной оппозиции в бундестаге. Она сконцентрировала усилия своих коллег на разработке экономической альтернативы политическому курсу правительства. По мнению консерваторов, государство должно меньше вмешиваться в хозяйственные процессы, а также либерализовать рынок труда, чтобы победить безработицу. Важную роль играли также и предложения в области реформирования системы здравоохранения.

Эти идеи и стали платформой CDU/CSU во время выборов в бундестаг в 2005 г. Несмотря на то, что под руководством Меркель партия не получила полной победы, она смогла вернуться к власти и управлять страной в рамках большой коалиции. Меркель стала первой женщиной и первым представителем новых земель на посту федерального канцлера. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что она пользуется поддержкой. В декабре 2005 г. 61% граждан ФРГ заявляли, что доверяют канцлеру; в конце 2006 г. эти показатели упали до 54%, но в 2007 г. снова выросли. Ангела Меркель возглавляет список самых популярных политиков Германии [38].

Левоецентристы. *Социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands – SPD)* является старейшей политической организацией Германии. Она была основана в 1875 г. на съезде социалистических и рабочих делегатов в Готе.

После Первой мировой войны она стала важнейшей основой так называемой веймарской политической системы и в 20-е гг. входила в состав целого ряда правительств. Такие видные деятели немецкого социал-демократического движения, как Ф. Эберт, Ф. Шейдеманн, Г. Бауэр, Г. Мюллер, неоднократно занимали пост канцлера. SPD была единственной политической партией Германии, депутаты которой в 1933 г. проголосовали в бундестаге против Закона о чрезвычайных полномочиях Гитлера (коммунистическая партия к тому времени уже находилась на нелегальном положении). В том же году SPD была запрещена национал-социалистами. После начала Второй мировой войны руководство партии обратилось из эмиграции к своим членам и сторонникам с призывом безоговорочно поддержать союзные державы в их борьбе с нацизмом. Немецкие социал-демократы возобновили свою деятельность в 1946 г. Этому событию сопутствовал раскол: левые течения в SPD под руководством О. Гротевольа пошли на союз с коммунистами и основали Единую социалистическую партию Германии (SED), которая вскоре превратилась в ГДР в господствующую политическую организацию тоталитарного типа. Деятельность той части SPD, которая сохранила верность демократическим принципам, до 1990 г. распространялась только на ФРГ.

В послевоенный период социал-демократическая партия продолжала ориентироваться на отстаивание социалистических идей и защиту интересов рабочего класса, профсоюзов и других массовых организаций трудящихся. В 50-е гг. SPD осудила присоединение Федеративной Республики к НАТО, желая сохранить нейтральный статус государства. Большой проблемой партии, которая долгое время мешала ей расширить круг сторонников и одержать победу уже на первых послевоенных выборах, была чрезмерная идеологизированность ее политической платформы. Перелом в этом вопросе произошел в 1959 г., когда была принята так называемая *Годесбергская программа*, которая окончательно отбросила марксистскую фразеологию о классовой борьбе; взяла на вооружение экономическую платформу, направленную на развитие смешанной экономики, большой удельный вес в которой должен был принадлежать частному капиталу. Важное место в программе занимали и вопросы социальной защиты населения. Тем самым SPD успешно решила важнейшую стратегическую задачу: оставаясь партией рабочего класса, завоевать симпатии быстро расширяющихся средних слоев. Фактически она стала прогрессивной организацией, консолидировавшей вокруг себя всех людей, выступающих за поступательное социальное развитие страны.

В 1966–1969 гг. SPD принимала участие в большой коалиции, что убедило избирателей в том, что она способна решать практические вопросы, связанные с управлением. В 1969 г. социал-демократы одержали свою первую победу на выборах и вместе с партнерами из Свободной демократической партии сформировали коалиционное правительство, во главе которой встал лидер SPD – Вилли Брандт. В 70-е гг. было многое сделано для того, чтобы ФРГ стала не только экономически развитым, но и подлинным социальным государством. Проблемы стали накапливаться к концу этого десятилетия. Внутри

партии обострился конфликт между “старыми” и “новыми” левыми. Последние доминировали в социал-демократической молодежной организации, которая выступала за союз с новыми политическими движениями и осуществление более решительного курса против строительства АЭС и в защиту окружающей среды. Конфликт же с либеральными партнерами по коалиции привел к тому, что партия потеряла власть в 1982 г., когда канцлер Гельмут Шмидт потерпел поражение в парламенте при голосовании конструктивного вотума недоверия.

В 80-е – первой половине 90-х гг. SPD оказалась в сложной ситуации. Справа ее конкурентом выступали свободные демократы, которые снова входили в правящую коалицию с CDU/CSU, слева избирателей социал-демократов перетягивала на свою сторону партия зеленых. Несмотря на то, что SPD возглавлял в то время популярный лидер – Оскар Лафонтен, она потерпела поражение и на выборах 1990 г., и на выборах 1994 г. Осуществление объединения Германии было весомым аргументом CDU/CSU для всех немецких избирателей. Кроме того, социал-демократы ошиблись в своих расчетах, когда думали, что восточные земли станут исключительно их электоральной базой, как было в годы Веймарской республики.

Перелом настроений электората в конце 90-х гг. в пользу SPD произошел в значительной степени благодаря выдвижению партией авторитетного и влиятельного политика Г. Шредера в качестве кандидата на должность канцлера. При этом председателем партии какое-то время оставался О. Лафонтен. Шредер сделал карьеру, во многом типичную для левого политика в ФРГ. Он родился в небогатой семье на западе Германии в 1944 г. В детские и юношеские годы ему пришлось работать, чтобы помочь матери растить детей (отец Герхарда погиб на фронте в Румынии). Уже в 1963 г. Шредер вступил в SPD. Параллельно с работой и политической деятельностью он занимался в вечерней школе, чтобы получить аттестат о среднем образовании. В 1966 г. он поступил на юридический факультет Геттингенского университета, который закончил в 1971 г. После получения высшего образования Шредер быстро выдвинулся на позиции одного из лидеров в партии. В конце 70-х гг. он возглавил организацию Молодые социалисты, в 1980 г. был избран в бундестаг, наконец, перед самой победой на выборах 1998 г. в течение года он возглавлял бундесрат – верхнюю палату немецкого парламента, в которой SPD в то время доминировала благодаря успеху на местных выборах.

Удачная политическая стратегия социал-демократов, которые выступали с программой постепенного закрытия атомных электростанций, развития энергетики на основе возобновляемых источников, либерализации законодательства о браке и семье, а также грубые ошибки их соперников привели SPD к победе на выборах 1998 г. За нее проголосовали 40,9% избирателей. Своим новым партнером по коалиции социал-демократы сделали партию зеленых, которая значительно укрепилась к этому времени. В ФРГ организационно оформилась так называемая “красно-зеленая коалиция”, которая одержала

победу и на следующих выборах 2002 г. SPD получила на них первое место с результатом в 38,6% голосов.

Однако партия столкнулась со значительными трудностями в разработке и осуществлении экономического курса. Чрезмерное регулирование экономики и высокие государственные расходы подрывали конкурентоспособность Германии на мировом рынке и усиливали бюрократизацию общества. Нерешенными оставались проблемы безработицы и выравнивания уровня экономического развития разных регионов страны. Все это побудило Шредера к выступлению с инициативой *Повестка-2010*, которая вскоре стала важнейшей правительственной программой. Она, в частности, предусматривала сокращение государственных расходов на социальные нужды (страховую медицину, пособия по безработице, пенсии), снижение налогов, реформирование рынка труда.

Программа встретила острую критику со стороны профсоюзов и левого крыла социал-демократии. В газетах Шредера стали называть *der Genosse der Bosse* (товарищ боссов). Уже в 1999 г. видный деятель партии О. Лафонтен ушел с поста министра финансов и председателя партии в знак протеста против “неолиберального курса” правительства. В 2005 г. он вышел из SPD и основал так называемую Левую партию (*Die Linkspartei*). Крупной неудачей социал-демократов стало голосование за депутатов Европарламента в 2004 г. и местные выборы (они сохранили большинство только в двух земельных законодательных собраниях из шестнадцати).

Тем не менее, несмотря на существенное снижение популярности, социал-демократическая партия смогла удержаться у власти после досрочных выборов в бундестаг 2005 г., правда, в качестве младшего партнера в правительстве большой коалиции, возглавляемой лидером CDU А. Меркель. SPD получила только 34 % голосов. Значительная часть традиционных социал-демократических избирателей отдала свои голоса Левой партии (8,7%). Г. Шредер отказался от участия в коалиционном правительстве и вскоре после выборов заявил о том, что уходит из политики. Бывший канцлер ФРГ работает консультантом в швейцарской издательской фирме, а также главой комитета акционеров в возглавляемом российским Газпромом консорциуме по строительству газопровода из РФ в ФРГ по дну Балтийского моря в обход транзитных государств. Новым председателем партии в 2006 г. избран Курт Бек.

Социал-демократическая партия Германии остается массовой политической организацией и насчитывает 556 тыс. членов. Численность партии из года в год сокращается [39]. Электорат SPD сконцентрирован главным образом в крупных городах, а также на севере и востоке страны.

Центристы. *Свободная демократическая партия* (*Freie Demokratische Partei – FDP*), несомненно, уступает и SPD, и CDU/CSU по количеству членов и своей электоральной поддержке (6–12%). Тем не менее она до недавнего времени оказывала существенное влияние на формирование и осуществление политического курса. Из всех послевоенных правительств только в шести эта партия не принимала участие в качестве младшего партнера.

Свободная демократическая партия была основана в 1948 г. на базе двух либеральных политических организаций: Немецкой демократической партии и Немецкой народной партии. FDP выступает за рыночную экономику и ориентируется на средний класс и крупную буржуазию, в основном протестантского вероисповедания. Политическая доктрина партии основана на сочетании *социального и рыночного либерализма* в европейском понимании этого термина. Данная идеологическая позиция хорошо выражена в партийном лозунге: “Государства должно быть столько, сколько необходимо, но так мало, как это только возможно” (*So viel Staat wie nötig, so wenig Staat wie möglich!*).

В послевоенной истории Федеративной Республики потребности в государственном регулировании экономики и социальных отношений, а значит и возможности для развития свободного рынка, не были величиной постоянной, и это объясняет и непостоянство FDP в поиске своих стратегических партнеров. В первые послевоенные десятилетия партия стала естественной союзницей CDU/CSU. В середине 60-х гг., чтобы расширить свою социальную базу, либералы переориентировались на сотрудничество с SPD. Они выступали в те годы под лозунгом “Социальные реформы и либеральная внешняя политика”. Руководство партии понимало, что многих общественных целей невозможно достичь только с помощью использования рыночного механизма. Поэтому свободные демократы поддерживали идею сохранения определенного минимума социального государства. В 80-е гг. актуальной стала проблема сокращения государственных расходов и стимулирования частного предпринимательства. В силу этих причин свободные демократы вновь заключили коалиционное соглашение с CDU/CSU. Тогдашний лидер партии Вальтер Шеель в течение ряда лет был бессменным министром иностранных дел и в правительствах социал-демократов, и в правительствах консерваторов.

Центристская позиция FDP позволяла смягчать радикальные социалистические тенденции социал-демократов, а также крайний консерватизм CDU/CSU. С другой стороны, постоянной проблемой партии стало размывание идентичности и поиск своей социальной ниши. В конце 90-х гг. свободные демократы утратили былую способность оставаться на плаву, примыкая к разным правящим коалициям. В 1998 г. за FDP проголосовали только 6,2% избирателей, что дало ей возможность получить 43 места в бундестаге. Свободные демократы также едва смогли преодолеть 5% барьер на выборах

2002 г. (7,3% голосов и 47 мест в бундестаге). Интересно, что в ходе той избирательной кампании партия выдвинула тезис о своей равной удаленности и от CDU, и от SPD.

Успех FDP на парламентских выборах 2005 г. (9,8% голосов и 61 место в бундестаге) стал неожиданностью для многих политологов. Его можно объяснить тем обстоятельством, что многие традиционные избиратели CDU/CSU отдали свои голоса либералам в надежде, что укрепление их позиций в правящей коалиции позволит этой партии настаивать на проведении более прорыночного курса правительством А. Меркель. Однако этим надеждам не суждено было сбыться из-за относительной неудачи христианских демократов, получивших только 35% голосов. Они, таким образом, не смогли пойти на союз с куда более близкой им по духу FDP, но вынуждены были довольствоваться положением старшего партнера в большой коалиции с SPD. Это обстоятельство вынудило свободных демократов заявить о том, что они находятся в оппозиции к правительству Меркель.

Левые. Партия зеленых (*Die Grünen*) официально была основана на съезде в Карлсруэ в январе 1980 г. Этому событию предшествовала длительная деятельность ряда новых политических инициатив, которые выступали за мир, защиту окружающей среды, защиту прав женщин, сексуальных меньшинств и иммигрантов, развитие *демократии участия*, против “авторитарной” системы образования и воспитания детей и др. Активисты движения организовывали многотысячные акции протеста против гонки вооружений и размещения на территории ФРГ американских ракет, они блокировали АЭС и те промышленные предприятия, которые загрязняли окружающую среду отходами производства. Зачастую деятельность новых политических движений сопровождалась конфронтацией с властями и столкновениями с полицией.

В конце 70-х гг. их лидеры решили сменить тактику и перейти к парламентским методам борьбы. Вначале они попытались действовать на региональном и местном уровне и только потом перешли к созданию общенациональной политической организации. С самого начала в ней произошел раскол: в 1982 г. организацию покинуло более умеренное крыло, разделявшее многие идеи зеленых, но не согласное с радикализмом их методов. Вышедшие из организации основали Экологическую демократическую партию.

Себя зеленые часто называют *антипартийной партией*. Это означает, что данной организации свойственна децентрализованная структура, основанная на горизонтальных связях. В ней руководство в значительно большей степени, чем в других партиях, зависит от мнения рядовых членов. До недавнего времени действовала норма устава, которая запрещала совмещать членство в исполкоме зеленых

с депутатским статусом (до сих пор нельзя быть одновременно членом исполкома и членом правительства). В партии часто проводятся дискуссии. Для принятия решений по спорным вопросам устраиваются внутрипартийные референдумы. В 1983 г. возникла первая фракция зеленых в бундестаге. Ей был свойственен так называемый *новый стиль политики*. Депутаты приходили в парламент в джинсах и свитерах, вместо папок с документами держали в руках цветы [40].

Во второй половине 80-х гг. наблюдался быстрый рост популярности зеленых. На парламентских выборах 1987 г. они получили 8,3% голосов. Это объясняется тем, что партия удачно использовала недовольство немецкого общества размещением на территории ФРГ ракет Першинг-2 и крылатых ракет. После чернобыльской катастрофы общественность Германии с тревогой следила за быстрыми темпами развития собственной атомной энергетики.

Однако объединение двух германских государств и сопутствующих ему взрыв патриотических настроений привели к падению политической поддержки зеленым. Вопросы изменения климата, на чем акцентировала внимание партия во время общегерманских выборов 1990 г., объективно волновали немцев меньше, чем судьбы единого отечества. В ходе кампании зеленые заключили коалиционное соглашение с восточногерманским правозащитным политическим объединением *Альянс-90 (Bundnis 90)*, что позволило избежать полного разгрома, и с трудом, но преодолеть 5% барьер. После внутреннего референдума в партии зеленых было принято решение о слиянии двух структур в рамках одной организации, которая с 1993 г. называется *Альянс-90/Зеленые (Bundnis 90/Die Grunen)*.

На выборах 1998 г. партия зеленых смогла не только преодолеть 5% барьер (за них проголосовали 6,7% избирателей), но и войти в правящую коалицию с социал-демократами. Лидер партии Йошка Фишер занял посты вице-канцлера и министра иностранных дел в кабинете Герхарда Шредера.

Йошка Фишер – весьма популярная фигура в Германии. Люди разных политических взглядов выражают симпатию этому человеку из-за цельности его натуры. Фишер родился в земле Баден-Вюртемберг в 1948 г., но его семья имеет венгерские корни. Он окончил среднюю школу в конце 60-х гг. и очень скоро попал под влияние левых настроений, познакомившись близко с лидерами студенческого движения сначала в Штутгарте, а затем во Фракфурте-на-Майне. Фишер работал тогда в книжном магазине и посещал лекции таких известных теоретиков франкфуртской школы, как Теодор Адорно и Юрген Хабермас. Он самостоятельно изучал труды Гегеля, Маркса и Мао.

В 70-е гг. Фишер участвовал в деятельности некоторых леворадикальных организаций, прежде всего Революционной борьбы и *Putz* (Пролетарского союза террора и разрушения). Немецкое слово *putz* можно перевести на русский язык как “чистка” и “очищать”. Он принимал активное участие в ряде акций протеста, которые приводили к столкновениям с полицией. После знакомства

с лидером студенческой революции 1968 г. в Париже Кон Бендитом Фишер устроился на автомобильный завод “Фольксваген” с целью организации там забастовки. Однако рабочим оказались гораздо ближе умеренные программы профсоюзов, нежели радикализм ультралевых революционеров. Вскоре Фишера уволили с предприятия за его политические взгляды.

Перелом в настроениях Фишера произошел в 1977 г., когда члены террористической организации Фракция красной армии (RAF) похитили и убили Ганса-Мартина Шляейра. С этого момента он стал отвергать насилие как оправданный метод политической борьбы. Несмотря на это, он был одним из организаторов демонстрации протеста после ареста и самоубийства в тюремной камере активистки RAF Ульрики Манхоф. Тогда было принято решение забросать полицию бутылками с “коктейлями Молотова”.

С конца 70-х гг. Фишер примыкает к новым политическим движениям, а затем вступает в партию зеленых, неформальным лидером которой он сделался в середине 80-х гг. В конце концов, бывший революционер и бунтарь стал respectable заместителем канцлера и министром иностранных дел “буржуазной” республики [41].

Своим важнейшим достижением конца 90-х гг. зеленые считают принятие Закона о закрытии атомных электростанций в ФРГ. Его выполнение, правда, растянется до 2020 г. Вместе с тем бремя ответственности правящей партии негативно отразилось на внутреннем единстве зеленых. Многие активисты и известные деятели партии покинули ее ряды в 1998 г., когда Й. Фишер заявил о своей поддержке отправки немецкого контингента в составе сил НАТО в Косово для предотвращения этнических чисток, которые проводило там югославское руководство. Данная акция стала первой зарубежной военной операцией с участием немецких войск со времени окончания Второй мировой войны. Не менее острый внутренний кризис в партии разразился и в 2001 г., когда зеленые в правительстве дали добро на участие подразделений бундесвера в военных действиях в Афганистане против режима талибов.

Тем не менее “красно-зеленая” коалиция выдержала испытание на прочность и укрепила позиции на выборах в 2002 г. За зеленых проголосовали тогда 8,6 % избирателей. В новой ситуации основным объектом критики рядовых членов партии стала не внешняя, а внутренняя политика кабинета, в частности правительственная программа Повестка-2010, направленная на сворачивание многих элементов социального государства в Германии. По настоянию первичных организаций в 2003 г. прошел внеочередной съезд Альянса-90/Зеленые, многие делегаты которого высказали весьма нелестные замечания в адрес программы. Отсутствие внутреннего единства негативно отразилось на политических успехах партии. Вместе со своими социал-демократическими союзниками зеленые неудачно выступили на выборах в законодательные собрания ряда земель, а в

2005 г. заняли только пятое место (8,1% голосов) на выборах в парламент.

Зеленые опираются на поддержку людей с достаточно высокими доходами, превышающими 2000 евро в месяц. За эту партию голосуют лица среднего возраста (34–42 года). Среди других возрастных категорий, отдающих предпочтение партии, следует назвать молодежь. Избирателями зеленых являются горожане и лица с университетским образованием. Противниками партии выступают рабочие, люди старших возрастных категорий, а также жители небольших городов, за исключением университетских центров Германии [42].

Партия демократического социализма (*Partei des Demokratischen Sozialismus – PDS*) пришла на смену тоталитарной коммунистической организации – Социалистической единой партии Германии (SED) в Восточной Германии в феврале 1990 г. Основателями партии стали люди, которые выступали за демократическое обновление организации. Инициатива исходила от молодого поколения социалистов, которое рассматривало горбачевскую перестройку в СССР в качестве модели для подражания. Партия с самого начала дистанцировалась от своего тоталитарного прошлого и заявляла, что больше не рассматривает марксизм-ленинизм в качестве основной идеологической доктрины. Председателем партии был избран талантливый и популярный политик Грегор Гизи.

Следует сказать, что в Западной Германии никогда не были сильны коммунистические традиции. Коммунистическая партия Германии (KPD) там занимала сталинистские позиции, была очень малочисленной организацией, не располагающей никакой серьезной поддержкой. В 1956 г. ее вынужден был запретить Конституционный суд ФРГ, поскольку программа партии вступала в противоречие с Основным Законом страны. В 1969 г. в Федеративной Республике была создана новая коммунистическая организация – Германская коммунистическая партия (DKP). Однако и она не смогла добиться какого-либо существенного успеха и представляла собой небольшую политическую секту.

Последнее обстоятельство объясняет, почему PDS действует в основном в восточных землях ФРГ. На выборах 1990 г. она получила там 11% голосов, в то время как во всей Германии ее поддержка составила лишь 2%. В 1998 г. Партия демократического социализма смогла преодолеть 5% барьер, за нее проголосовали 5,1% избирателей. Это дало возможность организации сформировать фракцию в парламенте из 36 депутатов. Численность партии составляла 60 тыс. чел. (данные на начало 2007 г.). В основном это бывшие члены SED, живущие на востоке ФРГ. Партия часто прибегает к спекуляциям на экономических и социальных трудностях объединения Германии и

неравном положении восточных немцев в едином государстве. На выборах 2002 г. за нее проголосовали 4,2 % избирателей, но она оказалась представленной в парламенте благодаря 2 местам, выигранным в одномандатных округах в Берлине.

Для того чтобы избежать дальнейшей маргинализации и регионализации, PDS избрала два пути своего развития. Первый связан с возрастанием роли партии в институтах локальной демократии на востоке Германии. В 2007 г. членами партии являлись 6,5 тыс. членов городских советов и 64 мэра городов. В течение нескольких лет PDS выступает младшим партнером в коалициях, управляющих такими субъектами федерации, как Берлин и Мекленбург – Западная Померания.

Второй путь оказался еще более перспективным. Бывшие восточногерманские коммунисты после долгих переговоров заключили соглашение с частью бывших членов SPD, которые поддерживают Оскара Лафонте. Как известно, этот политик после выхода из социал-демократической партии основал перед выборами 2005 г. так называемую Альтернативу в поддержку рабочих и социальной справедливости (WASG). Наиболее сильны ее позиции в Сааре – крупном промышленном районе на западе Германии. Лафонте известен как политик-популист, который не гнушается использовать ксенофобскую риторику, обращенную к той части рабочих, которые обеспокоены наплывом иммигрантов в Германию. Союз с PDS позволил Альтернативе, которая выступала на выборах под названием *Левой партии. ПДС (Die Linkspartei. PDS)*, занять четвертое место, получив 8,7% голосов. Она обеспечила себе 54 места в нижней палате парламента. По мнению немецких политологов, около 1 млн избирателей, которые обычно голосуют за социал-демократов, на сей раз отдали свои голоса за Левую партию. Не досчитались своих избирателей зеленые и даже христианские демократы; они вместе потеряли около 500 тыс. чел.

В июне 2007 г. между Альтернативой и Партией демократического социализма было подписано соглашение об объединении в единую политическую организацию, которая получила название *Левые (Die Linke)*. Возглавили организацию два сопредседателя – Оскар Лафонте и Лотар Биски. Общая численность партии увеличилась до 72 тыс. чел. Основной электорат Левых сконцентрирован в бывшей ГДР, а также в Сааре, на западе Германии. Партия заявляет о себе как о “последней преграде на пути демонтажа социального государства в Германии” [43].

Помимо релевантных партий, представленных в бундестаге, в ФРГ действует большое число других политических организаций. В отличие от Франции здесь нет одной относительно крупной ультраправой

структуры, но есть множество мелких. Наиболее известными являются национал-демократическая партия Германии (NPD), республиканская партия (REP) и Германский народный союз, действующий в Саксонии. Если раньше между ними происходила острая борьба, то в последние годы наметилось взаимодействие, что позволило NPD получить 9% на выборах в ландтаг Саксонии в 2004 г. и 7% в Мекленбурге – Нижней Померании в 2006 г. Республиканцы добились увеличения своей поддержки в Баден-Вюрттемберге и рейнской области.

К политическим организациям, которые набирают на выборах более 0,1%, относятся: *Партия серых*, которая защищает права пожилых людей, Семейная партия, Партия благосостояния животных, Партия библейских христиан.

Таким образом, партийная система Германии за последнее время претерпела определенные изменения. Прежде всего, увеличилось число релевантных политических организаций, их вместо четырех стало пять. Одновременно увеличилась идеологическая дистанция между левыми и правыми политическими полюсами. Наконец, вместо 2,5 системы (см. тему 6), которая преобладала в послевоенной Германии, после выборов 2005 г. утвердилась модель большой коалиции, существовавшей прежде лишь единожды (в конце 60-х гг.).

В отличие от Франции Германия является ярко выраженным представителем **консенсусных демократий**. На концептуальной карте демократий А. Лейпхарта она в наибольшей степени приближается к идеальному типу данной модели [44]. ФРГ представляет собой устойчивую федерацию со стабильной конституцией, бикамеральным парламентом и системой судебного пересмотра. Здесь существует большое число релевантных партий, действует ярко выраженная некорпоративистская система представительства групп интересов, а также избирательное законодательство, которое препятствует возникновению значительной диспропорциональности политического представительства. Вместе с тем то обстоятельство, что в первые послевоенные годы в этой стране преобладали *кабинеты, превышающие минимально необходимые*, а затем им на смену пришли *кабинеты минимальной победы* (см. более подробно тему 7), позволяет некоторым ученым утверждать о наличии в ФРГ тенденции к большему мажоритаризму. На наш взгляд, формирование в 2005 г. устойчивого правительства большой коалиции в определенной мере сбалансировало вышеназванную тенденцию.

Примечания

1. Dalton R., "Politics in Germany" // *Comparative Politics Today. A World View*. Ed. by G. Almond & V. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 267.
2. Лакер У., *Россия и Германия. Наставники Гитлера*. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. С. 168–189; Геллер М. Я., Некрич А. М., *Утопия у власти*. М.: Изд-во МИК, 2000. С. 203–211.
3. Поллак Д., "Конец организованного общества. Рассуждения о кардинальных общественных изменениях в ГДР в свете системной теории" // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей*: в 2 т. Т. 2. СПб. – М., Берлин: Летний сад и др., 2003. С. 242–244.
4. Dalton R., *Op. cit.* P. 273.
5. http://wikipedia.org/wiki/Politics_in_Germany.
6. *Ibid.*
7. Бьюкенен П., *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003. С. 28–30.
8. Dalton R., *Op. cit.* P. 277.
9. См.: *Основной Закон Федеративной Республики Германия*. Берлин: Public Document, 2000. С. 25–35.
10. Штайнер Ю., *Европейскія демократыі*. Мн.: Лекцыя, БФС, 1996. С. 105.
11. *Основной Закон Федеративной Республики Германия*. С. 48–49.
12. Там же. С. 48.
13. Штайнер Ю., *Европейскія демократыі*. С. 64–65.
14. See: Elgie R., "Germany: Dispersed Leadership" // Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995. P. 83.
15. Dalton R., *Op. cit.* P. 280.
16. *Ibid.* P. 283.
17. *Ibid.*
18. *The Economist*, 2001, March 24.
19. Dalton R., *Politics in Germany* (2007). <http://www.socsci.uci.edu/~rdalton/germany/ch4/chap4.htm>.
20. Храдил Ш., "Перегнуть, не догнав? Шансы субъективной модернизации в Восточной Европе" // *Повороты истории*. С. 320–321.
21. Dalton R., *Op. cit.*
22. См.: Альберматт У., *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ, 2000. С. 41–45.
23. See: Klingemann H.-D., Hofferbert R., "Germany: A New Wall in the Mind?" // *J. of Democracy*, 1994. Vol. 5. P. 30–44.
24. Weber M., *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 2. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 668–681.
25. Sabel Ch., *Work and Politics*. Cambridge: University Press, 1981. P. 23.
26. См.: Фукуяма Ф., *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 431–512.
27. Inglehart R., *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: University press, 1997. P. 108–112.
28. Фукуяма Ф., *Указ. соч.* С. 353–354.

29. See: <http://www.bda-online.de/www/bdaonline.nsf/ID/HomeEN?Open>;
<http://www.bdi-online.de/en3812.htm>.
30. Фукуяма Ф., *Указ. соч.* С. 352–353.
31. See: <http://www.eurofound.europa.eu/emire/GERMANY/GERMANFEDERATIONOFTRADEUNIONS-DE.html>.
32. Фукуяма Ф., *Указ. соч.* С. 354–355.
33. Штайнер Ю., *Европейскія дэмакратыі.* С. 51.
34. Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries.* New Haven & London: Yale University Press, 1999. P. 70.
35. http://en.wikipedia.org/wiki/Christian_Democratic_Union%28Germany%29.
36. Dalton R., *Op. cit.* P. 300; http://en.wikipedia.org/wiki/Christian_Democratic_Union%28Germany%29.
37. Фукуяма Ф., *Указ. соч.* С. 356.
38. http://en.wikipedia.org/wiki/Angela_Merkel.
39. http://en.wikipedia.org/wiki/Social_Democratic_Party_of_Germany.
40. Dalton R., *Op. cit.* P. 303.
41. http://en.wikipedia.org/wiki/Joschka_Fischer.
42. http://en.wikipedia.org/wiki/Alliance_%2790/The_Greens.
43. http://en.wikipedia.org/wiki/The_Left_%28Germany%29.
44. Lijphart A. *Op. cit.* P. 248–255.

Литература

- Альтермат У., *Этнонационализм в Европе.* М.: РГГУ, 2000.
- Инглхарт Р., “Модернизация и постмодернизация” // *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Асадемия, 1999.
- Лакер У., *Россия и Германия. Наставники Гитлера.* Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991.
- Поллак Д., “Конец организованного общества. Рассуждения о кардинальных общественных изменениях в ГДР в свете системной теории” // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей:* в 2 т. Т. 2. СПб. – М., Берлин: Летний сад и др., 2003.
- Основной Закон Федеративной Республики Германия.* Берлин: Public Document, 2000.
- Фукуяма Ф., *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию.* М.: АСТ, Ермак, 2004.
- ФРГ глазами западногерманских социологов.* М.: Наука, 1989.
- Храдил Ш., “Перегнать, не догнав? Шансы субъективной модернизации в Восточной Европе” // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей:* в 2 т. Т. 2. СПб. – М., Берлин: Летний сад и др., 2003.
- Штайнер Ю., *Европейскія дэмакратыі.* Мн.: Лекцыя, БФС, 1996.
- Dalton R., “Politics in Germany” // *Comparative Politics Today. A World View.* Ed. by G. Almond & B. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Dalton R., *Politics in Germany.* Irvine: University of California Press, 2007.

- Dahrendorf R., *Society and Democracy in Germany*. N.Y.: Doubleday, 1967.
- Elgie R., "Germany: Dispersed Leadership" // Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995.
- Inglehart R., *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: University press, 1997.
- Klingemann H.-D., Hofferbert R., "Germany: A New Wall in the Mind?" // *J. of Democracy*, 1994. Vol. 5. P. 30–44.
- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.
- Sabel Ch., *Work and Politics*. Cambridge: University Press, 1981.
- Weber M., *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 2. Berkeley: University of California Press, 1978.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какое влияние на процесс демократизации Германии оказали исторические традиции этой страны?
2. Что представляют собой экономическое развитие, демографическая и конфессиональная ситуация после объединения двух немецких государств?
3. В чем проявляются особенности немецкого федерализма?
4. Каким образом принципы разделения властей проявляют себя в институциональном устройстве парламентской республики в Германии?
5. Что такое *конструктивный вотум недоверия* и как эта норма работает в ФРГ?
6. Какова роль бундестага и бундесрата в определении политического курса Германии?
7. Что вы знаете о политике ресоциализации в ФРГ? Какое влияние она оказала на демократизацию политической культуры на западе Германии после окончания Второй мировой войны и в восточных землях после 1990 г.?
8. Каким образом организована деятельность немецких групп интересов?
9. Как повлияло избирательное законодательство на партийную систему ФРГ?
10. В чем проявляются идеологические особенности основных политических партий ФРГ?

ТЕМА 13. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ

1. Окружение политической системы и японский феномен.
2. Реформы периода американской оккупации.
3. Конституционное устройство.
4. Особенности политической культуры.
5. Группы интересов, партии и развитие партийной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- финансово-производственные группы (*keiretsu*);
- японский феномен;
- реставрация Мэйдзи (*Meiji Ishin*);
- Конституция Мэйдзи (*Dai-Nippon Teikoku Kenpo*);
- император (*tenno*);
- парламент (*diet*);
- вторая модернизация;
- Верховное командование союзных держав (*Supreme Commander of the Allied Powers – SCAP*);
- палата представителей (*Shugiin*);
- палата советников (*Sangiin*);
- премьер-министр Японии (*Naikaku sori daijin*);
- кабинет министров (*Naikaku*);
- Верховный суд (*Saiko-saiban-sho*);
- Японская федерация бизнеса (*Nihon Keidanren*);
- Японская конфедерация профсоюзов (*Rengo*);
- доктрина Ёшиды (*Yoshida Doctrine*);
- либерально-демократическая партия Японии (*Jiyu-Minshuto, Jiminto – LDP*);
- социалистическая партия Японии (*Nihon Shakai-to – JSP*);
- демократическая социалистическая партия (*Minshu Shakai-to – DSP*);
- социал-демократическая партия Японии (*Shakai Minshu-to – SDP*);
- Японская коммунистическая партия (*Nihon Kyosan-to – JCP*);
- Партия очищения правительства (*Komeito*);
- Партия Новая Комейто (*Shin Komeito – NKP*);
- Японская новая партия (*Nihon Shinto*);
- Партия новой жизни (*Shinseito*);
- Новая партия (*Shinto Sakigake*);
- демократическая партия Японии (*Minshuto – DPJ*).

1. Окружение политической системы и японский феномен

Япония является относительно небольшим по территории государством. Ее площадь примерно равна площади американского штата Монтана. Япония состоит из более чем 3000 островов, крупнейшими из них являются Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку. Это горная страна, большая часть которой (85%) непригодна для занятия сельским хозяйством. Тем не менее по **численности населения** Япония занимает десятое место в мире. По данным переписи за 2004 г., в стране проживало 127 млн 300 тыс. чел. Очень высокой является плотность населения. В Большом Токио, например, проживает 30 млн жителей. Это один из крупнейших мегаполисов планеты.

По уровню своего **экономического потенциала** Япония прочно занимает второе место в мире после США. В 2006 г. объем ВВП в номинальном выражении составлял 4,9 трлн долл., а ВВП на душу населения – 38 341 долл. [1]. Япония – это развитая постиндустриальная страна. Основу ее экономического могущества составляют банковская сфера, страхование, транспорт, телекоммуникации. Она производит высококачественные автомобили, электронное оборудование, станки, корабли, изделия химической промышленности. Благополучие Японии зависит от внешней торговли. Несмотря на высокопродуктивное сельское хозяйство, эта страна почти целиком обеспечивает свои потребности в продуктах питания (за исключением рыбы) за счет импорта. То же самое можно сказать и о сырье для промышленности и энергоносителях. В свою очередь, Япония экспортирует транспортное оборудование, автомобили, изделия электроники, станки, изделия химической промышленности. Важнейшими внешнеторговыми партнерами являются США, Китай, Южная Корея, Тайвань, страны Евросоюза.

В течение 60–80-х гг. прошлого века Япония продемонстрировала беспрецедентно высокие темпы экономического роста (10% ежегодного прироста ВВП в 60-е, 5% – в 70-е и 4% – в 80-е гг.). Это явление получило название *японского экономического чуда*. Однако в 90-е гг. ситуация в хозяйственной сфере ухудшилась, а в 2001–2002 гг. страна пережила острую рецессию. Тем не менее к 2005 г. положение дел стало выправляться. В том же году Япония добилась более высоких темпов роста ВВП, чем ее основные конкуренты США и ЕС.

К причинам японского экономического чуда обычно относят тесное сотрудничество между государством и бизнесом, очень высокий уровень трудовой этики населения, использование новейших технологий, относительно невысокие расходы на оборону. Очень важным преимуществом Японии является структурный фактор. Промышленный потенциал этой страны базируется на деятельности круп-

ных *финансово-производственных групп* (*keiretsu*), объединяющих производителей, потребителей, дистрибуторов и банки. Ведущие позиции занимают такие гиганты с многомиллиардным оборотом, как *Sony, Sumitomo, Mitsubishi, Toyota*. Они проводят традиционную патерналистскую политику в отношении персонала и обеспечивают пожизненный наем значительной части наемных работников, а также другие преференции.

Благодаря своим экономическим достижениям Япония смогла решить целый ряд важных социальных проблем. В этой стране достигнут самый высокий показатель в мире по средней продолжительности жизни (81,2 года). Японское общество является одним из наиболее высокообразованных. Почти все дети заканчивают среднюю школу. Около 75% всех выпускников средних учебных заведений поступают либо в университеты и колледжи, либо в другие учреждения послешкольного образования. В этой стране действует всеобщая система медицинского страхования, которая финансируется за счет поступлений в специальный государственный фонд. Она обеспечивает достаточно высокое качество обслуживания и является общедоступной.

Оборотной стороной высокого уровня благосостояния являются *демографические проблемы* и, прежде всего, старение населения. В 2004 г. 19,5% жителей составляли люди старше 65 лет. Старение населения ведет к дефициту трудовых ресурсов. Япония пока что отказывается идти по пути Евросоюза и США и решать данную проблему за счет массовой иммиграции рабочей силы из-за рубежа. В культурном плане страна восходящего солнца остается одной из самых однородных в мире. Но низкие темпы рождаемости в перспективе могут привести к сокращению численности населения: до 100 млн в 2050 г. и 64 млн в 2100 г. [2].

К этому стоит добавить и то, что после окончания Второй мировой войны, которую Япония вместе с нацистской Германией проиграла, эта страна превратилась в стабильное демократическое государство. Здесь уважаются права человека, функционирует многопартийная система, у граждан существуют реальные возможности для политического участия и оказания влияния на решения правительства на национальном и локальном уровнях.

Японский феномен. Все это позволяет многим исследователям обоснованно говорить об уникальности этого восточно-азиатского государства, о так называемом японском феномене. Как отмечает известный российский историк-востоковед Л. Васильев, «Япония – единственная из неевропейских стран, чье развитие уже к рубежу XIX–XX вв. позволило ей не просто сравняться с ведущими европейскими державами, но и стать одной из наиболее влиятельных

и успешно развивающихся капиталистических стран мира... Как это ни парадоксально, но именно разгром Японии в войне, ее оккупация и связанные с этим радикальные преобразования в ее структуре окончательно открыли двери для развития этой страны. Были сняты все преграды для такого развития, – и результат оказался поразительным... Важно отметить еще одно существенное обстоятельство. В своем успешном продвижении по пути капитализма Япония полностью воспользовалась всем тем, что может представлять для такого развития демократизация европейско-американского образца. Однако она не отказалась и от многого того, что восходит к ее собственным фундаментальным традициям и что тоже сыграло свою позитивную роль в ее успехе” [3].

Японии была свойственна очень быстрая модернизация (переход от традиционного общества к современному), которая началась в 1868 г. после так называемой *рестаурации Мэйдзи* (*Meiji Ishin*) [4]. Феодалная страна до этого, 80% населения которой проживало в деревнях, напоминала Британию эпохи Тюдоров (400 лет назад). Формально реставрация Мэйдзи ликвидировала так называемый *сёгунат Токугава* и вернула всю власть императору. Фактически же данное событие открыло 70-летнюю эру реформ, которые превратили Японию в индустриально развитое и милитаристское государство, которое проводило активную экспансионистскую политику в 30-е гг. XX в.

Реформы включали в себя, во-первых, переход к новому административно-территориальному делению. Вся Япония была разделена на губернии и префектуры во главе с чиновниками, назначаемыми из центра. Фактически в их роли выступили местные князья (*даймё*) и самураи (профессиональные воины, которые служили князьям или *сёгуну*). Из всемогущей знати эти сословия превратились в административный аппарат на жаловании у государства.

Во-вторых, были устранены все сословные различия. Носители дворянских титулов не имели уже никаких преимуществ по сравнению с другими группами населения. Став чиновниками на службе у государства, они получали за это денежное содержание – пенсии.

В-третьих, в 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность. Эта мера привела к созданию сильной регулярной армии, офицерский корпус в которой был составлен из бывших профессиональных воинов-самураев, сохранивших и в императорской армии верность кодексу чести (*бусидо*).

В-четвертых, была проведена довольно радикальная аграрная реформа. Земля признавалась собственностью тех, кто ее обрабатывал. Предусматривались выкуп за земельный участок и налоги в государственную казну. Результатом реформы стало освобождение

зажиточных крестьян от ренты в пользу *даймё*. С другой стороны, мелкие крестьянские хозяйства разорялись. Реформа открывала путь к быстрому развитию капитализма в аграрном секторе.

В-пятых, в 1876 г. были капитализированы пенсии *даймё*. Вместо ежегодных выплат они получили единовременную компенсацию. В результате этого шага существенно увеличился банковский капитал Японии, а князья получили прекрасную возможность для инвестирования своих финансовых средств в возникающую промышленность.

В-шестых, японское государство взяло на себя создание наиболее крупных и экономически невыгодных предприятий (арсеналов, верфей, металлургических заводов), а после их становления продало эти предприятия наиболее преуспевающим частным владельцам, таким как *Mitsui*, *Mitsubishi*, *Furukawa* и др. “Тем самым японское правительство не только ясно продемонстрировало твердый курс на поддержку защищенного законом частного предпринимательства, но и избавило Японию как государство от невыносимого груза неэффективной казенной промышленности, тяжесть которого всегда ощущали и ныне ощущают подавляющее большинство развивающихся стран” [5].

В-седьмых, под воздействием широкого общественного движения новых социальных групп за принятие Основного Закона в 1889 г. императором был подписан указ о введении в силу *Конституции Мэйдзи* (*Dai-Nippon Teikoku Kenpo*).

Этому событию предшествовало создание специальной комиссии под председательством Хиробуни Ито и его поездка в Европу с целью детального изучения законодательства. При этом американская Конституция была отвергнута сразу из-за ее чрезмерного либерализма, а английское политическое устройство – из-за слишком сильного влияния на него парламентаризма. Японцам пришелся по вкусу прусский вариант Основного Закона, который и стал основой Конституции Мэйдзи. На их выбор, безусловно, повлияло и сходство социальных условий в полуфеодальной Пруссии при Бисмарке и в Японии эпохи реставрации Мэйдзи.

В соответствии с Основным Законом полным суверенитетом в Японии обладал *император* (*tenno*) как потомок бога. Он, по крайней мере, номинально объединял в своей персоне все ветви власти (исполнительную, законодательную и судебную). С другой стороны, Конституция утверждала, что император не может действовать непосредственно, но должен опираться на государственных министров, которых он же и назначал на посты. У императора было право объявления войны и заключения мира, подписания договоров с другими государствами и роспуска нижней палаты парламента, а также издания декретов и указов в период между депутатскими сессиями.

Второй раздел Конституции декларировал права и свободы граждан, такие как: свободу передвижения, неприкосновенность личности, тайну корреспонденции, защиту частной собственности, свободу слова, печати и создания ассоциаций, свободу совести. В Японии вводился также независимый суд.

Конституция учреждала двухпалатный *парламент* (*diet*). Верхняя *палата пэров* не избиралась. Она состояла из членов императорской семьи, высшей аристократии, которая передавала свои места по наследству, а также лиц, назначенных на эту должность императором. Нижняя *палата представителей* избиралась мужской частью населения при очень высоком имущественном цензе. В первых парламентских выборах, которые состоялись в 1890 г., мог принимать участие только 1% населения. В дальнейшем было принято несколько законов, которые расширили категорию полноправных японских граждан, а в 1925 г. было введено всеобщее избирательное право для мужчин.

Правительство Японии во главе с премьером в соответствии с Конституцией Мэйдзи было неподотчетно парламенту. Оно формировалось императором и отвечало перед ним. Вместе с тем парламент получил возможность использовать законодательную инициативу, право утверждать все законы, право принимать бюджет страны [6].

Таким образом, Основной Закон 1889 г. в целом носил авторитарный характер. Конституция не смогла предотвратить установление открытого *военно-олигархического режима* в 30-е гг. XX в. В то же время в ней содержались и важные демократические положения, которые оказались востребованными в иной исторической ситуации. После принятия Основного Закона в Японии были созданы различные общественные объединения, профсоюзы и политические партии (они действовали до 1939 г.). В стране возникла независимая пресса. Большое развитие получило образование, в том числе и высшее.

Как отмечает американский политолог Чарльз Эндрейн, “политические деятели эпохи Мэйдзи не только делали упор на прагматические инструментальные ценности, но и смогли так органично соединить традиционные верования с современными принципами, что первые стали содействовать индустриализации... В то время как китайские мандарины стремились хранить верность основным этическим ценностям, невзирая на отвлекающие от них заманчивые цели (*ценностно-ориентированная рациональность*), японцы придерживались *инструментальной рациональности*, выразившейся в поиске наиболее эффективных путей осуществления стоящих перед нацией задач. Правители эпохи Мэйдзи стремились найти такие формулы, которые бы работали, догмы их не привлекали. Преимущество их состояло и в том, что в представлении о конечной цели существовало полное единство взглядов, но они были готовы к любым мнениям в вопросе о путях ее достижения. Указывая на различия между целями и средствами, они сформулировали принципы активного приспособления: господство над природой, знания как способ достижения

успехов в экономике и ориентация на будущее, при котором традиционные взгляды служат для оправдания жертв в настоящем. Мотивационным лозунгом стало достижение наилучших результатов во имя экономического процветания; примером для подражания был японский воин (самурай) с его трудолюбием, бережливостью, дисциплинированностью и эрудицией. Китайцы между тем в конце XIX в. были склонны смешивать цели и средства... Изучение классиков конфуцианства преподносилось в качестве достойной конечной цели. Преклонение перед прежними порядками и почитание предков символизировало решимость во всем следовать традициям. Успехи элиты на конфуцианском экзамене ставились выше массовых успехов в деле развития национальной экономики.

Несмотря на то, что и в конфуцианстве, и в философии эпохи Мэйдзи коллективизм преобладал над индивидуализмом, японской культуре была присуща большая преданность нации. Будучи не столь многочисленной, как китайцы, и более однородной нацией, японцы сплотились вокруг своей национальной религии, синтоизма, где император символизировал возрожденную нацию. У китайцев же в большем почете были расширенная семья, клан и род... И в Японии, и в Китае культурную основу правителей и управляемых составляли элитарность и патриархальность: женщины оставались в подчинении у мужчин, старшие руководили младшими. Вместе с тем японская система ценностей оставляла за молодыми самураями (бывшими воинами) право становиться чиновниками и бизнесменами – руководителями, обеспечивающими экономическое развитие. Свою лояльность массы доказывали активным служением императору. Считалось, что перед императором все равны. Император правил как отец, духовный глава нации, посредник между народом и Богом. Граждане выражали ему сыновью преданность, стремились превратить Японию в богатое и могущественное государство... С поведенческой точки зрения быстрые социально-экономические преобразования Японии эпохи Мэйдзи объясняются тем, что японские правители обладали достаточной волей и властью для проведения в жизнь достаточно радикальной политики. Правящая олигархия, состоявшая из *генро* (старших государственных служащих), армейских офицеров, чиновников и технократов, действовала как орган коллективного руководства и организовывала массы на участие в национальной модернизации. Всеобщая воинская повинность укрепляла военную мощь Японии, в результате чего она одержала победу над Китаем в 1894 г. и над Россией в 1905 г. Программы народного образования сделали нацию грамотной, создав возможность повышения рабочими своей квалификации. К 1905 г. школу посещало 90% всех детей. Проводимая экономическая политика способствовала быстрому росту промышленности. В собственности государства находились железные дороги, а также судостроительные, чугуно- и сталеплавильные, угледобывающие промышленные предприятия. Часто центральное правительство учреждало такие предприятия, а затем продавало их частным владельцам. Большинство из них получало от государства щедрые субсидии, а также защиту от конкуренции со стороны иностранцев. Мощь японского флота способствовала росту экспорта отечественного текстиля. Развитию промышленности и торговли помогало и то, что бизнес облагался меньшими налогами, чем земля... Несмотря на то, что наравне с правительственной бюрократией ведущую роль играли и крупные частные корпорации (*дзайбацу*), в Японии эпохи Мэйдзи плюрализм был ограничен. Государство контролировало общественные объединения, а не наоборот... В условиях ограниченного плюра-

лизма рабочие и крестьяне обладали незначительными политическими и экономическими правами. Военно-полицейское государство расправлялось с профсоюзами, партиями социалистической ориентации, а также с забастовками.

В Японии правительство Мэйдзи оказывало успешное сопротивление иностранному господству в отечественной экономике. После 1850 г. США потребовали для себя особых прав в торговле с Японией. Японские чиновники опасались, что гражданские войны могут спровоцировать вторжение Франции и Великобритании. Следовательно, реставрация монархии Мэйдзи в 1868 г. явилась отчасти выражением решимости японской элиты противостоять иностранному вмешательству путем создания мощного милитаризованного государства, заботящегося о национальной безопасности и усиленного развитой экономикой" [7].

К данному перечню культурно-исторических особенностей Японии, сделавших возможным ее быстрое экономическое и политическое развитие после 1868 г., Л. Васильев добавляет еще несколько важных характеристик. "Изоляция Японии от европейского мира не только не была абсолютной (абсолютной она не была и в Китае), но и не сопровождалась высокомерным официальным отторжением всего иноземного, демонстративным пренебрежением по отношению к нему. Напротив, японцы, привыкшие перенимать у других народов (прежде всего из Китая) все полезное и пригодное для собственного развития и не видевшие в том ничего для себя зазорного либо унижительного, активно продолжали следовать этому весьма благоприятному для себя принципу и в период формального закрытия страны от влияния Запада (1603–1853 гг. – *замечание автора*). Островное положение Японии, обусловившее периферийный статус этой страны в системе дальневосточной цивилизации... имело своим следствием и еще одно немаловажное обстоятельство, а именно – *особую роль торговли и мореплавания*. Вообще-то, формально торговцы в Японии, как и в Китае, занимали приниженное положение: среди официально признанных сословий (самураи – крестьяне – ремесленники – торговцы) им принадлежало последнее место. Но, тем не менее, реальный статус торговцев был более предпринимательским, нежели в Китае, так как их поддерживали заинтересованные в развитии своих княжеств всесильные *даймё*. Слабость же централизованной власти и специфика сёгуната как системы, ориентированной на... сохранение статус-кво во взаимоотношениях с влиятельными *даймё*, объективно способствовала тому, что торговля и мореплавание в позднесредневековой Японии были чем-то вроде частного предпринимательства, находившегося под верховной опекой заинтересованных в этом князей.

В Японии по ряду причин не сформировалась гражданско-бюрократическая система власти с соответствующим аппаратом чиновников, который рекрутировался бы по китайской модели с помощью системы экзаменов. Альтернативой здесь оказалась система военной власти в форме сёгуната, где функции чиновников исполняли в основном самураи, воины рыцари с характерным для них кодексом воинской доблести и рыцарского долга. Кодекс самураев *бусидо* лишь внешне соответствовал требованиям конфуцианства. По сути же он увел самураев в сторону выполнения ими военной и военно-феодальной функции, что вполне соответствовало реалиям Японии, но кардинально отличало ее в этом смысле от Китая. Практически это означает, что в Японии не сложилось всеобъемлющего государства с его тотальным контролем над населением – того самого государства, которое в Китае сковывало китайских

торговцев и позволяло им разворачивать их возможности лишь там и тогда, где и когда сильной опеки государства не ощущалось, т.е. вне Китая. Отсутствие такого государства в Японии сыграло важную роль в успехе этой страны, особенно после реставрации Мэйдзи, когда молодое, буквально на глазах создававшееся государство во главе с императором не только не было обременено многовековыми традициями бюрократизма, но напротив, было широко открыто для полезных заимствований.

Распродажа государственных предприятий в руки частных фирм была важным сигналом, свидетельствующим о том, что японская империя вполне сознает преимущества и экономическую эффективность именно частнокапиталистической формы управления экономики. *Главными же функциями японского государства* с конца XIX в. стали те, что характерны именно для государства западного типа – *функции политические*, т.е. осуществление политики, в которой заинтересованы прежде всего господствующие классы и социальные слои новой Японии.

Откуда в Японии *столь сильная и развитая военная традиция*? Почему конфуцианство именно в этом важнейшем для себя пункте – принцип строго централизованной бюрократической гражданской администрации – оказалось вынужденным отступить? Здесь сыграл свою роль основной идейный соперник конфуцианства в Японии – буддизм, на протяжении ряда веков бывший официальной идеологией сёгуната. Хорошо известно, что буддизм в его специфически японской форме *дзэн-буддизма* сыграл весьма существенную роль в воспитании поколений самураев, проходивших выучку в дзэнских монастырях с их суровой ориентацией на дисциплину и повиновение наставнику. Расчлененность страны на острова и постоянная политическая вражда влиятельных сил при общей слабости власти центра... все это способствовало выходу на передний план военной функции в ее столь специфической для Японии военно-феодальной форме... Конечно, ликвидация сёгуната и реформа японской армии сыграли свою роль. Однако дух бусидо не ушел в прошлое. Напротив, с выходом на передний план находившейся до этого в состоянии упадка национальной японской религии – *синтоизма* (вариант китайского даосизма) – с ее культом императора как потомка богини Аматерасу воинский дух японцев как бы обрел новое содержание: все воины страны... должны были быть готовы умереть во имя величия новой Японии и ее императора. Отсюда – тот самый дух милитаризма, та откровенная агрессивность, которые стали проявляться во внешней политике Японии по мере развития экономической и, прежде всего, военно-экономической базы этой страны в конце XIX в.” [8].

Неизвестно, как далеко завел бы Японию этот ее питавшийся традицией агрессивно-милитаристский дух и соответствующая внешняя политика, если бы не **поражение страны во Второй мировой войне**, которое послужило исходным пунктом трансформации ее и своего рода завершающим ключевым аккордом в том процессе, который можно назвать феноменом Японии... “Японское государство, будучи вынужденным решительно отказаться от агрессивной внешней политики, энергично переключило свою активность на поддержку экономической деятельности фирм, в свою очередь выступая по отношению к ним все в той же привычной функции всеобщего

отца в рамках патерналистских взаимосвязей. И это опять-таки оказалось не только гармоничным, но и экономически эффективным: не вмешиваясь в экономику непосредственно, государство всемерно содействует ее процветанию... Демилитаризованные потомки японских самураев приобрели необходимую подготовку и навыки, заняли свое место в рядах служащих все тех же фирм (“самураи с портфелями”, как их нередко называют)... Во многом восходящие к традиционной конфуцианской дисциплине культура и этика труда и поведения рабочих, гораздо более склонных к искреннему сотрудничеству с фирмой, нежели к борьбе с ее верхушкой во имя отстаивания своих прав, тоже вносят немалый вклад в процветание страны. Словом, радикальная переориентация японской активности в мирное русло дала бесценные плоды, превратив современную Японию в передовую по многим параметрам страну, включая самые престижные и наукоемкие современные отрасли производства, новейшую технологию, социально-психологический комфорт” [9].

2. Реформы периода американской оккупации

Второй модернизацией в Японии принято называть экономические и политические реформы, проведенные после Второй мировой войны. Они позволили создать экономику, равную британской, французской и западногерманской вместе взятым; превзойти СССР по показателям валового производства и занять вторую позицию в мире после США по этому показателю. Если до Второй мировой войны Япония представляла собой олигархическую систему с элементами демократии, то за послевоенные годы эта страна превратилась в стабильную демократию.

Разгром Японии в войне привел к оккупации ее территории американскими войсками, которая продолжалась с 1945 по 1952 г. Демократические политические институты здесь возникли под непосредственным влиянием США. 2 сентября 1945 г. японское императорское правительство капитулировало на борту крейсера “Миссури”. С этого момента начался невиданный в истории эксперимент по *социальной инженерии*, который продолжался в течение следующих шести лет.

Соединенные Штаты ставили перед собой две взаимосвязанные цели: они стремились, во-первых, к демилитаризации экономики и, во-вторых, к демократизации политической системы Японии, чтобы предотвратить возможность появления новой японской угрозы, подобной той, которая существовала в 30-е – первой половине 40-х гг. Вся власть в стране находилась в руках **Верховного командования союзных держав**, сокращенно – SCAP (*Supreme Commander of the Allied Powers*), во главе с американским генералом Дугласом Маккартуром.

Первая цель была довольно легко достигнута с помощью ликвидации колоний Японской империи, репатриации 6 млн японских военных и гражданских лиц домой, разоружения армии и демобилизации военнoслужаших, уничтожения или конверсии военных предприятий. Была принята и знаменитая 9 статья Конституции Японии, которая заявляла, что “японцы навсегда отказываются от суверенного права ведения войны; наземные, воздушные и морские силы, а также другой военный потенциал никогда не будут воссозданы” [10]. Правда, через некоторое время под влиянием со стороны США было принято решение о создании японских сил самообороны. Несмотря на их многочисленность, они не играют активной роли в мировой политике. Лишь в 1992 г. силы самообороны получили право на участие в миротворческих операциях под флагом ООН. Поэтому иногда Японию называют “экономическим гигантом, но военным карликом”.

В Японии были организованы судебные процессы против лиц, совершивших военные преступления. Однако, в отличие от Германии, они носили половинчатый характер. Несмотря на то, что многие преступники были осуждены, а некоторые казнены, сам процесс предъявления обвинений не распространялся на целую категорию лиц. Из него по настоянию Маккартура был, например, исключен император и члены его семьи (их нельзя было даже привлечь к процессу в качестве свидетелей). Как пишет американский историк Дж. Доувер, “чистки, которые первоначально содействовали притоку новой крови в политические партии, были вскоре отложены под сукно, что привело к возвращению в начале 50-х гг. большого числа консервативных политиков, формально их прошедших, в национальные и местные политические организации. В бюрократических структурах этим процессом пренебрегали с самого начала... В экономическом секторе чистки затронули около 160 человек из 400 предприятий. Везде в коридорах власти послевоенной Японии находились люди, чей талант уже был признан во время войны, и он по-прежнему высоко ценился в “новой” Японии” [11].

Вторая цель (демократизация) являлась более сложной, чем первая. Нужно было возродить многие институты японской политической системы, но наполнить их новым, демократическим содержанием, а также провести ряд социальных реформ, которые бы обеспечили им общественную поддержку. Как уже отмечалось, в Конституции Мэйдзи присутствовал миф о божественном происхождении власти императора. Она была также пронизана духом национализма (миф о национальной исключительности японцев) и милитаризма. Принцип императорского суверенитета лежал в основе представлений о трансцендентной природе власти и ее институтов, возвышаю-

щихся над простыми людьми. Данные идеи были весьма далеки от важнейших принципов демократии.

Когда стало ясно, что японская политическая элита выступает только за косметические конституционные реформы, Маккатурт 3 февраля 1946 г. приказал генералу Картни Уитни, руководителю правительственного бюро при SCAP, подготовить в десятидневный срок проект новой японской Конституции. В течение нескольких месяцев, пока его текст рассматривался в парламенте, в него было внесено несколько очень несущественных изменений и дополнений, а 3 ноября 1946 г. он почти единогласно был поддержан депутатами парламента в форме поправок к Основному Закону Мэйдзи. Новая Конституция вступила в силу 3 мая 1947 г.

Конституционная реформа. Она, прежде всего, предусматривала *изменение статуса императора*. По легенде, правящая династия восходила своими корнями к императору Джимму, который получил свою власть непосредственно от богини солнца Аматерасу в 660 г. до н.э. (нынешний император Японии Акихито является, таким образом, 125-м монархом в этой непрерывной династии). Историки относят возникновение японского государства к более позднему периоду – III–V вв. н.э. *Суверенитет* в соответствии с новым Основным Законом переходил от императора к народу Японии. Император – “символ государства и единства японской нации, получает свои полномочия от японского народа”. У него “нет права вмешиваться в вопросы управления” [12]. Многие формальные функции главы государства в Японии переданы премьеру.

В соответствии с новой Конституцией Япония становилась *парламентской монархией* по британскому образцу, с исполнительной властью в руках кабинета министров и премьера, которые, в свою очередь, зависели от расстановки политических сил в нижней палате парламента. Вводилась ответственность правительства перед избранными депутатами. Была проведена реорганизация верхней палаты японского парламента. Если раньше *палата пэров* не избиралась, а формировалась из представителей нобилитета, то после реформы *верхняя палата (советников)* должна была избираться на прямых всеобщих выборах.

Был принят новый избирательный закон. В соответствии с ним гражданские права получили женщины. Япония, таким образом, завершила свой процесс перехода к всеобщему избирательному праву. В первых послевоенных парламентских выборах 1946 г. могли принимать участие 16 млн новых граждан страны.

Социально-экономические реформы. В Японии была проведена широкомасштабная ресоциализация. Были изменены учебные программы в школах и университетах, популяризировались идеи инди-

видуализма, прав человека и демократии. Было расширено обязательное начальное образование с 6 до 9 лет, а также сделано более доступным университетское образование. В Японии прошла реформа занятости и земельная реформа. На промышленных предприятиях и в учреждениях создавались профсоюзы, которые были запрещены прежним режимом.

Оккупационная администрация пыталась провести **демонополизацию экономики**, ослабить позиции крупных семейных корпораций – *дзайбацу* (*дзай* по-японски означает “состояние” или “деньги”, а *бацу* – “клика”). До Второй мировой войны десять крупнейших *дзайбацу* обладали 35% оборотного капитала в финансовом секторе, 49% – в тяжелой промышленности и 35% в экономике в целом. К концу войны “большая четверка” – *Mitsui, Mitsubishi, Sumitomo* и *Yasuda* – полностью контролировала четверть всего оборотного капитала Японии [13].

Как отмечает американский философ японского происхождения Фрэнсис Фукуяма, “семейное владение компаниями внезапно закончилось в Японии с началом американской оккупации в 1945 г. Администраторы школы *Нового курса*, советники генерала Дугласа Маккартура, полагали, что большой капитал, сконцентрированный в *компаниях-дзайбацу*, имеет недемократический характер и служит поддержкой японскому милитаризму (что было одним из самых необоснованных идеологических предрассудков). Собственники больших семейных концернов должны были передать свои акции специальной Комиссии по ликвидации *дзайбацу*, которая потом продавала их всем желающим. В то же самое время среди акционеров и главных менеджеров *дзайбацу*, которые руководили компаниями до и после войны, была проведена чистка. Невероятная нехватка управленческих кадров в крупнейших японских компаниях по большей части восполнилась более молодыми менеджерами среднего звена, не имеющими в собственности очень больших пакетов акций предприятий... Земельная реформа, разрушившая крупные сельскохозяйственные поместья, непомерно высокий налог на имущество, снижение цен на обыкновенные акции после войны привели к тому, что некоторые крупные компании оказались на грани гибели.

В результате этих событий в послевоенный период стали появляться фирмы, более похожие на современные корпорации, чем на те, которые существовали до войны. Японские предприятия в большинстве своем имели профессиональное управление, а собственниками были другие люди, и, следовательно, в них существовало разделение функций собственности и управления. В Японии показатель семейной собственности стал чрезвычайно низок (если смотреть с точки зрения общей капитализации рынка) на фоне других промышленных стран, и в 1970 г. лишь 14% акций принадлежали семьям или членам семей. Хотя сама японская промышленность характеризуется высокой концентрацией, собственность на нее сосредоточена в руках очень большого количества людей... *Дзайбацу* были распущены во время американской оккупации, но постепенно восстановились уже в качестве современных *кейрецу*. Японская промышленность продолжает быстро развиваться, и сейчас частный сектор в Японии гораздо более концентрирован, чем в Китае. Десять, двадцать, сорок

крупнейших японских компаний являются вторыми по величине годового дохода после компаний, занимающих те же позиции в Соединенных Штатах... Компании, входящие в *кейрецу*, нельзя назвать полностью независимыми, и в то же время они далеки от слияния. Так или иначе, эта форма организации позволяет им делиться капиталом, технологиями и персоналом между собой, но не с фирмами, не входящими в сеть... Поскольку членство в *кейрецу* предполагает *взаимные моральные обязательства*, участники такой структуры не имеют права продавать свою продукцию там, где хотят, или самостоятельно устанавливать более конкурентоспособную цену..." [14].

Меры оккупационной администрации были направлены на то, чтобы превратить определенные социальные группы в японском обществе в *бенефициариев* политических и социальных преобразований. К ним, прежде всего, можно отнести женщин, молодежь, рабочих, мелких фермеров, мелких предпринимателей, новое поколение политических и экономических руководителей.

Начиная с 1949 г., когда в структурах SCAP была проведена существенная реформа, генерал Маккартур перешел к курсу на передачу все большего и большего объема полномочий по управлению страной японской администрации. Эта тенденция только усилилась после начала войны в Корее в 1950 г. Наконец, после заключения западными союзниками мирного договора с Японией в сентябре 1951 г. и вступления его в силу через год наступил конец американской оккупации. Государственный суверенитет Японии был полностью восстановлен. Взаимоотношения между Соединенными Штатами и Японией стали регулироваться статьями договора о безопасности и сотрудничестве.

Реформы периода американской оккупации завершились успехом, однако не потому, что их поддерживали социальные группы, получившие от них выгоду. Главная причина, по мнению американских политологов С. Фланагана и С. Рида, заключалась в другом: в изменении международной ситуации. В условиях холодной войны отчетливо проявилось совпадение интересов между оккупационной администрацией и консервативными кругами Японии, которые были ориентированы на рост национального экономического могущества во внутренней сфере и союза с США и Западом в целом во внешней [15].

3. Конституционное устройство

Парламент. Законодательная власть в Японии принадлежит национальному парламенту (*diet*). Он имеет бикамеральную структуру. Нижняя палата – *палата представителей* (*Shugin*) – состоит из 480 депутатов, которые избираются на четыре года. Однако депутаты редко осуществляют свои полномочия весь срок, потому что премьер может распустить палату в любое время и назначить досрочные выборы. Новые выборы должны состояться в сорокадневный срок с

момента роспуска парламента, а новый парламент должен собраться на первую сессию в тридцатидневный срок после выборов. Средний интервал полномочий палаты представителей одного созыва в послевоенный период составляет примерно 2,7 года.

В 1994–1996 г. в Японии была проведена реформа **избирательной системы**: переход от применения многомандатных округов, от которых избиралось 2–6 депутатов, к смешанной системе. В настоящее время 300 депутатов избирается по *плюральной системе (мажоритарной системе простого большинства)*, как в США и Великобритании, а 180 – по *системе пропорционального представительства*, как в большинстве континентально-европейских государств [16].

Верхняя **палата советников (Sangiin)** в настоящее время включает в свой состав 242 депутата, которые избираются на 6 лет с условием, что половина палаты подлежит ротации каждые три года. С 1983 г. она избирается по смешанной системе: из 121 депутата, которым предстоит ротация, 73 избирается по системе *единого непередаваемого голоса*, а 48 – по *пропорциональной системе партийных списков* (см. подробнее тему 4).

Несмотря на то, что верхняя палата в Японии – это младший партнер нижней палаты, ее политический вес постоянно возрастает, особенно после введения элементов пропорционального представительства при выборах депутатов. Согласно японскому законодательству, в случае разногласий парламентариев по вопросам принятия бюджета, ратификации договоров и избрания премьер-министра решающее слово принадлежит нижней палате. Например, бюджет страны, если он не одобряется палатой советников, в тридцатидневный срок становится законом после его одобрения палатой представителей. Однако по всем другим спорным вопросам нижней палате требуется 2/3 голосов, чтобы преодолеть вето верхней палаты по законопроектам. Правительство же далеко не после каждых выборов может обеспечить себе такой существенный перевес сил. Палата советников, таким образом, может становиться рупором оппозиции, с которым кабинету министров приходится считаться при проведении политического курса (ее к тому же нельзя распустить).

С 1955 по 1989 г. одна и та же партия (либерально-демократическая) доминировала и в нижней, и в верхней палате японского парламента, но в 1989 г. она утратила большинство в палате советников. На смену “эре согласия пришла эра коалиций”. Это событие стало прелюдией к приходу оппозиции к власти на непродолжительный срок в 1993 г. Затем либерал-демократы смогли вернуть утраченные позиции и вновь стать доминантной партией. В 2007 г. ситуация повторилось: впервые за многие годы у демократической партии Японии (главной оппозиционной силы) оказалось большинство в палате советников

(109 мест против 83 у LDP и 20 у их союзников из NKP) [17]. Это вначале не привело к отставке кабинета С. Абе, но вынудило его существенно обновить свой кабинет. Однако под давлением со стороны оппозиции, а также в результате резкого падения собственной популярности 12 сентября 2007 г. премьер-министр Японии заявил об отставке.

В национальном парламенте Японии существует три вида сессий: *обычные*, когда депутаты собираются в декабре и заседают в течение 150 дней (подобная сессия может продлеваться только один раз); *чрезвычайные*, которые могут созываться кабинетом или 1/4 депутатов любой палаты в любое время года; *специальные*, через 30 дней после выборов (они могут продлеваться дважды). Длительность сессий имеет важное значение, потому что это своеобразное оружие в руках оппозиции для торпедирования навязанного правящей партией законодательства с помощью затягивания времени заседаний.

Британская парламентская система послужила моделью для создателей японской Конституции. Однако известно, что в Великобритании действует система *сотрудничества властей*, которая отличается от американского президентского правления, базирующегося на *разделении властей*. В Японии представлен, скорее, промежуточный вариант.

С одной стороны, как в Британии, обе палаты имеют право заслушивать премьера и любого министра. Оппозиция широко пользуется этим правом для критики правительства. С другой стороны, как в Соединенных Штатах, парламентарии организованы в многочисленные комитеты и комиссии, которые работают параллельно кабинету министров. Они обладают широкими возможностями для разработки своих вариантов законопроектов и внесения поправок, изменений и дополнений в законодательные предложения исполнительной власти.

В 50-е – 60-е гг., когда в японской политической системе абсолютно доминировала одна партия, парламент страны напоминал собой британский. Исполнительная власть, опираясь на партийную дисциплину при голосованиях, могла провести через него любой законопроект. Правда, как замечает английский политолог Роберт Элжи, в отличие от Великобритании в Японии не возникло сильное премьерское лидерство, о чем свидетельствует быстрая смена правительств. Исполнительная власть, даже в условиях контроля одной партии и за верхней, и за нижней палатами парламента, была ограничена межфракционной борьбой в LDP и конкуренцией со стороны других сил политической системы [18]. Начиная с 70-х гг., когда стала усиливаться роль партийной конкуренции в парламенте, более influentialными стали комитеты и комиссии, что характерно для систем с классическим разделением властей.

Правительство. Исполнительная власть в Японии принадлежит **премьер-министру** (*Naikaku sori daijin*) и **кабинету министров** (*Naikaku*). Премьер избирается палатой представителей из числа депутатов. Согласно Конституции, требуется, чтобы большинство других министров были также членами нижней либо верхней палаты, а также гражданскими лицами. Министры должны регулярно посещать заседания парламента, а также комитетов и комиссий. Любая палата в Японии может инициировать *импичмент* против любого члена кабинета.

Правительство может быть отстранено от власти с помощью *вотума недоверия*. В этом случае парламент должен быть распущен и объявлены досрочные выборы. В соответствии с Конституцией это происходит, если палата представителей голосует вотум недоверия правительству; отвергает резолюцию доверия правительству; отказывается поддержать важный законопроект кабинета. Таким образом, премьер-министр не может рассчитывать на сохранение своей власти без наличия большинства хотя бы в нижней палате парламента. В свою очередь, депутаты не могут устранить неудобного премьера без риска досрочных выборов. В отличие от американской практики, где члены правительства – это известные политики, в Японии они являются бюрократами, делающими карьеру в министерствах и ведомствах и становящиеся депутатами парламента на последних этапах своей карьеры.

Р. Элжи считает, что позиция японского премьера является более слабой по сравнению с положением глав правительств современных либеральных демократий. С одной стороны, он наделен значительным количеством формальных полномочий, которые обычно выполняют главы государств. Действуя через императора, он, например, созывает парламент на сессию после выборов, распускает палату представителей, объявляет всеобщие выборы, награждает граждан. Премьер, по Конституции, является также верховным главнокомандующим японских сил самообороны. С другой стороны, его реальная власть в сфере внешней и внутренней политики ограничена. Например, из-за конституционных запретов на использование вооруженных сил премьер-министр не в состоянии оказывать серьезного влияния на международные отношения. Премьер Японии не может обеспечить себе равное положение с главами правительств Великобритании, Франции, не говоря уже о США, в области внешней политики.

“Японский премьер имеет также ограниченные возможности и в сфере влияния на процесс принятия решений внутри государства. В Японии, в отличие от Британии и Франции, лидерские полномочия не сосредоточены у главы исполнительной власти. Лидерские функции в Японии, в отличие от Соеди-

ненных Штатов и Германии, формально не поделены между политическим руководителем и представителями других ветвей и уровней власти. Например, роль местного управления в Японии слаба, а японский Верховный суд является относительно условным политическим актором. В действительности политическое влияние японского главы государства сильно напоминает роль итальянского председателя Совета министров. В обоих государствах эта ситуация является результатом распределения властных ресурсов внутри и между политическими партиями... В японском случае имеется в виду как межфракционная политика в LDP, так и отношения между LDP и другими силами политической системы" [19].

ВСТАВКА 13.1.

Политический портрет Ясио Фукуды

Ясио Фукуда родился в 1936 г. в семье политика (его отцом является достаточно популярный в Японии премьер-министр Такео Фукуда, который был главой правительства в 70-е гг.). Он рос и воспитывался в Токио. В 1959 г. закончил университет Васеда, получив диплом по экономике. После этого Фукуда стал работать в нефтедобывающей компании *Maruzen Petroleum*.

Долгое время он не интересовался политикой и пытался сделать карьеру служащего. Однако, безусловно, на Ясио большое влияние оказал его отец, который в середине 70-х гг. стал премьером. С 1976 по 1978 г. Фукуда-младший работал у отца в качестве секретаря. Позже он какое-то время возглавлял Институт экономических отношений.

В 1990 г. Ясио Фукуда был первый раз избран депутатом нижней палаты парламента. Он довольно быстро продвигался вверх по служебной лестнице. В 1997 г. Фукуда стал заместителем директора либерально-демократической партии. При премьерах Мори и Коизуми Фукуда занимает весьма ответственный пост секретаря кабинета министров. С него он вынужден был уйти в 2004 г. в связи со скандалом, вызванным подготовкой и проведением пенсионной реформы.

Интересно, что Фукуда был главным претендентом на должность премьера во время партийных выборов в сентябре 2006 г. Однако снял свою кандидатуру перед решающим туром голосования, потому что лидер самой влиятельной фракции LDP Мори заявил, что фракция решительно склоняется на сторону Абе.

В сентябре 2007 г. после неожиданного заявления Абе об отставке кандидатура Фукуды была вначале рассмотрена на заседании депутатов либерально-демократической партии и поддержана большинством фракций. Единственным конкурентом у него оказался Таро Азо, но тот набрал значительно меньше голосов депутатов LDP. Получив должность председателя правящей партии, Фукуда довольно легко был избран премьером. За него проголосовало 338 депутатов нижней палаты (почти на 100 больше, чем требуется для избрания). Оппозиционная демократическая партия Японии также выдвинула своего претендента на этот пост – Ичиро Озаву, который получил большинство голосов в палате советников. Однако, поскольку в соответствии с Конституцией решение палаты представителей является приоритетным, 25 сентября 2007 г. Ясио Фукуда стал девяносто первым премьер-министром Японии [20].

Судебная власть стала независимой в Японии только после Второй мировой войны. **Верховный суд** (*Saiko-saiban-sho*) является последним арбитром в интерпретации законов и в руководстве другими судами страны. Все судьи более низкой инстанции назначаются кабинетом министров по представлению Верховного суда сроком на десять лет. Практика такова, что они переназначаются до пенсионного возраста. Судьи Верховного суда назначаются пожизненно. Существует и другая конституционная норма, что они могут утверждаться народным референдумом на десятилетний срок, но она никогда не применяется на практике. Данный судебный орган обладает **правом пересмотра законов**, распоряжений, регулирующих норм на предмет их соответствия Конституции, однако Верховный суд пользуется этими полномочиями довольно осторожно.

4. Особенности политической культуры

Япония во время принятия Конституции 1947 г. столкнулась с той же проблемой, что и Федеративная Республика Германия: новые политические институты существовали без демократической политической культуры граждан. Традиционная политическая культура была иерархической и авторитарной, с пережитками феодальных представлений. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в Японии пессимизм относительно демократических ценностей и пассивность граждан сохранялись значительно дольше, чем в ФРГ.

Существует различие взглядов на японскую политическую культуру. Бросается в глаза существенная разбежка в ее оценке, когда данное явление анализируют западные специалисты и когда его рассматривают сами японцы. Исследователи из США и Западной Европы обращают внимание на то, что их привычные представления о демократии и японская практика не совпадают. Большинство, тем не менее, признает, что политическая система является демократической. Она появилась здесь за очень непродолжительный отрезок времени. Поэтому многие ученые пытаются определить те ценности традиционной японской культуры, которые, на первый взгляд, казались дисфункциональными, но реально сыграли позитивную роль в становлении демократических политических институтов и быстром развитии индустриального и постиндустриального секторов японской экономики. По мнению Ф. Фукуямы, важнейшее значение имели особенности японской традиционной семьи, а также добровольных ассоциаций, возникших еще в эпоху средневековья (см. вставку 13.2).

Японские исследователи левых взглядов обычно критично настроены по отношению к политической системе своей страны. По их мнению, доминация LDP в партийной системе является доказа-

тельством отсутствия демократии в Японии, политическая культура которой опирается на дожившие до наших дней феодальные ценности: *конформизм, партикуляризм, иерархию*. Например, главным мотивом избирателей при голосовании является ожидание выгод, а не стремление к оказанию влияния на политику властей и ее изменение. Японские граждане не обладают необходимыми знаниями, ими нужно руководить и обучать их азам политического участия. Партикуляризм проявляется в очень сильном влиянии групп интересов, особенно бюрократии, на японскую политику. Иерархические ценности проявляются в доверии японцев к политике “больших людей”, наделенных должностями и положением в обществе. На негативную оценку политической системы своей страны многих японских исследователей, безусловно, повлияли громкие коррупционные скандалы послевоенных лет (дело Локхид в 1976 г. или дело с взятками от строительной фирмы “Зенекон” в 1993 г. и др.). Кроме того, многие японские ученые склонны преувеличивать достижения западной демократии [22].

ВСТАВКА 13.2.

Фрэнсис Фукуяма о некоторых особенностях японской культуры

“В Японии изначально развивалась традиция семейных уз, не основанных на кровном родстве... Здесь еще до эпохи промышленной революции существовала система ассоциаций, не опирающаяся на родственные связи; подобные группы в это же время существовали и в Европе... Японская *ие* обычно, но не всегда соответствует биологической *семье*. Скорее же это что-то вроде фонда всего имущества домохозяйства, которым совместно пользуются члены семьи. Существует глава домохозяйства, который выступает в роли основного доверенного лица... Обычно статус главы домохозяйства передается от отца к старшему сыну, однако роль старшего сына может играть человек, не связанный кровными узами с семьей, – он лишь должен пройти определенные правовые процедуры *усыновления*. В Японии усыновление было легким и широко распространенным явлением, особенно среди знати... В отличие от Китая, где в течение тысячелетий происходило равное деление имущества среди наследников мужского пола большой семьи, Япония в XIV–XVI вв. создала *систему майората*, что позволяет сравнивать ее с Англией и другими европейскими странами... Имущество передавалось по наследству старшему сыну или человеку, который воспринимался в семье как старший сын. Наследник имел разнообразные обязательства по отношению к младшим братьям и сестрам. Однако он не был обязан делить состояние семьи. Никто не ждал, что младшие сыновья останутся в домохозяйстве, напротив, от них требовалось основать собственное... Такая форма организации семьи предполагала большую мобильность общества в целом... Шел постоянный приток кадров в другие сферы деятельности: бюрократический аппарат, военное и коммерческое сословие. Это оказало влияние на степень урбанизации Японии, поскольку

многие люди, лишённые наследства, стремились в город... Это содействовало развитию *ассоциаций* в Японии, которые основывались на **взаимных обязательствах**, которые **добровольно принимались** на себя людьми... Так, например, самурай мог быть связан с группой крестьян в деревне, обеспечивая их защиту от банд и получая взамен причитающуюся ему часть сельскохозяйственной продукции. Подобные обязательства могли взять на себя феодал (*даймё*), с одной стороны, и самураи, которые воевали за него, с другой... Вхождение в такие ассоциации было добровольным делом, а выход из них – нет. Моральная ответственность за выполнение взаимных обязательств продолжалась всю жизнь и принимала характер религиозного обета... Данные ассоциации получили название **иемото** – это не родственные объединения людей, которые ведут себя так, как если бы они были родственниками. Подчинение в группе имеет иерархический характер и передается по мужской линии, как в обычных семьях. Важнейшими социальными связями были не горизонтальные отношения среди равных (например, среди учеников одного мастера), а вертикальные – между старшим и младшим. Эти отношения можно сравнить с японской семьёй, где связь между родителями и детьми гораздо сильнее, чем между братьями и сестрами. Группы *иемото* напоминают современные добровольные организации на Западе, поскольку не базируются на родстве; кто угодно может примкнуть к этому объединению по собственному желанию. Однако они похожи на семью тем, что отношения внутри группы носят не демократический, а иерархический характер, поскольку сложить с себя принятые моральные обязательства не так просто. Однако членство в группе не наследуется, т.е. не может быть передано от отца к сыну... Структуры, подобные *иемото*, пронизывают собой все японское общество. Они составляют структуру практически всех организаций в Японии, в том числе и коммерческих. Скажем, японские *политические партии* делятся на квазипостоянные *фракции*, возглавляемые старейшим членом партии. Эти фракции не отражают определенных идеологических или политических позиций, как, например, фракции американской демократической партии. Скорее, это группы, подобные *иемото*, скованные добровольными и личными взаимными обязательствами между лидером фракции и его последователями. В японских религиозных организациях существует та же структура, что и в группах *иемото*... Такая форма организации создает определенную привычку, которая переносится и в деловой мир: если о японских фирмах зачастую можно сказать, что они похожи на семью, то китайские собственно и есть семья” (со всеми негативными последствиями, с этим связанными – *замечание автора*)... Отношения взаимных обязательств, которые доминируют в японских иерархических ассоциациях, были укреплены *конфуцианством*, которое попало в Японию в VII в., но было существенно трансформировано... Важнейшей добродетелью в Японии считали не сыновью почтительность, а **верность**, преданность господину, государству, императору... Сегодняшняя преданность самурая своему феодалу имеет форму преданности современного японского исполнителя, специалиста на окладе, компании на которую он работает. Свою семью он приносит в жертву: он редко проводит время дома и лишь иногда видит своих детей, пока они растут; выходные и даже отпуск чаще тоже посвящает не жене и детям, а компании... Одним из следствий трансформации китайского конфуцианства является то, что в Японии роль гражданского и

национального самосознания более высока, чем в Китае. Весь японский народ во главе со своим императором является, по сути, гигантской *ие* и требует от человека определенного уровня моральных обязательств и эмоциональной привязанности, чего никогда не было в Китае. В отличие от Японии, в Китае гораздо меньше развита позиция “мы против всех” по отношению к чужакам... Обратной стороной японского **национализма** и **склонности доверять только друг другу** служит недостаток доверия к неяпонцам... Следует отметить еще одну особенность японской культуры, которая позволяла внести элемент гибкости в деловые отношения. Суть ее заключается в том, что в Японии очень долгое время существовало **различие между реальными и номинальными носителями власти**. В Японии реальный правитель очень часто был анонимной персоной, стоящей в тени, и руководил опосредованно. Даже реставрация Мэйдзи лишь номинально вернула трон императору и служила для расширения интересов сёгуната. Переворот был осуществлен группой знати, которая действовала от имени императора. Последний имел мало власти как до, так и после Реставрации. На самом деле, Японии удалось сохранить единую, нерушимую династию только благодаря тому, что японские императоры не обладали реальной властью... Тот факт, что в Японии не совпадали реальные и номинальные источники власти, был важным преимуществом и для политических, и для коммерческих достижений... В отличие от Китая и Кореи, в Японии слишком старые или уже некомпетентные лидеры ненавязчиво перемещались на почетные посты, а реальная власть переходила в руки более молодых людей... Эта страна, как Германия и Северная Италия, никогда не управлялась сильным централизованным правительством с обширным бюрократическим аппаратом. Хотя Япония и гордится своей неразрывной династической традицией, однако императоры в Японии всегда были слабы и не стремились покорить народ, как, например, во Франции – стране феодальной аристократии. **Власть широко распределялась** между несколькими враждующими кланами, чьи позиции все время менялись... Таким образом, сама идея взаимных обязательств, основанных на взаимобмене услугами, глубоко укоренена в японской феодальной традиции. Децентрализованная политическая власть давала волю личной экономической деятельности. К примеру, перед реставрацией Мэйдзи правительства многих провинций (*хан*), на которые была разделена Япония в эпоху Токугава, создавали свои собственные промышленные предприятия – после 1868 г. именно на их основе было организовано большинство производственных компаний. Опять же, как в Европе, раздробленная власть способствовала росту больших городов – таких как Осака и Эдо (Токио), – в которых развивалось крепкое сословие торговцев... В Японии существовало некое *подобие протестантской трудовой этики*, которая была сформулирована примерно в одно время с европейской. Это явление тесно связано с традиционной *дзэн-буддистской* идеей **совершенствования в обычном деле** – фехтовании, стрельбе из лука, плотницком деле, производстве шелка и т.п. ... Эта страсть к совершенству, сыгравшая столь важную роль в успехе японских экспортных отраслей промышленности, имеет скорее религиозные, чем экономические корни” [21].

С. Фланаган и С. Рид попытались предложить свой подход к пониманию японской политической культуры, который удачно избегает

крайних позиций и оценок. Они выделили несколько очень важных, на наш взгляд, особенностей данного явления. Прежде всего, американские ученые обратили внимание на определенные противоречия ценностей *партикуляризма* и *холизма*. Первый доминирует в личных отношениях, проявляется, например, в секретных сделках групп интересов. Последний предполагает ориентацию на консенсус, групповую солидарность на уровне социума в целом. На микроуровне общества действуют иные нормы: “Политика моральна, когда она приносит пользу нам, и аморальна и нелегитимна, когда другие получают от нее большие выгоды, чем мы” [23].

Это существенно отличает американскую и японскую политические культуры. В Соединенных Штатах принято считать, что важно, чтобы не *результат* был справедливым, а *правила игры* в отношении всех ее участников. В Японии преобладает прямо противоположное убеждение. Например, это нашло свое выражение в разном отношении общественности двух стран к многочисленным скандалам вокруг участия японских строительных фирм в реализации проектов в США в 90-е гг. Американцы выступили против практики привлечения к этим работам фирм, связанных только с японским государством, потому что это нарушало правила честной рыночной конкуренции. По мнению же японцев, все было в полном порядке, так как обе стороны получили равную выгоду от сделки.

Японская политическая культура *не приемлет мажоритарного принципа*, потому что его применение ущемляет права меньшинств. При принятии решений все интересы должны учитываться, а само решение в идеале должно быть основано на *консенсусе* всех участников. Легитимным решением считается такое, которое обеспечивает каждого справедливой долей благ. При неопределенности процедур скрытого от публики характера обсуждений всегда может появиться сомнение насчет того, что другие группы получают больше, чем они заслуживают. Это является постоянным источником конфликтов в японской политической жизни. Справедливый результат, по мнению японцев, это *не обязательно равный результат*. Размер получаемой доли благ должен находиться в соответствии с заслугами человека, его вкладом, возрастом, положением и др.

Результативность японской политической культуры является довольно высокой. Она позволяет обеспечивать сотрудничество между правительством и бизнесом, что благотворно сказывается на развитии экономики. В Японии функционирует одна из самых эффективных в мире систем распределения дохода, “из которой не исключается ни одна группа интересов, хотя некоторые и получают больше, чем другие” [24]. Противоречия между партикуляризмом и

холизмом разрешаются с помощью осуществления принципа “Справедливая доля вознаграждения – каждому”.

Японская культура является **гомогенной**. В этой стране незначительную роль играют языковые и региональные различия. Национальные меньшинства не многочисленны. В стране проживает 600 тыс. корейцев и 2 млн так называемых *внешних жителей* (*burakumin*), которые имеют незначительные религиозные отличия от большинства японцев. Классовая идентификация играет гораздо меньшую роль, чем принадлежность к организациям (профсоюзам, ассоциациям бизнеса, политическим партиям). Патерналистские традиции повлияли на развитие **патрон-клиентелизма** в японском обществе. Он, в частности, проявляется в солидарности всех *инсайдеров*, вне зависимости от их классового и статусного положения в рамках определенной фирмы, организации, ассоциации. Данная установка ориентирует людей на предотвращение конфликтов, а не на их публичное разрешение.

Политическая культура и те изменения, которые произошли в японском обществе за несколько последних десятилетий, оказали влияние на политическое поведение японцев и их отношение к политике. Большинство японских граждан является политически компетентным. Они обладают необходимыми знаниями о политической системе и опытом политического участия. Статистика выборов свидетельствует, что большой процент граждан принимает участие в голосовании (в среднем 70%). Тем не менее в Японии значительно меньше, чем в США является уровень “*психологического или эмоционального политического участия*” [25]. Высоким остается недоверие японцев к политикам. Большинство рядовых граждан считает, что правительство не отзывчиво к требованиям граждан и проводит курс, выгодный только большому бизнесу и другим группам интересов. Политическая деятельность вообще не рассматривается в Японии как престижная профессия. По мнению большинства людей, политика неизбежно связана со злоупотреблениями, коррупцией и другими пороками.

Тем не менее негативные настроения в японском обществе по отношению к политике не приводят к частым кризисам и разрушению институтов демократии. Дело в том, что они сбалансированы позитивными установками. Цинизм и недоверие по отношению к политическим деятелям, например, уравновешиваются тем, что никто не исключен из группы получателей благ, которые формируются в соответствии с принципами партикуляризма. Доверие к институтам демократии выше, чем доверие к персоналиям, работающим в этих институтах. Большой популярностью в Японии пользуются местные органы власти и структуры местного самоуправления.

5. Группы интересов, партии и развитие партийной системы

Группы интересов. Основные группы интересов в Японии представлены ассоциациями предпринимателей, фермерскими объединениями и профессиональными союзами наемных работников. Японский большой бизнес (*zaikai*) хорошо организован. Большая часть ассоциаций, представляющих его интересы, объединена в **Японскую федерацию бизнеса** (*Nihon Keidanren*). Она возникла в 2002 г. в результате слияния двух других гигантов: Японской федерации экономических организаций (хорошо известной в послевоенный период как *Keidanren*) и Японской федерации ассоциаций работодателей (*Nikkeiren*). Новая структура объединяет более полутора тысяч членов, представляющих 1268 компаний, 126 производственных ассоциаций и 47 региональных ассоциаций.

Цели Японской федерации бизнеса связаны с решением целого ряда экономических и политических задач: содействием устойчивому развитию страны на основе свободной рыночной экономики, завоеванию Японией лидерских позиций в глобальной экономике (см. вставку 13.3), достижению консенсуса в обществе при разрешении экономических, производственных и социальных проблем. Федерация является главным партнером правящей либерально-демократической партии Японии.

Проведение в годы американской оккупации радикальной аграрной реформы привело к ликвидации крупных поместий и развитию мелких и средних фермерских хозяйств в аграрном секторе. Параллельно с этим шел процесс создания целого ряда разных *кооперативов*, которые хорошо организованы на национальном и локальном уровне. Так возник социальный слой, который традиционно ориентирован на поддержку консервативных ценностей и политики LDP. Однако эта ситуация стала меняться по мере стремительной урбанизации Японии (сейчас в сельской местности живет менее 10% населения). Крестьянские ассоциации и кооперативы оказались заинтересованы в государственных субсидиях, в ограничении доступа на японские рынки дешевой сельскохозяйственной продукции, выращенной за рубежом. Данные требования часто вступали в противоречие с курсом либеральных демократов, направленным на сокращение государственных дотаций и стимулирование свободного рынка. В силу этих причин фермерские ассоциации переориентировались на поддержку оппозиционных политических партий.

В отличие от предпринимателей и фермеров, рабочие в Японии никогда не представляли собой единой политической силы. До середины 80-х гг. их интересы представляли четыре конкурирующие между собой ассоциации, крупнейшими из которых выступали Гене-

ВСТАВКА 13.3

Япония видит себя мировым лидером к 2025 г.

“Крупнейшие бизнесмены сделали свой прогноз относительно будущего страны восходящего солнца. Они заявили, что Япония к 2025 г. должна стать “эталонном экономического развития” для всех стран без исключения.

Экономику Японии с конца 90-х гг. лихорадит. 14 апреля 2003 г. индекс Nikkei, главный показатель состояния фондового рынка, упал до низшего за последние 20 лет уровня. Самые мрачные прогнозы предвещают снижение темпов развития экономики еще как минимум на десяток лет. На этом фоне выделяется отчет о перспективах японской экономики до 2025 г., опубликованный Японской ассоциацией бизнесменов *Keidanren* (в него входит более тысячи японских компаний, банков и ассоциаций). Видение будущего страны японскими бизнесменами сводится к тому, что страна к 2025 г. должна стать ведущей экономической державой мира, обогнав США и не допустив к первенству КНР.

Конкретных шагов для достижения столь амбициозной цели *Keidanren* при этом называет немного. Это, в первую очередь, реформа налоговой системы и сокращение общего налогового бремени на 50% в течение 10–15 лет. Причем бизнесмены хотят увеличить потребительский налог (налог на добавленную стоимость) с 5 до 16%. И при этом снизить налог на прибыль и все налоги и отчисления с частных лиц: сегодня примерно треть зарплаты среднестатистического японца уходит на эти налоги. Отчет предлагает новую концепцию японского производства – с его полным переносом за пределы страны: японское качество должно определяться не лейблом “сделано в Японии”, а “сделано Японией”. В самой Японии компании будут заниматься только исследованиями. Для этого, по мнению *Keidanren*, стране понадобится приток свежих умов из-за границы. Во многом это пока еще неофициальное заявление (а иммиграционная политика в Японии сегодня более чем строгая) логически обосновывается старением нации. По подсчетам правительства, через 10–20 лет примерно половину населения страны будут составлять пенсионеры и долгожители. И как следствие притока иностранцев *Keidanren* предлагает социальный образ японца новой формации. Вопреки сложившимся нормам он не зависит от пожизненного найма и заранее известного карьерного роста. Правда, прогноз роста ВВП для лидера будущего *Keidanren* дает скромный – по 2% в год. Для сравнения: средний прогноз роста для азиатских стран составляет примерно 5% (для КНР – 7–8%)” [26].

ральный совет профсоюзов Японии (*Sohyo*), объединявший в своих рядах более 4 млн чел., занятых в основном в государственном секторе, и Японская конфедерация рабочих (*Domei*), представляющая интересы более 2 млн трудящихся частных компаний. Политически их позиции существенно расходились: *Sohyo* стал главной электро-альной базой социалистической партии Японии (крупнейшей в то время оппозиционной силы страны), *Domei* поддерживала более реформистски настроенную демократическую социалистическую партию. Кроме того, более 1,5 млн членов насчитывала Федерация независимых профсоюзов (*Churitsu Rogen*).

В 1987 г. *Domei* и *Churitsu Rogen* слились в единую структуру – Национальную федерацию профсоюзов частного сектора, которая вскоре стала называться **Японской конфедерацией профсоюзов** (*Rengo*). В 1990 г. к ним присоединилась и большая часть членов *Sohyo*. По данным на 2006 г., конфедерация является крупнейшим профессиональным объединением Японии и насчитывает более 6 млн членов [27].

Доминирующей тенденцией в послевоенной Японии стало постоянное сокращение численности юнионизированной рабочей силы. Если в 1949 г. этот показатель составлял 50%, то к середине 90-х гг. он снизился до 24%. Это связано с изменением структуры рабочего класса, сокращением численности так называемых “синих воротничков”, сконцентрированных на крупных предприятиях. Данная причина является общей для всех развитых постиндустриальных стран. Однако есть и причины чисто внутренние. Например, не японские национальные конфедерации профсоюзов, а сами местные организации на предприятиях участвуют в переговорах с нанимателями и заключают коллективные соглашения. Японские рабочие, особенно в частном секторе, рассматривают менеджеров как своих партнеров и вместе с ними, а не профсоюзной бюрократией привыкли решать основные производственные проблемы.

Всем группам интересов в Японии свойственно сочетание *инсайдерской* и *аутсайдерской* стратегий во взаимодействиях со структурами власти (см. более подробно тему 10). Однако если первый тип, безусловно, преобладает в политическом поведении ассоциаций бизнеса, то второй в большей степени характерен для профсоюзов. Обе стратегии имеют свои ограничения. Например, несмотря на экономические издержки, *Keidanren* вынуждена была пойти на уступки общественному мнению и поддержать предложения LDP по введению жестких экологических стандартов на японских предприятиях. Со своей стороны, профсоюзы, которые сразу после войны были ориентированы на открытые протестные действия, постепенно перешли к тактике переговоров и поиска компромиссов с правом правительством, чтобы обеспечить учет своих интересов в принимаемых политических решениях. Несмотря на то, что в Японии каждый год проводятся так называемые *весенние наступления трудящихся* (*shunto*), они давно утратили свой конфронтационный характер. В результате даже в не лучшие для экономики годы эта страна теряет значительно меньше человеко-часов от забастовок, чем большинство других стран Запада (этот показатель составляет только 9% от аналогичного показателя США).

Как подчеркивает Фукуяма, “послевоенные японские профсоюзы организовывались не по принципу принадлежности к той или иной профессии или

отрасли, как в Соединенных Штатах и многих европейских странах, а как профсоюзы отдельной компании, – к примеру, профсоюз *Hitachi* представляет интересы сотрудников компании независимо от их специальности. Вера в то, что работники и управляющие должны держаться вместе, отражает большую степень доверия, присущую японскому обществу, чем та, что существует в Соединенных Штатах, и гораздо большую, чем характерные для Великобритании, Франции и Италии с их долгой традицией непримиримости рабочего движения. Хотя японские профсоюзы продолжают проводить весенние демонстрации, как бы в память о своих боевых буднях в начале века, они обычно выражают интересы компании в целом, включая руководящий аппарат, и стремятся к постоянному росту и благополучию фирмы. Они, таким образом, зачастую служат своеобразными инструментами управления, призванными смягчить жалобы на условия труда и дисциплинировать недисциплинированных” [28].

Довольно сложно определить преобладающую в Японии *систему представительства групп интересов*. Она не является ни классически неокорпоративистской, ни классически плюралистической (см. более подробно тему 5). По мнению некоторых политологов, ее можно назвать *корпоративизмом, но без участия рабочих*, поскольку на макроуровне социума важнейшие решения принимаются правительством после консультаций с основными группами интересов. На микроуровне общества группы настолько тесно взаимодействуют со структурами власти, что зачастую бывает трудно провести грань между публичной и частной сферами [29].

По мнению других исследователей, Японии отнюдь не чужд дух плюрализма, однако опять-таки не американского, а национального. В этой стране очень сильны позиции правительства, которое является независимым актором, преследующим собственные цели. Плюрализм же проявляется в том, что политическая система предоставляет широкий доступ к правительству самым разным социальным акторам, конкурирующим между собой в борьбе за влияние, при достаточно высокой степени отзывчивости власти к их требованиям. В данной модели соперничество достаточно хорошо структурировано партиями, бюрократией и идеологическими связями. Такую модель можно назвать *системой ограниченного плюрализма* [30].

Партии и партийная система. После завершения Второй мировой войны произошла значительная либерализация политической жизни в Японии. Это привело к возобновлению деятельности некоторых старых и созданию ряда новых *политических партий*. Из числа активистов довоенных *Seiyokai* и *Rikken Minseitō* были созданы респектабельные буржуазные политические организации: либеральная партия Японии и прогрессивная партия соответственно. Позже из отколовшейся фракции либералов и прогрессистов была образована демократическая партия. Они доминировали на правом фланге политического спектра. На левом фланге действовали легализован-

ные оккупационными властями коммунистическая и социалистическая партии, а также целый ряд профсоюзов. Сильное влияние левых идей ощущалось и в университетах.

К 1948 г. сложился так называемый *прогрессистский лагерь*, который объединял вокруг себя силы, выступающие за Конституцию, углубление демократических реформ, нейтральный статус Японии. В 1947 г. на первых свободных выборах японские левые одержали впечатляющую победу. Премьер-министром стал лидер социалистов Тетсу Катаяма, возглавивший коалиционное правительство; он сменил на этом посту либерала Сигеру Ёшиду, назначенного императорским указом при безусловной поддержке SCAP (этот человек был карьерным дипломатом, долгое время работавшим в Лондоне и имевшим четкую прозападную ориентацию).

Усиление левых вызывало недовольство и сопротивление *консервативных сил* Японии, которые защищали традиционный статус императора, выражали недовольство демилитаризацией, реформой семейных отношений и образования. Они опасались разрушения традиционных японских ценностей. Эти опасения подстегивались чрезмерным радикализмом левых в Японии и реальной угрозой либеральным ценностям со стороны коммунистического движения в ряде стран Азии. Воспользовавшись организационным расколом в социалистической партии и отставкой правительства Катаямы, правые взяли убедительный реванш на досрочных выборах в 1948 г. Премьер-министром стал лидер либеральной партии Ёшида. Ему удалось удерживать за собой этот пост вплоть до декабря 1954 г.

Холодная война содействовала смене курса оккупационных властей в отношении политической ситуации в Японии. Теперь они были заинтересованы прежде всего в борьбе с “красной угрозой”, в стабилизации японской экономики, в свертывании демонополизации, создании дееспособных полицейских сил. В 1951 г. был подписан американо-японский договор о безопасности. Как отмечалось выше, США брали на себя обязательства вывести оккупационные войска с территории страны к 1952 г., при сохранении нескольких военных баз на Окинаве и в других местах. Этот договор стал одним из принципиальных моментов *доктрины Ёшиды* (*Yoshida Doctrine*) – японского премьера в первые послевоенные годы. Ее основная идея заключалась в том, что Япония брала на себя обязательства проводить прозападный внешнеполитический курс, осуществлять пассивную поддержку США в их противостоянии с СССР в обмен на создание благоприятных условий для развития японской экономики и гарантии безопасности со стороны Америки.

Отношение к Конституции 1947 г. и договору о безопасности между Японией и США 1951 г. стали краеугольным камнем всей

постоккупационной политики и линией размежевания основных политических сил страны, по крайней мере до окончания холодной войны между Западом и Востоком. С. Фланаган и С. Рид выделили четыре этапа в развитии японской партийной системы с момента достижения государственного суверенитета:

- (I) 1952–1960 гг. – поляризации политических сил и тенденций к формированию бипартизма с откатным движением от него;
- (II) 1960–1973 гг. – фрагментации оппозиции в связи с быстрым экономическим ростом;
- (III) 1973–1986 гг. – перехода от существования четких политических лагерей к большей электоральной независимости;
- (IV) 1986–1995 гг. – политического обновления [31].

К этому перечню, на наш взгляд, необходимо добавить и современный пятый этап, который начался в 1994–1996 гг. после проведения очень важной реформы избирательного законодательства и завершения эпохи холодной войны.

Первый этап (1952–1960 гг.) начался с утверждения четкой политической поляризации на левые и правые партии, которые вели между собой борьбу не столько по социально-экономическим вопросам, сколько по проблемам культуры. Поражение Японии во Второй мировой войне и целенаправленная ресоциализация привели к быстрому изменению основных ценностей общества. В первую очередь, “культурной революцией” были охвачены молодые японцы, а также более образованные люди, горожане, члены профсоюзов и неправительственных организаций. Они и составили электорат левых или, точнее, прогрессистских партий, выступавших против союза с США, но за Конституцию и проведение глубоких социальных преобразований. Пожилые, менее образованные люди, сельские жители, не члены ассоциаций стали оплотом правых, или консервативных, партий, которые выступали за союз с США, но против дальнейших конституционных реформ, например нового законодательства в области занятости.

В 1955 г. две ведущие консервативные партии (либеральная и демократическая) объединились в **либерально-демократическую партию** (*Jiyu-Minshuto – LDP*). С другой стороны, интеграция правого и левого течений в социалистической партии привела к возникновению единой **социалистической партии Японии** (*Nihon Shakaito – JSP*). **Компартия Японии** (*Nihon Kyosan-to – JCP*) оставалась самостоятельной организацией, но с незначительной электоральной поддержкой (2% голосов). Вышеназванные процессы послужили

предпосылками для формирования в Японии системы *соревновательного бипартизма*.

В действительности подобного развития событий не произошло, и вплоть до 1993 г. в этой стране полностью преобладала *соревновательная система с доминацией одной партии*, которой и стала LDP. Данная политическая организация опиралась на союз с крупным бизнесом и бюрократией. Кроме того, в ее электорат входили сельские жители, представители городского среднего класса, а также квалифицированная часть рабочего класса. Партия обеспечивала себе голоса на выборах этих групп за счет создания им определенных предпочтений; она могла это делать, поскольку была правящей. Кроме того, очень важную роль играла консервативная позиция государственных чиновников. Они традиционно пользовались высоким авторитетом в японском обществе, особенно в сельской местности.

Формированию партийной системы с доминацией крупной партии содействовала и действовавшая в то время избирательная система с многомандатными округами. LDP активно выставляла многих своих кандидатов в одном округе. Левая же оппозиция вплоть до 90-х гг. не решалась на такой шаг, опасаясь расколов. Это приводило к тому, что на выборах часто основными конкурентами в округах становились представители разных фракций LDP, а не кандидаты, например, от либерал-демократов и социалистов.

Определенным преимуществом либерально-демократической партии являлось и отсутствие четкой и хорошо разработанной идеологии. Члены LDP разделяют достаточно широкий набор взглядов: от рыночного либерализма до необходимости государственного регулирования экономики. Традиционно партийная доктрина делала акцент не на воплощение в жизнь определенных “измов”, а на достижение конкретных целей и результатов: быстрого экономического роста, безопасности страны, создания эффективной системы государственного управления. Это делало именно LDP в наибольшей степени соответствующей требованиям политической культуры большинства, которая является инструменталистской, а не ценностно-ориентированной [32].

Социалистическая оппозиция в 50-е гг. опиралась примерно на 1/3 депутатов парламента; она также проводила многолюдные акции протеста. Крупнейшей и получившей очень широкий резонанс стала манифестация в Токио 1 мая 1960 г. против американско-японского договора о безопасности. JSP установила хорошие контакты с крупнейшим профобъединением – *Sohio*, который стал инструментом массовой политической мобилизации левых партий. Однако все эти меры не привели к росту количества избирателей, голосующих за социалистов на выборах. Они сами загнали себя во все более и более

сужающуюся и изолированную электоральную нишу, вырваться из которой было довольно непросто.

У JSP сформировался имидж радикальной политической организации, которая во имя воплощения в жизнь абстрактных идейных принципов готова была пожертвовать конкретными интересами людей, в первую очередь трудящихся. Ставка социалистов на ценностно-ориентированный тип менталитета, который не был присущ большинству японцев, является важнейшей причиной, объясняющей, почему социалистическая партия так и не смогла стать составной частью системы бипартизма в Японии. В 50-е гг. здесь сложилась ситуация, которую М. Дюверже называл “*метафизической двухпартийностью*”, когда борьба партий ведется вокруг самой природы режима, фундаментальных представлений о жизни и приобретает ожесточенность и непримиримость религиозных войн” [33]. Известно, что при таких исходных условиях партийный дуализм недостижим.

Второй этап (1960–1973 гг.) отмечен рекордными темпами роста японской экономики и фрагментацией оппозиции. Главные причины, которые содействовали этим тенденциям, заключаются в следующем.

Во-первых, LDP продолжала проводить прагматичный политический курс. Правительство консерваторов предложило популярную программу удвоения японского ВВП за десять лет, которую оно успешно воплотило в жизнь за семилетку. Причем ежегодные темпы роста оставались достаточно высокими для того, чтобы повторить беспрецедентный экономический успех и в следующем семилетии. Это привело к росту благосостояния подавляющего большинства японцев, которые отвернулись от социалистической риторики левых.

Во-вторых, социалистическая партия продемонстрировала свою неспособность к модернизации, освобождению от догматизированных марксистских положений идеологии и революционных принципов программы. То, что смогла сделать SPD на Годесбергском конгрессе в 1959 г., оказалось не по силам JSP. В значительной мере ответственность за это несет профсоюз *Sohio*, который обеспечивал мобилизацию основной массы социалистических избирателей во время выборов. Партия оказалась неготовой к деятельности в условиях существенно изменившегося и богатого общества. Это привело к неизбежным расколам. Уже в 1960 г. из JSP выделилась **демократическая социалистическая партия** (*Minshu Shakai-to – DSP*). Она была создана членами бывшей правой платформы в JSP, которые отказались от марксизма, резко критиковали тоталитаризм во всех его проявлениях, ориентировались на создание в Японии государства

благополучия (*welfare state*), решительно поддерживали американо-японский альянс. DSP переориентировалась на сотрудничество с умеренно настроенным профсоюзом трудящихся частного сектора *Domei*. Партия смогла закрепиться в политической системе Японии и просуществовала до середины 90-х гг. В 1977 г. от JSP откололась еще одна структура – *социал-демократическая федерация*. Процессам политической фрагментации левых сопутствовало существенное снижение уровня их электоральной поддержки.

Успехи экономической политики LDP парадоксальным образом привели к сокращению ее собственной социальной базы, так как в результате изменений в хозяйственной сфере уменьшилось количество сельских жителей, лиц занятых в аграрном секторе, с 50% в 50-е гг. до 10% в 80-е. Развитие экономики содействовало росту численности “синих”, а затем и “белых воротничков”, расширению категории людей со средним и высшим образованием. Другими словами, за непродолжительный период резко уменьшилось количество носителей традиционных японских ценностей.

Социальные последствия экономического роста обернулись сокращением электората LDP. Если в 1955 г. за эту партию голосовали 63% избирателей, то в 1976 г. – всего 42%. В 1972 г. впервые в новейшей истории Японии все оппозиционные партии на выборах в палату представителей получили в совокупности голосов больше (48%), чем LDP (47%). Многие избиратели искали политическую альтернативу и LDP, и JSP. Поэтому усилилась электоральная поддержка небольших партий. Помимо уже названных представителей DSP к ним относилась компартия (JCP), которая к этому времени трансформировалась в относительно умеренную организацию, и буддийская **Партия очищения правительства** (*Komeito*). Она выступала за новую политику, которая строится вокруг гуманистических принципов и не приемлет насилия и войны. В 60–70-е гг. эта партия была достаточно радикальной и занимала левые политические позиции.

Если за партии меньшинства в целом в 1958 г. голосовали не более 3% избирателей, то к 1972 г. их поддержка на выборах увеличилась до 26%. Таким образом, фрагментация оппозиции и формирование в ее рядах своеобразного мультипартизма объясняет, почему LDP сохранила свою доминацию и после того, как ее электорат стал составлять менее 50% всех японских избирателей [34].

Третий этап (1973–1986 гг.) представлял собой переход от четких политических размежеваний к большей электоральной свободе. В это время LDP предприняла новую попытку адаптации к изменившейся политической ситуации. Партия стремилась расширить электоральную базу за счет привлечения на свою сторону людей, обеспокоенных ухудшением экологической ситуации, стремящихся к

обеспечению лучшего качества жизни. Проводилась целенаправленная работа по популяризации идей LDP среди высокообразованных людей, профессионалов, членов различных ассоциаций, активистов в структурах местного самоуправления.

ВСТАВКА 13.4

Годзилла экономики

“...В 1986 г. Япония стала крупнейшей в мире страной-кредитором. В 1987 г. совокупная стоимость всех акций на Токийской фондовой бирже намного превзошла стоимость акционерного капитала Нью-йоркской фондовой биржи. Японские банки и фирмы ценных бумаг считаются сейчас крупнейшими в мире. Скупка японцами первоклассной американской недвижимости, включая такие объекты культурного и исторического значения, как крупнейший в мире киноконцертный зал *Radio City* или киностудия *Columbia Pictures*, разожгли в Соединенных Штатах антияпонские страсти. То же самое происходит в Европе и Австралии. Между тем правительство США оказалось в зависимости от японских инвесторов, обеспечивающих почти 1/3 фондов, необходимых для покрытия его дефицита, и, опасаясь, что неожиданный отказ от этой поддержки мог бы пагубно сказаться на экономике США” [35].

В самой либерально-демократической партии не было единства по вопросу экономической политики: следует ли и дальше обеспечивать рост во что бы то ни стало или более разумно делать акцент на сбалансированном развитии народного хозяйства, учитывающем экологические проблемы и потребности более справедливого распределения материальных благ через государственные программы *welfare state*.

В начале 70-х гг. в Японии были приняты законы, которые устанавливали жесткие лимиты на выбросы и отходы предприятий, загрязняющие окружающую среду. Государство увеличило отчисления из бюджета на социальные нужды населения. Мировой энергетический кризис 1973–1974 г. содействовал технологической перестройке японской экономики. Темпы ежегодного роста ВВП снизились до 3–5%, вместо 10–11% в предшествующий период.

Эти изменения происходили на фоне стабилизации электоральной поддержки LDP, его главного конкурента – JSP, а также маленьких партий. Власть и оппозиция становились все более похожими по своим политическим программам и методам деятельности. В этой ситуации возросло влияние так называемых *краткосрочных факторов* (скандалов, громких разоблачений и др.) на результаты выборов и стабильность правительства.

Как видно из табл. 13.1, на третьем этапе развития партийной системы чрезвычайно важную роль в судьбе японских глав правительств играли факторы внутрипартийного соперничества в LDP. За

исключением четырех случаев (поражения либеральных демократов на выборах в нижнюю палату в 1993 г., относительной неудачи партии на выборах 1976 г. и 1989 г., а также смерти одного премьера) всех глав правительства принуждали оставить свой пост конкуренты из других *фракций* LDP (о роли фракций в либерально-демократической партии см. вставку 13.5). Отставки Танаки и Такешиты были спровоцированы громкими финансовыми скандалами.

Таблица. 13.1. Причины потери поста японскими премьерами с 1972 по 2007 г. [36].

Премьер/партия	Год	Причина потери поста
Сато /LDP	1972	Добровольная отставка под давлением партии
Танака /LDP	1974	Отставка из-за скандала
Мики /LDP	1976	Неудачная для партии избирательная кампания в палату представителей
Фукуда/LDP	1978	Внутрипартийный конфликт
Охира /LDP	1980	Смерть
Сузуки/LDP	1982	Внутрипартийный конфликт
Накасоне/LDP	1987	Добровольная отставка
Такешита/LDP	1989	Отставка из-за скандала
Уно/LDP	1989	Неудачная для партии избирательная кампания в палату советников
Кайфу /LDP	1991	Внутрипартийный конфликт
Миязава/LDP	1993	Поражение партии на выборах в палату представителей
Хосокава/JNP	1994	Отставка после обвинений в финансовых злоупотреблениях
Хага/JRP	1994	Отставка после распада правящей коалиции
Мураяма/JSP	1996	Поражение партии на выборах в палату представителей
Хашимото/LDP	1998	Поражение партии на выборах в палату советников
Обучи/LDP	2000	Смерть
Мори/LDP	2001	Отставка под давлением партии
Коизуми/LDP	2006	Отставка после истечения срока полномочий председателя LDP
Абе/LDP	2007	Поражение партии на выборах в палату советников

Отсутствие партийного единства обычно благоприятствует расколам: в 1976 г. из LDP вышел так называемый *Новый либеральный клуб* (*Shin Jiyu Karabu*), который присоединился к другим небольшим партиям. Спустя десять лет он, правда, вернулся в лоно либерал-демократов. Вышеназванные процессы, несомненно, усиливали фрагментацию оппозиции. Но в это время появились и реальные предпо-

сылки для формирования самостоятельной коалиции центристских партий в недалеком будущем.

ВСТАВКА 13.5

Фракции в LDP

По сути, LDP не является единой организацией. Она представляет собой конгломерат соревнующихся фракций, которые возникают не из-за идеологических разногласий, но являются центрами притяжения, возникающими вокруг влиятельных политиков. В послевоенный период количество фракций колебалось в пределах от 6 до 13. Эта система охватывает обе палаты японского парламента, но более важную роль играют фракции палаты представителей. Лидерами фракций обычно выступают ветераны LDP, бывшие премьер-министры и видные общественные деятели.

Задачей лидера фракции является обеспечение своих приверженцев определенными услугами, без которых им довольно сложно рассчитывать на политический успех. Прежде всего это поиск финансовых средств, которые используются на организацию рутинной деятельности депутата парламента, а также на проведение избирательных кампаний. Тех ассигнований, которые выделяет правительство на эти цели, явно недостаточно. Лидеры также знакомят своих последователей с влиятельными людьми: чиновниками, бизнесменами, учеными и др. Это позволяет потом членам фракций более эффективно справляться со своими депутатскими обязанностями и удовлетворять запросы избирателей.

В настоящее время в LDP насчитывается девять фракций, но наиболее могущественными являются пять. Обычно острое противостояние происходит между фракцией бывшего премьера Танаки (теперь ее возглавляет Цусима) и фракцией бывшего весьма популярного главы кабинета министров Фукуды (на данный момент лидером этого объединения является Махимура). Два последних премьера Японии были представителями последней фракции [37]. А. Лейпхарт обращает внимание на то обстоятельство, что «эксперты по Японии обычно рассматривают фракции либерально-демократической партии как партии внутри партии... Подлинная партийная система в Японии – это фракционная система внутри LDP... Поэтому ее целесообразно рассматривать (как и любую другую таким же образом расколотую на фракции структуру – *замечание автора*) в качестве двух одинаковых по размеру партий» [38].

Четвертый этап (1986–1995 гг.) в японской политологии иногда называют *эрой обновления*. Раньше других оно затронуло крупнейшую оппозиционную партию – социалистическую. После поражения на выборах в палату представителей 1986 г., когда за социалистов проголосовали только 17% избирателей и они потеряли 26 мест в нижней палате, прошел чрезвычайный съезд партии, который внес долгожданные изменения в программу. JSP отказалась от марксистских лозунгов, идей социалистической революции и классовой борьбы; она превратилась в социал-демократическую левоцентристскую организацию. Во главе партии встала популярная и энергич-

ная женщина – политик Такака Дои. В 1989 г. были предприняты важные усилия по слиянию в следующем году двух враждовавших между собой профсоюзных объединений – *Sohyo* и *Domei*. Это принесло свои плоды: на выборах 1989 г. в верхнюю палату парламента JSP получила 35%, в то время как LDP – только 27%. В 1996 г. социалистическая партия сменила свое название и сейчас она известна как **социал-демократическая партия Японии** (*Shakai Minshu-to – SDP*).

Продолжился процесс дробления на правом фланге политического спектра: помимо Либерального клуба возникли **Японская новая партия** (*Nihon Shinto*), **Партия новой жизни** (*Shinseito*), **Новая партия** (*Shinto Sakigake*). Прилагательное “shin” в японском языке обозначает “новый”. Появление большого числа политических организаций, которые включали в свое название это слово, свидетельствовало о разочаровании японцев “старой политикой”, вызывающей у них ассоциации с коррупцией, злоупотреблениями служебным положением, бесконечными скандалами.

Наконец, в 1993 г. произошло событие, в результате которого дальнейшее существование доминанции одной партии в японской политической системе оказалось под вопросом. На выборах в нижнюю палату парламента LDP получила 36,6% голосов, чего было явно недостаточно для формирования однопартийного кабинета. Впервые с 1955 г. было сформировано правительство без участия либерал-демократов. Новый кабинет был коалиционным. В него вошли представители семи партий (без JCP). Во главе правительства встал председатель Японской новой партии Морихиро Хосокава. Новое правительство заявляло, что намерено провести важную реформу избирательного законодательства, а также покончить с порочной практикой зависимости японской политики от крупного капитала.

Несмотря на то, что этот кабинет просуществовал только девять месяцев и в 1994 г. Хосокава вынужден был уйти в отставку после финансового скандала, а сменивший его на посту премьера Хата – из-за отказа социалистов участвовать в правящей коалиции, сам факт поражения LDP имел чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития японской политической системы.

Во-первых, исчез один из фундаментов системы 1955 г. – фрагментация и раскол оппозиции. Последняя продемонстрировала свою способность договариваться, объединяться и создавать эффективные коалиции, из которых исключались только коммунисты.

Во-вторых, была проведена очень важная реформа избирательного законодательства. В соответствии с новым законом 3/5 мест в нижней палате заполняются депутатами, избранными от одномандатных округов. Как известно, в длительной перспективе мажоритарная система простого большинства содействует формированию

бипартизма. Она подталкивает небольшие партии к объединению, потому что в противном случае они просто могут исчезнуть с политической арены.

В-третьих, очередная адаптация к ситуации произошла в либерально-демократической партии, в которой к власти пришла реформаторская фракция, оттеснившая погрязшую в коррупционных скандалах фракцию бывшего премьера Такешиты. На два года сформировалось даже правительство большой коалиции с участием LDP и JSP во главе с лидером социалистов Томиси Мураямой. Правда, от этого союза больше выиграла LDP, которая смогла оправиться от тяжелого поражения и победить на выборах в нижнюю палату парламента в 1996 г. под руководством своего нового лидера Риютаро Хашимото.

На *современный этап* развития партийной системы Японии сильное влияние оказал *новый закон о выборах*, который был принят японским парламентом в 1994 г. и впервые применен на практике в 1996 г. Прежняя система явно благоприятствовала доминации одной партии и содействовала развитию плюрализма в LDP в виде фракций. Например, граждане Японии с помощью многомандатной системы могли избирать 2–6 депутатов от округа. Избирателю, обладавшему только одним голосом, зачастую приходилось делать выбор между разными кандидатами либерально-демократической партии [39].

Новый закон, как уже отмечалось, предусматривает, что 300 мест в японской нижней палате парламента заполняется депутатами-одномандатниками, а 180 – депутатами, избранными с помощью партийных списков. Как и предполагалось политологами, это привело к *консолидации оппозиции* и формированию сильной центристской партии. Ею на данный момент является *демократическая партия Японии* (*Minshuto – DPJ*). Она возникла в 1998 г. в результате слияния четырех небольших политических организаций (бывших “новых” центристов), оппозиционных либерал-демократов, а также значительной части бывших членов социал-демократической партии Японии. Эта партия является либерал-социальной по своей идеологической направленности. Она пользуется поддержкой у рабочих – “синих воротничков”, части представителей среднего класса, женщин и горожан. DPJ отстаивает либеральные принципы во внутренней политике и позиционирует себя как политическая сила, толерантная к меньшинствам [40].

Партия быстро встала на ноги и уже на выборах 2000 г. получила 31% голосов, превратившись, таким образом, в главную оппозиционную силу страны, оттеснившую на задний план коммунистов и социал-демократов. Первые, несмотря на то, что они значительно раньше социалистов провели свою “перестройку” и давно ратуют

исключительно за демократические методы политической борьбы, оказались невостребованными современным японским обществом. За них голосуют порядка 7% избирателей, и это тот потолок, превысить который JCP не в силах. Вторые пострадали в результате объединительных процессов в конце 90-х гг. Большая часть актива партии и ее избиратели перешли на сторону Демократической партии Японии. Электоральная поддержка SDJ значительно снизилась: до 5–6%.

Следующим шагом вперед на пути DPJ к победе и *трансформации партийной системы* Японии в *двухпартийную* стали выборы в палату представителей 2003 г. Несмотря на то, что на них одержали победу либерал-демократы, они получили 50% мест и сформировали правительство во главе с Коизуми, демократическая партия уверенно заняла второе место с 37% депутатов. Позиции остальных партий оказались очень слабыми. Партия Новая Комейто (главный союзник LDP) получила порядка 3% мест, социал-демократы – около 4%, коммунисты – около 5% (они не провели ни одного депутата от одномандатных округов) и т.д. В результате выборов демократическая партия увеличила свое представительство в нижней палате с 137 до 177 депутатов. Как отметила *Japan Times*, “это наибольшее количество мест, которое получала любая оппозиционная партия в эпоху доминанции LDP” [41].

Однако победное шествие японских демократов было приостановлено и даже обращено вспять их главными противниками – либерал-демократами, которые нашли в себе силы провести очередную “перестройку”. Основная заслуга в этом принадлежит Дзюнитиро Коизуми, долгое время исполнявшим обязанности премьера и председателя LDP. Именно он обеспечил на досрочных выборах в палату представителей в 2005 г. не просто успех своей партии, но успех феноменальный: она получила 62% мест в нижней палате (а вместе с союзниками из партии Новая Комейто – 68%). Демократическая партия потеряла в результате тех выборов 64 мандата, хотя и сохранила за собой право называться главной оппозиционной силой Японии [42].

Дзюнитиро Коизуми родился в 1942 г. в семье политика. Его отец был генеральным директором Японского оборонного агентства и членом парламента. Дзюнитиро получил экономический диплом в университете Кейо, а также в престижном университете *College* в Лондоне. Свою политическую карьеру он начал в 70-е гг., став секретарем видного деятеля LDP Такео Фукуды. В 1972 г. Коизуми был избран депутатом палаты представителей. Свой первый министерский пост он получил в правительстве Такешиты в конце 80-х гг. В первой половине 90-х гг., когда LDP неожиданно оказалась в оппозиции, Коизуми стал одним из руководителей новой партийной фракции, объединявшей в своих рядах молодых политиков-интеллектуалов, недовольных засильем “старой гвардии”. В 1995 и 1999 гг. Коизуми баллотировался на пост председателя LDP, но оба раза неудачно. Его избрали только с третьей попытки в 2001 г.,

когда либерал-демократы временно изменили процедуру определения лидера партии, и использовали праймериз. Коизуми получил тогда блестящий результат, намного опередив всех своих конкурентов.

Дзюнитиро Коизуми стал премьер-министром в 2001 г. и находился на этом посту до 2006 г. В области внутренней политики он предпринял ряд мер по оздоровлению экономики, через стимулирование развития частного сектора, укрепление коммерческих банков, приватизацию почтовой службы и др. Он говорил о необходимости пройти через этап болезненной реструктуризации для того, чтобы обеспечить улучшение положения дел в будущем. В принципе, Коизуми многого удалось достичь. В 2004 г. по темпам роста ВВП Япония опередила своих основных конкурентов из США и Евросоюза. Были сокращены государственные субсидии объектам инфраструктуры в сельской местности, приватизирована почтовая служба. Удалось заключить много выгодных внешнеэкономических сделок. После триумфальной победы либерал-демократов на выборах 2005 г. через парламент прошли и стали законами 82 правительственных законопроекта из 91.

В области внешней политики Япония продолжила курс на укрепление сотрудничества с США. Она полностью поддержала своего основного стратегического союзника в борьбе с терроризмом и направила свой воинский контингент в Ирак в 2003 г. Это стало первой со времени окончания Второй мировой войны экспедицией японских войск за рубеж. Вместе с тем оказались замороженными отношения с Китаем и Южной Кореей. Руководство этих государств весьма болезненно восприняло посещение Коизуми храма Ясукуни, в котором покоятся останки многих японских военных преступников.

Коизуми стал одним из самых популярных современных японских политиков. После прихода к власти в 2001 г. его курс поддерживали 85% граждан. Затем рейтинг пошел на убыль и стабилизировался на отметке 40%. Однако после роспуска парламента и назначения досрочных выборов в 2005 г. доверие его правительству достигло отметки в 59% [43].

Коизуми ушел с должности премьера после завершения его полномочий на посту председателя LDP в сентябре 2006 г. Новым лидером партии и главой кабинета министров стал Синзо Абе. Он стал самым молодым премьер-министром с 1947 г., а также первым главой правительства, который родился после Второй мировой войны. Глава кабинета продолжил экономический курс своего предшественника. В частности, Абе выступал за сбалансированность бюджета, сокращение государственных расходов, против введения новых налогов. В сфере образования, по его мнению, необходимо было пересмотреть содержание учебников по истории; эти книги должны содействовать формированию национального самосознания молодежи.

В области внешней политики Абе продолжил традиционный курс Японии на дальнейшее укрепление и развитие американско-японского сотрудничества. Во время своего визита в Индию Абе говорил о необходимости углубления кооперации, в том числе и военной, США и азиатских демократий, что дало основание Китаю обвинить японского руководителя в вынашивании планов создания азиатского ана-

лога НАТО в составе Японии, Австралии, Индии и США. Вместе с тем Абе неоднократно заявлял, что хочет кардинального улучшения японо-китайских отношений, которые должны быть избавлены от излишней эмоциональности.

Синзо Абе считал, что потребности в обороне страны и обеспечении ее безопасности не могут быть удовлетворены при сохранении в неизменном виде “мирной статьи” японской Конституции. Премьер занял очень жесткую позицию, когда Северная Корея произвела запуск баллистической ракеты в июле 2006 г., заявив на пресс-конференции, что Япония будет вынуждена прибегнуть к бомбардировке пусковых установок, что дало основание журналистам утверждать, что Абе поддерживает идею нанесения “превентивного удара” (главе кабинета пришлось дезавуировать свое заявление). Япония решительно осудила также проведение подземных ядерных испытаний КНДР [44].

12 сентября 2007 г. Абе заявил о своей отставке с поста премьер-министра. Причинами, побудившими его сделать этот шаг, являются следующие: поражение LDP на последних выборах в верхнюю палату парламента, неготовность оппозиции пойти на компромисс с партией власти и продлить действие закона о борьбе с терроризмом (его срок истек 1 ноября 2007 г.), низкая популярность главы кабинета у японских избирателей (рейтинг Абе опустился ниже 30%).

Кроме того, молодой премьер не располагал ни необходимой харизмой, ни лидерскими качествами, чтобы успешно продолжить начинания своего предшественника. Как известно, в июле 2007 г. LDP проиграла выборы в верхнюю палату парламента своему главному конкуренту из DPJ. Демократы располагают там 45% мандатов, а либерал-демократы только 34%. Кроме того, 8% мест есть у партии Новая Комейто и 12% у небольших политических партий и независимых депутатов. Эта ситуация спровоцировала отставку премьера. Новым главой кабинета в сентябре 2007 г. стал Ясуо Фукуда (см. вставку 13.1.).

Таким образом, объективно в Японии в данный момент присутствуют все предпосылки для трансформации партийной системы в *двухпартийную*. Произошла консолидация разнообразных оппозиционных течений в единую политическую организацию, которая в течение почти десяти лет добивается серьезных электоральных успехов. Демократическая партия Японии является умеренной центристской организацией. Давно ушли в прошлое те времена, когда глубокие расхождения по важнейшим мировоззренческим вопросам раскалывали две главные политические силы страны, делая бипартизм невозможным. Избирательное законодательство, реформированное в середине 90-х гг., также не является препятствием на пути к этой

цели. Однако говорить о воплощении в жизнь данной политической трансформации мы сможем не раньше, чем главный оппонент LDP окажется у власти.

По мнению большинства политологов, Япония относится к **консенсусным демократиям**. Фланаган и Рид на основании анализа особенностей политической культуры этой страны пришли к выводу, что в отличие от Соединенных Штатов, привыкших к навязыванию определенных вариантов курса при принятии политических решений, в Японии этого не происходит. Здесь привыкли откладывать многие решения до тех пор, пока не найдено единодушие в обществе относительно их содержания. Это не приводит к серьезным проблемам, потому что в условиях высоких темпов экономического роста и обеспечения безопасности за счет сотрудничества с США остальные вопросы политической повестки дня не являются такими уж сложными. В ситуации замедления темпов экономического роста японским политическим элитам, наверное, придется чаще прибегать к более мажоритаристским стратегиям принятия решений.

Вместе с тем Япония уже продемонстрировала свою способность преодолевать “политическую непогоду” и без ликвидации консенсусной модели. Дело в том, что, по мнению некоторых, “тот тип системы, который содействует недопущению ошибок при принятии решений, лучше, чем тот, который направлен на максимизацию эффективности... Мажоритарное правило – это не единственное основание для демократии. Кто-то может считать демократией такую систему, где каждый, даже незначительные меньшинства, имеет право влиять на принимаемые решения. Выслушивание мнения всех требует времени, но это может приводить к возрастанию смысла в политическом участии и к большей справедливости, чем просто голосование и предоставление победителю права решать” [45].

А. Лейпхарт на своей концептуальной карте также расположил Японию среди стран, которые относятся в большей степени к консенсусной, нежели к мажоритарной модели демократии. Однако она находится в самом центре между данными полюсами [46]. С мажоритарной моделью Японию сближает отсутствие федерализма, слабость верхней палаты парламента, преобладание однопартийных кабинетов над коалиционными, а также возможный будущий бипартизм. Вместе с тем стабильная конституция, наличие судебного пересмотра, плюрализм внутри доминантной партии и быстрая смена правительств делают ее более похожей на консенсусные демократии. Система представительства групп интересов здесь является своеобразной, сочетающей элементы двух основных моделей.

Примечания

1. World Factbook; Japan – Economy. CIA (2006-12-19).
2. <http://en.wikipedia.org/wiki/Japan>.
3. Васильев Л., *История Востока*: в 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2001. С. 239, 230.
4. *Мэйдзи* буквально означает “просвещенное правление” – по посмертному имени японского императора Муцухито, правившего с 1868 по 1911 г. См.: Тоффлер Э., *Метаморфозы власти*. М.: АСТ, 2002. С. 523. *Сёгунат* – система регентства при императорах, которая существовала в Японии с XII по XIX в. Вся власть оказывалась в руках того или иного князя (*даймё*), который становился официальным покровителем императора; последнему приходилось “царствовать, но не править”.
5. *Васильев Л.*, Указ. соч. С. 223.
6. See: Akamatsu P., *Meiji 1868: Revolution and Counter-Revolution in Japan*. N.Y.: Harper & Row, 1972; Jansen M., *The Making of Modern Japan*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University, 2000.
7. Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М., Весь мир, 2000. С. 54–60.
8. Васильев Л., Указ. соч. С. 239–245.
9. Там же. С. 245.
10. http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_Japan. В наши дни все более активно ведутся разговоры о необходимости отказаться от “мирной статьи” японской Конституции. Последние премьеры (Коизуми и Абе) придерживались той точки зрения, что необходимо провести референдум по этому вопросу.
11. Dower J., *Japan in War and Peace*. N.Y.: New Press, 1993. P. 11.
12. http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_Japan.
13. Caves R. and Uekusa M., *Industrial Organization in Japan*. Washington: Brook- ing Institution, 1976. P. 60.
14. Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 280–281, 270–273.
15. Flanagan S., Reed S., “Politics in Japan” // *Comparative Politics Today. A World View*. Ed. by G. Almond & B. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 330.
16. Ibid.
17. http://en.wikipedia.org/wiki/Politics_of_Japan.
18. Elgie R. “Japan: Reactive Leadership” // *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995. P. 135–136.
19. Ibid. P. 138–140.
20. See: *The Japan Times*. 2007, 09, 26.
21. Фукуяма Ф., Указ. соч. С. 288–305.
22. See: Curtis G., *The Japanese Way of Politics*. N.Y.: Columbia University Press, 1988. P. 157–191.
23. Flanagan S., Reed S., Op. cit. P. 342.
24. Ibid. P. 343.
25. Ibid. P. 345.
26. <http://www.japantoday.ru/arch/news/0304/17.shtml>.

27. http://en.wikipedia.org/wiki/Labor_unions_in_Japan.
28. Фукуяма Ф., Указ. соч. С. 313–314.
29. Flanagan S., Reed S., Op. cit. P. 361.
30. Ibid.
31. Ibid. P. 334–340.
32. http://en.wikipedia.org/wiki/Liberal_Democratic_Party_%28Japan%29;
Эндрейн Ч., Указ. соч. С. 54–60.
33. Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
С. 275.
34. See.: Flanagan S., Reed S., Op. cit. P. 337.
35. Тоффлер Э., Указ. соч. С. 518.
36. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Prime_Ministers_of_Japan; Elgie R., Op.
cit. P. 149.
37. http://en.wikipedia.org/wiki/Liberal_Democratic_Party_%28Japan%29.
38. Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance
in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.
P. 72–73.
39. Elgie R., Op. cit. P. 144.
40. http://en.wikipedia.org/wiki/Democratic_Party_of_Japan.
41. *The Japan Time*. 2003, November 13.
42. http://en.wikipedia.org/wiki/Elections_in_Japan.
43. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Prime_Ministers_of_Japan.
44. http://en.wikipedia.org/wiki/Shinzo_Abe.
45. Flanagan S., Reed S., Op. cit. P. 376.
46. Lijphart A., Op. cit. P. 248.

Литература

- Васильев Л., *История Востока*: в 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2001.
- Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
- Тоффлер Э., *Метаморфозы власти*. М.: АСТ, 2002.
- Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М,
Весь мир, 2000.
- Akamatsu P., *Meiji 1868: Revolution and Counter-Revolution in Japan*. N.Y.:
Harper & Row, 1972.
- Constitution of Japan*: http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_Japan.
- Curtis G., *The Japanese Way of Politics*. N.Y.: Columbia University Press, 1988.
- Dower J., *Japan in War and Peace*. N.Y.: New Press, 1993.
- Elgie R., “Japan: Reactive Leadership” // *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan, 1995.
- Flanagan S., Reed S., “Politics in Japan” // *Comparative Politics Today. A World
View*. Ed. by G. Almond & B. Powell. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Fukuyama F., “The Primacy of Culture” // *J. of Democracy*. 1995. Vol. 6. P. 7–14.
- Hsu F. and Iemoto K., *The Heart of Japan*. N.Y.: Schenkman Publishing, 1975.

- Jansen M., *The Making of Modern Japan*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University, 2000.
- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven & London: Yale University Press, 1999.
- Yamamoto S., *The Spirit of Japanese Capitalism and Selected Essays*. Lanham: Madison Books, 1993.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Что в политической науке понимается под *японским феноменом*?
2. Как повлияли реформы периода американской оккупации 1945–1952 гг. на демократизацию Японии?
3. Какова роль правительства и парламента Японии в определении политического курса?
4. Какие особенности японской политической культуры выделяет Фрэнсис Фукуяма?
5. В чем проявляются отличия японской политической культуры по сравнению с американской и западноевропейской?
6. Как влияет политическая культура на участие японцев в политике?
7. Как менялось избирательное законодательство Японии в послевоенный период?
8. Какие можно выделить этапы развития партийной системы Японии?
9. Что вы можете сказать о причинах формирования режима доминанции LDP в партийной системе Японии?
10. Какие тенденции развития партийной системы преобладают в настоящее время?

ТЕМА 14. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Окружение политической системы.
2. Исторические традиции и их влияние на политическую систему.
3. Институциональная структура и особенности принятия решений.
4. Политическая культура и социализация.
5. Перспективы демократизации КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- конфуцианство;
- патриархальная семья (*jia*);
- Национальная партия (Гоминьдан) (*Kuomintang – KMT*);
- коммунистическая партия Китая (КПК) (*Zhongguo Gongchandang – CPC*);
- маоизм (*Mao Zedong Sixiang*);
- кампания *Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто школ* (*baihua yundong*);
- программа *Великого скачка* (*Dayuejin*);
- Великая пролетарская культурная революция;
- стратегия *четырёх модернизаций*;
- экономическая реформа (*gaige kaifang*);
- массовые протесты на площади Тяньаньмынь;
- концепция *Гармоничного общества*;
- Конституция 1982 г. (*Zhonghua Renmin Gongheguo Xianfa*);
- Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) (*Renda*);
- Постоянный комитет ВСНП (*Quanguo Renmin Daibiao Dahui Changwu Weiyuanhui*);
- председатель КНР (*Zhonghua Renmin Gongheguo Zhuxi*);
- Государственный совет (*Guowuyuan*);
- Верховный народный суд (*Zuigao Renmin Fayuan*);
- Верховная народная прокуратура (*Zuigao Renmin Jiancha Yuan*);
- Центральная военная комиссия (*Zhongyang Junshi Weiyuanhui*);
- съезд КПК (*Zhongguo Gongchandang Quanguo Daibiao Dahui*);
- Центральный комитет КПК (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Weiyuanhui*);
- Политбюро ЦК КПК (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Zhengzhiju*);
- Постоянный комитет Политбюро ЦК (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Zhengzhiju*);
- генеральный секретарь (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Weiyuanhui Zongshuji*);

- Народно-освободительная армия Китая (НОАК) (*Zhongguo Renmin Jiefang Jun*);
- Китайская народная политическая консультативная конференция (*Zhongguo Renmin Zhengzhi Xieshang Huiyi*);
- Партия китайской демократии (*Zhongguo Minzhu Dang – CDP*)

1. Окружение политической системы

Современный Китай является *крупнейшей по численности населения* страной мира. По оценочным данным за 2007 г., в Китайской Народной Республике проживает более 1 млрд 321 млн чел. Это означает, что в настоящее время почти каждый пятый житель Земли – это китаец. Очень высоким является показатель плотности населения на востоке, в прибрежных районах. Дело в том, что 2/3 территории в центре и на западе занято горами и пустынями, не пригодными для сельского хозяйства.

Еще во времена Мао Цзэдуна китайское руководство приступило к осуществлению целенаправленной политики сокращения рождаемости и планирования семьи, а в 1978 г. был выдвинут лозунг: “*Одна семья – один ребенок*”. Однако эта политика дала половинчатые результаты: если в городах властям в основном удавалось сдерживать рождаемость, то в сельской местности она оставалась высокой. Деколлективизация сельского хозяйства в конце 70-х гг. привела к ослаблению контроля над рождаемостью со стороны так называемых народных коммун, которые были распущены, и повысила “ценность” сына в качестве рабочей силы в частном фермерском хозяйстве.

Тем не менее руководители Китая методично добивались снижения темпов прироста населения: в 90-е гг. они составили 1% в год, по сравнению с 2,7% в 70-е гг. Зачастую эти успехи достигались варварскими методами: принудительным прерыванием беременности, отсутствием должного ухода за новорожденными-девочками (они традиционно считаются “нежелательными детьми” в деревнях), высоким уровнем детской смертности. По прогнозам экспертов-демографов, если нынешняя ситуация в этой сфере сохранится, то к 2025 г. население Китая увеличится до 1,4–1,6 млрд чел. [1].

Радикальные рыночные реформы, начало которым было положено в 1978 г., привели к очень быстрым темпам экономического роста в Китае: валовой внутренний продукт вырос в 6 раз за этот промежуток времени; данный показатель увеличивался в среднем на 9,4% ежегодно в течение 25 лет. К концу 2005 г. КНР заняла четвертое место в мире по экономическому потенциалу и второе по валовым объемам производства после Соединенных Штатов Америки (8,158 трлн долл.). Однако тот факт, что в Китае живет значительно больше людей, чем в США, не позволил стране приблизиться к Аме-

рике по ВВП на душу населения (8 тыс. долл. в 2006 г.). Это составляет примерно 1/5 от американского уровня [2].

Быстрые темпы развития экономики Китая привели к значительному улучшению материального благосостояния населения. Рыночная экономическая реформа позволила ликвидировать нищету более чем 400 млн чел., сократив уровень бедности с 53% в 1978 г. до 8% в 2001 г. В настоящее время более 90% китайского населения является грамотным (в 1950 г. таких людей было только 20%). Правительство КНР рассматривает образование в качестве важнейшего приоритета. Были созданы условия для обеспечения обязательного бесплатного 9-летнего образования детей, а также для развития высококачественного высшего образования. На эти цели выделяются значительные средства из бюджета страны. Например, в 2007 г. было принято решение в течение двух лет увеличить в 3 раза объемы государственного финансирования образования. Руководство Китая поощряет учебу наиболее талантливой молодежи в престижных университетах США и стран Евросоюза. Приоритетом постепенно становится и охрана здоровья населения. По средней продолжительности жизни Китай занимает третье место в Восточной Азии после Японии и Южной Кореи.

Вместе с тем в этой стране сохраняются серьезные экономические и социальные проблемы. Не секрет, что высокие темпы экономического роста в значительной мере были достигнуты благодаря дешевизне рабочей силы в Китае, что привлекает сюда крупные инвестиции из стран Запада. Руководство КНР сделало ставку на поощрение предприятий, работающих на экспорт. Китай является вторым крупнейшим экспортером и третьим крупнейшим импортером в мире. Однако достижение положительного сальдо в торговом балансе с США и некоторыми другими странами Запада стало результатом искусственного занижения курса юаня по отношению к доллару. Частыми являются нарекания внешнеторговых партнеров Пекина на низкое качество многих китайских товаров. Экономическое развитие все еще ведет к обострению экологических проблем. Забота об окружающей среде до сих пор не стала приоритетом политики китайских властей и товаропроизводителей.

Рыночная экономика привела к значительному социальному расхождению населения. Неравномерным является и уровень развития разных регионов страны. Западная и северная части Китая существенно отстают от восточных и южных территорий. Это привело к разработке специальных правительственных программ, таких как *Стратегия развития запада, Оживление севера, Рост центрального Китая*, направленных на преодоление имеющихся значительных диспропорций.

Экономическая реформа содействовала очень быстрой урбанизации страны, однако до сих пор большая часть населения Китая (58%) живет в деревнях. По соотношению городского и сельского населения КНР все еще остается типичной модернизирующейся страной. Частичная отмена запретов на перемещение внутри страны породило такое явление, как *внутренняя миграция*: приблизительно 100 млн чел., выходцев из сельской местности, пытаются найти работу в городах, в которых и без того острой является проблема безработицы. Китайское общество быстро дифференцируется. “Некоторые обогащаются первыми”, – говорят в Китае по этому поводу, когда зарубежные наблюдатели указывают на заметную разницу в уровне жизни простых рабочих и нуворишей-предпринимателей. Чрезвычайно острой является проблема коррупции чиновников государственного и партийного аппаратов.

Национальное большинство в Китае составляют *хань* (92%). Кроме того, в стране проживает 55 официально признанных национальных меньшинств, которые живут в основном в так называемых *национальных автономных районах*, составляющих 60% территории КНР. Крупнейшими являются Тибет, Синьцзян и Внутренняя Монголия. В соответствии с действующей Конституцией Китай является многонациональным унитарным государством. В отличие от бывшего СССР в КНР никогда не признавалось “право наций на самоопределение”, а попытки некоторых из них “отделиться” всегда квалифицировались как тягчайшие государственные преступления. Правозащитные организации обращают внимание на наличие в КНР серьезных нарушений прав национальных меньшинств. Набирает обороты политика ассимиляции целых наций и народностей в культуру *хань*. В годы экономической реформы правительство стимулирует переселение *хань* из густонаселенных восточных провинций в автономные районы. Широко распространены являются случаи дискриминации лиц неханьской национальности при поступлении в университеты и приеме на работу. Запрещена деятельность независимых неправительственных организаций, которые отстаивают социальные и культурные права национальных меньшинств.

Большинство китайцев (59%) не относит себя ни к одной религиозной конфессии. На такое положение вещей повлияла длительная атеистическая пропаганда находящаяся у власти коммунистов, с одной стороны, и традиционно меньшая религиозность китайцев по сравнению с другими азиатскими народами, с другой. Около 33% жителей являются представителями конфуцианства, даосизма и других местных конфессий. Более 8% считают себя буддистами, которые исповедуют Махаяну. Кроме того, есть буддисты других течений, особенно в Тибете и Внутренней Монголии. В целом, эта религиозная

группа является лучше организованной, чем другие. Главным образом в Синьцзяне проживает большинство мусульманских верующих, которых насчитывается около 160 млн чел. Наконец, от 16 млн, по официальным данным, до 40 млн, по данным независимых китайских экспертов, составляет численность разных течений христианства [3].

2. Исторические традиции и их влияние на политическую систему

Китайская Народная Республика была провозглашена 1 октября 1949 г. на митинге трудящихся в Пекине. Этому событию предшествовала победа коммунистической партии Китая (КПК), одержанная над партией Гоминьдан в ходе четырехлетней гражданской войны. Интересно, что побежденные не признали своего поражения. Оказавшись на острове Тайвань, они долгое время считали свое правительство единственным легитимным органом власти во всей стране.

Китайская Народная Республика в континентальных провинциях пришла на смену Китайской республике, установленной в результате демократической революции 1911 г., которая покончила с господством династии Цин – последней в ряду множества аналогичных политических образований, доминировавших на протяжении многовековой истории Китая. Поднебесная империя, как ее часто называют, оказалась самой долговечной в мировой истории формой правления: это централизованное государство, претерпев очень незначительные структурные изменения, просуществовало более 2000 лет. Сама же китайская цивилизация зародилась более 4000 лет назад (в XXI в. до н.э.).

Патриархальные традиции. В течение долгих веков Китаем управлял *император* и армия *чиновников-мандаринов*, получавших руководящие посты после сдачи экзамена по конфуцианской философии. К экзаменам мог быть допущен в принципе любой житель Поднебесной, но для успеха требовалось хорошее классическое образование, доступное лишь незначительному привилегированному меньшинству. **Конфуцианство** культивировало консервативные ценности и рассматривало общество и государство как упорядоченную иерархию во главе с морально безупречным правителем. Нормой социальных отношений считалась гармония, а не конфликт и лояльность подданных императору. Легитимность власти опиралась на неукоснительное соблюдение традиций, а не введение инноваций.

В китайском обществе доминировали патриархальные традиции. Основным структурным элементом социума была **большая семья** (*jia*), в которой господствовало строжайшее подчинение женщины мужчине и младших членов семьи старшим. Самостоятельная инициатива человека вне иерархической системы осуждалась и была

практически невозможной. В Китае, как утверждает Ф. Фукуяма, социальным идеалом была объединенная семья, в которой женатые сыновья жили вместе с родителями. Раздельного проживания старались избегать и разъезжались только тогда, когда жены сыновей не ладили друг с другом. В течение тысячелетий происходило относительно равное деление имущества среди наследников мужского пола. Наличие большой сплоченной семьи объясняет существование относительно небольшого количества фамилий в этой стране, значительно меньшего, например, чем в Японии [4].

Силы империи были подорваны еще в середине XIX в. крестьянскими восстаниями и военной и экономической экспансией из-за рубежа. Однако и провозглашенная в 1912 г. Китайская республика не была способна справиться с этими проблемами. Страна оказалась расколота враждовавшими между собой милитаристскими группировками. Господство помещичьего землевладения, высокая арендная плата за землю, частые засухи и наводнения разоряли крестьянские хозяйства. Китай продолжал оставаться сферой влияния великих держав, лакомым куском, за который велась ожесточенная конкурентная борьба между Японией, Англией, США и СССР.

Борьба между Гоминьданом и КПК. В 20-е гг. прошлого века были выдвинуты две политические программы решения проблем Китая: *Национальной партией (Гоминьдан)*, созданной в 1912 г., и *коммунистической партией (КПК)*, основанной в 1921 г. Интересно, что обе эти политические структуры первоначально входили в состав Коминтерна, а до 1927 г. советское руководство явно отдавало пальму первенства первой организации, а не второй. Гоминьдан опирался на поддержку городского населения, национальной буржуазии, зажиточных крестьян и даже части помещиков. Коммунисты ориентировались в основном на беднейшие крестьянские массы, которые тогда преобладали в Китае.

Первоначально политический успех сопутствовал националистам, которые в союзе с коммунистами и при активном содействии советских военных советников (М. Бородин, П. Павлова, В. Блюхера) в 1924–1927 гг. осуществили объединение Китая. В 1927 г. лидер Гоминьдана Чан Кайши провозгласил себя главой национального правительства в Нанкине. Коммунисты его не признали, охарактеризовав произошедшее как правый государственный переворот. В ответ Гоминьдан порвал с КПК и устроил кровавую резню коммунистов в подконтрольных ему провинциях. В ходе этих событий из почти 60 тыс. членов КПК уцелело не более 10 тыс. чел. Несмотря на серьезные трудности, партия Гоминьдан смогла добиться признания своей власти на большей части территории Китая и выполнила важную историческую миссию, связанную с интеграцией государства.

Националисты провели также определенные экономические и социальные реформы: был принят аграрный закон, который ограничил размер арендной платы, закон о труде и минимальной заработной плате, закон о профсоюзах.

Как отмечает российский историк-востоковед Л. Васильев, “сильное централизованное правительство в новом Китае опиралось в целом на привычные для китайской традиции методы регулирования социальных и экономических отношений в стране... Более того, сращивание политических, экономических и иных интересов на высшем уровне правящей группы вело к укреплению привычной для традиционного Китая (да и всего Востока) *государственной системы* управления хозяйством, той самой древней системы, в рамках которой *государство выступает в функции верховного собственника и высшего субъекта власти*, а олицетворяют государство и вершат дела от его имени те, кто причастен к власти, кто олицетворяет руководящий слой общества” [5].

Компартия Китая после разгрома 1927 г. смогла сохранить себя и переместила базу дислокации в труднодоступные горные районы провинции Цзянси. Основной формой ее деятельности стала вооруженная борьба с нанкинским правительством, формирование отрядов Красной Армии, почти полностью состоявших из безземельных неграмотных крестьян, которые в освобожденных районах отбирали землю у помещиков и устанавливали там “советскую власть”.

В 1931–1934 гг. в провинции Цзянси была создана Китайская Советская Республика, председателем правительства которой был избран Мао Цзэдун. С самого начала он скептически относился к целому ряду ортодоксальных марксистско-ленинских идей, которые навязывали китайским товарищам представители Коминтерна: гегемонии рабочего класса над крестьянством в ходе революции, необходимости формирования пролетарской партии, важности соблюдения принципов демократического централизма и др. Вместо этого Мао и его сподвижники выдвинули идеи развертывания революции на селе, окружения городов кольцом революционных деревень, партизанской войны, слияния партии и армии, жесткого авторитаризма в руководстве организацией и культы революционного вождя. В дальнейшем эти и другие положения стали составной частью так называемого *китаезированного марксизма* или *маоизма* (*Mao Zedong Sixiang*). Они оказались куда более эффективными, чем классические советские методы, для прихода к власти левых партий в целом ряде стран, похожих на Китай. Как заявил в этой связи в 1957 г. Мао, “если бы III Интернационал не был ликвидирован, китайская революция не одержала бы победу” [6].

Наступление регулярных частей китайской армии заставило коммунистов покинуть Цзянси и переместиться на 12 тысяч километров на северо-запад страны в результате так называемого *Великого похода* (в ходе его погибло до половины численного состава Красной

Армии). В 1935 г. после ожесточенной межфракционной борьбы властолюбивый Мао пришел к руководству военной комиссией КПК. Благодаря его усилиям коммунистическая партия довольно быстро приспособила марксистскую по происхождению идеологию к условиям традиционного китайского общества. Коммунисты использовали в своих интересах крайнюю слабость и неразвитость партикулярных частных интересов в китайском обществе; отсутствие в Китае каких бы то ни было традиций политического представительства; конфуцианскую веру в социальную гармонию как плод мудрой политики централизованной власти.

Реализации планов КПК содействовала и война с Японией. В 1931 г. японцы создали в Манчжурии марионеточное государство, а в 1937 г. напали на основную территорию Китая. Несмотря на подписанное между коммунистами и гоминьдановцами соглашение о создании единого фронта для борьбы с японской агрессией, основная тяжесть войны с оккупантами выпала на долю правительства Чан Кайши. Коммунисты контролировали территорию с численностью населения в 50–100 млн чел. и очень скоро смогли создать сильные вооруженные силы, насчитывавшие до 500 тыс. бойцов. “Китайское крестьянство видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую реальную власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости” [7].

После разгрома японской армии в Манчжурии советскими войсками в августе 1945 г. вооружение Квантунской группировки оказалось в руках китайской Красной Армии, которая начала успешную войну против гоминьдановского правительства, вынужденного вскоре перебазироваться на остров Тайвань (с 1945 г. во главе партии китайских коммунистов находился бессменный ее председатель – Мао Цзэдун). Таким образом, как отмечает американский политолог Мелани Мэнион, “через четыре года китайские коммунисты, выступавшие под лозунгами национализма и крестьянской революции, одержали победу и, оказавшись у власти, направили свои усилия на построение социалистического общества” [8].

Этапы развития КНР. После провозглашения КНР в истории Китая можно выделить несколько этапов:

- советский (1949–1957);
- маоистский (1958–1978);
- модернизации (1978–1989);
- посттяньаньмыньский (1989 – настоящее время).

Китайские коммунисты шли к власти, игнорируя советский опыт, однако, оказавшись у руля государственного правления, они стали слепо его копировать, особенно в 1949–1957 гг. Это можно объяснить внешнеполитической изоляцией КНР, отсутствием в КПК подготовленных кадров для руководства экономикой, скрытыми расчетами создать при помощи СССР крупную промышленность и военную индустрию, чтобы затем выйти из-под опеки “старшего брата”. В 1950 г. Сталин и Мао поставили свои подписи под советско-китайским договором о дружбе и сотрудничестве. СССР направил около 12 тыс. специалистов в КНР, которые делились своими навыками строительства социализма с китайскими товарищами. Осуществлялись широкомасштабные поставки советского оборудования для промышленных предприятий; 6 тыс. китайских студентов обучались в высших учебных заведениях Советского Союза.

В КНР были довольно быстро проведены *национализация промышленности, переход к планированию развития народного хозяйства, радикальная аграрная реформа*, которая, как и в СССР, сопровождалась ожесточенной “классовой борьбой” в деревне, а затем – *коллективизация сельского хозяйства*. По весьма приблизительным и неполным подсчетам известного американского политолога З. Бжезинского, несколько миллионов человек – помещиков, представителей буржуазии, гоминьдановских чиновников, офицеров старой армии – были репрессированы в эти годы [9].

В 1956–1957 гг. в КНР была проведена политическая кампания *Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто школ (baihua yaundong)*. Целью ее было не только перевоспитание интеллигенции и так называемых “буржуазных специалистов” – потенциальных противников коммунистического режима. Мао и его соратники вслед за Конфуцием верили, что власти в состоянии переделать сознание людей вне зависимости от их социального происхождения. Компартия ставила перед собой и другую жизненно важную цель. Поскольку подавление сопротивления открытых противников социализма было сломлено, это привело к тому, что вместо непримиримых классовых противоречий на первый план вышли неантагонистические *противоречия внутри народа*.

В новых условиях бывшая либеральной интеллигенция и специалисты, по мнению Мао, могли бы превратиться в убежденных приверженцев идей социализма только тогда, когда они увидят их явное преимущество над буржуазными идеями в свободном духовном соперничестве; подобно тому, как в эпоху Чжаньго (V–III вв. до н.э.) школа Конфуция победила другие философские течения в свободной и открытой конкуренции с ними. Мао также понимал, что установившие свою монополию на власть партия и ее управленческий аппарат нуждались в критике со стороны не принадлежавшего к ней творческого

меньшинства общества, чтобы обеспечить дальнейшее поступательное движение Китая.

Кампания начиналась весьма вяло, и только после повторного обращения Мао к гражданам с призывом открыто критиковать руководство партии и государства она набрала обороты. Миллионы писем с критикой властей были направлены в ЦК КПК и в правительство, люди устраивали многочисленные манифестации на улицах городов, проводили собрания, публиковали критические статьи в газетах и журналах. В Пекинском университете была открыта так называемая “стена демократии”, на которой любой желающий мог вывесить свой плакат с определенными требованиями. Люди протестовали против монополии на власть в руках КПК, требовали перехода к двухпартийной системе, выступали за свободу информации, обличали коррумпированность чиновников, протестовали против привилегий нового правящего класса.

Очень скоро руководители компартии и государства стали понимать, что они теряют контроль над ситуацией и снижают уровень легитимности режима. В конце июля 1957 г. кампания *Пусть расцветает сто цветов* была приостановлена, ей на смену пришла другая кампания, направленная на *борьбу с правым уклоном*, в ходе которой были подвергнуты репрессиям более 500 тыс. наиболее активных участников первой. Мао и его окружение стали говорить, что с самого начала движения за плюрализм мнений и критику правительства они ставили перед собой цель: выявить скрытых врагов социализма, “выманить змей из их нор, чтобы потом отрубить им головы” [10].

Таким образом, задолго до *Пражской весны* в Чехословакии и *политики гласности* в СССР в КНР был поставлен очень важный эксперимент, итог которого достаточно очевиден: свобода несовместима с государственным социализмом. Идеи марксизма-ленинизма могут утверждать себя только грубой силой государственного принуждения и не выдерживают открытой и равной конкурентной борьбы со своими либеральными визави. Истинность этого вывода была подтверждена на практике во всем мире: от Китая и Вьетнама до Кубы и Беларуси.

Во второй половине 50-х гг. начали обостряться китайско-советские отношения. Мао был недоволен своим союзником из-за того, что он не передал КНР технологию по изготовлению ядерного оружия, отказался помочь силой присоединить Тайвань. Давали о себе знать и старые китайско-российские противоречия, которые никуда не исчезли, а лишь приняли новую форму. В китайско-советском противостоянии проявились и традиционные представления китайцев о себе как о жителях срединного государства, окруженного со всех сторон варварами. Бесцеремонное стремление СССР к патронажу над многочисленными “младшими братьями” из лагеря социализма в случае с Китаем не могло не вызвать сначала скрытое, а потом и открытое негодование и вполне обоснованный протест его народа и руководства.

Китай также явно претендовал на роль лидера в международном коммунистическом движении. Чтобы подкрепить эти претензии,

нужны были “грандиозные успехи” в деле строительства коммунизма. В 1958 г. КПК была принята программа так называемого *Великого скачка* (*Dayuejin*), которая предполагала за счет эксплуатации энтузиазма масс добиться невиданных достижений в области развития тяжелой промышленности и сельского хозяйства. Руководство КПК ставило целью превратить Китай за три, пять, семь лет в великую индустриальную державу, которая продвинется вперед не только по пути социалистического строительства, но раньше, чем СССР, приблизится к построению материально-технической базы коммунизма.

В индустриальном секторе ставка делалась на увеличение выплавки стали. По этому показателю КНР должна была за год удвоить выпуск продукции, а к концу этапа – опередить Англию. Для решения столь грандиозной задачи было принято решение строить кустарные доменные печи в деревнях, а для производства стали активно привлекать тружеников села. При этом все предупреждения специалистов о том, что подобный путь приведет к нарушению технологии производства и к снижению качества продукции, назывались буржуазными предубеждениями. Правда, наученные горьким опытом предыдущей политической кампании, эксперты предпочитали помалкивать.

Существенное увеличение производства зерна в сжатые сроки было важнейшей задачей партии в области сельского хозяйства. Мао и его окружение считали, что и здесь энтузиазм масс и их мобилизация сыграют более важную роль, чем материальное стимулирование и индивидуальная инициатива. Важнейшим инструментом мобилизации на селе стали так называемые *народные коммуны*, которые представляли собой крупные кооперативы, объединяющие тысячи и даже десятки тысяч хозяйств. Они представляли собой более “высокий тип” обобществления собственности, чем сельхозартели, которые преобладали в СССР. В большинстве китайских коммун в период скачка были запрещены приусадебные хозяйства, любые формы частного производства продуктов питания, а в некоторых были открыты столовые, где крестьяне и члены их семей обязаны были совместно питаться. Материальное стимулирование труда было объявлено буржуазной догмой. Бесплатная рабочая сила жителей коммун активно привлекалась властями для реализации и целого ряда строительных проектов, в первую очередь в области ирригации сельского хозяйства.

Создание коммун преследовало не только идеологические и политические цели. По мнению маоистского руководства, этот шаг должен был стать важным финансовым источником индустриализации. Народные коммуны должны были обеспечить производство дешевой продукции, часть которой государство могло продавать на внутреннем и внешнем рынках по гораздо более высокой цене.

Политика *Великого скачка*, как и предполагалось, не могла не завершиться великим провалом и трагедией народа. Выпуск бракованной продукции в металлургии в 1959 г. вырос в 3–3,5 раза по сравнению с 1958 г. Сократилась, а не выросла добыча угля, производство электроэнергии, продукции машиностроительной и химической промышленности. Отвлечение рабочей силы из сельскохозяйственного сектора и отсутствие материального стимулирования труда крестьян привели к резкому падению производства зерна и других видов аграрной продукции. Приписки чиновников, которые рапортовали об

успешном выполнении планов председателя Мао, привели к изъятию из коммун зерна, необходимого для собственного потребления. Это спровоцировало голод на селе уже в конце 1958 г., который был благоприятным по погодным условиям. К негативным последствиям социальных экспериментов коммунистов добавились природные катаклизмы: сильное наводнение на юге Китая в 1959 г. и засуха на севере страны в 1960 г. В результате в КНР разразился страшный голод, от которого погибло по разным оценкам от 20 до 40 млн чел. Поразительно, но правительство вначале скрывало масштабы трагедии и, несмотря на острую нехватку продуктов питания, продолжало экспортировать зерно за рубеж, и только в начале 60-х гг. перешло к его закупкам в Канаде и Австралии [11].

Провал политики *Великого скачка* ослабил позиции Мао Цзэдуна в партии и государстве. Для того чтобы он “смог целиком и полностью переключиться на работу председателя ЦК КПК”, 6-й пленум в 1959 г. принял решение не выдвигать кандидатуру Мао на должность председателя КНР. Этот важный пост во властной иерархии перешел к Лю Шаоци. Одновременно генеральным секретарем ЦК был избран приверженец прагматичного курса Дэн Сяопин. На их долю выпала вся тяжесть разработки и осуществления курса по нормализации ситуации в экономике, в особенности устранения пагубных последствий скачка в аграрном секторе. Огромные и неэффективные народные коммуны были реорганизованы, в них отказались от уравниловки в оплате труда. В некоторых провинциях крестьянам даже позволили вернуться к ведению единоличного хозяйства.

Положение Мао Цзэдуна в руководстве партии и государства стало непрочным. Он фактически был отстранен от вмешательства в управление народным хозяйством. Поэтому, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу, Мао инициировал в 1966 г. новую кампанию: *Великую пролетарскую культурную революцию*, которая была и борьбой за власть, и массовой кампанией по преобразованию традиционной китайской культуры. В ходе революции главный удар был нанесен по государственному и партийному аппарату, представителей которого Мао обвинил в буржуазном перерождении, движении по капиталистическому пути. Для борьбы с бюрократией “великий кормчий” использовал старшекласников, студентов, рабочую молодежь. Из них формировали отряды *хунвейбинов* (красных охранников) и *цзаофаней* (революционных бунтарей), которых левые группировки в руководстве КПК призывали нанести удар по штабам.

В 1967 г. Китай оказался ввергнут в состояние анархии: школы и университеты были закрыты, большинство партийных и правительственных учреждений не работало, система транспорта и связи была нарушена, фракционная борьба в КПК временами перерастала в открытые вооруженные столкновения. Десятки тысяч специалистов были репрессированы, отправлены из городов на перевоспита-

ние в народные коммуны. В 1969 г. Мао призвал вооруженные силы навести порядок в стране. Он одержал полную победу над противниками. Двенадцатый пленум ЦК снял Лю Шаоци со всех занимаемых постов в партии и государстве, сам политик был помещен в лагерь, где вскоре и умер. Ревизионист № 2 Дэн Сяопин, как тогда называли отца будущей китайской экономической реформы, был отправлен работать на тракторный завод простым рабочим с целью перевоспитания. Значительно ослаблены были и позиции Чжоу Эньлая, сохранившего, правда, за собой должность премьера Государственного совета. В КНР резко возросло политическое влияние вооруженных сил. Один из инициаторов культурной революции министр обороны Линь Бяо стал не только вице-председателем КПК, но на IX съезде был официально объявлен преемником “великого кормчего”.

Политическая победа маоистов в борьбе за власть стоила Китаю колоссальных потерь. По данным, содержащимся в книге З. Бжезинского *Вне контроля*, за годы культурной революции было казнено от 1 до 2 млн чел. [13]. Серьезный урон был нанесен экономике. Значительная часть предприятий в эти годы не работала, потому что рабочим нужно было заниматься борьбой с ревизионистами, а квалифицированным специалистам проходить перевоспитание в коммунах. В течение целого десятилетия было парализовано функционирование народного образования. В КНР отменили вступительные экзамены в высшие учебные заведения (их восстановили только в 1977 г.). Миллионы выпускников средних школ и университетов были насильственным путем отправлены в сельскую местность работать в трудовых лагерях. Содержание предметов в школах и вузах также сильно изменилось. Важным считалось не получение специальных знаний, а заучивание и цитирование произведений Мао Цзэдуна. По отзывам многих зарубежных специалистов, в результате революции Китай получил поколение недоученных молодых людей, которые легко нарушали такие, казалось бы, незыблемые конфуцианские ценности, как подчинение старшим, уважение родителей, почитание учителей и др.

Главной жертвой Великой пролетарской культурной революции стала богатая, имеющая многовековые традиции культура Китая. По приказу маоистов бесчинствующие толпы хунвейбинов сжигали книги и картины, разрушали культовые сооружения, уничтожали древние рукописи и музейные экспонаты. Китайские историки сравнили разрушение исторических артефактов в этот период с уничтожением реликвий конфуцианства в III в. до н.э. в эпоху правления одного из самых жестоких императоров Китая Цинь Шихуанди [14].

Сосредоточение всей власти в руках маоистов не привело к прекращению политической борьбы в КНР. Уже через три года после

своего назначения преемником председателя Мао вице-председатель Линь Бяо вынужден был предпринять попытку к бегству, после того как его уличили в организации покушения на жизнь Мао Цзэдуна во время поездки того в Шанхай. Самолет с министром обороны и близкими ему людьми потерпел катастрофу над пустынями Монголии. После этого инцидента в стране развернулась очередная кампания, на сей раз посвященная *критике Линь Бяо и Конфуция*. По мнению экспертов, она была направлена не только на чистку армии от приверженцев бывшего фаворита Мао, но и против Чжоу Эньлая, который, подобно Конфуцию, добивался реабилитации незаконно отстраненных сановников (речь в данном случае идет о возвращении из ссылки Дэн Сяопина, который получил пост вице-премьера).

ВСТАВКА 14.1.

Хунвейбины

13 июня 1966 г. ЦК и Государственный совет приняли постановление о реформе системы образования, в соответствии с которым учащиеся должны были активно содействовать культурной революции и критиковать буржуазию. В школах и учебных заведениях началась подготовка будущих хунвейбинов – красных охранников (штурмовых отрядов, содействовавших реализации планов председателя Мао).

Школам посоветовали сконцентрировать усилия на изучении произведений Мао Цзэдуна и физическом воспитании учащихся. А когда преподаватели не одобрили эти мероприятия, китайская печать подняла учащихся против преподавателей и призвала решительно сметать с пути каждого, кто выступает против идей Мао Цзэдуна. Несколько позже в школах и вузах было прекращено обучение. К осени 1966 г. сформировалась огромная армия праздной молодежи, которую маоисты могли использовать в любых целях. Среди хунвейбинов широко пропагандировался культ личности Мао, а также националистические идеи. В этот период китайская печать писала: “Мы вызовем революционную бурю не только в Китае, мы распространим ее на весь земной шар. Пусть идеи Мао Цзэдуна сияют во всех уголках мира”.

Пекинские хунвейбины наклеивали на стены домов огромное количество плакатов и лозунгов культурной революции. Вот некоторые из них:
“Во всех театрах, кинотеатрах, книжных магазинах нужно вывесить портреты Мао!

На всех улицах нужно установить громкоговорители для зачитывания директив!

Изучение произведений Мао нужно начинать в детских садах!

Интеллигенция должна ехать работать в деревню!

Нужно питаться вместе, а также возродить мораль первых народных коммун 1958 г.!

Следует отказаться от употребления духов, украшений, косметических средств и одежды непролетарского характера!

Следует покончить со старой живописью, злоупотребляющей неполитической тематикой, изображением бамбуковых деревьев!

Нужно сжечь книги, которые не отражают идеи Мао Цзэдуна!” [12].

В последние годы жизни Мао Цзэдун пытался поддерживать баланс между левыми радикалами, которых представляла его супруга Цзян Цин и три высокопоставленных чиновника из Шанхая, сделавших себе блестящую карьеру в годы культурной революции (так называемой *бандой четырех*), и умеренными политиками, многих из которых председатель КПК реабилитировал и вернул на руководящие посты. Мао Цзэдун скончался в сентябре 1976 г. После непродолжительной межфракционной борьбы умеренных с *бандой четырех*, последовавшей за смертью лидера, победу в КПК одержали политики-прагматики, формально во главе с Хуа Гофеном, возглавлявшим партию и правительство, но фактически со стоящим в тени, но весьма авторитетным руководителем Дэн Сяопином. По мнению большинства историков, только после ареста супруги Мао и ее окружения в октябре 1976 г. стало возможным утверждать, что культурная революция завершилась, а Китай вступил в новый этап своего развития.

Дэн Сяопин быстро укрепил базу своего влияния в партийной элите и государственном аппарате, куда вернулась значительная часть репрессированных Мао и его окружением людей. Это позволило уже в конце 70-х гг. пересмотреть генеральную линию развития КНР, которая первоначально предполагала продолжение политики председателя Мао. Хуа Гофен был вынужден публично отказаться от курса на преемственность, назвав его ошибочным. За этим шагом быстро последовали и кадровые перемены. В 1980 г. Хуа подал в отставку с поста премьера, его заменил Чжао Цзыян, а в 1981 г. он лишился и должности председателя КПК. Им был избран Ху Яобан (с 1982 г. эта должность стала называться “генеральный секретарь”). Оба руководителя являлись ближайшими соратниками Дэн Сяопина. Опального лидера не отправили в ссылку, что было бы неминуемым в годы культурной революции. До 2002 г. Хуа Гофен оставался членом Центрального комитета КПК.

Экономическая реформа. Укрепив свои политические позиции, *фракция прагматиков* в КПК во главе с Дэн Сяопином приступила к разработке и осуществлению курса радикальных реформ в области экономики. Уже декабрьский пленум ЦК КПК 1978 г. принял стратегию **четырёх модернизаций**: в области сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью превращения Китая к началу XXI в. в одну из ведущих держав мира. Основой данной стратегии стала **экономическая реформа** (*gaige kaifang*). Новое руководство КНР отказалось от дальнейшего проведения разрушительных политических кампаний. Акценты были сделаны на постепенное освобождение частной инициативы, ослабление государственного контроля над экономикой, рост жизненного уровня населения.

В полном соответствии с национальными традициями “практичного прагматизма” и “трудовой этики”, которые не были целиком уничтожены в годы безумных социальных экспериментов, Дэн Сяопин и его соратники сделали ставку на экономическую эффективность без оглядки на идеологию. По мнению тогдашнего китайского лидера, “мы не должны бояться применять развитые методы управления, которые применяются в капиталистических странах... Сам смысл социализма заключается в освобождении и развитии системы производства... Социализм и рыночная экономика не являются несовместимыми понятиями” [15].

На первом этапе преобразований в 80-е гг. была проведена фактическая деколлективизация сельского хозяйства, перевод его на *семейный подряд*. И в аграрном секторе, и в промышленности стали внедряться рыночные механизмы. Приоритетное развитие получила легкая и обрабатывающая отрасли, а не тяжелая индустрия. Быстрыми темпами развивались *кооперативы*, которые могли значительную часть своей продукции продавать по свободным ценам. Для промышленности была введена двойная система расценок. Предприятия продолжали выпускать продукцию в соответствии с плановыми заданиями, но получили возможность (постоянно расширяющуюся) продавать по рыночным ценам товары, произведенные сверх плана. Все это привело к значительному *сокращению доли государственного сектора* экономики и увеличению негосударственного. Если в 1980 г. госпредприятия выпускали 76% промышленной продукции, то к 1996 г. эта пропорция снизилась до 29% [16]. В 2005 г. 70% китайского ВВП производилось на частных фирмах.

Еще одним важным элементом курса на модернизацию была *политика открытых дверей*. Китайская экономика стала активно интегрироваться в мировую. Правительство предприняло значительные усилия по привлечению в страну иностранного капитала и современных технологий. В 1978 г. были восстановлены дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки. Положительную роль в притоке иностранного капитала в Китай сыграли так называемые *свободные экономические зоны*, с льготным налоговым климатом для зарубежных инвесторов в прибрежных провинциях страны.

На втором этапе реформ, в 90-е гг., процесс *либерализации цен* в экономике полностью завершился. От этого выиграли, в первую очередь, более гибкие частные и кооперативные предприятия. Многие государственные заводы и фабрики попали в сложное положение: часть из них оказалась несостоятельными должниками, около 15 млн рабочих и служащих были уволены, такое же количество оказалось в неоплачиваемых отпусках. Следует сказать, что правительство КНР не пошло на решительные меры по реструктуризации экономики,

продолжая выделять кредиты нерентабельным госпредприятиям, из-за опасений резкого увеличения армии безработных. В конце 90-х гг. Китай внедрил также современную *банковскую систему и рынок капитала*.

На третьем этапе реформ, в начале XXI в., важнейшими приоритетами экономической политики КНР стали: решение проблем неприбыльных предприятий государственного сектора, выравнивание уровня экономического развития различных регионов страны, преодоление значительного разрыва между богатыми и бедными, создание современной системы социального обеспечения.

Несмотря на нерешенные проблемы третьего этапа, экономическая реформа в Китае оказалась успешной. Это нашло свое выражение в беспрецедентных темпах роста ВВП, который в последние десятилетия увеличивался примерно на 10% ежегодно. По этому показателю КНР прочно удерживает первое место в мире. Реальные доходы на душу населения также стремительно выросли. В отличие от творцов советской перестройки, китайские реформаторы добились того, что в результате начального этапа преобразований были только выигравшие от экономических изменений. Уровень бедности снизился с 53% в 1981 г. до 8% в 2001 г. Все это содействовало формированию благоприятного по отношению к реформе и рыночной экономике общественного мнения. Как выяснили американские социологи из университета Мэриленда, 74% китайцев позитивно относятся к свободному рынку (в США этот показатель составляет только 71%) [17].

Не менее важным фактором успеха экономической реформы стало и то, что она осуществлялась децентрализованным способом в этой привычной к директивам сверху стране. Программа реформ складывалась на основе обобщения позитивного опыта преобразований конкретных предприятий и регионов. Например, возвышение Чжао Цзяяна произошло после того, как он добился высоких темпов роста благосостояния населения в провинции Сычуань, где он возглавлял партийную организацию.

Экономические успехи Китая вызывают не только восхищение. По мнению С. Хантингтона, Китай и Восточная Азия в целом бросают опасный экономический вызов Западу. «Китайская экономическая зона, как заявил в 1993 г. Всемирный банк, стала четвертым глобальным полюсом роста, вместе с Соединенными Штатами, Японией и Германией. Согласно большинству расчетов, в XXI в. китайская экономика превратится в крупнейшую на планете. Располагая в 90-е гг. второй и третьей экономиками мира, Азия, скорее всего, станет местом, где к 2020 г. будут находиться четыре из пяти или семь из десяти крупнейших экономик мира. К этому времени азиатские общества будут производить 40% общемировой валовой продукции... Восточно-Азиатское экономическое развитие меняет баланс сил в отношениях между Востоком и Западом (прежде всего, Соединенными Штатами). Успешное экономическое развитие

порождает самоуверенность... Богатство, как и сила, воспринимается как доказательство благодетели, как демонстрация морального и культурного превосходства. Поскольку они окажутся более преуспевающими в экономическом плане, страны Восточной Азии не станут колебаться, чтобы подчеркнуть отличия своей культуры и утвердить превосходство своих ценностей и образа жизни по сравнению с западными и ценностями других обществ" [18].

Как отмечает известный американский политический обозреватель Фарид Закария, "Китай является сегодня крупнейшим в мире производителем угля, стали и цемента, вторым потребителем энергии и третьим импортером нефти, что отражается на росте цен на бензин. Китайский экспорт в США вырос на 1600% за 15 лет, а американский экспорт в Китай – на 415% за тот же период времени... В эпоху индустриальной революции Британию называли "мастерской мира". Теперь это звание по праву перешло к Китаю. Здесь производится 2/3 всех копировальных машин, микроволновых печей, DVD-плееров и обуви; все игрушки мира. Подъем Китая не является больше прогнозом; это свершившийся факт. Китайская экономика является самой быстрорастущей. Эта страна занимает второе место по объемам зарубежных валютных резервов, главным образом долларов США, у нее самая большая армия и четвертый в мире оборонный бюджет, который ежегодно увеличивается на 10%. Вне зависимости от того, обгонит ли КНР США по уровню экономического развития или нет (Закария считает, что это отдаленная перспектива), данное государство стало новым центром силы на международной арене.

Рост Китая принес очевидные выгоды для всего мира, и для Америки в частности. Отчеты показывают, что дешевый импорт из Китая позволил сэкономить американским потребителям порядка 600 млрд долл. за прошедшее десятилетие. Журнал *Экономист* утверждает, что во многом благодаря китайскому росту мировая экономика смогла избежать рецессии после паники на американской бирже в 2000–2001 гг. <...> За последние 400 лет в мире дважды происходило существенное изменение соотношения сил между ведущими державами. Первое было связано с возвышением Европы, которая примерно в XVII в. превратилась в богатейшую, наиболее предприимчивую и амбициозную часть света. Второе представляло собой подъем Соединенных Штатов в конце XIX – начале XX в. ... В течение столетий остальной мир представлял собой арену для реализации интересов западных великих держав. Подъем Китая, а также быстрое развитие Индии и сохранение позиций Японии представляет собой третье глобальное изменение соотношения сил – в пользу Азии... Со времен окончания холодной войны мир не видел конфликта великих держав. Если все же он начнется, все проблемы, которые мы наблюдаем сегодня – терроризм, угрозы Ирана и Северной Кореи – поблекнут в сравнении. Конфликт будет означать гонку вооружений, пограничные проблемы, а возможно и что-то более серьезное... Наибольший вызов Китай бросает Соединенным Штатам. Так было всегда: когда ведущая мировая держава сталкивалась с конкуренцией растущей новой страны, отношения между ними ухудшались" [19].

Попытка демократизации. Экономические преобразования в Китае, рыночные реформы не сопровождались политическими преобразованиями, демократизацией общества и государства. Это привело к острому политическому кризису 1989 г., который вылился в *массовые протесты на площади Тяньаньминь*. В руководстве КПК

не было единства по вопросу, в каком направлении страна должна развиваться дальше, какая степень политической свободы допустима. Во второй половине 80-х гг. сформировалось два противоборствующих лагеря. С одной стороны, *реформаторы* которых представлял генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, отправленный в отставку в 1987 г., и премьер Чжао Цзяян, который стал лидером партии в 1987 г., выступали за радикальные структурные реформы экономики и либерализацию политической жизни. С другой стороны, *консерваторы* во главе с премьером Ли Пенем хотели сохранить жесткий партийный контроль за обществом, а государственный – за экономикой. В центре находился Дэн Сяопин, который умело лавировал между этими группировками, проводя собственную политическую линию.

ВСТАВКА 14.2.

Дэн Сяопин – отец китайской экономической реформы

Французский президент Жак Ширак не без оснований утверждал, что в истории XX в. трудно найти другую фигуру, которая смогла бы сделать столько, сколько сделал Дэн Сяопин для осуществления фундаментальных изменений в судьбе такого огромного народа.

Дэн родился в 1904 г. в провинции Сычуань. После окончания подготовительной школы его вместе с 80 другими талантливыми китайскими детьми отобрали для продолжения учебы во Франции. В этой стране Дэну пришлось не только учиться, но и работать, чтобы прокормить себя. Здесь же он познакомился с марксистским учением и увлекся им. В 1921 г. Дэн Сяопин стал членом Китайской лиги молодых коммунистов, а в 1923 г. – коммунистической партии Китая. В 1926 г. он переехал в Москву для завершения образования.

Начавшаяся гражданская война в Китае заставила Дэн Сяопина вернуться на родину. Он принимал самое активное участие в боевых действиях на стороне КПК: организации восстания в провинции Гуанси, Великом походе, последнем сражении с гоминьдановцами перед их эвакуацией на Тайвань. После образования КНР Дэн стремился строго следовать линии председателя Мао. Он решительно поддержал его во время борьбы с правым уклоном в 1957 г., что позволило Дэну получить важный пост генерального секретаря ЦК. Вместе с тем он не мог не отдавать себе отчета в том, что *Великий скачок* ведет страну к катастрофе. Поэтому в начале 60-х гг. Дэн Сяопин в союзе с тогдашним председателем КНР Лю Шаоци предпринял ряд решительных мер, направленных на нормализацию ситуации в экономике.

Эта мужественная позиция принесла Дэну популярность в народе, но она же вызвала и яростные нападки на реформатора со стороны председателя КПК и его окружения. В годы культурной революции Дэн Сяопину отомстили: сняли со всех постов и отправили работать на тракторный завод рядовым рабочим. Пострадала и семья реформатора. Его сын не выдержал травли и выбросился из окна, сделавшись на всю жизнь инвалидом.

Вернуться в структуры власти Дэн Сяопину помог Чжоу Эньлай – его хороший знакомый еще со времен совместной учебы во Франции. Он ходатайствовал перед Мао о назначении Дэна на пост вице-преьера. Это вызвало новую

атаку слева со стороны так называемой “банды четырех”. После смерти Чжоу в начале 1976 г. Дэна снова сняли со всех постов, обвинив в правом уклоне. Однако на сей раз опала была недолгой. Смерть Мао и арест его супруги Цзян Цин и других членов “банды” позволили Дэну занять свою прежнюю должность в правительстве и привлечь целый ряд близких ему людей для совместной работы в ЦК и Государственном совете. Новая расстановка сил была использована для мирного отстранения от власти выдвигенца Мао Хуа Гофена.

Уже в конце 70-х гг. в руках Дэн Сяопина оказались фактически все нити власти над огромной страной, несмотря на то, что он занимал только один важный пост в иерархии – председателя военной комиссии ЦК. Власть Дэна опиралась не на административную пирамиду, а на огромный личный авторитет, который он пытался использовать для осуществления жизненно необходимых преобразований в стране. Для него было очевидным, что невозможно превратить Китай в современное государство, опираясь на советские и маоистские методы. Они были опробованы на прежних этапах истории КНР и принесли только неисчислимы страдания народу. Поэтому, не обращая внимания на идеологические табу, Дэн со всей решимостью приступил к адаптации капиталистических экономических методов к условиям коммунистического по своей политической системе государства. Эта стратегия принесла успех, также как принес успех и НЭП в Советской России в 20-е гг., опыт которого серьезно изучался китайскими реформаторами.

Добившись беспрецедентного экономического роста и подъема жизненного уровня населения, Дэн Сяопин стабилизировал старую политическую систему. Он считал невозможным идти дальше: становиться на путь проведения политических преобразований, потому что страна могла вновь погрузиться в хаос, как это уже было в годы культурной революции. Находясь под влиянием конфуцианской традиции, Дэн полагал, что подлинные реформы могут исходить только от всесильного и просвещенного правителя, полномочия которого не следует ограничивать. Речь в данном случае идет не о личной власти (Дэн ушел со всех своих постов в конце 80-х гг., чтобы подать пример другим пожилым руководителям Китая), а о власти коммунистической партии.

Все это объясняет, почему 4 июня 1989 г. Дэн Сяопин отдал приказ китайским вооруженным силам разогнать митинг студентов и рабочих на площади Тяньаньмынь и поблагодарил солдат, стрелявших в безоружную толпу, за выполнение воинского долга. Сделав действительно очень много для осуществления китайской экономической реформы, Дэн одновременно несет личную ответственность за откладывание на неопределенный срок не менее важных для КНР политических преобразований. Дэн Сяопин умер в 1997 г. в возрасте 92 лет [20].

К концу 80-х гг. положение консерваторов стало более предпочтительным. Экономическая реформа столкнулась с серьезными трудностями, значительно выросла инфляция, усилилось недовольство населения. Параллельно развивалось диссидентское движение; стали возникать неформальные молодежные структуры, которые требовали большей политической свободы. Еще в декабре 1986 г. студенты провели в Пекине первую массовую мирную демонстрацию. К весне

1989 г. студенчество превратилось в реальную политическую силу, которая требовала демократизации Китая.

Смерть Ху Яобана 15 апреля 1989 г. послужила катализатором массовых акций протеста. Сначала в Пекине, а потом и в других крупных городах страны прошли студенческие манифестации с требованиями демократизации, гарантий свободы слова и печати, независимости судов, свободы ассоциаций, борьбы с коррупцией. Накануне похорон бывшего генерального секретаря в Пекине прошла стотысячная демонстрация протеста. Власти обвинили молодежь в оппортунизме, контрреволюционном заговоре и беспорядках. Об этом в редакционной статье писала газета *Жэньминь жибао* – орган ЦК КПК. Генеральный секретарь ЦК Чжао Цзыян после своего возвращения из поездки в Северную Корею осудил эту публикацию.

Тем временем демонстрации и митинги набирали обороты. Студенты, интеллигенция, рабочие использовали визит в КНР советского руководителя Горбачева и повышенное внимание к этому событию зарубежных СМИ. 13 мая десятки тысяч студентов заняли центральную площадь в Пекине – Тяньаньмынь. Началась голодовка протеста, в которой первоначально принимало участие 400 чел., но к ним в скором времени присоединились тысячи людей. Начало голодовки только усилило популярность участников акции: люди понимали, что они борются не за свои интересы, но жертвуют собой во имя народа. Манифестанты требовали начать переговоры между представителями независимых студенческих организаций и правительством. Правительство во главе с Ли Пенем заявляло, что будет иметь дело только с официальными молодежными организациями.

19 мая генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян обратился к митингующим. В своем выступлении он попросил прощения перед участниками акции за то, что слишком поздно пришел к ним, и призвал прекратить голодовку, сохранить свои жизни для борьбы за обновление Китая. Это было последнее публичное выступление генерального секретаря. 20 мая, после того, как он единственным из членов Политбюро проголосовал против введения военного положения, Чжао Цзыян был отправлен в отставку и помещен под домашний арест (Чжао пробыл под арестом вплоть до своей смерти в 2005 г.). Участники акции отказались последовать его призыву.

В тот же день Дэн Сяопин принял решение об использовании вооруженных сил для разгона участников акции. Тем не менее тысячи митингующих не собирались расходиться. Они стали сооружать стацию демократии на площади Тяньаньмынь. Поддержали пекинских товарищей по борьбе студенты, преподаватели, рабочие и других крупных городов Китая, прежде всего Шанхая. В ночь на 3 июня армия была введена в столицу. По разным данным, от 700 до 6 тыс. участников акции протеста было убито. Десятки тысяч людей, причастных к **Движению 4 июня** (так называют в Китае это событие) были брошены за решетку. 9 июня Дэн Сяопин поблагодарил армию за выполнение воинского долга – расправу над безоружными манифестантами [21].

Таким образом, массовые протесты в КНР весной 1989 г. представляли собой кульминацию неудачной попытки *демократизации* этой великой азиатской страны. Они не были оторваны от китайских традиций и культуры. Манифестанты на площади Тяньаньмынь

апеллировали к известному конфуцианскому архетипу бескорыстных интеллектуалов, которые посмели говорить правду коррумпированной власти. Понимание демократизации участниками мирной революции было тоже не западным и либеральным, но скорее национальным: как движение сверху вниз от образованной элиты к массам. На одном из плакатов тех дней было написано: несмотря на то, что жители деревень еще не готовы к народовластию, жители городов, интеллигенция и члены коммунистической партии давно готовы к тому, чтобы жить при демократическом строе, как живут при нем граждане многих других государств мира.

Современный этап в истории КНР. После подавления студенческих протестов 1989 г. начался современный *посттяньаньмыньский этап* в новейшей истории Китая. Во главе партии встал представитель консервативного крыла КПК Цзян Цзэминь, который завоевал доверие Дэн Сяопина относительно мирным наведением порядка в Шанхае, партийным руководителем которого он являлся. В начале этапа над дальнейшим проведением экономической реформы нависла реальная угроза. Премьер Государственного совета КНР Ли Пен (самая одиозная фигура в глазах участников акции протеста на площади Тяньаньмынь) считал, что необходима гораздо большая централизация государственного контроля над экономикой и жесткая борьба с влиянием Запада. Потребовалась поездка Дэн Сяопина (в качестве частного лица) на юг страны и его публичные выступления в поддержку дальнейших шагов по развитию рыночных отношений и политики открытости, чтобы придать импульс новым преобразованиям.

Экономические реформы были продолжены, но они сопровождались ужесточением политического контроля над обществом. Новое руководство стремилось к деполитизации общественного сознания, к превращению китайских граждан в пассивную массу, которая взамен за улучшение своего материального благосостояния откажется от вмешательства в дела управления государством, которые и в дальнейшем будут оставаться монополией коммунистической партии Китая.

В 90-е гг. наблюдался постепенный уход Дэн Сяопина с политической арены. В ноябре 1989 г. Цзян Цзэминь сменил Дэна на посту руководителя Центральной военной комиссии КПК. С 1993 г. Цзян укрепил свои позиции в руководстве, соединив в одних руках посты генерального секретаря КПК и председателя КНР. Несмотря на отсутствие официальных должностей, Дэн Сяопин до последних дней жизни оставался чрезвычайно влиятельной политической фигурой. Именно он настоял на необходимости осуществления своевременной смены лидеров партии и государства, выдвижения на влиятель-

ные посты нового поколения руководителей. В 1998 г. на смену непопулярному Ли Пэну пришел новый глава правительства – политик-технократ Чжу Жунци, а в 2002 г. на XVI съезде КПК был переизбран генеральный секретарь. Им стал самый молодой член политбюро Ху Цзиньтао.

Однако осуществление плана “патриарха китайской политики” после его кончины не прошло гладко. Ху Цзиньтао потребовалось два года на то, чтобы сконцентрировать в своих руках основные рычаги власти. Дело в том, что, уходя с поста генерального секретаря, Цзян Цзэминь оставил за собой Постоянный комитет Политбюро, в котором доминировали представители так называемого шанхайского клана, лидером которого он являлся. Только в 2003 г. Ху был избран председателем КНР. До 2004 г. Цзян оставался председателем влиятельной Центральной военной комиссии КПК и, подобно Дэну, пытался осуществлять личный патронаж над молодым руководством партии и государства (в 2003 г. премьером КНР стал популярный политик-реформатор Вен Цзябао). Правда, делал он это, без особого успеха, потому что не обладал ни харизмой, ни авторитетом Дэна.

Помимо всего прочего, Цзян Цзэминь оставил довольно тяжелое наследство своему преемнику. Делая ставку на обеспечение экономического роста любой ценой, китайское руководство совершенно не думало о качестве такого роста и решении острых социальных проблем. Всекитайская первая пленарная сессия десятой политической консультативной конференции, которая состоялась в Пекине в марте 2003 г., обнародовала следующие факты:

Согласно оценкам китайских экспертов, КНР в конце 90-х гг. оказалась на втором месте снизу (хуже обстояли дела только у Зимбабве) по такому показателю, как неравенство распределения богатств. Тот же источник утверждал, что 3,5% населения Китая получает ежегодный доход, превышающий 11 тыс. долл., в то время как 50% населения получает всего около 1100 долл. в год. Согласно данным китайского отделения Бостонской консультативной группы (США), 0,4% китайских семей (около 1,5 млн) владеет 70% всех национальных богатств, в то время как в наиболее развитых странах 5% семей владеет 60% богатств. Это означает, что неравенство в коммунистическом Китае является в 15 раз большим, чем в капиталистических странах Запада. По сведениям Всемирного банка за 2006 г., реальный доход 10% беднейших жителей КНР сократился на 2,4% по сравнению с предыдущим годом, в то время как доходы 90% остальных жителей увеличились [22].

Цзян Цзэминь попытался привести в соответствие понимание роли коммунистической партии Китая и ее идеологии с той новой социальной реальностью, в которой оказалась страна в результате экономических реформ. Известно, что еще при Дэн Сяопине были сняты ограничения на прием в КПК представителей китайских предпринимателей. Тем самым эта организация утратила изначально ей

присущий классовый характер и превратилась в деидеологизированную *партию власти*, в которой отношения власти и собственности теснейшим образом переплетены. Цзян Цзэминь пошел дальше, он изобрел новую идейную доктрину, получившую название *Трех представителей*, которую в КНР тут же назвали неопределенным вкладом в развитие марксистско-ленинского учения. Несмотря на банальность содержания (представителями являются экономическое производство, культурное развитие и политическое согласие), последняя составляющая играет важную роль, потому что она заменяет маоистский принцип классовой борьбы совпадением интересов всех слоев общества, включая и бизнес-сообщество, которые получают своего единственного законного политического представителя в виде коммунистической партии Китая.

ВСТАВКА 14.3.

Политический портрет Ху Цзиньтао

Ху Цзиньтао родился в 1942 г. в провинции Цзянсу. Он показал хорошие способности уже в средней школе, что позволило ему поступить в престижный Пекинский университет и получить диплом гидроинженера. Еще будучи студентом, Ху стал членом КПК. Во второй половине 60-х – начале 70-х гг. он работал по специальности в различных провинциях страны.

В то время Ху Цзиньтао познакомился с первым секретарем одного из провинциальных комитетов партии Сон Пингом. С его помощью Ху перешел на работу в министерство строительства. Еще большую роль в судьбе Ху Цзиньтао сыграла учеба в Высшей партийной школе в Пекине в 1981 г. Его однокурсницей оказалась дочь Дэн Сяопина, а однокурсником – сын тогдашнего генерального секретаря Ху Яобана. Молодому человеку не раз доводилось бывать дома у своих новых друзей. В 1982 г. по рекомендации влиятельных протекторов Ху Цзиньтао перешел на работу в Лигу коммунистической молодежи вначале на должность регионального секретаря, а затем и первого секретаря китайского “комсомола”.

Ему пришлось дважды поработать руководителем провинциальных комитетов партии. Второе назначение было весьма ответственным – в Автономный район Тибет, где как раз в это время усилилась борьба местного населения за национальное освобождение. В начале 1989 г. Ху Цзиньтао пошел на применение вооруженных сил для подавления выступлений сторонников независимости. В ходе этих событий в Автономном районе было убито несколько сот человек.

В 1992 г. Дэн Сяопин решил определить список кандидатов, которые должны были в скором времени заменить собой стареющее третье поколение руководителей КНР. Ху Цзиньтао попал в него в числе основных претендентов по рекомендации Сон Пингома. В результате принятого тогда решения, незадолго до своего пятидесятилетия Ху оказался среди членов Постоянного комитета Политбюро в качестве самого молодого представителя этого высшего элитного клуба.

После всех перипетий, связанных со скрытой борьбой за власть, в 2002–2004 гг. Ху Цзиньтао сконцентрировал в своих руках все полномочия по управлению КНР. В чем же проявляются особенности курса нынешнего лидера Китая? Чем он отличается от политики предшественников?

Прежде всего тем, что экономический рост сам по себе уже не рассматривается как самоцель, несмотря на то, что он остается очень высоким. Китайское руководство начинает обращать внимание на необходимость преодоления серьезных диспропорций и решения острых социальных проблем. Доктрина Ху Цзиньтао предусматривает создание *гармоничного общества* внутри страны и обеспечение *мирного развития* в области международных отношений.

Концепция *Гармоничного общества* предполагает динамичное экономическое развитие на основе свободного рынка и частного сектора; акцент на личные, но не политические свободы; содействие росту благосостояния всех граждан; культурное просвещение; и синергетический подход к различным социальным вопросам. Наконец, по мнению китайского лидера, оно должно характеризоваться наличием демократии, правового государства, справедливости, искренности и других этических принципов. В нем должны быть созданы гораздо более тесные связи между народом и правительством.

Во внутренней сфере Ху Цзиньтао выступает также за предоставление новых возможностей гражданам получать оперативную информацию о работе правительства. Речь, однако, не идет о некоей либерализации партийной политики в отношении СМИ. Наоборот, жесткий государственный контроль в годы его правления был распространен даже на Интернет [23].

Таким образом, и политика Мао Цзэдуна, и курс Дэн Сяопина, и демократическое движение в конце 80-х гг., и стратегия Ху Цзиньтао по созданию гармоничного общества для своей легитимации использовали разные элементы тысячелетней китайской традиции, прежде всего конфуцианской. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что современный Китай – это быстро меняющееся общество, возможно, самое динамичное в современном мире. Социальная динамика и свойственные ей острые противоречия очень плохо совместимы с традицией, обращенной к идеалам неизменности и порядка.

Современный Китай представляет собой совершенно новое общество, не похожее на то, которое пытались построить в 50–70-е гг. председатель Мао и его соратники. В наше время в Китае экономический рост и личное процветание стали высшими приоритетами государства и правящей партии. КПК открыто признала *превосходство капиталистического способа производства*. В китайской экономике, которая официально именуется *социалистической рыночной*, есть место для иностранного капитала, частного предпринимательства, семейных ферм и др.

Однако, поощряя рыночное хозяйство, руководство КНР *отвергает политический плюрализм*. Режим проявляет крайнюю нетерпи-

мость к любым попыткам оспорить монопольную власть компартии. Для большинства граждан Китая политические изменения заключаются в том, что власти стали толерантно относиться и даже поощрять политическую апатию и пассивность народа. Эти перемены являются наглядным свидетельством трансформации режима от тоталитаризма к умеренному авторитаризму, или *посттоталитарному режиму* в терминологии Хуана Линца.

3. Институциональная структура и особенности принятия решений

Структура политической системы КНР включает в себя две иерархии – государственную и партийную. Важную роль в функционировании системы играют также вооруженные силы и массовые организации, которые обеспечивают дополнительные связи между упомянутыми иерархиями и гражданами.

Государственные институты. Конституция КНР, принятая в 1954 г., учредила центральное правительство, которое должно было управлять процессом социалистического строительства. Однако дальнейшие события – *Великий скачок и культурная революция* – серьезно ослабили роль государственных органов власти. *Народные коммуны*, например, представляли собой совершенно новую форму местного управления, культурная же революция попросту отменила действие Конституции. Органы государственной власти оказались парализованными, пока не была принята новая Конституция 1975 г., узаконившая многие институциональные элементы эпохи культурной революции. Поэтому уже после смерти Мао Цзэдуна, в 1978 г., потребовалось принимать новый Основной Закон. Современная политическая система Китая опирается на **Конституцию 1982 г.** (*Zhonghua Renmin Gongheguo Xianfa*), призванную гарантировать стабильность и содействовать реформе.

В соответствии с Основным Законом высшим органом государственной власти является **Всеитайское собрание народных представителей** (ВСНП) (*Quanguo Renmin Daibiao Dahui – Renda*). Это представительное собрание, в состав которого в настоящее время входит 2979 депутатов. Они избираются собраниями провинций и подразделениями вооруженных сил, которые, в свою очередь, избираются нижестоящими собраниями. Прямые выборы на альтернативной основе в Китае проводятся только в местные собрания. Срок полномочий ВСНП – 5 лет. Оно собирается на ежегодные сессии, обычно весной. Однако Конституция разрешает как более редкие, так и более частые сессии этой структуры. Например, с 1965 по 1975 г. не проводилось ни одной сессии ВСНП. В любом случае сессии являются очень непродолжительными и носят скорее церемониальный,

чем связанный с осуществлением реальных властных полномочий характер. ВСНП призвано символизировать собой широкую народную основу нынешней китайской власти [24]. Этой же цели служит и квота для восьми “демократических партий” – союзников КПК.

Тем не менее именно Всекитайское собрание располагает формальными законодательными полномочиями: одобрения законов и поправок к ним, назначения на важнейшие государственные посты. Оно избирает председателя и заместителя председателя КНР, главу Центральной военной комиссии, председателя Верховного народного суда и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры. Собрание определяет (соглашается с рекомендациями КПК) фигуры премьера и вице-премьеров, министров и глав департаментов правительства. ВСНП может также увольнять этих должностных лиц в случае получения соответствующих инструкций от руководства компартии. Влияние КПК на “парламент” осуществляется с помощью двух основных механизмов: деятельности так называемой партийной группы, в которую входит до 80% депутатов, и контроля процесса номинации кандидатов на важные выборные должности. Сами выборы к тому же носят в основном безальтернативный характер (например, на 100 вакантных мест допускается 110 претендентов).

В последнее время делегатам ВСНП приходится больше внимания уделять обсуждению законодательства, которое иногда проходит довольно бурно. За подобными дебатами скрывается несовпадение интересов различных группировок в КПК и в государственной бюрократии. При этом далеко не все законопроекты правительства единодушно одобряются. Например, первоначальный вариант закона о собственности в 2006 г. был отправлен на доработку, потому что депутаты посчитали, что проект не предусматривал должных мер защиты государственной собственности.

Все формальные легислативные полномочия может осуществлять и так называемый **Постоянный комитет ВСНП** (*Quanguo Renmin Daibiao Dahui Changwu Weiyuanhui*), который функционирует в промежутках между сессиями. Он состоит из 150 делегатов Всекитайского собрания народных представителей. Значение данной структуры постоянно возрастает.

Американский политолог М. Мэнион считает, что “за последние десятилетия ВСНП приобрело значительно большую независимость, а Постоянный комитет стал играть в законотворческом процессе важную роль... Самостоятельность ВСНП со всей очевидностью проявляется, прежде всего, в возросшем количестве депутатских запросов и предложений, а также в том, что депутаты перестали голосовать единогласно... Например, в 1998 г. 45% депутатов ВСНП в знак протеста против неспособности властей обуздать коррупцию

проголосовали против того, чтобы признать работу Генеральной прокуратуры удовлетворительной... Новый подход к возможностям и властным полномочиям “китайского парламента” наглядно демонстрирует и эпизод, относящийся к 1989 г., когда член Постоянного комитета ВСНП Ху Цзивей распространил среди своих коллег обращение с призывом к депутатам внеочередной сессии ВСНП отменить военное положение в стране” [25].

Постоянный комитет все время пополняется влиятельными политическими фигурами, которые после отставки с важных государственных и партийных постов оказываются в данной структуре, что увеличивает ее вес и влияние. В комитете действует специальная комиссия по законодательству, которая занимается разработкой законопроектов. Данная структура обладает также правом интерпретации нормативных актов, однако, в отличие от Верховного Суда США, Постоянный комитет ВСНП не может приостановить действие уже принятых законов.

Председатель КНР (*Zhonghua Renmin Gongheguo Zhuxi*), избираемый ВСНП сроком на пять лет (один и тот же человек не может более чем дважды избираться на этот пост), выполняет функции главы государства. В соответствии с Конституцией 1982 г. это – церемониальная структура власти. Председатель обязан подписывать законы, принятые “парламентом”, назначать премьера, вице-премьеров, членов Государственного совета, послов в зарубежные страны. Он может издавать специальные декреты, вводить чрезвычайное положение (как в 1989 г.), объявлять войну. В случае смерти председателя или невозможности выполнять свои обязанности тут же к их исполнению приступает заместитель председателя.

Значение и реальные властные прерогативы главы государства заметно выросли после того, как в 1992 г. было принято решение о том, что генеральному секретарю КПК следует совмещать свои партийные обязанности с полномочиями председателя КНР. При Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао должность председателя КНР превратилась в один из важнейших центров власти в современном Китае.

Государственный совет (*Guowuyuan*) является правительством Китайской Народной Республики. Он включает премьера (в настоящее время Вен Цзябао), нескольких вице-премьеров и министров, курирующих отдельные министерства и ведомства. Государственный совет заседает ежемесячно. В нем работают многие видные деятели КПК, так как Госсовет служит транслятором партийных решений в правительственные декреты и распоряжения. Ядром Государственного совета является Постоянный комитет, заседающий два раза в неделю. По мнению ряда экспертов, в отличие от бывшего СССР, китайское правительство не является структурой, уступающей по

своему влиянию соответствующим партийным органам. Это происходит из-за пересекающегося членства в политбюро ЦК КПК и Государственном совете.

В последние десятилетия выросла роль Госсовета как структуры, отвечающей за разработку законопроектов, которые создаются профильными министерствами. Кроме того, правительство многое делает по подготовке целого ряда подзаконных актов, инструкций и распоряжений.

В соответствии с Конституцией высшая судебная власть сконцентрирована в руках **Верховного народного суда** (*Zuigao Renmin Fayuan*). На локальном уровне – местных народных судов. Все суды несут ответственность перед народными собраниями соответствующего уровня. Таким же образом определяется подотчетность и **Верховной народной прокуратуры** (*Zuigao Renmin Jiancha Yuan*). Эти органы были созданы еще в 1950 г., но в маоистский период фактически прекратили свою деятельность. Они были восстановлены в своих правах и полномочиях только в 1978 г. в связи с возрастанием роли законности и правопорядка в стране. Начиная с середины 80-х гг., важнейшей функцией органов прокуратуры стало расследование случаев коррупции в партийных и государственных структурах.

К полномочиям **Центральной военной комиссии** (*Zhongyuan Junshi Weiyuanhui*), которую с начала 90-х гг. обычно возглавляет генеральный секретарь ЦК КПК, относится формальное руководство вооруженными силами Китая. В состав комиссии входят представители политического руководства страны, а также высший генералитет армии и флота. Как административная структура ЦВК была создана только в 1982 г., хотя ее партийный аналог возник задолго до этого; он продолжает действовать и в настоящее время (их персональный состав полностью совпадает).

Данная структура является уникальной, нечто аналогичное существует только во Вьетнаме. Наличие ЦВК объясняется отсутствием в Китае органа, подобного совету безопасности, где силовые министры подчинены главе государства или правительства. Властные полномочия Комиссии существенно выросли во времена Дэн Сяопина, который занимал должность ее председателя до 1989 г., не имея других партийных и государственных постов. Попытка Цзян Цзэминя продолжить ту же традицию и остаться на посту председателя ЦВК после своей отставки с поста генерального секретаря в начале 2000-х гг. породила опасную напряженность во взаимоотношениях между высшим партийным и военным руководством. Только единодушная поддержка генералитетом Ху Цзиньтао вынудила Цзян Цзэминя подать в отставку с поста партийной ЦВК в 2004 г., а государственной – в

2005 г. В настоящее время в КНР обсуждается вопрос о серьезной реорганизации ЦВК либо ее полном упразднении.

<i>Глава государства – председатель КНР по совместительству генеральный секретарь КПК</i>	
Государственные структуры	Партийные структуры
<i>Руководители</i>	
Постоянный комитет Госсовета Государственный совет Центральная военная комиссия	Генеральный секретарь КПК Постоянный комитет политбюро Политбюро ЦК КПК Центральная военная комиссия
<i>Администрация</i>	
Главное управление Госсовета Министерства и государственные комитеты	Секретариат ЦК КПК Отделы ЦК КПК
<i>Юридические структуры</i>	
Верховный народный суд Верховная народная прокуратура	Центральная комиссия по проверке дисциплины
<i>Выборные органы</i>	
Постоянный комитет ВСНП Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)	Центральный комитет КПК Съезд коммунистической партии Китая

Рис. 14.1. Центральные органы власти и управления КНР [26].

Местные органы власти включают в себя четыре уровня: провинциальный, районный (или муниципальный), локальный и деревенский. Каждый из этих уровней как бы повторяет пирамиду государственных органов, но в гораздо меньших масштабах. Китай делится на 22 провинции, 5 национальных автономных районов, 3 города, имеющих статус провинций, а также 2051 район. Интересно, что чем ниже уровень государственной администрации, тем большими являются возможности для самостоятельности китайских граждан. Например, только в деревнях у них есть право избирать старост на конкурентной основе на прямых выборах по мажоритарной

избирательной системе простого большинства. Таким же образом избираются и депутаты локальных собраний народных представительств. Правда, не следует забывать, что и в первом, и во втором случае активную роль в отборе и продвижении кандидатов играют местные комитеты КПК.

На рис. 14.1. иерархия государственных органов власти и управления изображена слева.

Партийные структуры. Многие исследователи называют Китай *партийным государством*. Несмотря на изменения, произошедшие в постмаоистский период, основой политической системы по-прежнему остается коммунистическая партия. Такое устройство государства было позаимствовано КНР у СССР в конце 40-х гг. Однако китайское партийное государство обладает рядом особенностей, отличающих его от советской модели. Партийная иерархия показана в правой части рис. 14.1.

В свое время председатель Мао выдвинул доктрину *линии масс*. Она означает, что работники партийного аппарата, и особенно его низовых звеньев, должны поддерживать постоянный, тесный контакт с рядовыми гражданами. Благодаря этому партийная организация получает возможность превращать несистематизированные и разрозненные идеи в “верные” и пропагандировать их до тех пор, пока массы не воспримут их как свои собственные. Политический курс формируется идеями, имеющими массовую основу, и реализуется массами. Таким образом, китайский вариант партийного государства является более популистским, чем советский.

Второе важное отличие заключается в том, что китайская компартия предпочитает действовать через *обеспечение господства своих руководящих кадров в государственном аппарате*, а не путем фактической подмены партийными организациями государственных. Эта тенденция стала доминирующей после ухода из политики таких лидеров-тяжеловесов, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Другими словами, в современном Китае трудно представить себе ситуацию, когда бы генеральный секретарь и Политбюро ЦК непосредственно управляли государством. Для реализации своего курса им требуются посты в правительстве, администрации главы государства или Центральной военной комиссии. Данная тенденция содействует повышению уровня институционализации политической системы Китая и ее существенной деперсонификации.

В соответствии с Конституцией 1982 г. КНР является “народной демократической диктатурой”, а “коммунистическая партия осуществляет генеральное руководство всеми сферами жизнедеятельности Китая” [27]. Основной Закон, таким образом, закрепляет монополию на власть в руках КПК “во имя и в интересах народа”. Сама партия

в своей организации опирается на ленинско-сталинские принципы демократического централизма. Действующий устав КПК запрещает создание фракций и группировок в партии.

Высшим органом власти в партийной иерархии формально является *съезд КПК* (*Zhongguo Gongchandang Quanguo Daibiao Dahui*). Однако он, как и Всекитайское собрание, – аналог съезда в государственной иерархии – собирается на непродолжительный период времени и достаточно нерегулярно. По уставу, съезды КПК должны проводиться один раз в пять лет, но, например, VIII съезд проходил в 1956 г., а IX – только в 1969 г. (после IX съезда периодичность созыва форумов китайских коммунистов была восстановлена). Кроме того, на съезды обычно собирается большое количество участников (на XVII съезде в 2007 г. делегатами стали 2 219 чел., представляющие 68 млн членов партии), что само по себе исключает эффективное обсуждение вопросов повестки дня избранными представителями [28].

Делегаты национального съезда определяются съездами партийных организаций провинций, которые, в свою очередь, получают мандаты от делегатов районных конференций, а те – от собраний первичных организаций. Такая многоступенчатость выборов дает хорошую возможность центральному руководству контролировать рядовых членов и отсекалть неугодных.

Развитие партийной демократии в последние годы привело к тому, что КПК постепенно внедряет принцип состязательности при определении делегатов. Например, для определения состава XVII съезда количество претендентов на 15% превышало количество делегатских мандатов. На последних форумах стала звучать острая критика в адрес партийного руководства, а также использоваться практика голосования против кандидатур непопулярных политиков.

Помимо формального одобрения политического курса, национальный съезд выбирает Центральный комитет и Центральную комиссию по проверке дисциплины. Кандидатуры предлагаются делегатам партийным аппаратом, избираются путем тайного голосования, практически на безальтернативной основе.

Центральный комитет КПК (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Weiyuanhui*) – это тщательно отобранная правящая элита страны. Она включает в свой состав около 300 наиболее влиятельных политических руководителей, занимающих ведущие позиции в партийно-государственной иерархии в центре и на местах. Сам ЦК не определяет политический курс, но все важнейшие перемены политики и кадровые назначения должны осуществляться с его ведома и при обязательном участии его представителей. Для уточнения генеральной линии партии ежегодно проводятся пленумы ЦК. Кроме того, проводятся регулярные встречи членов ЦК в неполном составе для

обсуждения тех или иных актуальных вопросов политической и экономической жизни.

Центральный комитет утверждает высшее руководство партии – Политбюро ЦК КПК и членов его Постоянного комитета, секретариат, членов Центральной военной комиссии, а также генерального секретаря. **Политбюро ЦК** (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Zhengzhiju*) в составе 19–25 чел. и особенно **Постоянный комитет Политбюро ЦК** (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Zhengzhiju Changwu Weiyuanhui*) управляют партией между пленумами и включают в свой состав высшую элиту власти Китая. Постоянный комитет в составе 5–9 чел. заседает еженедельно под председательством генерального секретаря. Фактически это главная структура, принимающая важнейшие политические решения в КНР. Претворение их в жизнь происходит не непосредственно, а с помощью государственных институтов, которыми руководят члены Постоянного комитета.

До 1982 г. во главе партии находился ее *председатель*, которым с 1945 по 1976 г. был Мао Цзэдун. Однако после принятия нового Устава КПК во главе Политбюро и секретариата встал **генеральный секретарь ЦК** (*Zhongguo Gongchandang Zhongyang Weiyuanhui Zongshuji*). Важнейшей задачей генерального секретаря является организация работы Постоянного комитета и Политбюро. Несмотря на сосредоточенную в данной структуре огромную власть, в современном Китае она не абсолютна. Ху Яобан не смог добиться продолжения либеральных реформ и вынужден был покинуть пост генерального секретаря под давлением консервативного большинства на расширенном пленуме ЦК в 1987 г. Сменившего его Чжао Цзяяна вынудили подать в отставку на заседании Политбюро в 1989 г. в связи с его отказом поддержать ввод войск в Пекин для подавления студенческих протестов.

В 80-е – первой половине 90-х гг. в Китае сложилась своеобразная система политического руководства: *патронаж Дэн Сяопина*, который официально не занимал никаких высоких должностей в партийно-государственной иерархии (он был членом Постоянного комитета Политбюро до 1987 г. и председателем Центральной военной комиссии до 1989 г.). Одержав победу над маоистами, прагматик и приверженец экономических реформ, Дэн Сяопин, которому в то время было больше 70 лет, решил создать систему *партийных советников* из близких ему ветеранов КПК, чрезвычайно влиятельных, но не входящих в высшее руководство. Официальные руководители, более молодые члены партии, при покровительстве “стариков” должны были приобретать больший авторитет и поддержку.

Однако эта задача так и не была решена. В 80-е гг. Дэну пришлось проводить две кампании чисток против молодых реформаторов,

которые стремились к большей либерализации экономической и политической жизни, чем предполагал сам их патрон, а в 90-е гг. созданная Дэном *Комиссия советников* превратилась в тихую пристань для ветеранов, а затем и вовсе была расформирована [29]. Вся власть в партии и государстве оказалась в руках тогдашнего генерального секретаря Цзян Цзэминя.

Гораздо более плодотворной оказалась другая идея Дэн Сяопина о необходимости решения проблемы мирной передачи власти в партии и государстве за счет своевременного ухода на пенсию ветеранов и замены их новыми поколениями руководителей. В настоящее время в КПК действует норма, в соответствии с которой генеральный секретарь имеет право находиться на своем посту не более чем два срока, т.е. десять лет. Переизбранный в 2007 г. на эту должность Ху Цзиньтао может, таким образом, руководить партией и государством только до 2012 г., когда его обязан сменить кто-либо из представителей так называемого “пятого поколения” китайских руководителей.

Несмотря на официальный запрет создания фракций в КПК, эта политическая организация не является единой. Китайский политолог Ли Чен называет ее “одной партией, но двумя фракциями” [30]. Первая получила условное название *элитистской коалиции* или *шанхайской клики*, она защищает интересы наиболее экономически развитых приморских провинций. Самым известным ее лидером является Цзян Цзэминь, который, несмотря на свою отставку, до сих пор оказывает определенное влияние на кадровую политику КПК. Вторая группировка называется *популистской* или *молодежной* (связанной с деятельностью Лиги коммунистической молодежи Китая). Она стремится лоббировать интересы менее преуспевающих регионов страны, зачастую объединяет в своих рядах членов, вместе сделавших карьеру в китайском “комсомоле”. Действующий генеральный секретарь компартии является наиболее ярким ее представителем. Обе фракции обладают примерно одинаковым влиянием. Интересы и той и другой обязательно учитываются при решении важнейших кадровых вопросов. Это позволяет не нарушить шаткий баланс сил, что могло бы вызвать нежелательную дестабилизацию ситуации.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК) (Zhonguo Renmin Jiefang Jun) постоянно играла очень важную роль в жизни КНР. С момента ее создания в конце 20-х гг. и до конца 40-х армейские подразделения почти полностью совпадали со структурами компартии. На освобожденных от японцев и гоминьдановцев территориях НОАК выполняла целый ряд функций государственной власти. Армия сыграла главную роль в стабилизации ситуации на последнем этапе культурной революции. В 80-е гг., когда перед страной встали задачи экономической модернизации и ослабла международная напряжен-

ность, НОАК была вынуждена уйти из политической сферы. Однако кризис 1989 г. вновь вернул армию в политику.

Существует двойное подчинение армии. С одной стороны, она подчинена государственному Министерству обороны, с другой стороны, **Центральной военной комиссии КПК**, которая, начиная с 1982 г., по своему составу и функциям ничем не отличается от государственной ЦВК. Как отмечалось выше, данная структура является одним из наиболее влиятельных элементов в иерархии власти Китая. До сих пор в НОАК существует корпус партийных комиссаров во всех воинских подразделениях, которые подчинены не непосредственным военачальникам, а вышестоящим функционерам КПК. Задачей комиссаров является проведение политики партии в вооруженных силах, политическое воспитание солдат и офицеров.

Впрочем, армия не диктует свою волю государственному и партийному руководству. Ее задачей является обеспечение суверенитета и территориальной целостности КНР. В 2005 г. вооруженные силы Китая насчитывали 2,3 млн чел. и представляли собой крупнейшие в мире по численности состава. Однако, по мнению ряда экспертов, они на десятилетие отстают по вооружению и боеспособности от армий стран Запада [31].

Задачей **массовых организаций** КНР, согласно позиции КПК, является мобилизация граждан на поддержку и осуществление политики партии и государства. Большая часть общественных организаций имеет общенациональный характер и обладает разветвленной сетью в регионах страны. В основном это организации различных экономических и демографических групп общества: рабочих, студентов, молодежи, женщин и др. Они призваны помогать партии в реализации ее стратегической *линии масс*.

До культурной революции наиболее влиятельными массовыми организациями были: Лига коммунистической молодежи, пионерская организация, Всекитайская женская федерация, Всекитайская федерация профсоюзов. К массовым организациям можно было отнести и так называемые “демократические партии”: восемь маленьких политических организаций, входивших в возглавляемый коммунистами Народный фронт, а после 1949 г. – в **Китайскую народную политическую консультативную конференцию** (*Zhongguo Renmin Zhengzhi Xieshang Huiyi*).

Формально партийную систему КНР можно было бы рассматривать как разновидность мультипартизма, так как в стране действуют восемь легальных политических партий, кроме КПК, которые образуют структурные элементы так называемого Народного фронта (так было и во многих социалистических странах Восточной Европы). К ним относятся: *Революционный комитет Гоминьдана*, созданный левым течением в этой партии, который отказался в свое время эвакуироваться на Тайвань и пошел на союз с коммунистами. В настоя-

щее время партия насчитывает 53 тыс. членов и считает себя второй по влиянию политической организацией после КПК. *Китайская демократическая лига* насчитывает 175 тыс. членов и заявляет о выражении интересов интеллигенции, занятой в области культуры и образования. *Китайская демократическая ассоциация национального строительства* объединяет в своих рядах предпринимателей, занимающихся промышленным производством и коммерцией. *Китайская ассоциация в поддержку демократии* включает представителей разных групп интеллигенции. *Китайская демократическая партия крестьян и рабочих* насчитывает около 65 тыс. членов, занятых в сфере охраны здоровья, науки, образования и культуры. *Китайская партия в защиту публичного интереса* включает в свой состав бывших эмигрантов, вернувшихся на родину. *Общество 3 сентября* объединяет патриотически настроенную часть интеллигенции, которая назвала свою организацию в честь Дня победы над Японией во Второй мировой войне. *Тайваньская лига демократического самоуправления* включает в свой состав выходцев с этого острова или людей, поддерживающих с ним тесные связи [32].

Поскольку все вышеназванные политические организации в своих уставах и программах пишут о том, что они действуют под руководством КПК, их нельзя рассматривать в качестве самостоятельных партий. “Демократические партии” в этой стране фактически не выражают интересы разных групп общества (прежде всего интеллигенции и бизнеса), а пытаются формировать их, приводя в соответствие с генеральной линией компартии. Подлинная многопартийность не возможна без плюрализма, свободной и равной конкуренции политических сил в борьбе за власть. Так как в Китае подобная деятельность карается по закону, партийную систему этой страны следует относить к системам *жесткого монопартизма*.

Деятельность массовых организаций была приостановлена в середине 60-х гг. Вместо них появились организации хунвейбинов – красных охранников, состоящих из учащихся и студентов (см. вставку 14.1.) и цзаофаней – революционных бунтарей, включавших в свой состав рабочих и крестьян. Несмотря на их влияние в городах и связи с многими видными политиками из окружения Мао, ни хунвейбины ни цзаофани не смогли институционализировать себя как общенациональные организации и были распущены на последних этапах культурной революции.

Все массовые организации, включая “демократические партии”, которые назывались маоистами “последним пристанищем буржуазной интеллигенции”, возобновили свою работу под патронажем КПК после смерти Мао Цзэдуна. В стране возникли также и независимые правозащитные организации, которые выступают за предоставление большей свободы для формирования и деятельности неправительственных организаций (НПО). Одним из главных требований манифестантов на площади Тяньаньмынь в 1989 г. было право на создание независимых от компартии организаций. В 1998 г. китайское прави-

тельство приняло новое законодательство о НПО, которое, с одной стороны, предоставляет большие юридические гарантии их деятельности, но с другой – создает серьезные бюрократические барьеры для регистрации организаций [33].

Еще в 70-х гг. в КНР были предприняты первые попытки создания независимых политических организаций, находящихся в оппозиции к КПК. Лидер диссидентского движения Ван Ксижи попытался организовать независимый союз, занимающийся публикацией и распространением запрещенной политической литературы. В 1980 г. за эту деятельность он был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения. Вскоре на основе правозащитного движения возник ряд партий демократической ориентации: Китайская партия справедливости, Китайская рабочая партия свободы, партия Движение за свободный Китай и Партия китайской демократии. Они получили дальнейший импульс к своему развитию в результате еще самых первых стихийных выступлений на площади Тяньаньмынь в 1976 г., последовавших после смерти Чжоу Эньля.

Репрессии властей против лидеров этих организаций делали невозможным их активную деятельность в Китае. Поэтому в 80-е гг. ряд активистов, оказавшихся за рубежом, прежде всего в США, попытались продолжить политическое дело, начатое частью китайских правозащитников. В частности, в 1987 г. в Америке членами Китайского демократического альянса была воссоздана **Партия китайской демократии** (*Zhongguo Minzhu Dang – CDP*). К сожалению, она не смогла в то время объединить вокруг себя основные оппозиционные силы, которые продолжали оставаться расколотыми.

Следующий этап борьбы за создание независимых политических организаций в Китае приходится на конец 90-х гг. После смерти Дэн Сяопина режим Цзян Цзэминя предпринял некоторые усилия по временной либерализации ситуации в стране. Воспользовавшись визитом американского президента в Китай, 25 июня 1998 г. группа диссидентов во главе с активным участником студенческих протестов на площади Тяньаньмынь Ван Юкаем провела учредительный съезд оппозиционной политической партии. Через три дня лидер понес документы новой организации в органы юстиции в г. Ханчжоу. Однако вместо регистрационного свидетельства китайские демократы получили разные сроки исправительных работ (Ван был осужден на одиннадцать лет тюремного заключения). Ли Пен, который в то время возглавлял Постоянный комитет ВСНП, заявил по этому поводу: «Если какая-либо группа отрицает руководящую роль коммунистической партии, ей не будет позволено существовать». В 2006 г. в США прошел съезд запрещенной в КНР Партии китайской демократии, в котором приняло участие 111 делегатов, представляющих все регионы Китая. На съезде были приняты новая программа и устав, лидером стал известный активист демократического движения Ни Ю Ксян [34].

Это означает, что за политический плюрализм в современном Китае все еще приходится вести упорную борьбу с авторитарным режимом. Более уступчивыми китайские власти являются в вопросе формирования институтов **правового государства**, что связано с необходимостью создания благоприятного климата для зарубежных инвесторов и национального капитала. В последние годы происходит постепенная *деполитизация законности и права*. Руководи-

тели страны в постмаоистский период искренне надеялись на то, что новый прозрачный правопорядок и беспристрастный суд – сделает политический курс Китая более предсказуемым и будет содействовать привлечению в страну иностранных инвестиций. Утверждение идей верховенства права и равенства всех перед законом привели к заметным сдвигам в образе мыслей и поведения китайских граждан.

Конституция КНР 1982 г. гарантировала равенство всех перед законом. Компартия, а не только ее члены, впервые обязывалась подчиняться власти закона. Незадолго до этого в Китае были приняты уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, возобновилась работа прокуратуры. Исправленный в 1997 г. УК ограничил целый ряд статей, связанных с экономическими преступлениями, а также убрал некоторые расплывчатые статьи, каравшие за “контрреволюционные преступления”. Важные поправки к Конституции были приняты в 2004 г. В соответствии с одной из них правительство гарантировало нерушимость прав легально приобретенной частной собственности. Вторая утверждала, что “китайское государство уважает и защищает права человека” [35].

Тем не менее существует еще огромное поле деятельности для превращения Китая в подлинное правовое государство. Многие зарубежные и китайские эксперты обращают внимание на такие недостатки китайского правосудия, как слишком частое применение смертной казни, обвинительный уклон многих судебных процессов, наличие тысяч политзаключенных. Несмотря на декларацию равенства всех перед законом, компартия по-прежнему практикует наказания членов КПК с помощью мер дисциплинарно-инспекционной комиссии, а не норм уголовного законодательства.

4. Политическая культура и социализация

Несмотря на огромные усилия, направленные коммунистической партией Китая на формирование новой политической культуры населения и новой социалистической личности, эта задача в КНР так и не была решена. С одной стороны, произошло приспособление китайцев к новой идеологии и различным политическим кампаниям КПК. Например, в годы культурной революции многие простые люди сводили счёты с чиновниками, начальством, используя революционную фразеологию. Кампании критики и самокритики воспринимались в качестве неких новых политических ритуалов, в которых необходимо принимать участие.

С другой стороны, как отмечалось выше, коммунистическое руководство умело использовало многие элементы традиционной политической культуры китайцев для упрочения своего господства. В первую очередь это относится к *политическому конфуцианству*.

Как подчеркивает Чарльз Эндрейн, “центральное место в общественно-политической жизни Китая занимали расширенные семьи. Государственная политика опиралась на семейственность; **патриархальные отношения в семье служили моделью политических отношений**. Старшие главенствовали над младшими, женщины находились в подчинении у мужчин. То же самое и в политической системе: обществом руководили старшие – императорская семья и чиновники-ученые. На местном уровне важнейшие политические решения принимались семейными советами, состоящими из старейшин. В обстановке семейственности лояльность государству не превышала лояльности к расширенной семье. Скорее, отношения и к государству, и к семье были похожи, свидетельствуя о царящей гармонии между семьей и политической системой” [36].

Ценности патриархальности в видоизмененной форме были использованы в коммунистическом Китае: на смену императору пришли председатели и генеральные секретари, а на смену конфуцианству – марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Они помогают легитимировать государственную и партийную иерархии в глазах простых китайцев.

Еще более важную роль играет **отношение конфуцианства к верховной власти как к нравственному началу**. “Согласно заповедям Конфуция (551–479 гг. до н. э.), политическая легитимность опирается в первую очередь на духовно-нравственные ценности. В идеале управление означает руководство не с помощью принуждения и угрозы уголовного наказания, а апеллирует к нравственным идеалам и благоразумию. Политические лидеры имеют моральное обязательство быть просвещенными властителями. Император показывал пример гражданской добродетели. Он и его мандарины выступали перед обществом в качестве эталонов нравственности. На их политические решения оказывали влияние не безликие законы, а этические нормы. Образованная императорская элита утверждала право руководить, опираясь на знание принципов конфуцианства и следуя им” [37].

И в маоистский, и в постмаоистский период коммунистическая элита ориентируется на служение высоким нравственным идеалам. “Моральная пригодность” занимать политические должности объясняет, почему современное китайское руководство столь обеспокоено коррупцией: последняя подрывает нравственное право коммунистической партии на власть в глазах народа.

Еще одним столпом конфуцианства, который был позаимствован КПК, является **патернализм**. Император правил подданными (“своими детьми”) как всеведущий отец. В соответствии с принципами меритократии (власти заслуженных) образованные мандарины проводили государственную политику в интересах необразованного большинства людей. В КНР обладающая знаниями законов общественного развития партия управляла и управляет большинством

граждан, лишенных таких знаний, в их интересах. Конфуцианские принципы патернализма направлены на стабилизацию любой иерархической системы, элита которой должна лишь доказать свое служение “общему благу”, не важно, в каких идеологических терминах оно сформулировано.

Наконец, конфуцианские традиции являются **коллективистскими**, а не индивидуалистическими, что также помогает коммунистической партии выступать легитимной силой в глазах народа. В основе китайского коллективизма лежат тысячелетние семейные традиции.

ВСТАВКА 14.4.

Особенности традиционного китайского фамилизма

Фрэнсис Фукуяма считает, что в Китае традиционная семья смогла выступить успешным соперником политической идеологии во влиянии на нацию, в том числе и коммунистической идеологии. Несмотря на все радикальные эксперименты КПК, “первичная ячейка общества” выстояла и победила. Семья в Китае опирается на конфуцианское наследие: предписанные нормы отношений господина и слуг, отца и сыновей, мужа и жен, старших и младших.

Государство выступает в роли “сверхсемьи” для китайцев, а отношение императора к его народу соответствует отношению отца к детям. Заслуженное продвижение по карьерной лестнице в этой системе было возможным благодаря серии императорских экзаменов, позволявших занять место в чиновничьей иерархии. Общественным идеалом, к которому стремились кандидаты, был образ ученого, знающего конфуцианскую литературу. Считалось, что высший человек – это тот, кто обладает способностью всегда действовать в соответствии с правилами этикета. Он стремится к досугу, а не к тяжелому труду, живет на ренту и считает себя хранителем конфуцианских традиций, а не новатором. Эти черты, подчеркивает Фукуяма, *весьма далеки от образа современного предпринимателя*. В традиционном китайском обществе купец не пользовался большим уважением. Если семья купца становилась богатой, то его сыновья надеялись не продолжать семейное дело, а сдать императорские экзамены и стать чиновниками.

Более важную роль, однако, играет не политическое конфуцианство, а личная этика этого учения. Центральная роль в ней отводится семье (*jia*), отношениям сыновней преданности отцу. В конфуцианстве не существует аналога иудео-христианского представления о божественном источнике власти или высшем законе, который способен санкционировать бунт индивида против диктатора семьи. В китайском обществе послушание родительской власти в чем-то похоже на выполнение божественной воли. Соперничество между семьями создает обманчивое впечатление индивидуалистического характера китайских обществ, однако в них не существует соперничества между индивидом и его семьей в западном варианте – индивидуальное самосознание в огромной степени определяется здесь как раз семьей.

Идеальная конфуцианская семья включает в себя пять поколений: прапрадеды живут в одном и том же большом домохозяйстве, что и праправнуки.

Гораздо более распространенной была *объединенная семья*, в которой отец с матерью (а может, и семьи братьев отца) жили вместе с семьями взрослых сыновей. В традиционном Китае не было возможности скопить богатство, достаточное, чтобы вложить его в дело на раннем этапе индустриализации, поскольку в культуре был глубоко укоренен *принцип раздела наследства*. Семейная система была строго патрилинейной. Наследство передавалось только по мужской линии и распределялось равномерно между всеми сыновьями. С ростом населения земельные наделы становились очень маленькими. В таких суровых условиях большая семья была единственным рациональным институтом поддержки и взаимопомощи. Крестьяне доверяли только членам своей семьи.

Ф. Фукуяма выделяет экономические и политические последствия **сильного фамилизма** в китайском обществе. Он, безусловно, *тормозил процесс первоначального накопления капитала*. С другой стороны, разбогатевшие члены семей считали себя обязанными оказывать содействие своим родственникам. Выходцы из Китая, живущие в Сингапуре, Малайзии, Индонезии, стали первыми вкладывать средства в экономику КНР, несмотря на риски политической и экономической нестабильности. Хуацяо (китайцы, живущие за рубежом) явились, таким образом, первопроходцами, за которыми последовали крупные инвесторы из стран Запада.

Китайский фамилизм не только защищает китайцев от бурь переменчивой политической жизни, но и *ослабляет национальную идентичность*. "В Китае жители деревни гораздо реже объединялись ради общего дела, т.е. не участвовали в практике, обычно формирующей навыки и чувство солидарности. Она скорее походила на конгломерат крестьянских домохозяйств, чем на живое действенное сообщество. Китайские общества возбуждали свой гражданский дух только с помощью *авторитарной власти*, точно так же, как в КНР, Сингапуре и на Тайване правительства субсидировали рост крупных компаний" [38].

Таким образом, конфуцианская традиция вообще и ярко выраженный фамилизм в особенности ведут к **снижению уровня социального капитала и доверия** в китайском обществе. Это, безусловно, создает серьезные политико-культурные препятствия на пути демократизации КНР. Однако эти барьеры не являются непреодолимыми. Известно, что политическая культура может меняться под влиянием социального окружения и целенаправленных усилий правительства по ресоциализации общества. Тот же Фукуяма в книге *Конец истории и последний человек* подчеркивает, что существует несколько устойчивых заблуждений относительно связей между политической культурой и демократией. "Культуры – не статичное явление, подобное законам природы; они – создание людей и находятся в процессе постоянной эволюции. На них может влиять экономическое развитие, войны и другие национальные потрясения, иммиграция или сознательные действия. Следовательно, к культурным "предусловиям" для демократии, хотя они определенно важны, надлежит относиться с некоторым скептицизмом" [39].

Сравнительные исследования политической культуры, которые проводились в странах конфуцианской традиции (в КНР, Тайване и Гонконге), свидетельствуют, что элементы патриархальности, веры в моральные качества руководства, авторитарности рельефнее выражены в континентальном Китае, нежели в более либеральных обществах Тайваня и Гонконга. Более того, существуют различия в отношениях к конфуцианским ценностям жителей китайских городов и деревень [40]. Это означает, что в более открытом и современном обществе, в которое превращается КНР, возможны и существенные изменения ценностных ориентаций людей, влияющих на их отношение к политической системе. Безусловно, важную роль в этом процессе играет *политическая социализация*.

В постаоистский период изменились *цели*, содержание, формы и методы социализации, а также условия, в которых она проводится. При тоталитаризме Мао и его окружение делали главный акцент на перековку сознания людей. Они считали, что крестьян с помощью пропаганды и политических кампаний можно превратить в активных сознательных коммунистов, несмотря на не соответствующие коммунизму социально-экономические факторы их жизнедеятельности. Современное руководство КНР заинтересовано в воспроизводстве политически пассивного и послушного общества, выполняющего распоряжения авторитарных властей.

Изменилось и *содержание* ценностей, которые с помощью социализации правительство стремится внедрить в сознание своих подданных. Прежде это были ценности коллективизма, когда личными интересами жертвовали ради общественного блага. После 1978 г. упор стал делаться на материальном стимулировании, росте благосостояния, подготовке к жизни в условиях жесткой рыночной конкуренции.

Политическая социализация стала гораздо менее напористой и навязчивой по своим *формам и методам*. В 1990–2000-е гг. формирование политической культуры китайцев проходит в совершенно *новых условиях*, коренным образом отличающихся от тех, которые существовали во времена Мао. Современный Китай не находится в глухой международной изоляции. Его граждане имеют возможность с помощью многочисленных СМИ, Интернет, путешествий и контактов с иностранцами получать огромное количество информации, в том числе и критической по отношению к действующей власти. Таких возможностей стало больше после присоединения в 1998 г. Гонконга, с его либеральной системой средств массовой коммуникации, к континентальному Китаю. Огромную роль в социализации играет система образования, которая становится все более профессиональной и все менее идеологизированной.

Таким образом, политическая культура современного Китая довольно быстро меняется, стремясь соответствовать тем динамичным процессам, которые происходят в социальном окружении. Все более важную роль в ней начинают играть ценностные ориентации образованных людей, живущих в крупных современных мегаполисах, участвующих в деятельности, связанной с бурно растущей рыночной экономикой. Социальные последствия реформы только сделали более рельефными *негомогенный характер политической культуры*, в которой политические ожидания разных групп общества не совпадают. В сложившихся условиях авторитарная власть рассматривается многими в качестве необходимого инструмента для стабилизации ситуации и предотвращения опасного социального взрыва. Однако запасы прочности у авторитарных методов регулирования социальных отношений в быстро модернизирующихся обществах не являются неисчерпаемыми. Справедливость этой истины постепенно осознается политическими элитами современного Китая.

5. Перспективы демократизации КНР

На основе анализа концепций китайских и западных политологов можно выделить три сценария дальнейшего развития политической системы Китая. Первый исходит из того предположения, что *авторитарный режим органично присущ китайскому обществу* и поэтому он *будет существовать вечно*. Быстрый экономический рост, достигнутый в последние десятилетия правящей коммунистической элитой, которая в действительности давно уже проводит националистический курс, укрепляет ее монополию на политическое господство. В случае обострения проблем в экономике и роста недовольства населения вполне возможным является политический кризис и смена власти, но и новое правительство не сможет встать на путь демократических реформ. На смену одной формы авторитаризма придет другая. Об этом свидетельствуют и массовые выступления на площади Тяньаньмынь в 1989 г., которые носили не демократический, а исключительно антиправительственный характер.

Второй сценарий является прямо противоположным. Коммунистическая партия быстро теряет моральный авторитет и доверие народа, так как погрязла в громких коррупционных скандалах. Экономический рост привел к обострению противоречий между правящей олигархией и народом, между небольшим количеством процветающих провинций и остальной страной. Все это делает возможным повторение массовых выступлений протеста, которые вооруженные силы вряд ли будут подавлять, как в 1989 г. КНР приближается к новому политическому кризису, выходом из которого станет только *полный демонтаж авторитарной системы и демократизация*

страны снизу. Это вполне возможно, так как в Китае отсутствуют какие-либо культурные барьеры на пути к демократии.

Третий сценарий исходит из наличия связей между экономической реформой и ее социальными последствиями (формированием нового общества с новыми потребностями) и политическими преобразованиями. Аналогичные процессы во многих государствах Восточной и Юго-Восточной Азии привели их к демократизации. В Китае переход к демократии будет *постепенным процессом реформ сверху*. Многие из них уже идут (конкурентные выборы в деревнях, расширение полномочий локальных собраний народных представителей, развитие элементов правового государства и др.).

По мнению профессора Стэнфордского университета (США) Майкла Оксенберга, за каждым из этих сценариев стоит определенная реальность: “Политические структуры Китая, кажется, на самом деле глубоко укоренены в обществе. В то же время некоторые ключевые их элементы достаточно уязвимы и могут быть подвергнуты довольно быстрой дезинтеграции. Наконец, глубокие и фундаментальные экономические, технологические и социальные изменения ясно и недвусмысленно ведут Китай в новую политическую эру” [41].

На наш взгляд, существуют вполне определенные экономические, культурные и политические факторы, которые препятствуют и содействуют демократизации этой великой азиатской страны.

По мнению приверженцев теории *азиатской модели*, авторство которой приписывается бывшему руководителю Сингапура Ли Кван Ю, именно авторитарные методы правления и в Китае, и в Сингапуре содействовали их более высоким темпам экономического роста. Кроме того, эта модель, обеспечивающая высокую степень порядка и дисциплины, лучше походит для азиатских обществ, чем западная демократия, порождающая там лишь хаос и нестабильность.

Аргументированная критика концепции Ли Кван Ю дана нобелевским лауреатом в области экономики за 1998 г. Амартия Сенем. По его мнению, “отсутствуют эмпирические данные, которые свидетельствовали бы в пользу того, что авторитарное правление и подавление политических и гражданских свобод в действительности содействовали экономическому развитию. Систематические эмпирические исследования (например, Роберта Барро и Адама Пшеворского) не дают ни одного аргумента в пользу того, что существует конфликт в отношениях между политическими правами и экономической эффективностью. Если обобщить все сравнительные исследования, то окажется, что гипотеза об отсутствии очевидных связей между экономическим ростом и демократией остается крайне неубедительной” [42].

Похожую позицию по этому вопросу занимает и Ф. Фукуяма. Однако он считает, что не само по себе экономическое развитие порождает политическую демократию. Связь между этими элементами является гораздо более сложной. Современная свободная рыночная экономика порождает людей с новыми потребностями, и одной из важнейших становится *стремление к признанию* со стороны других в качестве “взрослых”. Оно достигается только через участие в политической системе. Удовлетворить данную потребность никакое авторитарное государство не может по определению. “Бедных крестьян на Филиппинах или в Сальвадоре можно было легко рекрутировать помещикам, дававшим им оружие и формировавшим из них “эскадры смерти”. Этими людьми, привыкшими к подчинению традиционной власти, было достаточно легко манипулировать, удовлетворяя их самые непосредственные нужды. Гораздо сложнее убедить образованных профессионалов, относящихся к среднему классу, повиноваться власти лидера только потому, что он одет в униформу” [43].

Следовательно, быстрое экономическое развитие Китая, достигнутое на основе рыночных отношений, рост образовательного уровня населения, глобальная коммуникационная революция создают неплохие предпосылки для демократизации политической системы КНР в неотдаленной перспективе. Гораздо сложнее ответить на вопрос о наличии либо отсутствии политико-культурных предпосылок для подобной трансформации.

По мнению С. Хантингтона, “в научном сообществе почти не существует разногласий по вопросу отнесения традиционного конфуцианства к недемократическому или даже антидемократическому течению. Классическое китайское конфуцианство и его ответвления в Корее, Вьетнаме, Сингапуре, Тайване и (в меньшей степени) в Японии подчеркивают приоритет группы над индивидом, власти над свободой и ответственности над правами. В конфуцианских обществах отсутствует традиция утверждения прав в борьбе с государством; в той мере, в которой индивидуальные права существовали, они были созданы в них государством. Гармония и сотрудничество здесь предпочитались несогласию и соревнованию. Поддержание порядка и уважение к иерархии были важнейшими ценностями. Конфликт идей, групп, партий рассматривался как опасный и нелегитимный” [44].

С этой точкой зрения не согласен Ф. Фукуяма, который выделил несколько важных черт классического конфуцианства, сближающих его с демократической традицией. Во-первых, это эгалитарный принцип, который в идеале должен был присутствовать при проведении экзаменов для претендентов, стремящихся к получению

должности чиновников; любой житель Поднебесной допускался к их сдаче. Во-вторых, важность в конфуцианстве образования как такового – это, несомненно, то, что делает его совместимым с демократией. В-третьих, конфуцианству свойственна значительная толерантность, что выгодно отличает его от ислама и христианства. В-четвертых, антидемократизм присущ так называемому политическому конфуцианству, который ушел в небытие вместе с абсолютными монархиями в Восточной Азии. Влияние сохраняет лишь определенная этическая система, регулирующая частную и семейную жизнь жителей Китая. Интересно, что она ставит семью выше государства и выстраивает общественные отношения снизу вверх, а не наоборот.

Однако детальный анализ китайской конфуцианской этики привел Фукуяму к выводу, что связанный с ней фамилизм (см. вставку 14.4) является главным препятствием на пути демократизации этого государства. “Именно потому, что государственную власть в Китае меньше уважают (по сравнению с семьей), опасность социального хаоса при отсутствии репрессивного государства здесь ощущается куда сильнее, чем в Японии... Страх дезинтеграции – это то, что объясняет всю нерасположенность китайского руководства к либерализации политической системы” [45].

Интересная точка зрения на проблему соответствия китайской политической культуры ценностям демократии была высказана американским политологом Хэмом Чайбонгом. Он напомнил, что классическому конфуцианству была присуща еще одна важная черта, сближающая его с западной традицией: критическое отношение интеллектуальной элиты к государственной власти. Эту традицию автор совершенно справедливо называет либеральной, но не демократической, поскольку она выражалась в сдерживании правительства от деспотических поползновений и в просвещении власти. Данная тенденция находила свое выражение в различных странах Восточной Азии и в разные исторические эпохи.

Политическое конфуцианство в Китае было разрушено из-за его неспособности найти ответы на вызовы модернизацией. Однако его гибель была неполной. Победа коммунистов в гражданской войне привела к фактическому формированию неоконфуцианского государства, жесткими авторитарными методами решившего одну очень важную задачу модернизации: формирование единого национального государства. Экономическая реформа и ее успех позволили приблизиться к достижению еще одной цели из этого же набора. Однако на вызов модерности не будет дан полный ответ до тех пор, пока Китай остается авторитарным режимом. По мнению Чайбонга, в настоящее время в КНР сложились благоприятные условия для вступления в “третью эпоху” конфуцианства, связанную на сей раз

с воплощением в жизнь не авторитарной, но собственной либеральной традиции, утверждением правового государства и постепенной демократизацией политической системы [46].

Не менее важную роль, чем экономика и культура, в определении вектора дальнейшего развития Китая играет и политика. Именно политическая воля руководства страны в 1978 г. обеспечила принятие судьбоносных решений, а не менее решительная их реализация позволила КНР приблизиться к уровню современных развитых государств.

Существует ряд политических факторов, которые препятствуют принятию решений по проведению демократических преобразований, не менее важных, чем экономическая реформа. М. Оксенберг считает, что среди *барьеров на пути к демократии* следует назвать опасения консервативного крыла КПК, что его представителям придется нести ответственность за подавление мирных протестов 1989 г.; они также боятся, что возврат к курсу отделения партии от государства может подорвать ее руководящую роль; проведение свободных выборов чревато победой в Тибете и Синьцзяне сил, выступающих за отделение от Китая; угроза распада единого государства на огромное количество суверенных стран – это один из основных аргументов противников радикальных политических реформ.

К факторам, *содействующим политическим преобразованиям*, М. Оксенберг относит: возвращение понятия “демократии” в политический дискурс страны (о демократии в позитивном смысле стали говорить достаточно часто на самом высоком уровне); возрастание роли избранных институтов государственной власти на локальном уровне после закрытия ряда убыточных государственных предприятий, роста безработицы и усиления рабочих протестов (правительству стало выгодным перераспределение ответственности между центральными и местными структурами власти в пользу последних); присоединение Гонконга и Макао, где действуют локальные демократические институты и существует свобода СМИ, к континентальному Китаю; продолжение политики открытости КНР и расширение возможностей граждан и правительства поддерживать контакты с гражданами и правительствами развитых демократических государств [47].

Таким образом, наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития событий в КНР является медленная, поступательная демократизация сверху, основным актором которой выступит коммунистическая партия. Революция снизу здесь маловероятна в силу крайней слабости гражданского общества, что объясняется политико-культурными особенностями Китая. Концентрация на длительный срок всей власти (и всей ответственности) в руках неподвижных

авторитарных политических институтов также маловероятно из-за существенной динамики экономических и социальных процессов в этой стране.

Примечания

1. http://en.wikipedia.org/wiki/People's_Republic_of_China.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. См.: Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 290–291.
5. Васильев Л., *История Востока*: в 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2001. С. 217–218.
6. Варнаи Ф., *Путь маоистов*. М.: Прогресс, 1979. С. 70. После обострения советско-китайского конфликта маоизм был обогащен новыми идеями: опоры на собственные силы; теорией *трех миров* (первый – это две сверхдержавы, ведущие борьбу за мировое господство, второй – среднеразвитые страны, попавшие в зависимость от СССР или США, третий – бедные государства Азии, Африки и Латинской Америки, участвующие в освободительной борьбе против империализма. Их лидером провозглашался коммунистический Китай); усиления классово-борьбы в социалистических странах (последняя концепция стала оправданием для проведения культурной революции в КНР в 1966–1976 гг.). Под влияние маоизма попали некоторые коммунистические партии и левые террористические движения в развивающихся странах: компартия Филиппин, долгое время участвовавшая в партизанской войне с правительством, компартия Непала, которая до 2008 г. оставалась главной силой оппозиции в ее противостоянии с монархией, организация *Сияющий путь* в Перу, известная своими жестокими расправами над противником и мирным населением. Создана и функционирует международная сеть маоистов – *Революционное интернационалистское движение* (RIM). Эта организация считает, что в Китае был полностью реставрирован капитализм после проведения реформ Дэн Сяопина в конце 70-х гг. See: O'Neill B. and Meyer E., *Insurgency and Terrorism: Inside Modern Revolutionary Warfare*. N.Y.: Brassey's History, 2001.
7. Васильев Л., Указ. соч. С. 219.
8. Мэнион М., “Политическая система Китая” // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 392.
9. Brzezinski Z., *Out of Control*. N.Y.: A Robert Stewart Books, 1993. P. 16.
10. See: Jung Chung, *Wild Swans*. N.Y.: Anchor Books, 1992.
11. Friedman E., Johnson K., *Chinese Village, Socialist State*. N.Y.: Google Book. P. 243.
12. Варнаи Ф., Указ. соч. С. 196–198.
13. Brzezinski Z., Op. cit. P. 16.
14. See: Tang Tsou, *The Cultural Revolution and Post-Mao Reforms: A Historical Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

15. Цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_People's_Republic_of_China.
16. Мэнион М., Указ. соч. С. 448.
17. http://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_economic_reform.
18. Huntington S., *The Clash of Civilizations. Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 103–104.
19. Zakaria F., “Does the Future Belong to China?” // <http://www.msnbc.msn.com/id/7693580/site/newsweek/5/15/2005>.
20. See: Spence J., “A Road is Made” // *The Search for Modern China*. N.Y.: Norton & Company, 1999.
21. Womack B. & Townsend J., *Politics in China* // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 141–142; *The Tiananmen Papers*. Completed by Zhang Liang, ed. by A. Nathan. N.Y.: Public Affairs, 2001.
22. http://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_economic_reform; *Fighting Poverty: Findings and Lessons from China's Success* (World Bank). Retrieved August 10, 2006.
23. http://en.wikipedia.org/wiki/Hu_Jintao.
24. Womack B. & Townesed J., Op. cit. P. 459. В КНР до сих пор отвергается принцип разделения властей, поэтому ВСНП рассматривается не как высший законодательный орган власти, а как высший орган государственной власти, из которого берут начало все остальные.
25. Мэнион М., Указ. соч. С. 405.
26. Там же. С. 403.
27. http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China; Womack B. & Townsend J. Op. cit. P. 460.
28. КПК со своими почти 70 млн членов находится на первом месте в мире по численности. Вместе с тем китайские коммунисты составляют только 5% от общего населения страны.
29. Мэнион М., Указ. соч. С. 408.
30. http://chinavivae.com/reference/conferencepapers/Li_Cheng.pdf.
31. http://en.wikipedia.org/wiki/People%27s_Liberation_Army.
32. http://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_People%27s_Political_Consultative_Conference.
33. See: Dalpino C., *Deferring Democracy. Promoting Openness in Authoritarian Regimes*. Washington: Brookings Institution Press, 2000. P. 44–46.
34. http://en.wikipedia.org/wiki/China_Democracy_Party; Gittings J., *The Changing Face of China: From Mao to Market*. Oxford: University Press, 2005.
35. http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China.
36. Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000. С. 50.
37. Там же. С. 51.
38. См.: Фукуяма Ф., Указ. соч. С. 141–160.

39. Фукуяма Ф., *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 333–337.
40. Мэнион М., Указ. соч. С. 421.
41. Oksenberg M., “Will China Democratize?” // *The Global Divergence of Democracies*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 350.
42. Sen A., “Democracy as a Universal Value” // *The Global Divergence of Democracies*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 6–7.
43. Fukuyama F., “Confucianism and Democracy” // *The Global Divergence of Democracies*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 25.
44. Huntington S., “Democracy’s Third Wave” // *J. of Democracy*. Spring 1991. Vol. 2. P. 24.
45. Fukuyama F., Op. cit. P. 31.
46. Chaibong H., “The Ironies of Confucianism” // *J. of Democracy*. July 2004. Vol. 15. P. 93–134.
47. Oksenberg M., Op. cit. P. 350–354.

Литература

- Васильев Л.С., *История Востока: в 2 т. Т. 2*. М.: Высш. шк., 2001.
- Варнаи Ф., *Путь маоистов*. М.: Прогресс, 1979.
- Мэнион М., “Политическая система Китая” // Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002.
- Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000.
- Chaibong H., “The Ironies of Confucianism” // *J. of Democracy*. July 2004. Vol. 15.
- Fukuyama F., “Confucianism and Democracy” // *The Global Divergence of Democracies*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Gittings J., *The Changing Face of China: From Mao to Market*. Oxford: University Press, 2005.
- Huntington S., *The Clash of Civilizations. Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Jung Chung, *Wild Swans*. N.Y.: Anchor Books, 1992.
- Meisner M., *Mao’s China and After: A History of the People’s Republic*. N.Y.: Macmillan, 1986.
- Oksenberg M., “Will China Democratize?” // *The Global Divergence of Democracies*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Spence J., “A Road is Made” // *The Search for Modern China*. N.Y.: Norton & Company, 1999.

Tang Tsou, *The Cultural Revolution and Post-Mao Reforms: A Historical Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

Womack B. & Townsend J., *Politics in China* // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.

Zakaria F., "Does the Future Belong to China?" // <http://www.msnbc.msn.com/id/7693580/site/newsweek/5/15/2005>.

http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China.

http://chinavivae.com/reference/conferencepapers/Li_Cheng.pdf.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какую роль сыграли культурные традиции Китая в формировании современных политических институтов?
2. Какие этапы в развитии политической системы Китая можно выделить?
3. Как влияют демографические, экономические, международные факторы окружения политической системы на современное развитие Китая?
4. Какова роль государственных органов власти в Китае в определении политического курса? Каким образом они взаимодействуют с партийными органами в настоящее время?
5. Какую эволюцию претерпела коммунистическая партия Китая?
6. Какую роль играют вооруженные силы в политической системе Китая?
7. Как характеризует политическую культуру Китая Фрэнсис Фукуяма?
8. В чем проявляются особенности политической социализации в Китае?
9. Сопоставьте, пожалуйста, факторы, содействующие и препятствующие демократизации современного Китая.

ТЕМА 15. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ

1. Окружение политической системы.
2. Проблемы формирования национальной идентичности и попытка перехода к плюралистической демократии.
3. Становление новой институциональной структуры.
4. Политическая культура и социализация.
5. Артикуляция интересов и группы интересов.
6. Политические партии и партийная система.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- Российская империя;
- Союз Советских Социалистических Республик (СССР);
- Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР);
- перестройка и гласность;
- новое политическое мышление;
- демократизация и создание социалистического правового государства;
- движение *Демократическая Россия*;
- Российская Федерация (РФ);
- трансформация административной экономики в рыночную;
- *практическая идеология* Путина;
- *суверенная демократия* Путина;
- президент Российской Федерации;
- Совет безопасности Российской Федерации;
- правительство Российской Федерации;
- председатель правительства Российской Федерации;
- Федеральное собрание Российской Федерации;
- Государственная дума;
- Совет Федерации;
- номенклатура;
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП);
- Общероссийская общественная организация *Деловая Россия*;
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации;
- Совет по внешнеполитической и оборонной политике (СВОП);
- Федерация независимых профсоюзов (ФНП);
- Общественная палата Российской Федерации;
- Молодежное демократическое антифашистское движение *Наши*;
- Союз правых сил (СПС);
- Российская объединенная демократическая партия *Яблоко*;
- коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ);
- либерально-демократическая партия России (ЛДПР);

- партия *Справедливая Россия*;
- партия *Единая Россия*;
- общественное объединение *Другая Россия*.

1. Окружение политической системы

1 января 1992 г. прекратил свое существование СССР. Правопреемником Советского Союза выступила Российская Федерация (РФ), территория которой составляет три четверти от территории СССР, а население – примерно половину общесоюзного. Россия продолжает оставаться *крупнейшим по площади государством планеты*; ее территория равна 1/9 площади всей суши, что почти вдвое больше, чем у занимающей второе место Канады.

Население России насчитывает немногим более 142 млн чел. (оценочные данные Росстата на середину 2007 г.), что составляет чуть больше 2% от населения земного шара. Причем 4/5 жителей расположено в Европейской части России. В настоящее время РФ является урбанизированной страной, 73% ее населения живет в городах.

Демографическая ситуация в России остается весьма сложной. Население постепенно уменьшается. По сравнению с показателями 1989 г. численность жителей сократилась почти на 5 млн чел. Естественная убыль населения, по данным Росстата, в 2006 г. составила 687 тыс. чел. Частично данную проблему власти пытаются решать с помощью миграционного прироста, который в 2006 г. равнялся 154 тыс. чел. [1]. В 2006 г. несколько увеличилась ожидаемая продолжительность жизни: в целом она составила 66,6 года. У мужчин она впервые с 1998 г. превысила пенсионный возраст, составив 60,37 года, у женщин является немного большей – 73,23 года [2]. Депопуляция Центральной России, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока, быстрое старение населения, ухудшение здоровья, невысокая продолжительность жизни вызывают все большую обеспокоенность правительства РФ. Эти проблемы получили отклик в так называемых *приоритетных национальных проектах*.

Российская Федерация – многонациональное государство, здесь проживает свыше 180 народов. Вместе с тем эта страна является и относительно культурно гомогенной, потому что 79,8 % (115 млн чел.) ее жителей – это русские. Находящиеся на втором месте татары составляют только 3,8% (5 млн чел.) населения РФ [3]. В соответствии со статьей 69 Конституции РФ русский язык имеет статус государственного. Он же является и самым распространенным. Республики в составе федерации обладают правом устанавливать свои государственные языки. Как правило, они данным правом активно пользуются. Рекордсменом в этом деле является Карачаево-Черкессия, где

помимо русского, государственными языками являются еще четыре: абазинский, карачаевский, ногайский и черкесский.

В последние десятилетия отчетливо просматривается негативная тенденция к так называемому *языковому сдвигу*, когда фактически родным языком нерусских граждан становится русский, в то время как поверхностное знание языка своего этноса становится не более чем маркером этничности. Положение вещей в этой сфере находится в вопиющем противоречии с провозглашенной российскими властями политикой сохранения культурного разнообразия населения.

Россия обладает богатыми природными ресурсами. Здесь располагаются крупнейшие в мире разведанные запасы природного газа. Российская Федерация делит первое-второе места в мире по объему добываемой нефти и занимает второе место по объему ее экспорта. Крупные месторождения каменного угля имеются в Республике Коми, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Россия также богата железной рудой, бокситами, никелем, оловом, золотом, алмазами и платиной. Большинство из месторождений расположено в труднодоступных и малонаселенных местах за Уралом.

Природные богатства, продолжительная выгодная конъюнктура цен на энергоресурсы и сырье на мировом рынке, а также позитивные последствия рыночных реформ, проведенных в 90-е гг., позволили России в начале XXI в. добиться ощутимого прогресса в развитии своего экономического потенциала. Объем российского ВВП в 2006 г. составлял 985 млрд долл. Однако некоторые эксперты считают, что реальный объем экономики больше, чем показывает официальная статистика, примерно на 28%. ВВП на душу населения по итогам 2006 г. составил порядка 6 тыс. долл. Ежегодный экономический рост за 8 последних лет достиг отметки в 6,7% при инфляции в 9%. По динамике экономического роста Россия, правда, опустилась со второго места на тринадцатое среди стран бывшего СССР [4].

В структуре экономики России преобладает тяжелая промышленность, особенно металлургическая, химическая, машиностроительная, энергетическая. В настоящее время решается очень важная задача обеспечения дальнейшего ее роста не только с помощью топливно-энергетического сектора и высоких цен на экспортируемые энергоресурсы, но и за счет привлечения крупных инвестиций и увеличения потребительского спроса населения. По мнению многих независимых экспертов, данная задача еще далека от своего решения. Известный российский либеральный политик и экономист Григорий Явлинский считает, что экономику РФ можно назвать «экономикой трубы», зависящей от продажи природных ресурсов. Она является технологически отсталой, неконкурентоспособной, не имеющей ничего общего с компьютерами, Интернет, новыми технологи-

ями. “В ней целые сектора трансформировались в корпорации, чьи ресурсы и издержки принадлежат государству, а прибыли – частным лицам” [5].

Серьезной проблемой, которая препятствует росту экономики и притоку зарубежных инвестиций, является *коррупция*. Как отмечают американские политологи из Стэндфордского университета М. Макфаул и К. Стоунер-Вейсс, по состоянию на 2006 г. Российская Федерация занимала 121 место из 163 по уровню коррупции (ее соседями в таблице *Transparency International* являются такие страны, как Филиппины и Руанда). По данным Всемирного банка, современная Россия опустилась на 96 место (из 175) по индексу “легкости занятия бизнесом” [6].

Преимуществом России являются достаточно развитые образование и наука, особенно те отрасли, которые обслуживают оборонную сферу. В Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге работают известные во всем мире университеты и исследовательские центры. По качеству образования и его доступности Российская Федерация по-прежнему занимает одно из первых мест среди стран СНГ.

Таким образом, современная Россия обладает всем необходимым людским, экономическим и культурным потенциалом для обеспечения не только независимости государства, но и его быстрого политического развития по пути демократических реформ, превращения Российской Федерации в “нормальное европейское государство”, о чем неоднократно заявляло и нынешнее, и прежнее руководство страны.

2. Проблемы формирования национальной идентичности и попытка перехода к плюралистической демократии

Новая национальная идентичность. Распад Советского Союза стал важнейшим вызовом именно для России; он был связан со сложнейшими проблемами строительства нового государства и формирования новой национальной идентичности. Как справедливо отмечает профессор Стэндфордского университета (США) Гейл Липидус, “для национальных движений четырнадцати нероссийских республик независимость воспринималась как победа. Россия, напротив, получила травму потери. Лишенная значительной части территории, которая некогда составляла часть Российской империи, и многих из своих нерусских жителей, постсоветское Российское государство оказалось гораздо более этнически однородным, чем Российская Федерация в составе СССР... Но оно также в результате данного процесса утратило свой статус сверхдержавы, а также имперскую и советскую

идентичности, которые в течение столь долгого времени определяли его сущность” [7].

Конечно, существование в составе Советского Союза имело весьма противоречивые последствия для российской нации и государственности. С одной стороны, русские получили доминирующие позиции в центральной политической, административной и военной элите. На деле русский язык превратился в *lingua franca* во всем Союзе, что давало значительные преимущества людям, для которых он был родным. С другой стороны, позиции РСФСР в составе СССР были уязвимыми. Она оказалась лишенной многих культурных и институциональных атрибутов государственности, таких как собственная Академия наук, творческие союзы, договор со своими субъектами федерации, собственная коммунистическая партия и др. В значительной мере за счет дотаций Российской Федерации и других индустриально развитых республик Европейской части Советского Союза поддерживались на плаву среднеазиатские и закавказские республики.

Поэтому ничего удивительного нет в том, что в эпоху *гласности* и *перестройки* демократические силы РСФСР оказались в первых рядах тех движений в СССР, которые бросили вызов союзному центру, стремясь к укреплению собственной самостоятельности. Еще 12 июня 1990 г. (раньше, чем другие союзные республики) Съезд народных депутатов России принял декларацию о суверенитете. В соответствии с ней РСФСР заявляла, что будет выполнять только те союзные законы, которые она согласна выполнять. Ровно через год, 12 июня 1991 г., Борис Ельцин на всеобщих выборах был избран первым президентом России. Наверное, немногие россияне осознали в тот момент, что эти события повлекут за собой распад СССР. Коммунистическая партия была отстранена от непосредственного участия в управлении государством. В экономике происходили противоречивые процессы: государственные предприятия пришли в полный упадок, развитие же частного предпринимательства находилось в начальной стадии и не могло компенсировать экономических потерь. Старая система была разрушена, а новая еще не возникла.

Как отмечает американский политолог Т. Ремингтон, “в начале 90-х гг. 2/3 русских осуждали распад СССР. Большинство из них не считало себя европейцами, положительно относилось к старой политической системе, а 1/4 выступала за реставрацию Советского Союза. Многие обвиняли Запад в заговоре против России. Социологи зафиксировали парадоксальное состояние общественного сознания, сложившееся на тот момент: “Большинство россиян осуждали распад СССР, в котором им так несладко жилось” [8].

Однако сложная ситуация, в которой оказалась Россия, открывала перед ней и новые перспективы, возможности преодоления велико-

державного имперского комплекса и формирования национального государства – прочного фундамента для демократических политических институтов. Демократическое руководство РФ в начале 90-х решило пойти именно по такому пути развития. Г. Лапидус обращает внимание на то, что Ельцин во время своей первой президентской избирательной кампании активно выступал за формирование “новой либеральной **антиимперской национальной идентичности**, скорее инклюзивной и **гражданской**, чем этнической по своей сути, обращаясь за поддержкой к *россиянам* (гражданам страны), а не этническим *русским*. В его представлении Россия должна была выглядеть многонациональным демократическим государством, основанном на индивидуализме и правах человека, “нормальным европейским государством”, в котором интересы всех народов представлены, а их различные этнические и культурные традиции получают защиту и развитие” [9].

Несмотря на всю свою непоследовательность, Ельцин пытался придерживаться этого курса на протяжении первых лет пребывания у власти. Он признал новые границы России в 1991 г., отказался от активной поддержки целого ряда сепаратистских движений, выражавших интересы русскоязычного меньшинства в новых независимых государствах. В марте 1993 г. был подписан равноправный федеративный договор с большинством субъектов Российской Федерации. В 1994 г. особым договором были оформлены отношения между Россией и Татарстаном.

Явным отступлением от данной политической линии стала попытка силового решения чеченского вопроса, вылившаяся в первую чеченскую войну 1994–1996 гг. Она свидетельствовала о том, что новая Россия отнюдь не забыла про свою старую политику, оказавшуюся вновь востребованной для обеспечения ложно понимаемого государственного величия. Готовность вернуться к имперскому курсу во внешней политике проявилась в подписании в 1996 г. договора о создании так называемого союзного государства с авторитарной Беларусью. По замыслу авторов, он должен был стать моделью отношений с другими постсоветскими государствами и был призван втянуть их в орбиту российского экономического и военно-политического господства с перспективой полной утраты независимости.

Поворот к осуществлению имперской политики Россией в середине 90-х гг. не был случайностью. Дело в том, что гражданская национальная идентичность в это время встретила яростное сопротивление со стороны целого ряда других идей, являющихся теми или иными вариациями **имперской национальной идентичности**. За ними стояли вполне отчетливые интересы как новых, так и ста-

рых группировок российской политической и экономической элиты, которые стремились к обеспечению либо радикального изменения курса действующей власти, либо к ее смене.

Г. Лапидус определила их главные разновидности. Во-первых, *силы коммунистического реванша* считали, что все еще остаются неплохие шансы на реставрацию СССР в том или ином виде. Во-вторых, *панслависты* ратовали за воссоздание союза славянских республик во главе с Россией. В-третьих, представители *этнического национализма* выступали за реализацию приоритетных прав русского этноса по сравнению с другими народами России. Некоторые крайние представители этого направления, например Александр Баркашов, выдвигали откровенно *расистские идеи* очищения русской нации, в которой, по их мнению, воплощены лучшие черты арийского генотипа. В-четвертых, представители *евразийства* (см. вставку 15.1) призывали к превращению России в ведущую мировую державу с помощью активного противостояния с Западом и использования геостратегических преимуществ России в борьбе с ним [10].

Еще в последние годы существования СССР эти силы получили название “красно-коричневого” альянса, в который объединились крайние коммунисты и националисты, стремящиеся к возрождению империи.

ВСТАВКА 15.1.

Отсутствие нации-государства – преимущество России?

По мнению некоторых современных евразийцев, например Александра Дугина, тот факт, что Россия не пошла по пути Европы и не трансформировалась в национальное государство – это ее величайшее преимущество. “В русской истории “государства-нации” так и не возникло. Когда в Европе начиная с XVIII в. стала укореняться именно эта модель, Россия отчаянно сопротивлялась ей любыми путями. Царский режим стремился сохранить максимально нетронутым именно имперскую структуру, хотя некоторые уступки европейскому образцу делались постоянно. Несмотря на проевропейские петровские реформы, Российская империя сохраняла и теократические элементы, и аристократический принцип, а перевод иереев и представителей знати в разряд государственной бюрократии никогда не осуществлялся на практике до конца (в отличие от стран Западной Европы). Национальная стихия противилась такому перерождению Империи в государство-нацию... За модернистской риторикой большевизма русские смутно распознали свои собственные эсхатологические идеалы – торжество Идеи, Справедливости, Правды. Советское государство воспринималось народом как строительство “Новой Империи”... СССР не стал “государством-нацией”, он был продолжателем сугубо имперских национальных традиций, облеченных в экстравагантные внешние формы и противопоставленных позднейшей царистской модели, скатывающейся к обычному буржуазному обществу, к “диктатуре закона”. Советская Империя, как любая политическая конструкция, знала три этапа – “революционный этап” построения уникальной системы (Ленин – юность), стабильный этап укрепле-

ния и расширения державы (Сталин – зрелость) и этап развала и одряхления (Брежнев – старость). Причем именно позднебрежневский период породил политико-административную структуру, ближе всего напоминающую бюрократический централизм типичного “государства-нации”... Русские стремятся любой ценой избежать такого поворота событий, поскольку их политическая воля несовместима с узкими нормативами рационального и усредненного количественного существования в рамках бюрократически эффективного механизма. Русские готовы идти на немыслимые жертвы и лишения, лишь бы реализовалась и развивалась национальная идея, великая русская мечта... Не нехватка “жизненного пространства” и не экономическая необходимость подвигали русский народ все более расширять свои границы на Восток, на Юг, на Север, на Запад. Недостаток земли никогда не служил истинной причиной русского империализма. Русские расширялись как носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка” [11].

Иную точку зрения по этому вопросу высказал выдающийся русский философ Николай Бердяев: “Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу *трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их*. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности... Долгое время силы русского народа оставались как бы в потенциальном, не актуализированном состоянии. *Русский народ был подавлен огромной тратой сил, которой требовали размеры русского государства*. Государство крепло, народ хирел, говорит Ключевский” [12].

Конечно, многие “красно-коричневые” идеи переживали кризис. После 1996 г. оказались маргинализированными силы, возлагавшие надежды на реставрацию СССР; то же самое можно сказать и о большинстве панславистских проектов. Более того, ни Ельцин, ни Путин не отбросили тезис о создании надэтнического российского государства; но произошла серьезная подмена его содержания и практики воплощения в жизнь.

Реальная политика в современной России свидетельствует о том, что о *равноправии* в национальных отношениях нередко забывают. Часто оно подменяется созданием привилегий для представителей русского этноса, коренных жителей, которые противопоставляются инородцам. Вторая чеченская война (1999–2000 гг.) наглядно показала, что Россия отбросила принцип *добровольности членства*, изначально заложенный в основу федеративного устройства государства. Последствиями войны стали не только этнические чистки на Север-

ном Кавказе, но и соседствующая с расизмом практика преследования “лиц кавказской национальности” по всей стране.

Значительно усилилась *государственная централизация*, которая под флагом борьбы с “местными князьками” нарушает демократические нормы и принципы. Одной из первых мер Путина после его прихода к власти стало деление страны на семь федеральных округов во главе с уполномоченными президента. Интересно, что новая управленческая структура полностью соответствует делению России на военные округа. Еще более негативную роль сыграл переход Кремля в 2004 г. от политики избрания губернаторов и глав республик к их назначению президентом.

В России набирает обороты курс на *культурную ассимиляцию малых народов*. Этому содействует происходящий на наших глазах пересмотр границ субъектов федерации, *ликвидация ряда этно-территориальных образований* за счет их “добровольного” присоединения к русским (по населению) краям и областям. Только за последнее время на так называемых референдумах были ликвидированы Коми-Пермяцкий, Таймырский, Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский автономные округа. Запланирован референдум по аналогичному вопросу в Ненецком автономном округе.

В области внешней политики с самого начала Россия взяла курс на *превращение бывших постсоветских государств в зависимые от Кремля образования*, поддержку в них авторитарных режимов либо сепаратистских движений в тех странах, которые сделали выбор в пользу сближения с Западом (Молдова, Грузия). К этой политике после прихода к власти Путина была добавлена еще одна важная составляющая: энергетический шантаж нестоворчивых соседей и слишком самостоятельных союзников (Беларусь).

Произошли перемены и в отношениях с Западом. На смену политики взаимовыгодного партнерства пришел традиционный курс на поиск “западного следа” за всеми бедами и проблемами России; попытка играть роль сверхдержавы, опираясь на богатые энергетические ресурсы; быстрое восстановление военного потенциала для обеспечения перехода в политическое наступление в тех регионах, которые РФ считает зоной своих жизненных интересов.

В начале 2000-х гг. новое российское руководство переформулировало концепцию национальной идентичности. Многие западные политологи назвали данный набор идей *практической идеологией Путина*.

По мнению профессора Калифорнийского университета (США) Стивена Фиша, положительным моментом новой доктрины является ее акцент на надэтнической сущности российской нации, *государственном национализме*. Однако

его не следует путать с гражданским национализмом. Понимание гражданственности в ней является в высшей степени этатистским. Членство в национальном сообществе, социальная солидарность и безусловная преданность государству и режиму должны, по мнению Путина, стать ядром общественного сознания и идентичности граждан.

Тремя китами новой русской идеи являются *преданность президенту, вера в армию и диктатура закона*. Президент выступает как высшее воплощение государственной власти, гарант Конституции, поэтому лояльность ему отождествляется со служением Основному Закону и самому государству российскому. Армия должна восприниматься гражданами как объект национальной гордости, оплот нерушимости границ и территориальной целостности. Восстановление силы закона может положить конец незащищенности граждан, содействовать преодолению правового нигилизма в обществе и структурах управления.

С. Фиш считает, что сама по себе практическая идеология, исключающая этничность и содействующая развитию инклюзивного национализма, не несет в себе ничего антидемократического. Но ее этатистский характер и институты, выбранные в качестве символов воплощения национального духа, не могут не вызывать скептического отношения. Возвеличивание президента как персонификации государства не может не вести к культуре личности, не имеющему ничего общего с демократией. Рассмотрение армии как воплощения национального величия чревато возвращением тех времен, когда вооруженные силы использовались для подавления гражданского населения, а не достижения побед на поле брани. Закон же служит пока что в России орудием в руках государства, подчинившего себе общество [13].

Демократизация политической системы. Не менее важной задачей, поставленной российскими реформаторами в начале 90-х гг., было коренное преобразование политических институтов, их радикальная демократизация. Для того чтобы объективно оценить изменения, произошедшие в этой области в современной России, следует вначале выделить ключевые черты *старого политического порядка*.

Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., стремились к установлению социалистического строя, который в их представлении означал, прежде всего, переход к общественной, а точнее, государственной собственности на средства производства. Политическая власть должна была осуществляться от имени трудящихся коммунистической партией, авангардной силой профессионалов-революционеров, которые в силу знания ими законов общественного развития имели право на монопольное господство в сфере общественного управления.

Первоначально в политической системе Советской России сформировалось два центра власти – советский и партийный. Некоторые исследователи рассматривают *советы* как форму *массовой, идущей снизу (grass-root) демократии*, с помощью которой рабочие и крестьяне могли реально отстаивать свои интересы. Другие, в частности Ч. Эндрейн, называют ранний постреволюционный этап российской

истории периодом деятельности *популистской мобилизационной системы*. Ему на смену уже в годы гражданской войны пришла *элитистская мобилизационная система*, окончательно утвердившаяся при Сталине [14]. Ее целями была максимальная концентрация ресурсов России для осуществления быстрой модернизации.

ВСТАВКА 15.2.

Популистская и элитистская политические системы

Популистские и элитистские мобилизационные системы отличаются своей направленностью, структурой и стилем руководства. Популистские лидеры стремятся создать систему, при которой возможно максимальное равенство между людьми, и привлекают всех к участию в этом. При таком устройстве идеальными участниками процесса принятия политических решений становятся не профессионалы, а простые граждане. Напротив, в элитистской мобилизационной системе решающую политическую роль играют специалисты: бюрократы, эксперты, менеджеры, плановики, офицерский корпус и др. Популистский тип лидерства характерен для более слабого государства с коллегиальным руководством. В элитистском мобилизационном режиме отношения между лидерами и массой характеризуются большей политической иерархичностью. Согласно такой трактовке, авангардная партия или движение должны править, просвещать и наставлять массы, не обладающие политическим сознанием. Другими словами, элитистская мобилизационная система подразумевает мощное государство во главе с харизматическим лидером [15].

Мобилизационный элитистский режим в России, в котором партия управляла советами, был достаточно *результативным*. В его рамках КПСС могла назначать и контролировать правительство, не становясь сама правительством. Существовали довольно широкие возможности для массового политического участия и рекрутирования лидеров. Сохранялся демократический фасад для советского населения и внешнего мира, в том числе и фасад федерализма: советские республики сохраняли автономию, но контролировались единой общесоюзной коммунистической партией. КПСС представляла собой небольшую, жестко централизованную и элитарную организацию. Она достигла своей максимальной численности в 1989 г.: тогда в состав компартии входило 20 млн чел., что составляло 9% взрослого населения.

Однако у данной политической модели были и *серьезные недостатки*, которые стали перевешивать ее достоинства, когда СССР вступил в этап позднего индустриального общества.

Во-первых, это *сверхцентрализм и бюрократизация* такой системы. Чиновники, как правило, не проявляют высокой *инициативы*, потому что их положение зависит от вышестоящего начальства, которое заинтересовано в послушании и лояльности, а не в инициативности подчиненных.

Во-вторых, проблема *легитимной и мирной передачи власти*. Официально считается, что в системах советского типа отсутствуют антагонистические социальные противоречия и поэтому им не свойственны острые политические конфликты с применением насилия. На самом деле это не так. Политическая борьба все время разъедает данную систему. Однако она является не публичной и гласной, а скрытой от глаз внешнего наблюдателя. У Черчилля назвала ее “борьбой бульдогов под ковром”. Конфликты различных группировок правящей элиты, как правило, набирают обороты, когда дело касается смены высшего руководства. И после смерти Ленина, и после кончины Сталина, и во время отстранения от должности Хрущева советское общество сотрясало от заговоров с использованием спецслужб и армии. В послебрежневский период борьба приобрела более мягкие формы (сговор тех или иных лидеров против других лидеров), но она оставалась достаточно интенсивной.

В-третьих, проблема *пожизненного “генерального секретарства”*. В первой половине 80-х гг. СССР столкнулся с серьезной проблемой: три престарелых генеральных секретаря ЦК по очереди сменили друг друга, уйдя в мир иной. Пожилые руководители были не в состоянии проводить необходимые для страны реформы, что усугубило и без того плачевное состояние советской экономики.

В 1985 г. впервые за долгие годы у власти в Советском Союзе оказался молодой руководитель. Горбачеву было всего 54 года, когда он стал генеральным секретарем. Первое время он пытался следовать традиционным курсом: в СССР была принята **стратегия ускорения развития народного хозяйства**, прошла очередная кампания борьбы за повышение качества выпускаемой продукции. Однако очень скоро руководству стало понятно, что ограничиться полумерами уже невозможно. Нужна была радикальная реформа народного хозяйства, перевод его на рыночные рельсы развития. В свою очередь, чтобы обеспечить эти преобразования, необходимо было отстранить от власти консерваторов, мобилизовать широкую общественную поддержку проводимым реформам. Так родилась новая стратегия развития страны, которая получила название **перестройки и гласности**. На деле это была *стратегия либерализации системы сверху*. Инициаторы реформ не собирались создавать себе серьезных конкурентов в обществе и допускать их к участию в борьбе за власть по демократическим правилам [16].

В 1987 г. политика перестройки и гласности была дополнена **новым политическим мышлением** в области внешней политики, отказом от конфронтации с США и Западом, утверждением приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми в условиях обострения глобальных проблем современности.

В области внутренней политики были выдвинуты концепции **демократизации и социалистического правового государства**. Первая была направлена на демократизацию КПСС, а также введение состязательности кандидатов во время выборов (такой эксперимент был проведен во время выборов в местные советы 1987 г.). Большие надежды возлагались также на демократизацию сферы материального производства. На предприятиях были созданы советы трудовых коллективов, а на некоторых рабочие получили право избирать директоров. Эксперименты с производственной демократией не увенчались успехом, потому что без демократизации политической системы на макроуровне невозможно создать народовластие на микроуровне социума. Концепция социалистического правового государства была направлена на обуздание

всевластия КПСС, повышение значимости законности, без чего было невозможно надеяться на успех рыночных преобразований.

Важным этапом в реализации стратегии перестройки стала XIX партийная конференция в 1988 г. Именно на ней было принято решение коренного реформирования политической системы: проведения соревновательных выборов на съезд народных депутатов СССР. Конференция содействовала также освобождению судебной системы страны от жесткого партийного контроля. В 1989–1990 гг. повсеместно прошли полусвободные выборы в советы всех уровней. В ряде мест избиратели, впервые получившие альтернативу “нерушимому блоку коммунистов и беспартийных”, проголосовали против официальных кандидатов и поддержали независимых. Это позволило сформировать из депутатов съезда влиятельную оппозиционную фракцию в виде **межрегиональной депутатской группы**.

В эти же годы политика перестройки столкнулась с серьезным вызовом, связанным с демократизацией Восточной Европы и усилением движения за независимость в ряде республик СССР. Невмешательство Советского Союза в процессы, происходившие в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии, свидетельствовали о фактическом отказе Горбачева от так называемой *доктрины Брежнева*, которая рассматривала Восточную Европу зоной советского влияния, поддерживая там консервативные коммунистические режимы в их борьбе с реформаторами.

Гораздо более болезненно Кремль реагировал на провозглашение независимости Балтийскими республиками, укрепление позиций национал-демократов в Грузии, Азербайджане, Молдавии, Украине. Данные процессы свидетельствовали о том, что власти теряют контроль над провозглашенной ими же политикой реформ, а *либерализация системы сверху* превращается в ее *демократизацию снизу*. Показателями усиления этой тенденции стали шахтерские забастовки, создание ряда независимых общественных объединений в России, усиление антикоммунистических настроений в СССР. Именно под давлением снизу власти пошли на отмену 6 статьи Конституции 1977 г., которая гарантировала “руководящую и направляющую роль КПСС” в советском обществе и государстве.

В марте 1990 г. Горбачев был избран президентом СССР на съезде народных депутатов. Однако данный шаг не спас кремлевское руководство от быстрой утраты контроля над процессами в стране. В этот период резко обострились отношения между Россией и Союзом. На выборах на съезд депутатов РСФСР оппозиционное коммунистам **движение Демократическая Россия** получило более 40% голосов, что позволило в июне 1990 г., вопреки воле М. Горбачева, избрать Б. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР. Российские депутаты проголосовали за пакет радикальных экономических реформ, включающий ликвидацию центрального планирования, либерализацию цен, приватизацию предприятий.

Не увенчалась успехом и попытка Кремля избежать распада Советского Союза. Новый Союзный договор к апрелю 1991 г. одобрили только девять республик из пятнадцати. Осознавая угрозу полной утраты власти, консервативные силы в союзном руководстве 19 августа 1991 г. совершили попытку государственного переворота, которая через три дня была подавлена благодаря решительным действиям российского руководства, поддержанного десятками тысяч жителей Москвы.

Подавление *августовского путча* резко изменило баланс сил в отношениях между Россией и Союзом в пользу России. Была запрещена коммунистическая партия как организация, непосредственно причастная к антиконституционному перевороту. Осенью 1991 г. произошло поглощение союзных министерств российскими. К концу 1991 г. Горбачев оказался президентом без страны: 8 декабря было учреждено новое межгосударственное объединение Содружество Независимых Государств (СНГ), которое пришло на смену СССР. Все это вынудило Горбачева 25 декабря подписать указ о сложении с себя властных полномочий.

С крушением СССР Съезд депутатов, Верховный совет РСФСР, а также президент Российской Федерации, избранный на всеобщих выборах 12 июня 1991 г., стали высшими органами российской власти. С августа 1991 г. по октябрь 1993 г. они находились в состоянии острого политического соперничества. Ельцин требовал сосредоточения в своих руках значительных властных полномочий для осуществления курса радикальных реформ. В октябре 1991 г. президент получил право проводить преобразования путем издания декретов, он также добился полномочий назначения глав администраций регионов. В 1992 г. Ельцин становится не только главой государства, но и главой правительства, чтобы придать большую легитимность экономическому курсу *шоковой терапии*, который взялась осуществлять команда реформаторов во главе с вице-премьером Гайдаром.

Болезненный характер российских экономических преобразований для большинства жителей страны привел к формированию и укреплению антиельцинской оппозиции. Центром ее стал Верховный совет, а также некоторые члены команды Ельцина. Например, вице-президент Руцкой назвал политику Гайдара «экономическим геноцидом». Депутаты российского парламента стали блокировать реформаторское законодательство, они отказались принять новую Конституцию, в марте 1993 г. предприняли первую попытку вынесения импичмента президенту. 21 сентября новая сессия Верховного совета приняла закон об импичменте. В ответ Ельцин издал декрет о роспуске Верховного совета и проведении новых парламентских выборов в декабре 1993 г. После десятидневного противостояния и штурма Белого дома (резиденции Верховного совета) оппозиция была подавлена. Сотни людей погибли в ходе проведения специальной операции в Москве.

Политическими последствиями победы президента в противостоянии с парламентом стали: роспуск местных советов и замена их небольшими представительными собраниями, принятие нового избирательного закона, основанного на мажоритарно-пропорциональной системе, разработка проекта Конституции, который предусматривал

замену Верховного совета двухпалатным парламентом. Новый Основной Закон предоставлял очень большие полномочия главе государства и исполнительной власти в ущерб парламенту и законодательной власти. Президент получал право издания декретов, имеющих силу закона, контроля над внешней политикой, роспуска парламента, контроля над национальной безопасностью. Последнее обстоятельство позволило Ельцину в 1994–1996 гг. развязать кровопролитную войну в Чечне. К этому следует добавить и возможности полного всевластия исполнительных органов на местах, что породило господство авторитаризма в большинстве российских субъектов федерации. Проект Конституции выносился на референдум, который проходил параллельно с парламентскими выборами в декабре 1993 г.

Практически одновременно с радикальными политическими преобразованиями в России происходила *трансформация централизованной административной экономики в рыночную*. Известно, что ни одна страна мира не является полностью рыночной. Тем не менее российское правительство предложило довольно радикальную программу реформ в этой области. Первым шагом стало полное устранение государственного контроля над большинством цен, их *либерализация*. В 1992 г. это привело к взрыву цен, длительной инфляции, сокращению производства на целом ряде предприятий. Социальным последствием стало быстрое обеднение населения, рост социального неравенства. Если разрыв доходов 10% бедных и 10% богатых семей в 1991 г. составлял 5,4%, то в 1993 г. он достиг 11%. В 1994 г. доля населения, которая жила ниже черты бедности, составила 24 млн чел. (16% населения). С 1994 г. начался медленный рост доходов, который продолжался до финансового дефолта 1998 г.

Параллельно шел процесс быстрой *приватизации*. К середине 90-х гг. 70% крупных и средних предприятий и 80% мелких стало частной собственностью. Только за один 1995 г. свое дело завели 1 млн чел., сделавшись мелкими и средними предпринимателями. На них работало 12 млн наемных работников [17].

Таким образом, процесс демократизации политической системы России столкнулся с рядом *серьезных трудностей* уже в самом начале его осуществления. Известный российский политолог Андрей Мельвиль считает, что демократизация происходила в *неблагоприятных социальных условиях (факторы структурного характера)*, которые не могли не оказать крайне негативного влияния на ее эффективность и итоги.

Прежде всего, российские реформаторы, по мнению А. Мельвиля, допустили фатальную ошибку, когда предположили, что “дикого рынка” вполне достаточно для обеспечения экономического и социального фундамента политической демократии. Прежняя экономи-

ческая система была разрушена до того, как эффективная демократическая власть возникла. В результате появился *не столько экономический, сколько политический рынок* (полукриминальный), на котором заключались сделки между крупными политическими и экономическими кланами, объединившими в своих руках власть и собственность. Со временем эти картели стали весьма могущественными. Они отказались от делегирования полномочий своим представителям для их отстаивания политическими методами, но сами превратились во влиятельных политических игроков. Данная группировка не заинтересована в конкурентной рыночной экономике. Она хорошо адаптировалась к государству, которое приватизировало, и желает лишь сохранения своей *монополии*. Конечно же, не существует полного согласия между картелями, но ведется постоянная борьба за передел собственности внутри финансового, топливно-энергетического и сырьевого сектора в целом, а также между ними и технологически производственным сектором ВПК. Борьба эта идет политическими методами за обеспечение влияния и контроля над экономической политикой государства.

Важным социальным препятствием на пути демократизации было ***отсутствие развитого среднего класса*** в России, который в соответствии со структурными теориями транзита является важнейшей общественной силой, выступающей за утверждение и развитие демократических институтов и процедур. А. Мельвиль указывает, что в отличие от западных обществ в бывшем СССР сложился так называемый *старый средний класс*, не имеющий частной собственности. Он включал в свои ряды образованных профессионалов, которые занимали особые институциональные позиции в государственной системе. Процесс “быстрых рыночных реформ” в России привел к его размыванию и расколу на незначительное привилегированное меньшинство и массу пауперизированного населения. Новый же средний класс в РФ все еще не появился.

Наконец, политические преобразования происходили в условиях ***кризиса национальной идентичности*** и усиления влияния национализма либо в этноцентристской, либо в имперской его формах, которые, как справедливо указывает А. Мельвиль, совершенно несовместимы с демократией [18]. Американский политолог З. Бжезинский сформулировал в свое время дилемму, которая сохраняет свою актуальность и сегодня: “Россия может быть или империей, или демократией, но она не может быть и тем и другим одновременно” [19].

Помимо проблем структурного характера, нерешенность которых тормозила процесс политических реформ, А. Мельвиль выделил также и несколько чисто *внутренних факторов*, специфичных для России и связанных с ***особенностями политических решений***,

принимавшимися правящими элитами, которые только усугубляли ситуацию и фактически отбрасывали страну от демократии, а не приближали к ней.

Во-первых, демократическое движение в России, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, не представляло собой новый уровень развития прежнего диссидентского движения, очень слабого в СССР и практически уничтоженного в брежневскую эпоху. Российские демократы были наиболее дальновидной частью КПСС, которые вначале стремились лишь к либерализации системы. Безусловно, ими двигали и карьерные соображения, когда они перешли на антикоммунистические позиции. Той части российской оппозиции, которая имела интеллигентские корни, была присуща идеализация рынка и демократии (весьма далекая от реальности) как некоего высшего блага. Уже в 1992–1993 гг., после “шоковой терапии” и расстрела парламента, в рядах российского демократического движения разразился подлинный *идейный кризис*. Ельцин отказался включить в свою команду очень многих демократов, его заботой стало укрепление личной власти и поддержание харизмы лидера, а не создание демократических институтов.

Во-вторых, в России *не был заключен формальный пакт* между командой демократов, с одной стороны, и их ортодоксально-коммунистическими противниками, с другой. Согласно большинству теорий транзита, такого рода соглашения содействуют успеху демократизации, поскольку приучают бывших врагов следовать общим правилам политической игры. Вместо переговоров за “круглым столом” и соглашения в России восторжествовал *неформальный пакт* между двумя политическими сторонами, что нашло свое выражение в сохранении большого количества руководящих позиций в центре и на местах за представителями бывшей номенклатуры. Все это происходило закулисно и вело не к укреплению демократических процедур, но к еще большему углублению пропасти между обществом и властью.

В-третьих, Ельцин и его окружение *отказались проводить так называемые конституирующие выборы (founding election)* после подавления путчистов в 1991 г., когда демократические идеи пользовались еще абсолютной поддержкой в обществе. Причина этого, по мнению А. Мельвиля, заключается в том, что Ельцин не хотел делиться своими лаврами победителя с представителями демократических сил. Это привело к тому, что было упущено время для формирования сильного и ориентированного на реформы парламента. На результаты же декабрьских выборов 1993 г., которые оказались формально первыми, оказало негативное воздействие глубокое разочарование общества “шоковой терапией” и разгоном президентом Верховного

совета. Они оказались *выборами разочарования* (*elections of disappointment*), которыми в других переходных странах обычно оказываются вторые по очередности выборы в легислатуру.

В-четвертых, демократические реформы проводились в России традиционными для этой страны *административными методами*. Это связано с тем, что российское общество не формирует государство, которое обслуживает его разнообразные интересы, но, скорее, само является результатом воздействия со стороны власти. Все реформы в России, начиная с петровских времен, проходили по этой модели: сверху вниз. Но так невозможно осуществлять демократизацию, направленную на стимулирование автономного гражданского участия: снизу вверх. В некоторых странах, достигших успеха в процессе транзита, инициатива также принадлежала реформаторам в правительстве, но только на первом этапе преобразований. На втором этапе импульс реформ всегда подхватывался гражданским обществом.

В-пятых, на процесс реформ очень сильное влияние оказали *авторитарные тенденции*, проявляющиеся не только в деятельности антидемократической оппозиции, но также и в поведении президента, и в ряде конституционных норм и принципов, которые содействовали изменению баланса сил в пользу исполнительной власти [20].

Ничего удивительного нет в том, что в России сложилось весьма *противоречивое отношение общественного сознания к демократии*. Как указывает профессор Оксфордского университета, известный специалист по России Арчи Браун, к концу 90-х гг. большинство россиян демонстрировали свое разочарование этим типом политической системы и даже многими демократическими ценностями. Наиболее привлекательными для них оказались спокойные брежневские времена. Количество людей, которые соглашались с тем мнением, что было бы лучше, если бы в 1985 г. в стране не предпринимались никакие реформы, увеличилось с 44% в 1994 г. до 58% в 1999 г. Количество респондентов, которые положительно оценивали деятельность Сталина, выросло с 18% до 26% за тот же период. Количество сторонников перестройки за 5 лет сократилось с 16% до 9% [21]. В середине 90-х гг. 1/4 часть граждан России заявляла, что спасти страну может только сильная авторитарная власть – “русский Пиночет”. В конце 90-х российские элиты нашли подходящую кандидатуру на эту роль – премьера и бывшего директора ФСБ Владимира Путина, который стал президентом в 2000 г.

По мнению М. Макфаула, смена власти в Кремле может быть оценена, как “шаг вперед и два шага назад”. Безусловно, позитивным моментом стало то, что впервые в истории России переход верховной власти из рук в руки произошел с помощью электоральных про-

цедур. Но то, каким способом это было сделано (определение преемника Ельциным, максимальное использование им административного ресурса, жесткое подавление партий власти своих политических оппонентов), не может не восприниматься как отступление от норм демократии.

ВСТАВКА 15.3.

Duce a noi!

Известный российский публицист Максим Соколов писал в 1998 г.: “Девиз “Дуче с нами!” двадцать с лишним лет определял политическую жизнь Италии. С 1945 г., когда труп дуче был повешен за ноги на миланской пьяццале Лоретто, прошло много времени, и дуче давно уже не с итальянцами. Не так обстоят дела в России – наследие родившегося 115 лет назад Бенито Муссолини оказывается все более созвучным и настроениям масс, и политической практике наиболее вероятных претендентов на президентское кресло. До фашизма в том смысле, какой обыкновенно придают этому слову, т.е. до национал-социализма гитлеровского образца, Россия пока еще не докатилась и, Бог милостив, все-таки не докатится, но фашизм первоначального, т.е. итальянского, типа уже просто на подходе.

Если судьба самого дуче не вызывает особой печали, то судьба понятия *фашизм* эту печаль вызывает, ибо историческая традиция сложилась таким образом, что собственно итальянский феномен, именуемый *fascismo*, оказалось окончательно смешан с национал-социализмом, и в конце концов, слово приобрело не терминологический, а чисто эмоциональный смысл. Одним ругательством в русском языке стало больше... В более благополучные 20-е гг. отношение к фашизму было совсем другим. Прежде всего, нигде, кроме СССР, это слово не было вовсе ругательным – тогда оно означало всего лишь попытку объединения нации, расколотой внутренней борьбой, на основе общенациональной идеи возрождения – примерно той самой общенациональной идеи, поисками которой в России теперь занимаются все, кому не лень.

Восстановление национального достоинства Италии посредством обращения к великому наследию Рима очень нравилось не только самим итальянцам – консолидация не слишком демократического режима произошла удивительно быстро и с довольно низким уровнем насилия, – но и знатным иностранцам. Муссолини высоко ценили Черчилль и Черстертон, а за океаном его популярность была выше всех похвал... В плане собственно практических мероприятий ранний фашизм предполагал обуздание как совсем уже зарвавшихся мафиози (на Юге) и олигархов (на Севере), так и бунтующих рабочих... Платой за это было практически полное устранение демократических институтов. Печать, формально по-прежнему свободная, частью поменяла редакторов и направление, а наиболее совестливые стали писать про дуче или хорошо или ничего... Парламентаризм был фактически упразднен посредством принятия ультрапропорционального избирательного закона 1923 г., согласно которому партия, набравшая более всего голосов (но не менее 25%), получала 2/3 мест в парламенте... В плане внешнеполитическом режим был поначалу довольно скромным... Как наши видные политики дежурно претендуют на Крым, так политики итальянские под смелым лозунгом *Istria italiana* претендо-

вали на адриатическое побережье Югославии... Во всем том слышится что-то очень родное, неясно лишь, каким образом сумеют поделить наследие дуче два наиболее вероятных кандидата на эту должность в 2000 г. – А.И. Лебедь и Ю.М. Лужков... Для того чтобы любимый некогда итальянцами лозунг *Disce a noi!* зазвучал на просторах России, идеальным было бы слияние этих двух условных пассажиров в единое целое” [22].

Прежде всего, победа Путина была обеспечена изменением отношения россиян к войне в Чечне после вторжения отрядов Басаева в Дагестан летом 1999 г. и взрывов домов в Москве и Волгодонске. В результате этих событий большинство граждан России рассматривали свою страну как жертву внешней агрессии и были готовы принести любые жертвы во имя восстановления ее территориальной целостности. Решительные действия Путина в Чечне резко повысили его рейтинг еще в то время, когда он был премьер-министром.

Путин смог также максимально использовать в свою пользу слабость оппозиции. Российские коммунисты, в отличие от своих восточноевропейских коллег, мало изменились за прошедшее время и могли рассчитывать на поддержку лишь относительно небольшого собственного электората. Либеральные идеи были дискредитированы в глазах россиян непопулярным ельцинским руководством, поэтому партии правоцентристской ориентации потеряли многих своих сторонников. Единственный реальный конкурент путинского *Единства* на статус партии власти – *Отечество – Вся Россия* (ОВР) была фактически исключена из политической борьбы массовой кампанией дезинформации, которую обрушили на нее подконтрольные Кремлю СМИ в ходе парламентских выборов 1999 г.

Наконец, еще одно обстоятельство психологического свойства содействовало политическому триумфу Путина: его победу многие воспринимали как завершение революции и периода ожесточенного противостояния между коммунистами и демократами, как **русский термидор**, который открывал новые горизонты и новые возможности для самых разных людей [23].

Консолидации власти Путина содействовало существенное повышение цен на энергоресурсы и другие товары российского экспорта на мировом рынке. Это позволило обеспечить устойчивый экономический рост. В 2000 г. он составил 10% ВВП, в последующие годы несколько замедлился. В свою очередь, данный фактор обеспечил рост реальных доходов населения и содействовал значительному сокращению количества людей, живущих ниже уровня бедности (с 29% в 2000 г. до 18% в 2004 г.). Владимир Путин превратился в самого популярного российского политика. По данным ВЦИОМ за июль 2006 г., президент пользовался поддержкой 87% населения России, причем 60% на момент проведения исследования доверяли ему полностью [24].

Обладая столь внушительной и стабильной поддержкой, президент РФ мог содействовать возвращению России на путь демократических реформ, но не захотел делать это. В годы правления Путина Россия из *эксклюзивной демократии*, каковой она, по мнению А. Мельвиля, оставалась при Ельцине (не допускавшей свободного участия граждан в политическом процессе, но и не пресекавшей открытой конкуренции политических элит), очень скоро эволюционировала к *однопартийному авторитаризму*.

По мнению известного российского политолога Л. Шевцовой, «В. Путин лишь несколько рационализировал ельцинскую *выборную монархию* и отрегулировал отношения между различными сегментами политического класса. Он добился успеха в ослаблении патриомониальных черт режима и на место ельцинской «атмосферы взаимной терпимости», поставил элементы подчинения и подданничества. Однако сохранение механизмов персонального правления и слабость разделения властей объясняют, почему даже эта рационализированная система остается уязвимой. В любой момент атрофия или слабость одного кирпича вертикально организованной «президентской пирамиды» может привести к обрушению всей конструкции, что и случилось с советским государством» [25].

Л. Шевцова считает, что путинская Россия изначально представляла собой несколько модернизированную модификацию сложившегося уже при Ельцине неустойчивого *гибридного политического режима*, который одновременно опирался на весьма противоречивые основания: персоналистское руководство и демократическую легитимацию. Это открывало возможности для самых разных вариантов его дальнейшей эволюции: как к различным формам авторитаризма, так и к демократии.

«Когда Путин пришел к власти, перед ним теоретически было три варианта развития. Первый: начать создавать либеральную демократию с разделением властей. Второй: перейти к рыночному авторитаризму, ограничивая роль бюрократии. Третий: сделать выбор в пользу бюрократического капитализма с опорой на аппарат. Путин выбрал третий вариант... Он так и не смог – не сумел, не захотел – отказаться от четырех основных принципов, которые цементируют постсоветскую систему: нерасчлененной власти, доминирования аппарата, державничества и контроля государства над собственностью. Более того, сделав ставку на авторитарный вектор, президент тем самым изолировал модернистски настроенную часть общества, предоставив карт-бланш традиционалистским силам и конформистам... В ходе своего первого президентства Владимиру Путину удалось довольно быстро построить собственный политический режим. Тем самым он подтвердил диалектику воспроизводства постсоветской власти: для того, чтобы контролировать ситуацию и получить собственную легитимность, преемник должен демонтировать политический режим своего предшественника, при этом прямо или косвенно возложив на него ответственность за свои будущие проблемы... Таким же образом будет формироваться

и режим путинского наследника, если только Путин решит уйти из Кремля в 2008 г. ... Сегодня власть нашла воплощение в президентской моносубъектности, возвышающейся над обществом и обществу не подконтрольной. При Ельцине эта моносубъектность имела авторитарно-монархическую природу, а при Путине – получила авторитарно-технократическое содержание... Президентские выборы 2004 г. легитимировали *новый политический режим* власти в России, который можно условно определить как **бюрократически авторитарный**. Похожие режимы существовали в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии в 60–70-е гг. Вот их основные компоненты: персонифицированная власть лидера, вынесенного над обществом; наличие в правительстве технократов, которые являются проводниками либеральных реформ; опора лидера на бюрократию и армию; участие западных монополий в развитии экономики; деполитизация общества. Не правда ли, все это напоминает российское единовластие?" [26].

Таким образом, успешная реализация “путинского проекта” означала, на наш взгляд, что российская правящая элита из *термидоринской* быстро превратилась в *неореставрационную*, выступающую за укрепление государства привычными для нее авторитарными методами. С данным выводом, безусловно, не согласны “идеологи” Кремля. Перед саммитом G-8, проходившим в Санкт-Петербурге в 2006 г., они развернули активную PR кампанию по навязыванию западным политикам и журналистам мнения о том, что с демократией в Российской Федерации все в порядке, просто она отличается от либеральной и носит ярко выраженный суверенный характер (см. вставку 15.4.).

ВСТАВКА 15.4.

Может ли демократия быть суверенной?

Термин **суверенная демократия** первоначально был введен в оборот гоминьдановским правительством Тайваня для описания существующей там политической системы. Заместитель главы администрации Путина В. Сурков использовал этот же термин во время выступления перед активом партии Единая Россия в феврале 2006 г.

Как пишет близкий к Кремлю обозреватель М. Рогожников, “данное понятие характеризует политическую систему в целом, как с внутренней, так и с внешней точек зрения... В федеративной России, ищущей баланс прав *субъектов и федерации*, *суверенная демократия* подчеркивает значение демократического начала именно в общегосударственном смысле. Но не менее, если не более, в трактовке *суверенной демократии* важен аспект внешнего суверенитета... Сейчас полностью суверенными можно считать США, Китай, Россию, Великобританию и Индию (!)... Нашей стране удалось удержать развалившийся суверенитет СССР, но борьба за него не только не закончена, но, скорее, разгорается... Начать с того, что постановка всерьез вопроса о статусе России как *суверенной демократии* десять с небольшим лет назад вызвала бы и у Запада, и у многих в России искреннее недоумение. То, что “центр управления” находился за пределами страны, было фактом и считалось нормой”.

Однако и в наши дни не все представители российской элиты разделяют позицию кремлевских “идеологов”. По мнению Дмитрия Медведева (преемника Путина на посту президента), “понятия *суверенитет* и *демократия* – из разных понятийных категорий и сравнивать их нельзя. Если же к слову демократия приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии”.

Не вызвала одобрения данная инициатива и у большинства западных политиков и журналистов, для которых она и была приготовлена. Как заявила корреспондент газеты *Вашингтон пост* М. Липман, “*суверенная демократия* – термин, придуманный Кремлем, который призван донести два сообщения: первое, что текущий политический режим в России является демократией, и второе, что это утверждение должно быть принято на веру, и точка. Любая попытка проверки будет рассматриваться как недружелюбное вмешательство во внутренние дела России” [27].

3. Становление новой институциональной структуры

Декабрьские выборы и конституционный референдум 1993 г. в России имели важные особенности. Во-первых, они проводились в новые представительные органы власти, которые не были конституционно узаконены. Проект Основного Закона подлежал одобрению избирателями параллельно с выборами в думу и Совет федерации, предусмотренными этим проектом. Во-вторых, выборы и референдум проходили в условиях ограничения политических свобод. Некоторые партии были запрещены, другие – ограничены в выдвижении своих кандидатов. Многие СМИ работали в условиях фактической цензуры. Президент и его команда лишились доверия значительной части россиян из-за непопулярности экономической реформы, которая привела к падению их жизненного уровня. Все это объясняет протестное голосование российских избирателей на парламентских выборах. С другой стороны, большинство граждан поддержало на референдуме правительственный проект Основного Закона и позволило тем самым разрешить крайне опасный конституционный кризис в пользу главы государства.

Президентско-парламентская республика. По Конституции 1994 г., Российская Федерация стала президентско-парламентской республикой. Как и в современной Франции, в России существует *двуглавый исполнительный орган власти*: с одной стороны, это президент, обладающий широкими полномочиями в сфере исполнительной власти, с другой стороны, премьер, руководящий работой правительства. Последнее нуждается в доверии со стороны депутатов думы, в то время как глава государства в наличии парламентского доверия не нуждается. Президент избирается на всеобщих выбо-

рах гражданами сроком на четыре года. Одно и то же лицо не может более двух раз занимать этот пост.

Президент назначает председателя правительства РФ, кандидатура которого должна быть одобрена большинством депутатов нижней палаты. У думы есть право два раза не согласиться с предложенной президентом кандидатурой на этот пост. В случае если депутаты в третий раз не одобряют кандидатуру премьера, президент имеет право роспуска парламента.

Например, весной 1998 г. только с третьей попытки была одобрена кандидатура реформатора С. Киреенко. После дефолта осенью того же года Государственная дума не согласилась с предложением Б. Ельцина вновь отдать пост председателя правительства в руки В. Черномырдина, но с первой попытки одобрила кандидатуру консерватора Е. Примакова. Сам кумир нынешней российской политической элиты В. Путин едва прошел утверждение думой. В августе 1999 г. за него проголосовало только 53% депутатов. В путинскую эпоху подобных казусов, свидетельствующих, среди прочего, о силе парламента, больше не случалось: и М. Касьянов, и М. Фрадков, и В. Зубков утверждались депутатами с первой попытки и с большим перевесом голосов.

Дума может выносить вотум недоверия правительству. В случае повторного голосования за недоверие министрам президент может или отправить правительство в отставку, или распустить парламент и назначить досрочные выборы. Правда, Конституция несколько ограничивает президента в этом праве: он не может прибегнуть к роспуску думы в случае вынесения ее депутатами импичмента президенту, в случае введения чрезвычайного положения и за шесть месяцев до истечения срока полномочий главы государства [28]. У российского президента есть также право издания декретов, имеющих силу закона.

По Конституции, *президент Российской Федерации* – это глава государства и гарант Основного Закона. Он отвечает за координацию деятельности органов власти и управления. Президент не является руководителем исполнительной власти, но ему принадлежит право назначать и смещать не только премьера, но и его заместителей, а также других министров без согласия думы, но по предложению председателя правительства. Премьер отвечает за экономические вопросы, а президент – за внешнюю политику и безопасность страны, стратегический курс развития государства, региональную политику. Силловые министры – обороны, внутренних дел, ФСБ, иностранных дел – напрямую подчиняются президенту. Роль президента в курировании правительства была усилена В. Путиным. С 2004 г. в прямое подчинение главе государства попали также Министерство

по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий бедствий (МЧС), Министерство юстиции, Служба внешней разведки, Федеральная служба охраны и некоторые другие ведомства. Правда, практика преобладания главы государства над главой правительства может измениться после реализации “плана Путина” (его переход на работу в правительство и избрание в 2008 г. преемника Д. Медведева в качестве “слабого президента”).

Администрация президента фактически дублирует работу министров. Ее комитеты и комиссии занимаются надзором и наделены совещательными полномочиями. Кроме того, президент контролирует так называемый **Совет безопасности Российской Федерации**, куда входят секретарь, главы силовых министерств, премьер, министр финансов, главы палат парламента.

Председатель правительства Российской Федерации является должностным лицом, возглавляющим исполнительную власть в РФ. Он руководит работой около 40 всевозможных министерств и ведомств. Основными являются министерство финансов, министерство экономики, министерство внешней торговли, министерство промышленности и энергетики, министерство обороны, федеральная служба безопасности. Большая роль принадлежит первым заместителям председателя правительства. В конце 2007 г. ими были С. Иванов и Д. Медведев.

В отличие от большинства парламентских и смешанных республик, в том числе и Франции, в России состав правительства не зависит от расстановки политических сил в парламенте. Такая зависимость является одной из ключевых черт любой демократической системы. В Чернобырдин, сменивший Е. Гайдара, лидера партии *Демократический выбор России* (ДВР) на посту премьера, был беспартийным и только в 1995 г. сформировал блок *Наш дом Россия* (НДР). Он долгое время оставался на посту главы правительства, несмотря на неудачу блока на выборах в думу. В 1998 г. представитель Союза правых сил (СПС) С. Кириенко стал премьер-министром, несмотря на отсутствие у этой партии большинства в парламенте. В том же году портфель премьера получил беспартийный Е. Примаков, которого потом пригласили возглавить движение *Отечество – Вся Россия* (ОВР). Аналогичным образом уже при Путине, в 2000 г., беспартийный Касьянов возглавил правительство.

Только после парламентских выборов 2003 г. партия власти – *Единая Россия* (ЕР) смогла обеспечить с помощью применения административного ресурса стабильное большинство в думе. Несмотря на то, что В. Путин возглавил список Единой России на парламентских выборах в 2007 г., тогда ни он, ни первые вице-премьеры, ни глава правительства в правящую партию не вступили (см. вставку 15.5).

Президент решил проблему обеспечения полной и безоговорочной парламентской поддержки только кабинетам М. Фрадкова и В. Зубкова. Для этого ему пришлось, правда, вытеснить влиятельную оппозицию из думы, что не могло не ослабить парламент как важный институт политической системы, называющей себя демократической.

ВСТАВКА 15.5.

Политический портрет Владимира Владимировича Путина

Владимир Владимирович Путин родился в городе Ленинграде в 1952 г. в семье рабочего. Детство будущего президента России не было обеспеченным. Тем не менее родители стремились к тому, чтобы дать сыну хорошее образование. В 1970 г. Путин поступил на международное отделение юридического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Одним из его преподавателей был Анатолий Собчак. В университете Владимир Путин вступил в КПСС и оставался в рядах этой организации вплоть до ее роспуска в 1991 г.

На последних курсах университета произошло знакомство Владимира Путина с сотрудниками КГБ. Эта встреча оказала большое влияние на его дальнейшую карьеру. Путин был распределен на работу в кадровый отдел Ленинградского управления КГБ, а после переподготовки, в том числе и учебы в Институте КГБ им. Андропова, он был направлен на работу в ГДР. В Берлине и Дрездене он занимался контрразведывательной деятельностью, направленной против НАТО. Однако карьера советского шпиона, о которой Владимир мечтал с детства, не удалась. В 1989 г. в Восточной Германии вспыхнула антикоммунистическая революция, и Путину пришлось, как он вспоминает в интервью журналистам *The Time*, сжигать папки с информацией о секретных советских агентах в Германии.

В 1990 г. Путин вернулся в Ленинградский университет на должность помощника ректора по международным вопросам. В это время северная столица стала одним из центров демократического движения России. В новой ситуации Владимиру Владимировичу как нельзя кстати пришлось его давнее знакомство с Анатолием Собчаком – одним из ведущих деятелей антикоммунистической оппозиции. После избрания последнего мэром Санкт-Петербурга, Путин получил должность председателя комитета мэрии по внешним связям. Здесь он зарекомендовал себя хорошим организатором и надежным исполнителем, на которого всегда можно было положиться. Интересно, что одним из поручений Путину, с которым он блестяще справился, была организация визита американского президента Клинтона в середине 90-х гг. В 1994 г. Путин стал первым заместителем председателя правительства Санкт-Петербурга.

Однако восхождение ВВП (так Путина часто называют журналисты) по служебной лестнице в тандеме с Собчаком было неожиданно прервано в 1996 г. поражением его патрона на новых выборах в мэрию. В этом же году Путин переехал в Москву. По его словам, у него не было никаких личных связей в столице России. Тем не менее это обстоятельство не помешало Владимиру Владимировичу стать заместителем управляющего делами президента РФ, затем – заместителем руководителя администрации президента, наконец, в 1998 г. получить должность директор ФСБ. Борис Ельцин в определенной

мере стал для Путина тем человеком в Москве, которым был для него Анатолий Собчак в Санкт-Петербурге.

В 1999 г. ситуация в России была крайне напряженной. Экономика страны еще не успела оправиться после дефолта 1998 г., обострилась ситуация на юге, когда Шамиль Басаев со своими отрядами вторгся из Чечни в Дагестан, усилилась конкурентная борьба между группировками внутри российского руководства; некоторые из них рассматривали президентские выборы 2000 г. как удобный повод для смены высшего руководства. Ельцин лихорадочно искал преемника. Этот человек должен был гарантировать безопасность лично бывшему президенту и членам его семьи от возможных судебных преследований, обеспечить сохранение власти в руках правящей группировки, а также содействовать продолжению того политического курса, который проводился в России в 90-е гг. Ельцин несколько раз отправлял в отставку глав российского правительства, не находя нужной ему кандидатуры. Наконец, 9 августа 1999 г. он остановил свой выбор на Владимире Путине.

Конечно, решительные действия нового российского премьера во время второй чеченской войны сыграли важную роль в том, что Ельцин сделал Путина своим преемником, однако не только это. Владимир Владимирович не был связан с влиятельными кремлевскими группировками, участвовавшими в ожесточенной конкурентной борьбе за власть. Более того, он продемонстрировал умение торпедировать усилия некоторых из них с помощью применения административного ресурса во время парламентских выборов 1999 г. Путин также привлек на свою сторону ФСБ и “силовиков” в целом, и, что являлось самым главным, он высказал свое полное согласие с первым требованием Ельцина к фигуре преемника. Все это и привело к тому, что Владимир Путин, тогда мало кому известный политик, стал исполняющим обязанности президента России, а 26 марта 2000 г. был избран на должность президента Российской Федерации. В течение восьми лет он находился в этой должности, что позволяет судить о верности/ неверности того судьбоносного решения.

Безусловно, Владимир Путин решил две задачи, которые ставил перед ним его бывший патрон. Первым указом его стало предоставление бывшему президенту РФ и членам его семьи пожизненных гарантий неприкосновенности личности. Власть в России сохранилась в руках той же правящей элиты, что и в конце 90-х. Правда, Владимир Владимирович усилил значение государственной бюрократии и несколько ослабил влияние экономических групп интересов. Он также содействовал выдвиганию на передний план представителей силовых структур и так называемых “питерских”, т.е. людей, с которыми он познакомился во время работы и учебы в Санкт-Петербурге.

Гораздо сложнее обстоит дело с преемственностью политического курса. Несмотря на то, что и Ельцина нельзя назвать демократом, так как он содействовал усилению исполнительной власти в ущерб законодательной, установил систему личного правления и патронажа, которую некоторые политологи называли “избранной монархией”, при Борисе Николаевиче сохранялась определенная конкуренция элит. Для ее поддержания правительство было вынуждено мириться с существованием важных демократических институтов: влиятельной политической оппозиции, свободных СМИ, автономных неправительственных организаций. Путин же с самого начала сделал выбор в пользу монополизации всей власти в своих руках и постепенного разруше-

ния вышеназванных институтов, которые воспринимались им не иначе как опасные конкуренты, с которыми необходимо вести неустанную борьбу. Это отбросило Россию к чистому авторитаризму.

Относительный экономический рост за последние восемь лет и повышение благосостояния российских граждан окружен президентом совершенно необоснованно приписывает “наведению порядка” в стране Путиным. В последнее время стало хорошим тоном в российском истеблишменте и официальных СМИ противопоставлять “провальные 90-е гг.” и “эпоху благосостояния”, в которую Россия вступила в 2000-е гг. после избрания президентом Путина, забывая добавить, что главные причины экономического успеха связаны не с авторитарным поворотом в политике, а с ростом цен на энергоресурсы на мировом рынке. Тем не менее эта пропаганда принесла эффект: Владимир Владимирович Путин с рейтингом доверия порядка 70% стал самым популярным политиком в новейшей российской истории. Как отмечает *The Time*, россияне с готовностью поменяли свою свободу на стабильность и относительное благополучие, которых их страна не знала в течение многих десятилетий.

За последние восемь лет произошел коренной поворот и во внешней политике России. Путин неоднократно высказывал сожаление по поводу распада СССР. Он считает, что ответственность за эту “геополитическую трагедию” целиком ложится на США и их союзников, которые и в настоящее время не отказались от вмешательства во внутренние дела РФ. Поэтому, если при Ельцине время от времени возникали некоторые проблемы в отношениях между Россией и Соединенными Штатами, то при Путине антиамериканизм стал едва ли не основным вектором внешнеполитического курса этого государства. При этом наибольшее неудовольствие в Кремле вызывает помощь, которую США и демократические страны Запада оказывают народам целого ряда постсоветских стран в их борьбе с авторитарными диктатурами. Российское руководство склонно квалифицировать подобные действия как прямое посягательство на сферу жизненных интересов Российской Федерации.

Преувеличение внешней угрозы было использовано главой государства для консолидации полномочий в его руках, создания всех необходимых условий для успешной реализации “операции преемник” в 2007–2008 гг. В отличие от Ельцина, Путин и не собирался отказываться от всей полноты власти, которую он с таким трудом себе обеспечил.

Во-первых, этот вывод подтверждается некоторыми особенностями его преемника. Д.А. Медведев, несмотря на получение им 70% голосов на последних президентских выборах, не является самостоятельной фигурой. Всеми своими успехами, с момента работы в санкт-петербургской мэрии и до получения нынешней должности, он обязан патрону – В.В. Путину. Медведева вполне устраивает status-quo, и пока что у него не возникли амбиции, направленные на превращение символических регалий высшей российской власти, полученных во время инаугурации, во что-то более реальное. Если же такие амбиции появятся в будущем под воздействием окружения, их будет трудно реализовать, потому что собственный властный ресурс этого политика весьма ограничен. Он не связан ни с бюрократией, ни с “силовиками”, а экономические группы интересов (хорошо известны контакты Медведева с “Газпромом”) утратили значительную часть своего политического веса еще во времена президентства Путина.

Во-вторых, «ВВП» обеспечил себе контроль над осуществлением кадровой политики и при президенте Медведеве. Именно на это направлено решение Путина возглавить партию *Единая Россия*. Он стал председателем данной организации на ее IX съезде в апреле 2008 г. Политика «партизации» в России, которая осуществляется в течение нескольких лет, предусматривает, что основные руководящие посты и в центре, и в регионах замещаются представителями этой доминантной политической структуры. В России же еще со времен Сталина хорошо известно, что тот, кто отвечает за подбор и расстановку кадров, тот обладает и властью.

В-третьих, действующая Конституция не мешает В. Путину перейти от осуществления президентского лидерства к премьерскому лидерству при слабом президенте. В крайнем случае он всегда может использовать конституционное большинство в думе у партии *Единая Россия* для внесения изменений в текст Основного Закона по своему усмотрению. Путин может также вернуться к осуществлению президентского лидерства, выставив свою кандидатуру на выборах главы государства 2012 г., если посчитает, что пост премьер-министра все же не позволяет ему максимально использовать административный ресурс.

Таким образом, эпоха Путина не завершилась после избрания Медведева президентом Российской Федерации. Она продолжается, хотя и приобретает некоторые новые черты, не свойственные прежним этапам новейшей российской истории. Данная эпоха неразрывно связана с авторитарной эволюцией России, которая, к сожалению, имеет все шансы к самосохранению [29].

Высшим законодательным органом власти России является двухпалатное **Федеральное собрание**. Его отличие от Верховного совета РФ заключается в том, что нынешний парламент опирается на партийные фракции и имеет бикамеральную структуру. **Государственная дума** – это нижняя палата парламента. В ее состав входит 450 депутатов. Она избирается гражданами сроком на четыре года. До 2007 г. действовал избирательный закон, в соответствии с которым половина состава думы избиралась по пропорциональной системе с 5% барьером, а вторая половина – по мажоритарной системе простого большинства в одномандатных округах. Однако российские власти решили отказаться от этой электоральной формулы. В настоящее время для выборов депутатов нижней палаты применяется только пропорциональная система с очень высоким 7% барьером. Это выгодно только партии власти, которая обеспечила себе получение абсолютного большинства мест в думе. Верхняя палата в российском парламенте называется **Советом Федерации**. В ней представлены по два депутата от субъектов российской федерации.

Законопроекты из нижней палаты поступают в верхнюю, и если они не встречают там поддержки, то вновь возвращаются в думу. В таком случае создается согласительная комиссия, которая должна найти компромиссный вариант. Однако дума может принять закон даже в случае несогласия с ним Совета Федерации. Для этого необходимо получить 2/3 голосов депутатов. Когда законопроект проходит

обе палаты парламента, он поступает на подпись к президенту, который может наложить на него вето; для его преодоления требуется 2/3 голосов депутатов Государственной думы и Совета Федерации.

Совет Федерации представляет собой один из институтов **российского федерализма**. Каждый субъект федерации обладает двумя местами в этой палате. Совет федерации избирался гражданами в 1993 г. Потом, после перехода к прямым выборам губернаторов, палата стала местом их регулярных собраний, а также встреч руководителей законодательных собраний регионов. Тем самым она переставала быть структурой, работающей на профессиональной основе. В настоящее время действует принцип, в соответствии с которым один депутат Совета делегируется туда губернатором или президентом республики в составе РФ, а второй – законодательным собранием субъекта федерации.

На рис. 15.1. изображены основные институты исполнительной и законодательной власти Российской Федерации в центре и на местах.

Федеральное собрание		Правительство	Глава государства
Председатель Совета Федерации	Председатель думы	Председатель правительства Вице-премьеры	Президент
Совет Федерации	Дума	Министры и главы комитетов	Глава администраций
По 2 от каждого субъекта федерации	450 (225-проп. 225-маж.)*	Министерства и ведомства	Комиссии и комитеты администрации
Совет безопасности			
Законодательное собрание регионов		Главы администраций в регионах Губернаторы/ президенты республик	Представители президента в регионах

Рис. 15.1. Центральные представительные и исполнительные органы Российской Федерации (в соответствии с Конституцией 1994 г.).

* В соответствии с законом о выборах 2007 г. все депутаты думы избираются по пропорциональной системе с 7% барьером [30].

К функциям верхней палаты относятся: утверждение назначаемых президентом руководителей Верховного суда, Конституционного

суда и Генеральной прокуратуры; утверждение декретов президента о введении чрезвычайного или военного положения; утверждение законопроектов о налогах и бюджете; ратификация договоров; объявление войны и др.

В отличие от Совета Федерации, Государственная дума строит свою работу на основе партийных фракций. Лидеры фракций входят в Совет думы, который определяет повестку дня, очередность рассмотрения законопроектов. В последнее время представители Единой России заняли все руководящие посты в Государственной думе, отказавшись предоставить оппозиции руководство хотя бы одним комитетом, и тем самым монополизировали законотворческую деятельность. Кроме партийных фракций, в Государственной думе действует и определенное количество постоянных комитетов, наиболее влиятельным из которых является бюджетный.

В новейшей истории России возникали разные комбинации взаимоотношений между парламентом и главой государства. При Ельцине преобладала конфронтационная модель: правительство в союзе с президентом представляло собой сосредоточение сил власти, дума же была центром оппозиции. При Путине, после парламентских выборов 1999 г., возникла система балансов, когда партия власти опиралась то на правых, то на левых союзников. Выборы 2003 г. привели к абсолютному господству Единой России в парламенте и маргинализации оппозиции.

Российский федерализм. Российская Федерация, по данным на 1 июля 2007 г., включает в свой состав 47 областей, 8 краев, 2 города, обладающих статусом субъектов федераций, 21 республику, 1 автономную область, 6 автономных округов. Таким образом, статусом субъекта федерации наделено 85 образований. Однако в будущем их количество будет сокращаться, так как уже состоялись референдумы по объединению некоторых субъектов в более крупные образования.

Республики в составе РФ наделены определенными правами. Они могут принимать собственные конституции, иногда достаточно экзотичные, каким, например, является Степное уложение Калмыкии. У республик есть право избрания собственных президентов и парламентов. В 1990–1992 гг. многие из них приняли декларации о суверенитете. Чечня провозгласила свою полную независимость в 1991 г., что привело к двум кровопролитным войнам, направленным на восстановление российского суверенитета над чеченской территорией. С Татарстаном был подписан договор об особом статусе этой республики в составе РФ. С 1993 г. в областях и краях России были учреждены областные думы и собрания, а также стали избираться губернаторы.

С приходом к власти Путина резко усилилась тенденция к *централизации государственной власти и управления* в России. Ее отражением стало создание новых территориальных образований – федеральных округов, непосредственно подчиненных главе государства. В 2004 г. было принято решение о фактическом назначении из Кремля глав администраций субъектов федерации. У президента РФ появилось также право распускать региональные законодательные собрания в случае повторного несогласия с его решениями о назначении главы субъекта федерации.

Все это не могло не оказать самого пагубного воздействия на российский федерализм. По мнению Г. Лапидус, российский федерализм может быть отнесен к *асимметрическому типу*, что стало своеобразным заимствованием из советского прошлого. “Но наиболее глубокие проблемы российской федеральной структуры не связаны с ее асимметрическим характером, который свойственен большинству многонациональных федераций. Более важным вопросом является отсутствие в России институциональных механизмов и гарантий, которые способны были бы обеспечить соблюдение на деле разделения властей и компетенции между национальным правительством и субъектами федерации. Как утверждает А. Степан, только конституционная демократия может гарантировать существование относительно независимых конституционных, законодательных и судебных учреждений, нужных для подлинной федерации. Она также предоставляет надежные гарантии того, что полномочия субъектов действительно уважаются. В Российской Федерации отсутствуют оба эти условия” [31].

Таким образом, важнейшими особенностями институтов политической системы путинской России являются возврат к жесткой централизации управления, усиление дисбаланса в отношениях между законодательной и исполнительной властью в пользу последней, существенное ослабление институтов парламентаризма и федерализма.

По мнению известного американского политолога Валери Банс, серьезной проблемой российского государства, возникшего после распада СССР, была его слабость, неспособность обеспечить эффективный контроль над собственными субъектами. Внутренние границы в нем были слишком жесткими, позволяющими существовать огромному числу “микрогосударств”, со своими порядками и группировками элиты, которые зачастую игнорировали пожелания центра. Вместе с тем внешние границы этого государства нередко оспаривались, примером чего стала война Чечни за независимость. Данная ситуация вполне устраивала часть представителей правящего класса, который еще с брежневских времен научился извлекать дивиденды из немощи центральной власти.

Следует согласиться с одним из основных выводов Банс о том, что подобная ситуация создавала большие проблемы с демократизацией политических институтов. “Низкое качество” российской демократии в значительной сте-

пени является следствием слабости российского государства. Вместе с тем трудно принять другой вывод американского политолога: о том, что поскольку данная ситуация затянулась надолго, можно говорить о формировании “устойчивой но не качественной демократии” применительно к России.

В пользу гипотезы устойчивости демократических институтов, по мнению автора, свидетельствуют такие факты, как “проведение пяти национальных выборов и большого числа местных, которые в основном были свободными и справедливыми... относительная стабильность правил политической игры с 1993 г. ... постоянное сокращение количества партий на выборах в думу (их было 43 в 1995 г. и стало 26 в 1999 г.)... очевидная заинтересованность губернаторов в большем сотрудничестве с центром, а также большая кооперация между думой и президентом в определении политического курса... сдвиг общественного мнения россиян в пользу поддержки центристских позиций и демократических процедур, несмотря на наличие экстремистов в думе, наконец, наиболее важным является то, что, несмотря на все мрачные пророчества, российская демократия продолжает существовать” [32].

На наш взгляд, свидетельств выживания российской демократии, пусть и “некачественной”, после прихода к власти Путина практически не осталось. Начиная с 1998 г., все время снижаются баллы *Freedom House*, которые получают российские руководители за организацию электорального процесса. В 2005 г. они составили 6.0. и, таким образом, вплотную приблизились к показателям полностью авторитарной Беларуси (7.0) [33].

Тот факт, что Россия не поменяла свою Конституцию 1994 г., еще не означает, что руководство РФ ее не нарушает. В первую очередь, данные нарушения распространяются на область прав человека, свободы СМИ и свободы ассоциаций. По мнению *Freedom House*, Российская Федерация в настоящее время должна рассматриваться как несвободное государство. Постоянное сокращение количества политических партий в России может свидетельствовать и о трансформации режима к однопартийному авторитаризму. Большая створчивость российских губернаторов в отношениях с Кремлем объясняется их персональной зависимостью от проследнего, которая стала абсолютной после введения в 2004 г. фактического назначения их из центра. Кооперация между думой и президентом стала свершившимся фактом только после того, как в 2003 г. Кремль с помощью административного ресурса обеспечил конституционное большинство в парламенте партии власти. На наш взгляд, не наблюдается и трансформации российского общественного сознания в сторону поддержки центристских взглядов. Просто позиция центра, которую выражает Путин и его окружение, резко сместилась вправо, в сторону поддержки откровенно националистических и антизападных идей.

Нынешнее российское руководство, которое искренне стремится к преодолению слабости государства, видит только один путь для

достижения этой цели: всемерное укрепление авторитарных и полицейских методов управления страной. Именно так в свое время Андропов пытался навести порядок в том хаосе и анархии, которые ему достались в наследство после смерти Брежнева. Это, правда, не спасло СССР от быстрого распада. Полицейскими методами и ужесточением централизации невозможно сделать Россию неуязвимой (следует согласиться с мнением Л. Шевцовой на этот счет). Объяснение стойкого неприятия российскими элитами простой идеи о том, что подлинная демократия – это более высокий порядок по сравнению с авторитаризмом, следует искать в особенностях политической культуры этого государства.

4. Политическая культура и социализация

Недемократические традиции. Демократизация в России сделала возможным изучение влияния политических процессов в этой стране на поведение граждан, а также сравнительные исследования трансформации политических ценностей в РФ с аналогичными процессами в других странах. Достоянием ученых стала объективная информация об отношении населения к переменам и собственному руководству. Как уже отмечалось выше, общественное мнение в России настроено противоречиво по отношению к демократизации. Во многом это объясняется *отсутствием демократических традиций* в политической культуре россиян.

ВСТАВКА 15.6.

Россия и свобода

Выдающийся русский философ Георгий Федотов после достижения Советской Россией максимального территориального могущества и в самую темную пору сталинского деспотизма (1952 г.) задавался вопросом о совместимости русской культуры и свободы, национальной исторической традиции и политической демократии.

“...Прошлое России как будто не дает оснований для оптимизма. В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то, скорее, в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть не добровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм – или *фашистскую демократию* из своего национального духа или своей геополитической судьбы; более того, в деспотизме всего легче осуществляет свое историческое призвание... Не разделяя доктрины исторического детерминизма, мы допускаем возможность выбора между разными вариантами исторического пути

народа. Но с другой стороны, власть прошлого, тяжелый или благодетельный груз традиций, эту свободу выбора чрезвычайно ограничивает... Ответить на вопрос о судьбе свободы в России почти то же, что решить, принадлежит ли Россия к кругу народов западной культуры; до такой степени понятие этой свободы и культуры совпадают в своем объеме... Русь создавалась на периферии двух культурных миров: Востока и Запада. Ее отношения с ними складывались весьма сложно: в борьбе на оба фронта, против *латинства* и против *поганства*, она искала союзников то в том, то в другом... Византийское православие было, конечно, ориентализированным христианством, но, прежде всего, оно было христианством; кроме того, с этим христианством связана изрядная доля греко-римской традиции. И религия, и эта традиция роднили Русь с христианскими Западом даже тогда, когда она не хотела и слышать об этом родстве... Московский государь, как князь Московский, был вотчинником, *хозяином земли русской* (так называли еще Николая II). Он же был преемником и ханов-завоевателей и императоров византийских. Царями называли на Руси и тех и других. Это слияние разнородных идей и средств власти создало деспотизм если не единственный, то редкий в истории. Византийский император в принципе магистрат, добровольно подчиняющийся своим собственным законам. Он, хотя и без всяких оснований, гордился тем, что царствует над свободными, и любил противопоставлять себя тиранам. Московский царь хотел царствовать над рабами и не чувствовал себя связанным законом... С другой стороны, восточный деспот, не связанный законом, связан традицией, особенно религиозной. В Москве Иван IV и впоследствии Петр показали, как мало традиция ограничивает самовластие московского царя... Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: созданием Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство... Сознательно или бессознательно, народ сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой. Поэтому он несет ответственность за свою судьбу... Ясно, что в этом мире не могло быть места свободе... Свобода для москвича – понятие отрицательное: синоним распушенности, наказанности, безобразия... Слово *свобода* до сих пор кажется переводом французского *liberte*. Но никто не может оспаривать русскости *воли*. Тем необходимее отдать себе отчет в различии воли и свободы для русского слуха. Воля есть, прежде всего, возможность жить, или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немислима без уважения к чужой свободе; воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник – это идеал московской воли, как Грозный – идеал царя. Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит себе выражение в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвенной страсти, – разбойничества, бунта и тирании... Бунт есть необходимый политический катарсис для московского самодержавия, исток застоявшихся, не поддающихся дисциплинированию сил и страстей. Как в лесковском рассказе *Чертогон* суровый патриархальный купец

должен раз в году перебеситься, “выгнать черта” в диком разгуле, так московский народ раз в столетие справляет свой праздник “дикой воли”, после которой возвращается покорный в свою тюрьму. Так было после Болотникова, Разина, Пугачева, Ленина... Народ мог только переменить царя, но не ограничить его... Нет, – государство дело царское, а не народное. Царю – вся полнота власти, а боярам, придет пора, отольются народные слезы... Москва не просто двухвековой эпизод русской истории – окончившийся с Петром. Для народных масс, остававшихся чуждыми европейской культуре, московский быт затянулся до самого освобождения (1861 г.)... С другой стороны, в эпоху своего весьма бурного существования Московское царство выработало необычайное единство культуры, отсутствовавшее и в Киеве, и в Петербурге. От царского двора до последней курной избы Московская Русь жила одним и тем же культурным содержанием, одними идеалами... Это единство культуры и сообщает московскому типу его необычайную устойчивость. Для многих он даже кажется символом русскости. Во всяком случае, он пережил не только Петра, но и расцвет русского европеизма; в глубине народных масс он сохранился до самой революции... Стало давно трюизмом, что со времени Петра Россия жила на двух культурных этажах. Резкая грань отделяла тонкий верхний слой, живущий западной культурой, от народных масс, оставшихся духовно и социально в Московии... Различия были качественные, а не количественные... Выше классовой розни между дворянством и крестьянством была стена непонимания между интеллигенцией и народом, не скрытая до самого конца... Революция в России была *революцией черносотенной*... За православием и самодержавием, т.е. московским символом веры, легко различаются две основные традиции: острый национализм, оборачивающийся ненавистью ко всем инородцам – евреям, полякам, немцам и т.д. и столь же острая ненависть к интеллигентам, в самом широком смысле слова, объединяющем все высшие классы России. Ненависть к западному просвещению сливалась с классовой ненавистью к барину, дворянину, капиталисту, к чиновнику – ко всему средоточию между царем и народом. Революция стала неприглядной реакцией побежденной Москвы, когда недаром вспомнили старое пророчество: Петербургу быть пусту... В итоге не будет преувеличением сказать, что вся созданная за двести лет Империей свободолюбивая формация русской интеллигенции исчезла без остатка. И вот тогда-то под ней проступила московская тоталитарная целина. Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет божий из Московского царства, слегка приобретя марксистский лоск... Он очень крепок физически и душевно, очень целен и прост, ценит практический опыт и знания. Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он очень честолюбив и довольно черств к страданиям ближнего – необходимое условие советской карьеры. Но он готов заморить себя за работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию, родину, смотря по времени... Он ближе к москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая – первая в мире: третий Рим. Он с презрением смотрит на остальной, то есть западный мир; не знает его, не любит и боится его. И, как встарь, душа его открыта Востоку. Многочисленные *орды*, впервые приобщающиеся к цивилизации, вливаются в ряды русского культурного слоя, вторично ориен-

тализируя его... Завершится ли эта внутренняя эволюция возрождением свободы, это другой вопрос, на который опыт истории, думается, дал ответ. Свобода не принадлежит к инстинктивным или всеобщим элементам человеческого общежития. Лишь христианский Запад выработал в своем трагическом средневековье этот идеал и осуществил его в последние столетия. Только в общении с Западом Россия времен Империи заразилась этим идеалом и стала перестраивать свою жизнь в согласии с ним. Отсюда как будто следует, что если тоталитарный труп может быть воскрешен к свободе, то живой воды придется опять искать на Западе” [34].

По мнению Збигнева Бжезинского, успешность либо неуспешность перехода к демократии посткоммунистического мира в значительной мере обусловлена культурными традициями и историческими особенностями отдельных стран. Что касается России, то на протяжении длительной истории этого государства здесь отсутствовала децентрализация власти и ее ограничение правом, развитая частная собственность. Религия в России всегда обслуживала интересы всесильного государства (см. вставку 15.6).

“В России после монгольского господства последовало возникновение верховного государства, которому все члены общества, включая частных собственников и церковь, полностью подчинялись. Все это сформировало определенный культурный контекст, которому нет аналога не только в Западной Европе, но и в других частях православной Европы, таких как Болгария, Румыния, Сербия, где церковь никогда не оказывалась в такой зависимости от государства, как в России” [35].

Культурно-исторические особенности воздействуют на формирование политической культуры, благоприятствующей либо неблагоприятствующей демократизации. Однако здесь нет детерминистской зависимости, потому что история движется вперед, под воздействием процессов модернизации меняются общества, возникают новые социальные группы и элиты, которым приходится действовать в ином экономическом и социальном окружении. Все это не может не приводить к изменению и политической культуры.

На традиционную политическую культуру России, по мнению Т. Ремингтона, оказали воздействие два революционных процесса: коммунистический в начале XX в. и либерально-демократический в конце его. Оба они были связаны с разными фазами модернизации. Коммунистическая революция была направлена на быстрый переход России от аграрного общества к индустриальному. Либерально-демократические преобразования, несмотря на всю их непоследовательность и незавершенность, предполагают переход России к постиндустриальной стадии развития.

Эти противоречивые социально-политические процессы повлияли на такой важный показатель политической культуры, как **дове-рие к политическим институтам**. Социологи зафиксировали в середине 90-х гг., что достаточно высокая поддержка демократическим ценностям совмещается с недоверием большинства россиян к существующему политическому режиму и лидерам, его представляющим. Эта ситуация сохранялась вплоть до прихода к власти Путина в 2000 г. Большинство граждан выступало и за рыночную экономику, и за ее регулирование государством, которое, по их мнению, должно спонсировать неэффективную тяжелую промышленность. Россияне высказывались в поддержку свободы СМИ, соревновательных выборов, соблюдения прав человека, но одновременно проявляли низкую степень толерантности по отношению к правам самых разных меньшинств. Вызывает озабоченность и то обстоятельство, что в своем доверии среди различных политических и социальных институтов, российские респонденты отдавали пальму первенства армии, судам и ФСБ. На последнем же месте оказались партии, парламент и местные власти [36].

В последний период, связанный с наступлением российского руководства на права человека, свободу СМИ, права оппозиции, возник еще один интересный феномен общественного сознания россиян: конформизм и стремление приспособиться к существующей власти и ее “идеологии”. После декабрьских выборов в думу 2007 г. Левада-Центр обнаружил, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию. “Отвечая на вопрос, “нужна ли России демократия?”, “да” сказали 67% против 56% в 2006 г., а число сторонников западной демократии возросло с 18% до 22% при уменьшении количества приверженцев советской демократии с 13% до 10%. Но этот парадокс легко объясняется: просто россияне считают настоящей демократией именно то, что происходит вокруг, точно так же, как большинство советских людей считали нормой два сорта колбасы на прилавках и 99,9% голосов за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных” [37].

Социализация. Крах коммунистического эксперимента в России свидетельствует, среди прочего, о неэффективности тех форм **политической социализации**, которые десятилетиями формировали сознание людей в СССР. Коммунистический режим активно обращался в целях воспроизводства адекватной ему политической культуры к методам **индоктринации**, т.е. воспитания советских людей в духе преданности марксистско-ленинской идеологии. Она пронизывала собой всю систему образования и коммуникации от школы до культуры и искусства. Идеология и политика были всегда теснейшим образом связаны между собой в советском обществе. Власть и марксистско-ленинская

доктрина легитимировали друг друга. Отрицание всякой критики официальной линии руководства порождало догматизм.

Как же работали *агенты политической социализации* в данной системе? В *семье* родители должны были воспитывать своих детей в духе коммунистической морали, веры в партию и правительство, трудолюбия, веры в коммунистическое будущее, нетерпимости к враждебным идеям и религии. Однако именно семью было труднее всего контролировать даже в эпоху сталинского тоталитаризма. Поэтому в значительной мере этот социальный институт в СССР воспроизводил традиционные ценности, которые с трудом сочетались с официальной коммунистической догматикой.

Не менее важная роль в системе индоктринации отводилась *школе*. Программы по истории, обществоведению, литературе и другим предметам, детские и юношеские организации, походы, пионерские лагеря, кружки были направлены на то, чтобы формировать из молодого поколения “преданных борцов за дело Ленина и коммунистической партии”.

В Советском Союзе были разрешены только официальные *средства массовой информации*, которые превратились в мощный инструмент политической социализации. Все СМИ находились под жестким контролем отделов пропаганды партийных органов. Несмотря на то, что руководство признавало за ними и такое важное право, как донесение объективной информации до аудитории, главную роль играли идеологические функции газет, радио и телевидения. Они должны были формировать сознательных граждан, воспитывать трудолюбие, критиковать некоторые недостатки, выступать в качестве инструмента обратной связи с населением страны (письма читателей и телезрителей).

В СССР действовала и одна из самых разветвленных в мире *систем образования взрослых*. Рабочие и служащие должны были регулярно слушать политинформации. Работало всесоюзное общество *Знание*, которое организовывало лектории по популярной тематике. Для руководящих работников работал *Университет марксизма-ленинизма*. Как отмечает французский политолог Филипп Бенетон, идеологическое воспитание в СССР “стремилось не столько к тому, чтобы убедить, сколько к тому, чтобы блокировать, парализовать мысль и сформировать сознание. Все это проводилось главным образом теми методами, которые Оруэлл описал в “1984”: внушение детских чувств, манипуляция с языком, контроль прошлого” [38].

Несмотря на всю свою тотальность, система индоктринации оказалась крайне неэффективной. Это осознавалось руководством КПСС, которое, однако, ничего не предпринимало для того, чтобы радикально реформировать ее. Причины были связаны как с огром-

ной инерцией структур, занимающихся идеологической работой, которые направляли вверх огромное количество отчетов, в которых ситуация изображалась в радужном цвете, так и со страхом того, что ослабление идеологической обработки людей может усилить “вражескую идеологию”.

Практика подтвердила, однако, обратное. Антикоммунистические идеи широко распространялись в советском обществе как реакция на массированную индоктринацию. Политика *гласности* лишь освободила тот потенциал протеста, который уже накопился. К концу 80-х гг. только 10–20% граждан СССР были сторонниками социализма; 48% заявляли о себе как о верующих людях; всего лишь 6% считали, что марксизм-ленинизм дает ответы на те вопросы, которые остро встали перед страной. Одновременно 61% респондентов выступали за легализацию частной собственности (11% были против). Резко сократилось количество членов КПСС (с 20 млн до 2 млн) перед ее запретом Ельциным в сентябре 1991 г. [39].

Помимо провала коммунистической индоктринации, следует назвать и те объективные тенденции социального развития, которые содействовали антитоталитарным изменениям в общественном сознании советских людей. Прежде всего, это *генерационные изменения*. Если для поколений, живших в сталинскую эпоху, характерным было единство ценностей молодежи и людей старших возрастных категорий, то во времена Брежнева и Горбачева обозначился отчетливый разрыв во взглядах и представлениях между этими группами населения. Исследования советолога Донны Бари показывают, что для послевоенного поколения, и особенно для людей, родившихся после 1950 г., свойственны другие ценностные ориентации, отличающиеся от ориентаций их родителей [40].

Значительные изменения произошли и в *уровне образования* советских граждан. В течение двадцати лет в 60–80-е гг. люди старше 15 лет в СССР получали как минимум полное среднее образование (эта категория составила 60% населения). К 1989 г. 10% жителей СССР имели университетские дипломы. По данному показателю Советский Союз приблизился к уровню Соединенных Штатов. Люди с более высоким образовательным статусом сильнее проявляли свое недовольство положением дел в стране, сложившимся в брежневскую эпоху; именно они в основном симпатизировали демократическим ценностям.

Несмотря на то, что старая деревенская ментальность довольно живуча, российское общество, благодаря быстрому процессу *урбанизации*, стало преимущественно городским. До 1950 г. 50% граждан РСФСР жило в сельской местности. К 1979 г. количество горожан составляло уже 73%. За тридцать лет городское население России

увеличилось почти на 100 млн чел. Большинство среди них, правда, составляли горожане в первом поколении. Урбанизированное общество является более сложным по сравнению с аграрным. В нем значительно увеличивается количество неформальных связей и перекрещивающихся коммуникаций. Все это создает более благоприятные возможности для появления независимого от властей общественного мнения.

Следует сказать, что все эти тенденции сохраняются и даже усиливаются в современной России в связи с быстрым распространением революции средств коммуникации, влиянием процессов экономической и культурной глобализации, увеличением возможностей путешествий и контактов между людьми. Поэтому политика “авторитарного отката” и искоренения плюрализма в нынешнем российском обществе, по нашему мнению, не имеют шансов на успех в длительной исторической перспективе.

Каким же образом будет развиваться политическая культура россиян в обозримом будущем? Насколько велики шансы на то, что политические элиты этой страны свернут с авторитарного маршрута и попытаются осуществить новую попытку демократизации? Будет ли она более успешной (т.е. опирающейся на собственное политико-культурное основание), чем первая? В последнее время можно услышать прямо противоположные ответы на эти вопросы. Значительная часть и западных, и российских политологов рисуют достаточно мрачную картину будущего этой страны. По мнению профессора Рутгертского университета (США) Александра Мотыля, современная Россия уже напоминает *поствеймарскую Германию*, а Путин не проводит политику экспансии, подобно Гитлеру, только из-за внутренней слабости российского государства.

“Современная Россия удивительным – и тревожным – образом похожа на Германию после Первой мировой войны. Обе страны пережили внезапный, резкий и тотальный коллапс империи и смену режимов, что вызвало огромные экономические трудности и политический хаос. Население двух стран ощущало себя униженным, а ее ложная имперская идентичность была травмирована во время приспособления к меньшим размерам и потерей власти, в чем обвиняло врагов, бывшие колонии или нелояльные меньшинства в своих странах... Как можно было предполагать, демократия потерпела поражение в обеих странах, и, что еще хуже, стала ассоциироваться с провалом. После этого оба государства обратились к националистической, шовинистической, реваншистской и неоимперской риторике и поддержали харизматичных вождей, которые обещали восстановить национальную славу, возродить силу государства и завоевать уважение на международной арене. Руководители двух государств быстро восстановили авторитарные системы – и большинство граждан их поддержали в этом... В отличие от Германии, Россия Путина – это крайне слабое государство (*petro-state* – страна, в которой государство и энергетический сектор тесно взаимосвязаны; политические, экономические и соци-

альные отношения в ней организованы вокруг добычи сырья)... Соединение великодержавной агрессивности с принципиальной слабостью ведет Россию к "перенапряжению" сил. В намерениях и амбициях она выходит за границы возможного. Это только увеличивает хрупкость российского государства, усиливает напряженность в экономике и дестабилизирует страну" [41].

Другой сценарий развития России рисуют сторонники *циклической трактовки* новой и новейшей истории этого государства А. Ахиезер, Р. Вишневыский, В. Пантин, Н. Розов, А. Янов. По мнению доктора философских наук Розова, удачно обобщившего данные теоретические модели, на смену политики *отката* Путина непременно придет новая *оттепель*, хотя бы потому, что Россия в течение последних 200 лет не может преодолеть цикличности своего развития: колебаний между *реформами* и *контрреформами*. Другое дело, насколько глубоким отступлением от *свободы* к *тоталитаризму* будет путинская политика и удастся ли грядущим реформаторам вырваться из плена цикличности? Причины колебательного движения России между реформами и контрреформами Розов видит в особенностях ее политической культуры.

"Механизм, порождающий российские социально-политические циклы, отнюдь не является отдельной от людей объективной структурой – напротив, он реализуется через сознание и деятельность людей. Проявляющаяся в этих циклах *стереотипность понимания ситуаций* и действий указывает на устойчивые, воспроизводящиеся в поколениях свойства сознания и поведения... Хорошо известны два главных *ценностно-символических ядра российской политической культуры*, вокруг которых кристаллизуются веками воспроизводящиеся идеологии (вольнодумие и державность, западничество и славянофильство, демократия и патриотизм). Эти ядра, присутствующие практически в каждом русском человеке, можно представить в виде следующих склеек смыслов: *порядок – Великая Россия – сильное государство – "силовая рука" – страж социальной справедливости – прогресс через принуждение – русская традиция – православие – духовность – служение Родине – жизненные тяготы – многотерпение. Свобода – борьба с властью – европейская культура – прогресс через освобождение – веротерпимость или атеизм – индивидуализм – полная независимость от государства – личная выгода – бездуховное богатство – рвачество.*

Выявленная выше "размашистость" динамики российского общества во многом определяется неустойчивой идентичностью элит и населения, их самоожесточением то с одним, то с другим ценностно-символическим ядром. *Негативная идентичность* (самоопределение через отрицание чужого) действительно имеет широкое распространение в современной России, но лишь как исторически временное состояние той самой неустойчивой идентичности в период социального разочарования, постимперского унижения и уныния... Механизм, порождающий российские циклы, отнюдь не сводится ни к культурным ценностям и символам, ни к психологическим установкам. Третий важнейший его элемент – *социальные структуры* (отношения и институты)... Отсюда следует вывод кардинальной значимости. Для преодоления болезненных российских циклов необходимо существенно модифицировать внутрен-

ний механизм, порождающий эти циклы, и поскольку данный механизм имеет тройственную природу, эффективно воздействовать на него можно только комплексно (на психологические установки, на культурные символы и ценности, на социальные структуры)” [42].

Таким образом, современная российская политическая культура формируется под воздействием разнородных факторов: традиционных ценностей, посткоммунистического сознания, либерально-демократических идей. Различные поколения россиян по-разному воспринимают их влияние. В силу многих причин в России до сих пор не сформировалось единое ядро политической культуры, что создает серьезные проблемы для стабильности политической системы в долгосрочной перспективе.

5. Артикуляция интересов и группы интересов

Правящая элита. Хорошо известно, что в СССР процесс подбора и расстановки кадров находился под полным контролем КПСС. На каждом уровне иерархии управления партийные организации располагали своим списком должностей, которые замещались строго с их согласия: в госаппарате, армии, спецслужбах, СМИ, университетах и т.д. Так сложилась система **номенклатуры**, которая эволюционировала в особую социальную группу или правящий класс.

Демократизация в конце 80-х – начале 90-х гг. ослабила партийную номенклатурную систему. Однако, несмотря на то, что к управлению пришло большое количество новых людей, старые кадры в основном сохранили свои привилегированные позиции и смогли адаптироваться к радикальным переменам. Особенно это касается региональных управленцев. В 1992 г. администрация Ельцина заказала специальное исследование, посвященное анализу судьбы бывших “первых лиц” регионов РФ: первых секретарей обкомов и горкомов КПСС, а также председателей облисполкомов (табл. 15.1).

Таблица. 15.1. Циркуляция региональных российских элит после 1991 г. [43].

Должность в ноябре 1992 г.	Должность в августе 1991 г.		
	Первый секретарь обкома	Первый секретарь горкома	Председатель облисполкома
Остались на руководящей работе в регионах	16%	12%	40%
Перешли на руководящую работу в госсектор экономики	32%	44%	22%
Перешли на работу в частный сектор экономики	38%	32%	28%
Покинули регион	14%	12%	10%

Эти данные свидетельствуют о том, что старая правящая элита сохранила себя практически во всех регионах России: 88% ее представителей остались в своих областях и городах и занимают там высокие руководящие посты. Самое поразительное, что 38% первых секретарей областных организаций КПСС занялись бизнесом и перешли на работу в частный сектор экономики. Данный факт доказывает, что партийная и государственная элита осознала необходимость перехода от модели *власть – собственность*, господствовавшей в советскую эпоху, к более устойчивой и выгодной для нее модели *собственность – власть*, возникшей в результате перестройки. Выборы в местные органы власти (в законодательные собрания, а затем губернаторские) внесли незначительные изменения в эту картину.

По мнению российского исследователя А. Яковлева, применительно к политическим и экономическим преобразованиям конца 80-х – начала 90-х гг. можно говорить о взаимодействии четырех условных групп интересов в российской элите. Это – *старшее* и *младшее* поколения в рамках *номенклатуры*, а также *старшее*, более идеалистическое, и *младшее*, более прагматичное и циничное поколение *интеллигенции*. При этом, в отличие от стран Восточной Европы, в России интеллигенция не представляла собой некую *контрэлиту* с иными ценностными установками, но была тесно интегрирована в советскую систему.

“В первые годы перестройки борьба за власть шла внутри номенклатуры, причем ее младшее поколение активно использовало демократические и рыночные лозунги для того, чтобы подвинуть старших товарищей. Интеллигенция в целом в этот период поддерживала младшее поколение номенклатуры, подпитывая его новыми идеями. Но если старшее поколение интеллигенции при этом, скорее, ориентировалось на реформирование существующей системы и построение *социализма с человеческим лицом*, то младшее поколение – во многом представленное комсомольскими активистами – в значительно большей степени стремилось к извлечению частных выгод из сложившейся ситуации и из личной близости к власти. Как раз на этой базе возникла так называемая *комсомольская экономика* (вариант откупа по отношению к более молодым коллегам, так как в советской системе отсутствовал нормальный механизм смены поколений номенклатуры)... К 1989–1990 гг. управление страной в основном перешло в руки младшего поколения номенклатуры. Одновременно во власть частично пришли идеалистичные представители старшего поколения интеллигенции. С этого периода, на наш взгляд, между младшим поколением номенклатуры и приближенными к власти верхними слоями младшего поколения интеллигенции начинается своего рода соревнование за контроль над советским наследством. Именно к этому периоду относится акционирование части крупных предприятий, разрешение так называемой аренды с выкупом для средних и небольших предприятий, а также трансформация отраслевых министерств и ведомств в концерны и ассоциации... Младшее поколение номенклатуры ориентировалось на постепенную, “ползучую” трансформацию старой системы. Напротив, более образованное и более энергичное молодое

поколение интеллигенции для достижения своих целей сделало ставку на радикальный слом существующего режима. При этом, опираясь на близость к российским властям, эта элитная группа смогла использовать новые возможности в интересах развития своего бизнеса, а в дальнейшем – для закрепления своих политических позиций. И если августовский путч 1991 г. можно рассматривать как последнюю попытку сопротивления со стороны старшего поколения номенклатуры, то с расстрелом Белого дома и роспуском Верховного Совета РСФСР осенью 1993 г. советская номенклатура как влиятельная социальная группа, на наш взгляд, фактически была отстранена от политической власти на федеральном уровне. Этого, правда, не произошло в большинстве регионов, поскольку верхушка интеллигенции традиционно была сконцентрирована в Москве и других крупных городах. В регионах во многих случаях власть до сих пор остается в руках представителей старой партийно-хозяйственной элиты.

Существенно то, что как в центре, так и в регионах новые люди, пришедшие во власть в начале 90-х гг. под лозунгами демократических и рыночных реформ, на практике руководствовались собственными, сугубо частными интересами. И резкое ослабление государства в этот период было отнюдь не случайным. Оно позволяло новой правящей элите устранить старые механизмы централизованного контроля... и одновременно институционально (в рамках приватизации) упрочить свои позиции. При всех различиях во взглядах на политику реформ в данном вопросе позиции младшего поколения советской интеллигенции и младшего поколения советской номенклатуры вполне совпадали. Обе группы были заинтересованы в скорейшем получении контроля над тем имуществом, которым управлял старый советский бюрократический аппарат. И государство не должно было помешать им в этом... После финансового кризиса 1998 г. и прихода Путина к власти не произошло кардинальных изменений в составе российской элиты. К власти пришли представители ее “второго эшелона”. На федеральном уровне в результате политики Путина заметно ослабло влияние региональных лидеров, олигархов и московской элиты. Также существенно менее значимой стала роль СМИ и судейского корпуса. Усилилось значение силовых структур, а также выходцев из Санкт-Петербурга. Каждый четвертый представитель путинской элиты является выходцем из военной среды. При этом особенно высокая доля представителей армии, ФСБ, МВД и других силовых структур характерна для аппаратов полномочных представителей президента в федеральных округах” [44].

Таким образом, *современная российская элита* представляет собой причудливый симбиоз “новичков” и “старой гвардии” с сильным преобладанием последней в регионах. Изменился способ формирования элиты, на смену номенклатурному принципу назначений пришли выборы, которые, однако, с каждым годом становятся все менее конкурентными и свободными.

Группы интересов. Коммунистическая идеология настаивала на том, что в СССР ликвидированы антагонистические противоречия между социальными группами, хотя и сохранялось многообразие интересов групп общества. Считалось, что они могут быть артикулированы лишь в полном соответствии с генеральной линией КПСС.

Профсоюзные, молодежные, женские и другие организации создавались не для выдвижения требований к правительству, а служили “приводными ремнями” от партии к различным группам общества, т.е. становились важными инструментами партийного контроля над поведением подданных. С другой стороны, в СССР существовала закулисная борьба за власть и доступ к ресурсам между институциональными группами интересов, которые не могли открыто мобилизовывать себе общественную поддержку. Поэтому преобладали неформальные способы представительства таких интересов.

Известный советолог Фридрих Баргхурн предложил подразделить все варианты артикуляции интересов в советском обществе на фракционные, секторальные и “подрывные”. *Фракционная артикуляция* – это борьба за влияние внутри правящей элиты (она основана на патрон-клиентельных отношениях). *Секторальная артикуляция* связана с деятельностью государства, министерств и ведомств и их конкуренцией за ресурсы, а также взаимодействием региональных групп интересов. *“Подрывная артикуляция”* в постсталинский период представляла собой активность диссидентских группировок, их критику общественного строя и предложения альтернативных вариантов развития общества и государства (она жестоко преследовалась властями) [45].

В эпоху гласности наблюдался невиданный взрыв активности *неформальных объединений* и их быстрая политизация и дифференциация на либерал-демократов (*неозападников*) и национал-коммунистов (*неославянофилов*). Быстрыми темпами шел также процесс формирования *экономических групп интересов*. Они создавались предпринимателями, банкирами, фермерами, менеджерами государственных предприятий. Возникло новое рабочее движение, которому приходилось отстаивать свои интересы в условиях формирующихся рыночных отношений. Развивалась также кооперация групп интересов на уровне различных регионов России и движение за местное самоуправление.

В 90-е гг. возник целый ряд влиятельных *объединений российских предпринимателей*. Крупнейшим из них является *Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)*. Он был создан А. Вольским в июне 1990 г. и тогда назывался Научно-промышленным союзом. В настоящее время в РСПП входит более 100 отраслевых и региональных союзов, представляющих ключевые отрасли экономики, в том числе топливно-энергетическую и оборонную. Союз занимается активным лоббированием интересов российского крупного бизнеса. Он также участвует в системе так называемого социального партнерства. С 2005 г. РСПП возглавляет А. Шохин.

Общероссийская общественная организация Деловая Россия представляет собой “союз нового поколения российских предпринимателей”, работающих в основном в не сырьевом и перерабатывающем секторах экономики. Организации приходится действовать “в сложных условиях при низкой рентабельности и стремительном росте цен на сырье и энергоносители, находясь под прессом тяжелого налогового бремени и административного давления, не имея доступа к дешевым кредитам и трудовым ресурсам”. В данное объединение входит 70 региональных и 35 отраслевых союзов. В настоящее время во главе организации стоит Б. Титов.

Торгово-промышленная палата Российской Федерации является старейшим объединением малого среднего и крупного бизнеса. Оно охватывает все сферы предпринимательства – промышленность, внутреннюю и внешнюю торговлю, сельское хозяйство, финансовую систему, сервис. Палата оказывает услуги своим членам, проводит экспертизу правовых актов, содействует установлению контактов с зарубежными деловыми партнерами. Президентом палаты является Е. Примаков.

С февраля 1992 г. функционирует весьма влиятельная организация **Совет по внешнеполитической и оборонной политике (СВОП)**. В нее входят известные политики, руководители ассоциаций бизнеса, представители силовых министерств, военно-промышленного комплекса, науки. Целью организации является влияние на политику государства. Совет занимается экспертизой законодательства, разработкой стратегических инициатив, направленных на защиту национальных интересов России.

Власти Российской Федерации реализовывали две достаточно разные стратегии по отношению к бизнесу и его организациям. Как пишет Яковлев, “если в середине 90-х гг. при Ельцине крупный бизнес до известных пределов мог диктовать власти свои условия, то при Путине, декларировавшем принцип равноудаленности олигархов, бизнес в целом был поставлен перед выбором: либо поддержка власти, либо уход со сцены. И все-таки крупный бизнес сохранил определенные рычаги влияния на политические решения, прежде всего благодаря присутствию людей из бизнеса в государственном аппарате и в законодательных органах власти. Эти рычаги, правда, теперь используются не столько для прямого лоббирования интересов отдельных кампаний, сколько для влияния на формирование общих правил игры” [46].

В результате экономических преобразований 90-х гг. наиболее существенные потери понесли **рабочие** российских предприятий. Они столкнулись с такими проблемами, как задержки выплат заработной платы, рост цен, безработица (12% в середине 90-х гг.), ликви-

дация бесплатного образования и здравоохранения и др. Но практически рабочие не сопротивлялись экономической политике властей, несмотря на то, что государство разорвало негласный *социальный контракт*, учрежденный коммунистами: “нет безработицы – нет забастовок”. В октябре 1993 г. **Федерация независимых профсоюзов (ФНП)** собиралась провести всеобщую стачку по всей стране, но она провалилась.

Данные социологических опросов свидетельствовали, что только 10% рабочих поддерживали забастовку как форму борьбы, 86% высказывались за другие формы: демонстрации, митинги и др. Причина заключается в том, что установилась *жесткая зависимость рабочих от предприятий*, которые помогали им в тяжелых экономических условиях удовлетворять потребности в питании (талоны), жилье, дошкольных учреждениях для детей и др. Эта зависимость еще более усилилась после реформы, когда директора получили гораздо больше самостоятельности, и многие из них оказались вынуждены проводить активную социальную политику на своих предприятиях. Солидарности рабочих мешало также то обстоятельство, что *экономические условия на разных предприятиях были не одинаковыми*.

ФНП – это преемник прежних советских профсоюзов. Численность федерации существенно сократилась и в настоящее время составляет около 28 млн чел. (более 95% всей юнионизированной рабочей силы). Федерация независимых профсоюзов располагает правом распределения государственных фондов и пособий по социальному страхованию (оплата больничных листов, пособий по инвалидности и т.п.). Она содержит большой аппарат сотрудников и располагает значительной собственностью (гостиницы, дома отдыха и др.). Все это также сдерживает ФНП от активного участия в оппозиционном движении.

Еще одной причиной, объясняющей отсутствие массовых выступлений рабочих против экономической политики властей в 1990–2000-е гг., является *деятельность* так называемой *трехсторонней комиссии* с участием профсоюзов, бизнеса и государства. Она была учреждена еще в 1992 г. Задача этой структуры заключается в том, чтобы на переговорах с работодателями и государством заранее согласовывать такие вопросы, как уровень заработной платы, налогов, цен, занятости и других параметров экономического курса. Фактически в России возникла **квазикорпоративистская модель представительства интересов**, дающая возможность наемным работникам наряду с директоратом лоббировать получение государственных субсидий. Каждый год подписывается новое Генеральное соглашение. Правительство обязуется выплачивать пособия по безработице, осуществлять переподготовку трудящихся; предпринима-

тели – по возможности не сокращать рабочую силу; профсоюзы – не бастовать в случае соблюдения другими партнерами своих обязательств.

Важную роль в российской политической системе играют **региональные группы интересов**. В начале 90-х гг. возник Союз губернаторов России. Действуют такие объединения, как *Черноземье*, *Уральское межрегиональное объединение*, *Центральная Россия*, *Северо-запад*, *Сибирское соглашение*, *Большая Волга* и др. Они были созданы для лоббирования интересов регионов в Москве. Политика Кремля в отношениях с регионами существенно изменилась с приходом к власти Путина. Она стала более жесткой и ориентированной на большую централизацию. Этому, в частности, послужили меры по формированию властной вертикали, с помощью создания института *специальных представителей президента* в крупных территориальных образованиях России, реформа Совета Федерации, переход к политике назначения региональных руководителей из центра.

В 90-е гг. продолжался процесс развития сектора **неправительственных организаций (НПО)**: женских, молодежных, правозащитных, экологических, социальных и др. Большая часть этих структур носила автономный по отношению к государству характер и представляла собой элементы аутентичного гражданского общества. Ситуация стала быстро меняться в худшую сторону после избрания Путина президентом России и его курса на усиление роли государства во всех сферах жизнедеятельности и нетерпимого отношения к “независимости” и “автономии” в принципе.

Стратегия российских властей в отношении неправительственных организаций стала очень похожей на политику белорусского президента Лукашенко, направленную на полное вытеснение НПО из жизни белорусского общества, которую он проводит, начиная со второй половины 90-х гг. Как и белорусский режим, путинское руководство развернуло наступление против неправительственных организаций на двух направлениях.

Первое связано с преследованием наиболее активных организаций, которые мешают государству нарушать права человека и свободу средств массовой информации. Главным объектом репрессивной политики режима Путина стали такие известные правозащитные объединения, как Комитет солдатских матерей, Общественное движение *За права человека*, Общество *Мемориал*, Хельсинкская группа и др. Особенно грубым давлением властей является в регионах России. Оно выражается в обысках в офисах организаций, изъятии оргтехники, необоснованных задержаниях и административных арестах лидеров и активистов, бесконечных проверках деятельности НПО налоговыми органами. Параллельно с этим российское прави-

тельство создает препятствия для нормального функционирования международных донорских организаций, которые все еще остаются главным источником финансирования для всех независимых неправительственных организаций России [47].

Вторым направлением борьбы с аутентичными организациями стала попытка российского государства патронировать процесс создания гражданского общества и подмена *grass-root* организаций так называемыми государственными негосударственными объединениями (GONGO). Еще в 2001 г. администрацией Путина был реализован план проведения так называемого Гражданского форума российских НПО – “совершенно декоративного мероприятия”, как назвала его Елена Боннэр, с целью демонстрации того, что российские неправительственные организации отказались от борьбы с властью за обеспечение гражданских и политических прав, но солидаризировались с ней, стали “идущими вместе”.

Начиная с 2004 г., российское руководство уже не демонстрировало стремления к “диалогу” с независимыми организациями, а ограничилось активной поддержкой небольшой группы лояльных НПО. С 2005 г. в РФ функционирует так называемая **Общественная палата** – “совещательный орган, созданный для осуществления связи между гражданским обществом и представителями власти”. Часть членов палаты назначается президентом, другая часть избирается общероссийскими и региональными НПО. Организации, не согласные с политикой Кремля, в том органе не представлены.

Наконец, полным аналогом Белорусского республиканского союза молодежи (БРСМ), созданного по приказу Лукашенко государственного негосударственного объединения для “воспитания подрастающего поколения в духе преданности политике президента”, являются российские GONGO – *Идущие вместе* и **Молодежное демократическое антифашистское движение Наши**. Во главе обеих организаций стоит Василий Якеменко. Особенно стоит отметить роль последней структуры. Она была создана в 2005 г. сразу же после победы Оранжевой революции в Украине с целью недопущения политизации российской молодежи и ее активного участия в акциях протеста оппозиции.

Использование антифашистских лозунгов *Нашими* носит демагогический характер: фашистами, по мнению лидеров этой структуры, являются В. Рыжков и И. Хакамада из СПС, а также Г. Каспаров из *Другой России*; в митингах и шествиях *Наших* активное участие принимают российские ультраправые политики, а сами эти мероприятия нередко заканчивались стычками “юных путинцев” с политическими оппонентами президента из левых партий. Несмотря на крайне низкий интеллектуальный уровень участников движения, их “комис-

сары” неоднократно встречались с Путиным и не имеют проблем с финансированием своей деятельности.

Таким образом, курс нынешнего российского руководства, направленный на укрепление государства через усиление бюрократического контроля над всеми сферами жизни, несет в себе угрозу для российского общества. Как отмечает А. Яковлев, “политическая конкуренция в российских условиях порождала своеобразное маятниковое движение между двумя крайностями. В одной из них имела место консолидация государства и концентрация усилий власти на реализацию государственных интересов при подавлении интересов иных социальных групп. В другой крайней точке, напротив, абсолютно доминировали групповые или корпоративные интересы “служилого класса” в ущерб интересам государства. В период движения от одного полюса к другому может складываться относительный баланс интересов... способствующий в том числе и частичной реализации общественных интересов. К сожалению, такие промежуточные состояния не стабильны. Логика системы все время толкает ее к одному из полюсов, и после очередного наращивания неэффективности система снова приходит к глубокому кризису... В этом контексте политику Путина можно назвать обратным движением маятника” [48].

6. Политические партии и партийная система

Уже в эпоху перестройки и гласности возникло большое число независимых организаций, которые быстро политизировались. После краха СССР многие из них превратились в политические партии. Принято выделять три главных *источника* современных российских партий.

Во-первых, многие политические организации выросли из неформальных объединений и движений, созданных для мобилизации общественной поддержки тем или иным идеям или лидерам. К ним можно отнести общество *Мемориал*, Демократический Союз Валерии Новодворской, который уже в 1987 г. заявил о себе как об оппозиционной КПСС политической партии.

Во-вторых, ослабление КПСС привело к многочисленным расколам этой организации на ортодоксально коммунистические и реформаторские партии. Так, на президентских выборах в 1991 г. кандидатом на пост вице-президента в союзе с Б. Ельциным выступил А. Руцкой, возглавлявший тогда фракцию *Коммунисты за демократию* в Верховном Совете РСФСР.

В-третьих, стимулирующее влияние на партогенез оказывали голосования. Фактически каждые президентские и парламентские выборы приводили к появлению новых партий и движений. Позитивную роль в процессе партстроительства сыграл избирательный

закон, принятый в 1993 г., в соответствии с которым половина членов Государственной думы формируется депутатами, избираемыми по партийным спискам. В настоящее время вместо него используется другая электоральная формула: голосование только по партийным спискам при 7% барьере.

Выборы на Съезд народных депутатов СССР 1989 г. содействовали возникновению первой в советской истории независимой оппозиционной фракции в парламенте *Межрегиональной депутатской группы*, возглавляемой выдающимся правозащитником академиком А. Сахаровым и партийным реформатором Б. Ельциным. Избирательная кампания на Съезд народных депутатов РСФСР 1990 г. привела к укреплению позиций *Демократической России*, которая, однако, вскоре раскололась на ряд фракций. Только часть ее представителей вошла в администрацию президента Ельцина.

Выборы 1993 г., которые проводились по новому избирательному закону, способствовали структуризации Государственной думы на партийные фракции. В российском парламенте образовалось три блока: 1) **реформаторский**, в который входили тогда партия *Демократический выбор России* (ДВР), Партия российского единства и согласия (ПРЕС), объединение *Яблоко* (реформаторы располагали 35% мест); 2) **центристский**, к которому относились демократическая партия, *Женщины России*, движение *Кедр*, Гражданский союз (у центристов было 23% мест); 3) **оппозиционный** в составе Аграрной партии России (АПР), коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), либерально-демократической партии России (ЛДПР) (коммунистическо-националистическая оппозиция обладала 36% мест).

Особенностью следующих думских выборов в 1995 г. стало формирование так называемой **партии власти**, которую возглавил тогдашний премьер-министр В. Черномырдин; она получила название *Наш дом Россия* (НДР). Эти выборы выиграли левые партии, увеличившие свое представительство в парламенте на 12%. Националисты потеряли порядка 3% мест. НДР, рассчитывавшая на победу, выступила крайне неудачно. Ее фракция примкнула к блоку правых реформаторов, потерявших в целом 9% мест. Значительно сократилось и представительство в парламенте центристских партий [49].

Сенсацией выборов в думу 1999 г. стала победа на них политической организации Межрегиональное движение *Единая Россия* (Медведь), созданной за несколько месяцев до голосования. Она стала новой партией власти, ориентировавшейся на тогдашнего премьера В. Путина. Единороссы в жесткой конкурентной борьбе оттеснили другого претендента на статус партии власти – *Отечество – Вся Россия* (ОВР), лидером которого стал бывший премьер Е. Прима-

ков. *Единая Россия* получила примерно 30% мест в нижней палате и сравнялась с КПРФ и АПР. Реформаторские партии Союз правых сил (СПС) и *Яблоко* получили вместе порядка 14% голосов. Националисты из ЛДПР – 6%.

Сложившаяся расстановка сил позволяла *Единой России* (ЕР) осуществлять свой политический курс в думе, прибегая к союзу то с левыми, то с правыми депутатами. Однако эта ситуация не устраивала президента Путина. На выборах 2003 г. единороссы обеспечили себе первое место с 37% голосов. Правые реформаторы вообще не попали в думу, потому что ни СПС, ни *Яблоко* не смогли преодолеть 5% барьер. Левая оппозиция в 2 раза сократила свое представительство. ЛДПР сохранила присутствие в парламенте, но получила сильного конкурента: националистов из блока *Родина*, за которых проголосовали более 9% избирателей. Впрочем, этот блок оттянул на себя голоса и части представителей коммунистического электората. Уже после выборов ЕР фактически обеспечила себе абсолютное большинство в парламенте за счет давления на независимых депутатов, избранных в одномандатных округах, всех представителей Народной партии в думе, а также “перебежчиков” из других партий. Это позволило партии власти проводить в Государственной думе свою собственную линию, не считаясь с мнением оппозиции.

Наконец, парламентские выборы 2007 г., проведенные с грубыми нарушениями принципов свободных и справедливых выборов, с активным использованием административного ресурса и по новому избирательному закону, дискриминирующему небольшие политические организации, позволили *Единой России*, за которую проголосовали 64% избирателей, получить 70% мест в Государственной думе, т.е. конституционное большинство. Избирательная кампания не привела к формированию еще одной партии власти в России – *Справедливой России*, которая едва смогла преодолеть 7% барьер. Выборы в думу фактически не изменили положение коммунистов, получивших на 1% меньше, чем в 2003 г., и ЛДПР, недосчитавшихся, правда, 3% своих сторонников. Как и на прошлых выборах, реформаторские партии (СПС и *Яблоко*) не смогли попасть в парламент.

Анализ думских избирательных кампаний и участия в них российских партий позволил американскому политологу М. Макфаулу выделить два типа политических организаций. Первый – это **парламентские партии**, которые регулярно участвуют в выборах, обладают необходимыми финансовыми ресурсами, узнаваемыми брендами, четкой политической ориентацией, преданным электоратом и известными лидерами. К этой разновидности партий относятся СПС, *Яблоко*, КПРФ и ЛДПР. Второй – так называемые **партии власти**, которым также свойственны общие черты: они создаются с целью

оказания влияния на президентские выборы, у них нет определенного электората и ясной идеологической платформы, это центристские организации, лидеры которых рассматривают парламентские выборы как своего рода праймериз перед президентскими. В качестве партий власти в России выступали НДР, ОВР. В настоящее время такой организацией является *Единая Россия* [50]. Стремилась к получению подобного статуса и *Справедливая Россия*.

Союз правых сил (СПС) является политической партией реформистской ориентации, созданной в 1999 г. независимыми общественными движениями, главным среди которых был *Демократический выбор России* (ДВР). Через год прошел учредительный съезд партии. Сопредседателями СПС стали известные российские политики либеральной ориентации Е. Гайдар, С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада, А. Чубайс. На втором съезде партия перешла к принципу единоначалия, избрав Бориса Немцова своим председателем. В 2003 г. была принята новая программа организации, которая является либеральной по своим идеологическим принципам. “Великая Россия” в понимании членов этой партии – “это свободная страна, в которой не стыдно и удобно жить всем ее гражданам”. Для достижения этой цели необходимо осуществить глубокие реформы экономических и социальных отношений.

На выборах 2003 г. партия не смогла преодолеть 5% барьер и таким образом впервые с 1993 г. оказалась вне стен думы. На президентских выборах 2004 г. Ирина Хакамада, которую поддерживал СПС, получила только четвертое место. Все это привело к смене руководства. В 2005 г. партию возглавил 29-летний руководитель пермской организации СПС, вице-губернатор Пермской области Никита Белых. В выборах 2007 г. Союз правых сил участвовал с новой программой *Горизонт-2017. Вернуть России будущее*. Согласно данному документу, в 2007 г. СПС должен был вернуться в Государственную думу, сформировать там оппозиционную фракцию, которая через четыре года может стать влиятельной партией в думе, обладающей потенциалом для блокирования решений власти. Это даст возможность стать партией парламентского большинства, а в 2016 г. – одержать победу на президентских выборах.

Данные планы придется отложить, потому что партия потерпела серьезное поражение на выборах в думу. За депутатов ее списка проголосовали менее 1% избирателей. К причинам неудачи следует отнести не только противодействие властей, которые вели активную кампанию против СПС, но и собственные ошибки: социал-популистский стиль кампании, не добавивший либеральной организации новых сторонников, но лишивший ее голосов части традиционных избирателей; неразвитость партийной структуры; многочисленные скан-

дали, сопровождавшие участие СПС в парламентских выборах; отсутствие единства демократических сил.

Российская объединенная демократическая партия Яблоко – такое название носит теперь еще одна реформистская политическая структура, созданная на базе избирательного блока Явлинского, Болдырева и Лукина в 1993 г. (название происходит от первых букв фамилий лидеров – ЯБЛ). Вначале была создана фракция *Яблоко* в Государственной думе, которая потом стала общественным объединением. Лидер данной политической организации – Г. Явлинский.

С момента своего формирования эта партия играла роль последовательной демократической оппозиции всем правительствам президента Ельцина и Путина. *Яблоко* – это объединение единомышленников, которые сплотились вокруг альтернативного проекта экономических реформ, известного как *500 дней*, разработанного еще в последние годы существования СССР. Эта партия осудила политику либерализации цен и программу приватизации, взятую на вооружение Ельциным, резко выступила против первой чеченской войны, но поддержала проведение ограниченной операции в Ичкерии в 1999 г.

После избрания Путина ситуация осложнилась. Общественная поддержка нового главы государства была чрезвычайно высокой. Даже среди избирателей *Яблока* Путин стал самым популярным политиком. Поэтому стратегия партии изменилась: она заключалась в том, чтобы, не вступая в прямую конфронтацию, противостоять попыткам президента осуществлять старый курс в области экономики и сворачивать демократию в сфере политики.

Яблоко проделало известную идейную эволюцию от европейского либерализма к социал-демократизму. Это проявилось, в частности, в том, что в новой программе партии, принятой на X съезде, *социальная справедливость* не критикуется как прежде, но рассматривается как “важнейшее условие существования свободного общества в России на основе раскрепощения частной инициативы и развитой системы социальной поддержки”.

Партии не хватило очень небольшого количества голосов, чтобы преодолеть 5% барьер в 2003 г. На выборах 2007 г. за список *Яблока* проголосовали около 1,5% избирателей. Причиной политических неудач этой организации является узость социальной базы, излишняя жесткость позиции руководства в вопросах налаживания сотрудничества с другими демократическими силами. Так, во многом по этой причине не было реализовано соглашение между *Яблоком* и СПС от 2000 г., которое предусматривало выдвижение на думских выборах единого списка кандидатов; поддержку на всех региональных и местных выборах согласованных кандидатов; принятие мер к созданию объединенных организаций на местах; создание Объединенного политического совета.

Удаление из парламента двух реформаторских фракций, что произошло не без помощи российской власти, означает, что сама эта власть не заинтересована в дальнейших реформах, что путинское руководство давно уже перешло на консервативные политические позиции [51]. Ему, правда, не удалось вытеснить всю оппозицию из думы. Наиболее последовательным критиком правительства слева остается **коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)**.

Эта политическая организация была образована в феврале 1993 г., после того как Конституционным судом был отменен указ президента Ельцина, приостанавливавший деятельность компартии за ее причастность к организации августовского путча 1991 г. КПРФ считает себя продолжателем дела КП РСФСР и КПСС. Председателем партии является Геннадий Зюганов.

В своей идеологической ориентации российские коммунисты проделали определенную эволюцию от ортодоксального марксизма-ленинизма к более умеренным взглядам. Они выступают за многоукладную экономику и признают значение мелкой и средней частной собственности, хотя считают, что командные высоты в экономике должны принадлежать государству. Коммунисты решительно отвергают крупные монополии, которые, по их мнению, слились с нынешней российской властью. Они являются приверженцами политического плюрализма и критикуют правительство за отказ от принципов демократии. Российские коммунисты стоят на “патриотических” позициях, а Г. Зюганов заявляет, что теоретические истоки платформы КПРФ следует искать не только во взглядах К. Маркса и В. Ленина, но также в идеях Н. Данилевского, К. Леонтьева, В. Соловьева и Н. Бердяева.

Вместе с тем определенные элементы социал-демократических и националистических идей сочетаются с ленинской ортодоксией и даже сталинизмом. Медленная идейная эволюция КПРФ объясняется рядом причин, но важнейшей, на наш взгляд, является быстрое старение партии. На пленуме ЦК в 2006 г. Г. Зюганов констатировал, что 48% коммунистов – это люди старше 60 лет и лишь 7% членов партии моложе 30 лет (общая численность КПРФ достигает 184 тыс. чел.). Однако коммунистический электорат остается сплоченным и дисциплинированным.

Высшим политическим достижением партии является первое место на выборах в Государственную думу 1995 г. и второе место Зюганова на президентских выборах 1996 г. После этого идет неуклонное снижение электоральных показателей КПРФ. Против партии активно использовали административный ресурс и Ельцин, и Путин. На парламентских выборах 2007г. коммунисты получили 11,5% голосов. Они отказались признать результаты голосования, опротестовав их в Верховном суде.

Эволюцию в противоположном коммунистам направлении – от граничащей с эпатажем оппозиционности режиму в начале 90-х гг. до его фактической поддержки в наши дни – проделала еще одна политическая структура: *либерально-демократическая партия России (ЛДПР)*. По мнению российского политолога Ю. Чернышева, “спец-проект ЛДПР” выполняет для власти роль нейтрализатора протестного и маргинального электората. Эта партия полезна власти еще и потому, что через нее она может организовывать информационные акции на грани провокаций, зондировать общество, проверять, насколько оно еще готово подвинуться в сторону авторитаризма” [52].

ЛДПР была основана в 1989 г. и тогда называлась “либерально-демократическая партия Советского Союза”. Популистская ориентация, яркая фигура лидера, которым является Владимир Жириновский, умение привлечь к себе внимание СМИ позволили этой организации довольно быстро превратиться во влиятельную политическую силу. Наибольшего успеха партия добилась в 1993 г., когда вышла на первое место по количеству голосов избирателей, отданных за партийные списки. Затем электоральная поддержка стала снижаться, но у ЛДПР всегда были свои избиратели (наименее образованные и скорее эмоционально, чем рационально ориентированные граждане), неизменно голосовавшие за партию. Это позволяло ее представителям регулярно попадать в российский парламент. На выборах 2007 г. ЛДПР получила 8,1% голосов.

Идеология партии не является ни либеральной, ни демократической. Об этом свидетельствует тот факт, что ЛДПР выступает за приоритет прав государства над правами человека. Само государство должно быть “великим” – имперским по своей сути. Это означает, что идейные принципы российских либерал-демократов носят ярко выраженный этатистский, националистический характер.

Неудачную попытку создать новую партию власти в России предприняла во время выборов 2007 г. *Справедливая Россия*. Она возникла в октябре 2006 г. в результате слияния трех партий: *Родины*, Российской партии жизни (РПЖ) и Российской партии пенсионеров. Юридически это было оформлено как вступление двух последних организаций в первую, которая сменила свое название. Во главе данной организации стал Сергей Миронов – спикер верхней палаты российского парламента и руководитель РПЖ. Перед созданием новой партии А. Бабаков – лидер партии *Родина*, сменивший на этом посту Д. Рогозина, и С. Миронов встречались с Владимиром Путиным и заместителем главы его администрации Владиславом Сурковым, чтобы получить добро на осуществление своего проекта.

Идеологическая платформа нового объединения базируется на поддержке курса президента Путина. Цель проекта *Справедливая*

Россия – объединить под своим крылом все левые силы кроме КПРФ и НБП и, таким образом, устранить угрозу формирования влиятельной левой оппозиции. С. Миронов утверждал, что его партия перетянет на свою сторону значительную часть коммунистического электората, оставив Г. Зюганова без сторонников. Одновременно как Бабаков, так и Миронов не скрывали, что основным противником новой партии будет *Единая Россия* как “партия политического монополизма, бюрократии без границ и пути в никуда”. Критика из уст лидеров эсеров *Единой России* вполне понятна, ведь эта структура занимает ту самую нишу, на которую претендует *Справедливая Россия*. Как минимум, новая партия рассчитывала превратиться “во вторую ногу общества”, о необходимости которой говорил В. Сурков на встрече с активистами *Партии жизни*.

Данный проект не смог бы воплотиться в жизнь без предварительной работы по “политическому обескровливанию” блока *Родина*, который получил 9% голосов на выборах в думу 2003 г. Это объединение, стоящее на умеренно националистических и социалистических позициях, с самого начала не отличалось единством. Его раздирали острые противоречия между лидерами (Д. Рогозиным, С. Глазьевым и С. Бабуриным) за право на монопольное обладание брэндом, пользующимся популярностью у многих россиян. В итоге в 2005 г. фракция *Родина* в Государственной думе раскололась на две части: большинство (30 депутатов) поддержали Рогозина и меньшинство (11 депутатов) – Бабурина.

Политические позиции этих фракций также различались. Бабурин заявлял о поддержке политики президента, но часто критиковал действия правительства. Рогозин в 2005 г. активно выступил против курса Путина, заявив что “наш враг не НАТО, не действия международных террористов, а действия коррумпированной бюрократии”. Члены его фракции провели голодовку протеста против “монетаризации льгот”. Рогозин стал активно сотрудничать с коммунистами, готовясь выставить общий с ними список на выборах в думу. *Родина* к тому времени уже представляла собой многочисленную организацию, насчитывавшую 135 тыс. чел.

Такое развитие событий не могло не встревожить Кремль. Фракция Рогозина лишилась поста вице-спикера и представительства в Совете думы. В семи из восьми субъектов федерации, где *Родина* выставляла своих кандидатов на местных выборах, их от участия в состязании отстраняли. Против губернатора Рязанской области, которого поддерживала партия, было возбуждено уголовное дело. В марте 2006 г. Д. Рогозин подал в отставку с поста лидера партии, не объяснив причин своего шага. Новым председателем *Родины* стал его заместитель по фракции А. Бабаков, который резко сменил политическую ориентацию партии.

Справедливая Россия неплохо стартовала. Она получила 15% голосов во время местных выборов 2006 г., став второй после *Единой России* партией в ряде регионов РФ. Это давало неплохие шансы не только на прохождение в думу, но и на превращение СР во вторую по влиянию политическую силу. По мнению обозревателя еженедель-

ника *Коммерсант Власть*, этого не случилось потому, что Кремль был заинтересован, прежде всего, в обеспечении стопроцентных гарантий для реализации сценария “преемник”, а следовательно, *Единая Россия* нуждалась в получении конституционного большинства в нижней палате. “Без помощи Кремля и местных элит справороссы еле переползли семипроцентный барьер. В итоге получилась не вторая нога, а пятое (не по счету, а по смыслу) колесо в думской телеге” [53]. К этому следует добавить и еще одно обстоятельство: новые эсеры не смогли перетянуть на свою сторону электорат КПРФ, который не уменьшился существенно по сравнению с прошлыми выборами. Таким образом, они не оправдали надежд Кремля на чудесное превращение с их помощью всей левой оппозиции в сторонников президента.

Единая Россия (ЕР) в результате выборов 2007 г. не только сохранила за собой, но и упрочила свой статус партии власти. Эта организация была создана на учредительном съезде в 2001 г. в результате объединения трех политических структур: Общественно-политического объединения *Единство* (С. Шойгу), выигравшего парламентские выборы 1999 г.; *Отечества* (Ю. Лужкова) и *Всей России* (М. Шаймиева). С 2002 г. председателем высшего совета партии является бывший министр внутренних дел Б. Грызлов. По мнению ряда аналитиков, он остается формальным руководителем организации, в то время как ее реальным лидером является В. Сурков, заместитель главы администрации президента.

В настоящее время *Единая Россия* – это самая многочисленная партия РФ. В ее состав входит более 1 млн членов. С 2005 г. в России проводится так называемая *партизация*. Она связана не только с принятием нового избирательного закона, дискриминирующего небольшие политические организации. Государственная дума приняла поправки к федеральному законодательству, позволяющие партии, победившей на выборах в региональный парламент, предлагать президенту России свою кандидатуру на губернаторский пост. В подавляющем большинстве регионов это право будет принадлежать *Единой России*. Массовый характер принял процесс вступления губернаторов в партию власти. В апреле 2006 г. 66 из 88 руководителей российских регионов стали членами ЕР. Начиная с 2005 г. в партию начали вступать руководители крупных промышленных фирм. Таким образом, *Единая Россия* на глазах превращается в **кorporативную структуру**, объединяющую в себе интересы бизнеса, власти и региональных групп интересов.

Идеологическая платформа *Единой России* является крайне размытой и неопределенной, если не считать идеологией постоянное упоминание о всецелой поддержке курса В. Путина. В партии есть силы, которые хотели бы большей идейной определенности. Часто можно услышать рассуждения о двух течениях в партии – социальном и либерально-консервативном. Шла речь об организационном их оформлении в рамках одной организации. Однако все эти инициативы не встретили поддержки Кремля, где, наверное, считают идеологическую размытость преимуществом, а не недостатком. Она позволяет рас-

считывать на поддержку людей самых разных взглядов. В избирательной кампании 2007 г. *Единая Россия* выступала, например, под лозунгом поддержки так называемого *Плана Путина*, которого, как выяснилось, в реальности не существует (под ним понимаются ежегодные послания президента парламенту).

Выше говорилось о методах, обеспечивших *Единой России* статус партии власти в 1999 и 2003 гг. В 2007 г. целый ряд весьма далеких от норм демократии приемов гарантировал ей конституционное большинство в думе. Перед выборами в РФ были приняты законы, которые ограничили число релевантных партий. Только 11 политических организаций могли выдвигать своих кандидатов и участвовать в парламентских выборах (была исключена возможность участия и так называемых партийных блоков). Решение Путина возглавить избирательный список *Единой России* без вступления в эту партию превратило парламентские выборы в референдум о доверии президенту. Однако и после подобного решения существовал разрыв между показателями доверия партии власти и конституционным большинством в думе, которое нужно было получить. Проблему ликвидации этого разрыва решали с помощью надежного средства: применения административного ресурса.

Таким образом, *политика партизации*, которая проводится в современной России, не усилила, а ослабила роль партий (очень важного института демократии). Дело в том, что она устранила открытую конкуренцию политических сил в нижней палате парламента – единственном учреждении, где ее до недавнего времени еще терпели. После выборов 2007 г. дума превратилась в структуру, полностью подчиненную монопольному влиянию единственной политической партии.

Партии в России продолжают оставаться очень неразвитым институтом. По мнению М. Макфаула, причины этого заключаются в том, что, во-первых, после 70 лет однопартийного правления партии вызывают объяснимую реакцию отторжения у многих людей. Во-вторых, в отличие от стран Восточной Европы, в России не сохранились политические партии, которые существовали в докоммунистическую эпоху и которые можно было бы легко возродить. В-третьих, слабость партий связана с отсутствием демократических традиций в политической культуре, которая является патерналистской, ориентированной на отношения между сильным лидером и народом как норму. В-четвертых, медленное развитие капитализма в России привело к неразвитости ориентированных на рынок групп интересов и их ассоциаций. В-пятых, проблемы с формированием гражданского общества негативно отражаются на процессе партийного строительства, порождают нехватку организационных, финансовых и идеологических ресурсов. В-шестых, соперничество российских партий происходит не в связи с разницей их интересов, а по

фундаментальным проблемам (проводить реформы или реставрировать старый порядок) [54].

ВСТАВКА 15.7.

Другая Россия

Другая Россия – это оппозиционное общественное объединение в России, возникшее в 2006 г., ставящее перед собой цель – добиться смены существующего политического режима. В дни саммита G-8 в Санкт-Петербурге в Москве состоялась конференция объединения “Другая Россия”, проходившая под эгидой Всероссийского гражданского конгресса, участники которой решили продолжить свою деятельность и после форума. Основными действующими лицами движения стали такие оппозиционные по отношению к власти организации, как Объединенный гражданский форум Каспарова, Национально-большевистская партия Лимонова, молодежное движение *Оборона*, молодежная организация *Смена*, Движение *За права человека*. В *Другую Россию* входят организации и люди разной политической ориентации. Всех их объединяет неприятие авторитарного режима, установленного президентом Путиным.

Коалиция занимается подготовкой *Программы национального согласия*, проводит конференции и встречи. Однако важнейшей формой деятельности для нее стала организация целого ряда уличных акций, получивших название *маршей несогласных* в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах России. Движение пыталось участвовать в парламентских выборах, однако ее список кандидатов не был зарегистрирован Центральной избирательной комиссией. После выборов 2007 г. *Другая Россия* устроила пикет перед зданием ЦИК. Объединение пытается оказать влияние и на процесс выдвижения единого кандидата от демократических сил на президентских выборах 2008 г. Важнейшей проблемой *Другой России* является отсутствие единства, внутренние противоречия между лидерами, что отражается на немногочисленности участников ее мероприятий.

В середине 90-х гг. многие российские и зарубежные аналитики предсказывали, что партийная система России будет эволюционировать по французской модели. Слабость центристских партий в стране, незавершенность рыночно-демократических преобразований были закономерными явлениями. В такой ситуации наиболее вероятным сценарием казался процесс формирования сильных правоцентристской и левоцентристской коалиций при маргинализации антисистемных радикалов [55]. Однако этому прогнозу не суждено было сбыться. Партийная система России после 2003 г., скорее, внешне напоминает Японию или Мексику при правлении PRI, нежели Францию. Однако при одном очень важном отличии. LDP в Японии – это не партия власти, а доминантная партия, которая обладает ярко выраженной идеологией и на равных конкурирует с другими политическими силами страны по демократическим правилам. Партия же власти в современной России не обладает четкой идеологией. Она

является корпоративной структурой, обеспечивающей монопольное представительство и реализацию интересов очень узкой элитной группы (крупного бизнеса, бюрократии и ВПК), не заинтересованной ни в экономической, ни в политической конкуренции. Это объясняет нам, почему Россия за последнее десятилетие продемонстрировала стремительное движение от ограниченного мультипартизма к **инклюзивной (авторитарной) однопартийной системе**.

Таким образом, если применить подход А. Лейпхарта к анализу политической системы России, можно сделать ряд выводов. В отношениях между исполнительной и законодательной властями абсолютно доминирует исполнительная ветвь, не ограниченная никакими серьезными сдержками и противовесами. Партийная система в этой стране представляет собой инклюзивный монопартизм, который хорошо сочетается с избирательным законодательством, направленным на дискриминацию небольших партий, лишенных институционального пространства для своей активности. Группы интересов в России организованы в рамках квазикорпоративной системы представительства интересов, в которой значительную роль играет государственная бюрократия.

В этой стране наблюдается постепенная формализация институтов федерализма. Нижняя палата парламента полностью доминирует над верхней. Конституция, несмотря на то, что она остается неизменной с 1994 г., постоянно нарушается исполнительной властью, которую не сдерживает слабая судебная система.

Примечания

1. http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi.
2. http://www.gsk.ru/free_doc/2007/demo/smert.htm.
3. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
4. http://www.interfax.ru/r/B/finances/35.html?menu=21&id_issue=11850703; McFaul M. and Stoner-Weiss K., "The Myth of the Authoritarian Model" // <http://www.foreignaffairs.org/20080101faessay87105/>.
5. Yavlinsky G., "Going Backwards" // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 259.
6. See: McFaul M. and Stoner-Weiss K., Op.cit.
7. Lapidus G., "Accommodating Ethnic Differences in Post-Soviet Eurasia" // *Beyond State Crisis? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. P. 18.
8. Remington T., "Politics in Russia" // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 382.
9. Lapidus G., Op. cit. P. 19.

10. See: Ibid. P. 20–21.
11. Дугин А., “Россия и пространство” // А. Дугин *Основы геополитики*. М.: Арктогея-Центр, 1999. С. 194–196.
12. Бердяев Н., “Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX вв.” // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. М.: Наука, 1990. С. 44–46.
13. Fish S., “Putin’s Path” // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 248–250.
14. См.: Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000. С. 114–121.
15. Там же. С. 109–110.
16. See: Kaiser R., *Why Gorbachev Happened. His Triumphs and his Failure*. N.Y.: Simon & Schuster, 1991.
17. See: Remington T., Op. cit. P. 385.
18. See: Melville A., “Post-Communist Russia” // *The Challenges of Theories on Democracy*. Ed. by U. Larsen. N.Y. & Boulder: Columbia University Press, 2000. P. 164–167.
19. Brzezinski Z., “The Premature Partnership” // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. P. 72.
20. See: Melville A., Op. cit. P. 168–175. Политический директор журнала *Полис* Игорь Пантин считает, что “главное, что не удалось сделать демократическим силам в России – это изменить сложившиеся веками отношения между властью и обществом. Как и раньше, новая власть оказалась закрытой от общественного мнения и гражданского общества (насколько оно себя проявляло). Как и раньше, выбранные на альтернативной основе “слути народа” быстро превращались – особенно на местах – в повелителей, стоящих над ним, над которыми не властны ни закон, ни обычай. В такой обстановке, когда никто не ограждает от произвола администрации, выборной или невыборной – все равно, европейские демократические учреждения потеряли свой прогрессивный, цивилизующий характер и стали служить “российскому” рутинно-бюрократическому порядку дел”. См.: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/4/8.htm>.
21. Brown A., “From Democratization to “Guided Democracy”” // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 212.
22. Соколов М., *Поэтические воззрения россиян на историю: в 2 кн. Кн. 1*. М.: Русская панорама, 1999. С. 66–70.
23. McFaul M., “Putin’s Russia: One Step Forward, Two Steps Back” // *The Global Divergence of Democracy*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 333–339.
24. ВЦИОМ: Путину доверяют почти все россияне, 29 августа 2006 г. // <http://www.wciom.ru/>

25. Shevtsova L., "Russia's Hybrid Regime" // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 243.
26. Шевцова Л., "Россия – год 2005: логика отката" // *Независимая газета*. 2005, 21 января, № 278 (4238). В другой своей статье автор подчеркивает, что "основной экономический каркас российской системы – это бюрократический капитализм. Он пришел на смену олигархическому капитализму Ельцина. Бюрократия больше не использует посредников, чтобы держать на плаву экономику. И это совсем не означает неизбежную национализацию собственности. Бюрократическая корпорация использует более элегантные пути для контроля экономики, назначая, к примеру, депутатов членами наблюдательных советов частных компаний". См.: Шевцова Л., "Бессилие Путина" // *InfoPressa*. 2006, 7 июля.
27. См.: Рогожников М., Что такое суверенная демократия // *Эксперт*. 2005, № 43 (489); *Эксперт* 2006, № 28 (522); Lipman M., "Putin's Sovereign Democracy" // *The Washington Post*. 2006, July 15.
28. Конституция Российской Федерации // <http://www.constitution.ru>.
29. See: Adi Ignatius, "A Tsar is Born" // http://www.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/article/0,28804,1690753_1690757_1690766,00.html; A Double-Headed Eagle // *The Economist* 2008, April 17th; IX Съезд партии Единая Россия 14–15 апреля 2008 // <http://www.edinros.ru/news.html?rid=3121>.
30. See: Remington T., Op. cit. P. 394.
31. Lapidus G., Op. cit. P. 24.
32. Bunce V., "Comparative Democratization: Lessons from Russia and Post-Communist World" // *After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition*. Ed. by M. McFaul, K. Stoner-Weiss. Cambridge: University Press, 2004. P. 207–231.
33. *Nations in Transit 2005. Democratization in East Central Europe and Eurasia*. Ed. by J. Goehring and A. Schnitzer. N.Y., Washington, Budapest: Freedom House, 2005. P. 498.
34. Федотов Г., "Россия и свобода" // Федотов Г.П., *Судьба и грехи России*: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 276–303.
35. Brzezinski Z., "The Primacy of History and Culture" // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 196–197.
36. Remington T., Op. cit. P. 399.
37. Камышев Д., "Год удвоения президента" // *Коммерсант Власть*. 2007, 24 декабря, № 50 (754).
38. Бенетон Ф., *Введение в политическую науку*. М.: Весь мир, 2002. С. 244.
39. Remington T., Op. cit. P. 400.
40. Cit.: Ibid. P. 401.
41. Матыль А., "Пастваймарская Расея – выклик для Эўропы" // *ARCHE*. 2007, № 7–8. С. 79–81.

42. Розов Н., “Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление” // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/3/2/.htm>.
43. Remington T., *Op. cit.* P. 407.
44. Яковлев А., “Россия как реальность. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России” // *Мир России*. 2003, № 4. С. 63–65, 58–59.
45. Barghoorn F., “Faction, Sectoral and Subversive Opposition in Soviet Politics” // R. Dahl eds. *Regimes and Oppositions*. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 27–88.
46. Яковлев А., *Указ. соч.* С. 58.
47. В современной России есть частный капитал и благотворительные фонды при корпорациях, например *Открытая Россия*, Фонд Патанина, *Династия*, *Связь времен*, Фонд содействия отечественной науке. Однако, как отмечает известный российский политолог С. Перегудов, “ни для кого не секрет, что отношения российских корпораций с некоммерческими организациями сплошь и рядом носят конфликтный характер, причем некоторые компании не просто избегают контактов с “неудобными” организациями, но и объявляют им “войну””. См.: Перегудов С., “Гражданское общество как субъект публичной политики” // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11.htm>.
48. Яковлев А., *Указ. соч.* С. 76.
49. См.: *Первый электоральный цикл в России. 1993–1996* / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2000.
50. See: McFaul M., “Political Parties” // *Between Dictatorship and Democracy. Russian Post-Communist Political Reform*. Ed. by M. McFaul, N. Petrov and A. Ryabov. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2004. P. 110, 113–114.
51. Более подробную информацию про эту эволюцию можно прочесть в статье: Прозараў С., “Расейскі кансерватызм за Пуціным: пашырэнне гегеманісцкага дыскурсу” // *ARCHE*. 2006, № 1–2. С. 26–37.
52. Цит: Чистякова С., “Старый аттракцион” // *Континент Сибирь*. 17 августа 2007.
53. См: Камышев Д., *Указ. соч.*
54. McFaul M., *Op. cit.* P. 117–118.
55. See: Remington T., *Op. cit.* P. 418.

Литература

- Бердяев Н., “Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX вв.” // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. М.: Наука, 1990.
- Дугин А., “Россия и пространство” // А. Дугин *Основы геополитики*. М.: Арктогея-Центр, 1999.
- Конституция Российской Федерации* // <http://www.constitution.ru>.

- Матиль А., “Пастваймарская Расея – выклик для Эўропы” // *ARCHE*. 2007, № 7–8.
- Пантин И., “Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего” // *Полис*. 2007, № 4.
- Первый электоральный цикл в России. 1993–1996* / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2000.
- Перегудов С., “Гражданское общество как субъект публичной политики” // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11.htm>.
- Розов Н., “Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление” // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/3/21.htm>.
- Соколов М., *Поэтические воззрения россиян на историю: в 2 кн. Кн.1.* М.: Русская панорама, 1999.
- Травин Д., “Послесловие” // Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ; Ермак, 2004.
- Федотов Г., “Россия и свобода” // Федотов Г.П., *Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2.* СПб.: София, 1992.
- Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000.
- Яковлев А., “Россия как реальность. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России” // *Мир России*. 2003, № 4.
- Between Dictatorship and Democracy. Russian Post-Communist Political Reform.* ed. by M. McFaul, N. Petrov and A. Ryabov. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2004.
- Bunce V., “Comparative Democratization: Lessons from Russia and Post-Communist World” // *After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition*. Ed. by M. McFaul, K. Stoner-Weiss. Cambridge: University Press, 2004.
- Brzezinski Z., “The Primacy of History and Culture” // *Democracy after Communism*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Kaiser R., *Why Gorbachev Happened. His Triumphs and his Failure*. N.Y.: Simon & Schuster, 1991.
- Lapidus G., “Accommodating Ethnic Differences in Post-Soviet Eurasia” // *Beyond State Crisis? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- McFaul M., “Putin’s Russia: One Step Forward, Two Steps Back” // *The Global Divergence of Democracy*. Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- McFaul M. and Stoner-Weiss K., “The Myth of the Authoritarian Model” // *Foreign Affairs*. 2008, no 1.
- Melville A., “Post-Communist Russia” // *The Challenges of Theories on Democracy*. Ed. by U. Larsen. N.Y. & Boulder: Columbia University Press, 2000.

Nations in Transit 2005. Democratization in East Central Europe and Eurasia. Ed. by J. Goehring and A. Schnetzer. New York, Washington, Budapest: Freedom House, 2005.

Shevtsova L., "Russia's Hybrid Regime" // *Democracy after Communism.* Ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.

Remington T., "Politics in Russia" // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today.* N.Y.: Harper Collins, 1996.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какие подходы к пониманию национальной идентичности существуют в Российской Федерации?
2. С какими трудностями столкнулся процесс демократизации политической системы Российской Федерации?
3. Как можно охарактеризовать политический режим современной России?
4. Какую роль выполняет глава государства в политической системе Российской Федерации?
5. Какое место принадлежит правительству и Федеральному собранию Российской Федерации в определении политического курса?
6. Что можно сказать об эволюции российского федерализма?
7. Определите основные факторы, влияющие на политическую культуру россиян?
8. Каким образом организованы группы интересов в современной России?
9. Чем отличаются *партии власти* от парламентских партий в России?
10. Какие этапы прошла в своем развитии партийная система Российской Федерации?
11. Что можно сказать о перспективах возвращения России на путь либеральных и демократических реформ?

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВИЛЬНЮСЕ

*предлагает широкие возможности получения
образования европейского уровня в сфере
социальных, гуманитарных наук и искусства*

Бакалаврские программы – высшее четырехлетнее образование очной и заочной форм обучения (на базе полного среднего образования) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- визуальный дизайн и медиа;
- история Беларуси и культурная антропология;
- культурное наследие и туризм;
- массовые коммуникации и журналистика;
- международное право;
- политология и европейские исследования;
- социальная и политическая философия;
- теория и практики современного искусства.

Магистерские программы – высшее двухлетнее образование второго уровня (принимаются лица, имеющие диплом бакалавра или специалиста) по направлениям:

- визуальные и культурные исследования;
- гендерные исследования;
- демократия и гражданское общество;
- европейские исследования;
- международное право и европейское право;
- охрана и интерпретация культурного наследия;
- социальная теория и политическая философия;
- сравнительная история стран Северо-Восточной Европы.

*Европейский гуманитарный университет в Вильнюсе –
единственный университет в Европейском союзе с обучением на
русском и белорусском языках.*

Все о программах ЕГУ:
www.ehu.lt

Форум для абитуриентов:
www.ehunity.org
(раздел «Абитуриентам»)

Учебное издание

Ровдо Владимир

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Учебное пособие

В 3 частях

Часть 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Редактор *У.Ю. Верина*

Корректор *У.Ю. Верина*

Компьютерная верстка *О.Э. Малевича*

Художник *Т.Ю. Таран*

Издательство

“Европейский гуманитарный университет”

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: office@ehu.lt

ООО “Вариант”

109093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, оф. 19

e-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать 18.06.2008 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Ганитура Minion Pro.

Уч.-изд. л. 24,05. Усл. печ. л. 23,25.

Тираж 400 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО “Московская типография №6”

115088, г. Москва, Южнопортовая ул., 24